

СБОРНИКЪ ЛИБРЕТТО
= ДЛЯ ПЛАСТИНОКЪ =
АНД. О-ВО ГРАММОФОНЪ.

СБОРНИКЪ ЛИБРЕТТО ДЛЯ ПЛАСТИНОКЪ

АКЦ. ОБЩЕСТВА

ГРАММОФОНЪ

ОПЕРЫ, РОМАНСЫ,
ПѢСНИ и ПР.

Издание
Акц. О-ва **ГРАММОФОНЪ.**

МОСКВА,

Средніе Торговые ряды, № 312-322.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ
КАРТА

ИЗДАНИЕ

КАРТА

КАРТА

КАРТА

МОСКВА—1910.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.

Леонтьевский пер., домъ 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ *).

I-я часть. ОПЕРЫ.

	Стр.
Аида, <i>Верди</i>	1—3
Аскольдова могила, <i>Верстовскаго</i> . .	4—5
Африканка, <i>Мейербера</i>	5—7
Баль-маскарадъ, <i>Верди</i>	7—8
Бразильская жемчужина, <i>Давида</i> . .	8
Валькирія, <i>Вагнера</i>	9
Вертеръ, <i>Массенэ</i>	9—10
Волшебный стрѣлокъ, <i>Вебера</i>	172
Волшебная флейта, <i>Моцарта</i>	11
Галька, <i>Монюшко</i>	11—14
Гарольдъ, <i>Направника</i>	14
Гугеноты, <i>Мейербера</i>	15—22
Демонъ, <i>Рубинштейна</i>	23—29
Джіоконда, <i>Понкіелли</i>	174
Добрыня Никитичъ, <i>Гречанинова</i> . .	30
Донъ-Жуанъ, <i>Моцарта</i>	30—31
Дубровскій, <i>Направника</i>	32—33
Евгеній Онѣгинъ, <i>Чайковскаго</i>	34—49
Жидовка, <i>Галеви</i>	50—51
Жизнь за Царя, <i>Глинки</i>	52—63
Жизнь Латинскаго квартала, <i>Леонкавалло</i>	64
Жоселень, <i>Годара</i>	63
Забава Путятишна, <i>Иванова</i>	64
Заза, <i>Леонкавалло</i>	173—174
Запорожець за Дунаемъ, <i>Артемовскаго</i>	65
Зигфридъ, <i>Вагнера</i>	66
Искатели жемчуга, <i>Бизе</i>	66
Іоланта, <i>Чайковскаго</i>	67
Кармень, <i>Бизе</i>	163—172
Князь Игорь, <i>Бородина</i>	68—71
Колоколь пустытника, <i>Майлларта</i> .	180
Лакме, <i>Делиба</i>	71—74
Мазепа, <i>Чайковскаго</i>	74—75
Майская ночь, <i>Римскаго-Корсакова</i> .	75—76
Маккавеи, <i>Рубинштейна</i>	76
Марта, <i>Флотова</i>	77
Мефистофель, <i>Бойто</i>	175—178
Миньона, <i>Тома</i>	77—78
Мирейль, <i>Гуно</i>	78

*) Встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ текстахъ (арій и романсовъ) двойныя строки помѣщены вслѣдствіе замѣченныхъ частичныхъ перефразировокъ, допускаемыхъ обыкновенно исполнителями въ отдѣльныхъ мѣстахъ.

	Стр.
Мцыри, <i>Аренскаго</i>	79
Наль и Дамаянти, <i>Аренскаго</i>	79
Неронъ, <i>Рубинштейна</i>	80—81
Опричникъ, <i>Чайковскаго</i>	82
Орлеанская дѣва, <i>Чайковскаго</i>	83
Паяцы, <i>Леонкавалло</i>	154—156
Пиковая дама, <i>Чайковскаго</i>	84—94
Пророкъ, <i>Мейербера</i>	95
Псковитянка, <i>Римскаго-Корсакова</i>	96
Риголетто, <i>Верди</i>	157—162
Робертъ-Дьяволь, <i>Мейербера</i>	96
Рогнѣда, <i>Стррова</i>	97—98
Ромео и Джульетта, <i>Гуно</i>	179—180
Русалка, <i>Даргомыжскаго</i>	99—104
Русланъ и Людмила, <i>Глинки</i>	104—113
Садко, <i>Римскаго-Корсакова</i>	114—116
Самсонъ и Далила, <i>Сенъ-Санса</i>	117—118
Сафо, <i>Гуно</i>	181
Свадьба Жанетты, <i>Массэ</i>	119
Севильскій цирюльникъ, <i>Россини</i>	121—123
Сельская честь, <i>Масканьи</i>	118—119
Симонъ Бокканегра, <i>Верди</i>	126
Сказка о царѣ Салтанѣ, <i>Римскаго-Корсакова</i>	120
Снѣгурочка, <i>Римскаго-Корсакова</i>	123—126
Тангейзеръ, <i>Вагнера</i>	127
Тоска, <i>Пуччини</i>	181
Травиата, <i>Верди</i>	128—131
Трубадуръ, <i>Верди</i>	127
Фаустъ, <i>Гуно</i>	132—147
Хованщина, <i>Мусоргскаго</i>	148
Царская невѣста, <i>Римскаго-Корсакова</i>	148—149
Чародѣйка, <i>Чайковскаго</i>	150
Черевички, <i>Чайковскаго</i>	150—151
Эрнани, <i>Верди</i>	152
Юдиѣ, <i>Стррова</i>	152—153

II-я часть. ОПЕРЕТКИ.

Веселая вдова, <i>Легара</i>	182
Гаспаронъ, <i>Миллекера</i>	183
Гейша, <i>С.-Джонса</i>	184—185
Жюльетта изъ Нарбонны	196
Заза, <i>Вилинскаго</i>	185
Корневильскіе колокола, <i>Планкетта</i>	186
Маскоттъ, <i>Одрана</i>	187
Максимисты, <i>Голлендера</i>	188
Новые цыганскіе романсы, <i>Стверскаго</i>	188—189
Ночь любви, <i>Валентинова</i>	189—190
Прекрасная Елена, <i>Оффенбаха</i>	190
Рай Магомета, <i>Планкетта</i>	191—192
Сердце и рука, <i>Лекока</i>	192—193
Судъ боговъ, <i>Вилинскаго</i>	193—194
Хаджи-Муратъ, <i>Деккеръ-Шенка</i>	195

III-я часть. Романсы и пѣсни.

	Стр.
Авѣ Марія, <i>Гуно</i>	197
Ангель , <i>Вагнера</i>	197
Ангель , <i>Рубинштейна</i>	197
Ахъ , я влюбленъ въ глаза, <i>Вилинского</i> .	198
Болеро , <i>Ц. Кюи</i>	198
Благославляю , васъ, лѣса, <i>Чайковскаго</i>	199
Вальсъ , <i>Венцано</i>	200
Ванька-Танька , <i>Даргомыжскаго</i> . . .	200
Варіаціи , <i>Проха</i>	199
Варягъ , <i>Кюи</i>	199
Вернись , <i>Денца</i>	201
Весна идетъ, <i>Гильдаха</i>	200
Внизъ по Волгѣ-рѣкѣ	202
Воевода , <i>Рубинштейна</i>	202
Волки , <i>Рубинштейна</i>	203
Во снѣ я горько плакалъ, <i>Шумана</i> .	204
Воспоминаніе , <i>Тости</i>	203
Вотъ что надѣлали пѣсни твои . . .	204
Все заснуло, <i>Гродзскаго</i>	204
Вспомни , моя хорошая	205
Вчера меня ласкало счастье, <i>Кюи</i> .	205
Въ Венеціи , <i>Гота</i>	205
Гай-да тройка, <i>Штейнберга</i>	206
Гаснетъ лучъ заката, <i>Петрова</i> . . .	206
Генераль , <i>Кюи</i>	207
Гимнъ , <i>Фора</i>	207
Гспакъ , <i>Мусоргскаго</i>	208
Горныя вершины, <i>Рубинштейна</i> . . .	207
Громче , трубы боевыя, <i>Архангельскаго</i> .	209
Два гренадера, <i>Шумана</i>	209
Двѣ свадебныя пѣсни	210
Дивныя очи, <i>Денца</i>	210
Дитятко , <i>Пасхалова</i>	211
Донъ , <i>Направника</i>	211
Дубинушка	214
Душечка дѣвица, <i>Даргомыжскаго</i> . .	212
Дывлюсь я на небо	212
Дѣвицы-красавицы , <i>Даргомыжскаго</i> .	213
Еврейская мелодія, <i>Рубинштейна</i> . .	214
Если жизнь тебя обманетъ	215
Желаніе (<i>Luszenie</i>), <i>Шопена</i>	215
Жукъ и роза	216
Забыты нѣжныя лобзанья, <i>Лишина</i> . .	216
За губки алыя, <i>Блейхмана</i>	216
Зачѣмъ , <i>Давыдова</i>	217
И буду тебя я ласкать, <i>Штейнберга</i> .	217
Индусская пѣснь, <i>Бромберга</i>	218
И ночь, и любовь, и луна, <i>Давыдова</i> .	218
Испанская серенада, <i>Гота</i>	219
И тихо, и ясно, <i>Греве-Соболевской</i> . .	219
Какое счастье, <i>Давыдова</i>	220
Какъ по ельничку	219
Когда бъ вы знали все, <i>Денца</i> . . .	220
Колокола , <i>Таскина</i>	221

	Стр.
Колыбельная пѣснь, Чайковскаго . . .	221
„ „ Гречанинова . . .	221
„ „ Гуно	222
„ „ Захарова . . .	222
Коль славень, Бортнянскаго	222
Крики чайки бѣлоснѣжной, Гродз- скаго	223
Легенда, Чайковскаго	223
Lyczenie (Желаніе), Шопена	215
Луговая	224
Лучинушка	223
Лѣсной царь, Шуберта	225
Любовь, Блейхмана	224
„ Врангеля	224
Майскій день, Ранушевича	225
Май (Maggio), Фонцо	226
Мельникъ, Даргомыжскаго	226
Меня манилъ твой образъ, Врангеля . . .	227
Молись, Вилламова	227
Моряки, Вильбоа	227
На нивы желтыя, Чайковскаго	228
Напѣвъ, Миклашевскаго	228
На старомъ курганѣ, Калининкова . . .	228
На сѣверѣ дикомъ, Даргомыжскаго . . .	228
Не бѣлы снѣги	229
Не забуду я ночи той темной	229
Не искушай, Глинки	229
Нельзя повѣрить, Лишина	230
Не одна во полѣ дороженька	230
Не плачьте надъ трупами	232
Не разсѣять мнѣ грусти	231
Не шуми, дубравушка	231
Не шуми, ты, рожь, Гурилева	230
Нилъ, Леру	233
Ни слова, о другъ мой, Чайковскаго . . .	232
Нищая, Алябьева	232
Ноктюрнъ, Шопена	233
Но то былъ сонъ, Лассена	233
Ноченька	234
Ночевала тучка, Даргомыжскаго	234
Ночи безумныя, Пригожаго	235
Ночная бабочка (Palomma'e notte) . . .	235
Ночной смотръ, Глинки	236
Ночныя тѣни, Зубова	236
Ночь, Рубинштейна	237
„ Чайковскаго	237
Ночь пролетала, Гродзскаго	238
Ночь тепла, Кочетовой	237
Но я васъ все-таки люблю	238
Нѣтъ, не говори, Вилинскаго	238
Нѣтъ, только тотъ, Чайковскаго	239
О, дитя, Чайковскаго	239
Однозвучно звенить колокольчикъ . . .	240
Она была твоя, Гречанинова	240
Она хохотала, Лишина	240
Они полюбили, Врангеля	241
О ночь волшебная, Зубова	241
О, нѣтъ мечты, Зубова	241

	Стр.
Опять вечерняя заря, <i>Званцева</i>	242
Оставь меня, <i>Давыдова</i>	242
Отойди, <i>Давыдова</i>	242
Очи черныя	243
Пара гнѣдыхъ, <i>Пригожаго</i>	243
Плѣнившись розой, соловей, <i>Римскаго-Корсакова</i>	244
Покинуть міръ, <i>Тости</i>	244
Полюбила я на печаль свою (Пѣсня солдатки), <i>Рахманинова</i>	244
Поминальный день, <i>Лассена</i>	245
Послѣдній нонѣшній денечекъ	245
Постой, здѣсь хорошо	246
Поэзія, <i>Аренскаго</i>	246
Привѣтъ, <i>Гертеля</i>	246
Приди ко мнѣ, <i>Греве-Соболевской</i>	247
Примиреніе, <i>Бауера</i>	247
Пріютъ, <i>Шуберта</i>	247
Птичка, <i>Гречанинова</i>	248
Пѣла пташечка, <i>Рубинштейна</i>	249
Пѣснь о блохѣ, <i>Мусоргскаго</i>	248
Пѣснь убогаго странника	249
Разбитая ваза, <i>Аренскаго</i>	250
Разсѣвается, разступается	250
Распошелъ	250
Робко подъ окномъ шумять березы, <i>Вердеревскаго</i>	251
Свадебная пѣснь „На горѣ“	251
Сердце мое болитъ, <i>Тости</i>	251
Серенада, <i>Абта</i>	252
„ <i>Гуно</i>	252
„ <i>Шуберта</i>	252
Серенада Донъ-Жуана, <i>Направника</i>	253
Серенада четырехъ кавалеровъ, <i>Бородина</i>	253
Скиталецъ, <i>Шуберта</i>	254
Сколько нѣги, любви, <i>Штейнберга</i>	254
Сладкимъ запахомъ сирени, <i>Плотникова</i>	255
Сладость любви (<i>Comme'o Zuccago</i>)	255
Солнце всходитъ и заходитъ	256
Солнышко, <i>Варламова</i>	256
Солнышко мое, <i>неап. пѣснь</i>	257
Соловей, <i>Алябьева</i>	256
Сомнѣніе, <i>Глинки</i>	257
Сонъ, <i>Гродзскаго</i>	257
Спой мнѣ, родимая, <i>Длускаго</i>	258
Средь шумнаго бала, <i>Чайковскаго</i>	258
Степью иду я унылою, <i>Гречанинова</i>	258
Страшная минута, <i>Чайковскаго</i>	259
Сумракъ ночи палъ на землю	260
Сѣверная звѣзда, <i>Глинки</i>	259
Тишина, <i>Кашеварова</i>	260
Тройка волжская	260
Ты взойди, солнце красное	261
Ты и вы, <i>Кюи</i>	261
Ты каждый день меня пытаешь	261
Ты мое утро, <i>Врангеля</i>	262
Ты помнишь ли, <i>Кочетовой</i>	262

Ты простила меня, <i>Петрова</i>	262
Узникъ, <i>Гречанинова</i>	263
У Креста, <i>Фора</i>	263
Уста мои молчать, <i>Блейхмана</i>	264
Утромъ шлю тебѣ фіалки	264
Утро туманное, <i>Абаза</i>	264
Утренняя пѣснь, <i>Леонкавалло</i>	265
Хризантемы, <i>Радосшевской</i>	265
Христось Воскресъ, <i>Рахманинова</i>	265
Чаруй меня, <i>Даргомыжскаго</i>	266
Чарующая пѣснь, <i>Зориной</i>	266
Черныя тучи, <i>Ромберга</i>	266
Что мнѣ жить и тужить, <i>Варламова</i>	267
Что ты поникла, зеленая ивушка? <i>Гречанинова</i>	267
Что ты рано, травушка?	267
Шведская пѣснь, <i>Грига</i>	267
Элегія, <i>Массенэ</i>	268
Эхо, <i>Келлера</i>	268
Я вамъ не говорю	269
Я ли въ полѣ да не травушка была	269
Я люблю, <i>Таскина</i>	269
Я не скажу тебѣ, <i>О де-Бове</i>	270
Я пойду ли дѣвченокча	270
Я помню вечеръ, <i>Кюи</i>	270

IV-я часть. Пѣсни каторжанъ.

Бродяга	271
Вечеркомъ красна-дѣвица	272
Вотъ и костеръ потухаетъ	272
Въ пустынныхъ степяхъ Забайкалья	271
Въ шахтѣ батюшку убило	273
Говорила сыну мать	273
Грозно и пѣнясь	274
Ермакъ	274
Зачѣмъ я мальчикъ уродился	275
Звѣзда, прости, пора мнѣ спать	275
Кибель мой	276
Милосердные наши батюшки	276
На пути села родного	276
Ой, ты, тундра безконечная	277
Палачъ	278
Подкандалный маршъ	279
По снѣгу олень бѣжить	279
Посреди палатъ каменныхъ	277
Похороны	278
Пѣснь Айноса	279
Славное море, священный Байкаль	280
Съ Иркутска ворочуся	280
Тамъ, гдѣ бьется Каспійское море	281

V-я часть. РАЗСКАЗЫ.

Армянинъ на судѣ	282
Вечеринка въ гавани	283
Воздухоплаватель	284
Выдача паспорта	285

	Стр.
Въ больницу	285
Въ казармахъ	286
Въ циркъ	286
Горе отъ ума. Монологъ Фамусова .	288
Денщикъ	289
Допросъ свидѣтелей	289
Доужинались	290
Еврей на пароходѣ	291
Еврей у телефона	292
Жалобная книга.	293
Записки сумашедшаго	294
Затменіе солнца	295
Игра словъ	296
Какъ мы чумѣли	297
Какъ нѣмецъ объясняетъ русскія пѣсни	298
Кухаркинъ балъ	299
На вербахъ	300
На вокзалѣ у кассы	301
На дачномъ поѣздѣ	302
На приѣмѣ у доктора	303
Остроумный нѣмецъ	303
Передъ отходомъ поѣзда	304
Перепутанныя объявленія	305
Пополамъ	306
Почему нѣмецъ не женился	306
Разговоръ человѣка съ собакой . .	307
„Ревизоръ“. Монологъ городничаго.	308
Самоваръ	309
Слива	310
Смекалка	311
Состязаніе льва съ тигромъ	312
Споръ	313
Страница у доктора	314
Телушка	316
Тостъ купца	317
Хирургія	318

I-я часть.

О п е р ы.

№ 2-22733.

А. М. Давыдовъ.

№ 3-22829.

”

№ 3-22778.

Д. Х. Южинъ.

Аида.—Верди.

1-е дѣйствіе. Арія Радамеса.

Милая Аида! Рая созданье, лучъ свѣтлый солнца
Чудный цвѣтокъ, ты радость сердца,
Ты упованье, моя царица, жизнь моя,
Увидишь скоро родное небо,
Въ своей отчизнѣ ты будешь вновь,
Дамъ тебѣ царство, тронъ и порфиру,
И твой вѣнецъ возвращу тебѣ!
Ахъ, милая Аида! Рая созданье,
Лучъ свѣтлый солнца, чудный цвѣтокъ, ты
радость сердца,
Ты упованье, моя царица, любовь моя,
Увидишь скоро родное небо, въ своей отчизнѣ
ты будешь вновь,
Дамъ тебѣ царство, тронъ и порфиру, и твой
вѣнецъ тебѣ возвращу!

№ 023042.

Н. С. Южина

Аида.—Верди.

1-е дѣйствіе. Арія Аиды.

Съ побѣдой возвратись! Въ моихъ устахъ безбожно
это слово...
Надъ отцомъ моимъ побѣда! А онъ оружье взялъ
за меня,
Чтобъ возвратить мнѣ отчизну, мое царство,
Громкое имя, что здѣсь должна скрывать я!
Побѣдить моихъ онъ братьевъ... и я увижу его
На колесницѣ, кровью обагреннымъ...
И Египетъ ликуеть!.. За колесницей
Самъ царь... отецъ мой, скованный цѣпями..
Безумное слово, о, боги, простите!
Отцовскому сердцу вы дочь возвратите
О, боги, молю васъ, разсѣйте
И въ прахъ обратите всѣхъ враговъ!
Ахъ, что сказала, о, боги! Любовь забыла...
Да, любовь свою забыла и мечтаю о мщеньи!
Любовь мнѣ сердце, какъ солнце, освѣтила,
Въ ней все блаженство. А я прошу
О смерти Радамеса, любя его безумно!
Да, я его люблю!
И за любовь страдаю такъ ужасно!
И не смѣю открыто, свободно
Именъ мнѣ дорогихъ назвать при всѣхъ:
Отецъ и милый... дрожу за обоихъ;
Мнѣ только слезы лить, боговъ молить...
Но ту молитву и боги отвергнуть,
Преступно слезы лить, грѣшно вздыхать.
Блуждаютъ мысли мои, я теряюсь...
Легче мнѣ умереть, чѣмъ такъ страдать.
Боги мои! Я васъ молю,
Дайте силы мнѣ горе снести,
Дайте забыть муки любви,
Сердца страданья, дайте мнѣ смерть!
Боги мои! Я васъ молю,
Дайте мнѣ силы горе снести! Я васъ молю.

Аида.—Верди.*3-е дѣйствіе. Арія Аиды (у Нила).*

Здѣсь Радамеса жду... что онъ мнѣ скажетъ?..
 Мнѣ страшно... О, если ты хочешь
 Здѣсь навсегда со мной проститься,
 Тогда Нилъ могилой будетъ мнѣ.
 Онъ дастъ покой мнѣ,
 Тамъ я, быть можетъ, горю найду забвенье.
 О, край родимый, тебя мнѣ не видать!
 Увы, тебя мнѣ не видать!..
 Въ тихихъ долинахъ тамъ пріютъ отраднѣй,
 Тамъ все ласкало взоры красотой!
 Ты исчезаешь, сонъ чудный и волшебный,
 О, край родимый, мнѣ не видать тебя ужъ никогда!
 О, край родной, прощай, и навсегда!..

№ 024028.

Н. Южина и О. Каміонскій.

Аида.—Верди.*3-е дѣйствіе. Дуэтъ Аиды и Амонасро.***Ам.** Знаю я, ждешь Радамеса, имъ любима.

Онъ начальникъ Египтянъ... понятно?

Аида. О ужасъ, какой совѣтъ даешь.

Нѣтъ, никогда!

Ам. Вставайте, враги, и смѣлѣй нападайте,

Разите, губите мечемъ и огнемъ...

Пощады не знайте, нашъ край истребляйте,

Преграды не встрѣтите вѣрно ни въ чемъ.

Аида. Сжался, отецъ мой, молю,

Отецъ, ты сжался!

Ам. Видишь, струится кровь кругомъ

Братьевъ твоихъ сраженныхъ...

Видишь? Встаютъ тамъ призраки,

Грозно зовутъ ко мщенью.

Слышишь упрекъ ужасный:

Ты сгубила край родной!

Аида. Отецъ, молю, прости меня!**Ам.** Видишь ли страшный призракъ ты?

Близится къ намъ видѣнье.

Горе! Грозитъ проклятье!..

Вотъ уже близъ тебя...

Въ немъ я узнаю мать твою...
 Проклята ею...**Аида.** О нѣтъ, отецъ, молю. меня ты пощади!**Ам.** Не дочь мнѣ больше...

Ты фараона раба, и только...

Аида. Ахъ, прости, отецъ, прости!..

Знай же, имъ работою больше не буду.

Не проклинай же ты дочь родную;

Тебя достойной хочу остаться,

Отчизнѣ милой готова въ даръ

Я все принести.

Ам. Вспомни, что весь народъ

Спасти ты можешь,

Да, ты одна можешь вновь

Отчизну намъ возвратить.

Аида. Тебѣ готова все я принести.

О, отчизна.. но какъ страдаю!

Аида.—Верди.*3-е дѣйствіе. Дуэтъ Аиды и Радамеса. 1-я часть.***Радамесъ.** Аида!**Аида.** Ты не любишь... прочь!**Радамесъ.** Не вѣришь?**Аида.** Прочь!**Радамесъ.** Клянусь, никто изъ смертныхъ страстно, сильно не можетъ такъ любить!**Аида.** Прочь! Прочь! тебя тамъ ждетъ Амнерисъ.**Радамесъ.** Нѣтъ, ни за что!**Аида.** Тебѣ не вѣрю, на казнь предать желаешь меня, отца, что-же медлишь?**Радамесъ.** О, нѣтъ бѣжимъ!.. Да, мы бросимъ этотъ берегъ, всѣ въ пустыню убѣжимъ мы; здѣсь несчастья и печали, тамъ взойдетъ любви заря и пустыня страны прекрасной милѣй будетъ, очаруетъ, звѣзды ярко заблестаютъ, наши восторги освѣтя.**Аида.** Мы въ странѣ моей блаженной тамъ подъ небомъ поселимся: воздухъ полонъ ароматомъ и земля тамъ вся въ цвѣтахъ, тамъ въ долинахъ уединенныхъ найдемъ счастье и отраду; звѣзды ярко заблестаютъ, нашу радость освѣтя.**Вмѣстѣ.** Такъ пойдемъ же и оставимъ этотъ край страданій нашихъ; насъ отрада призываетъ, ждетъ насъ счастье, путь укажетъ намъ.**Аида** —Верди.*3-е дѣйствіе. Дуэтъ Аиды и Радамеса. 2-я часть.***Аида.** Бѣжимъ! пустыню жгучую оставимъ навсегда мы, тамъ насъ отчизна новая въ свои зоветъ объятья, тамъ среди рощей дѣвственныхъ все дышетъ ароматомъ; въ восторгѣ упоенія забудемъ міръ земной, въ восторгѣ тамъ, о милый мой, забудемъ все съ тобой.**Радамесъ.** Въ странѣ чужой я долженъ искать любви пріютъ, на вѣкъ отчизну кинуть, забыть своихъ боговъ, забыть тотъ край, гдѣ слава впервые улыбнулась, гдѣ твой мнѣ взоръ небесный любви восторгъ открылъ?..**Аида.** Тамъ среди рощей дѣвственныхъ все дышетъ ароматомъ, въ восторгѣ упоенія забудемъ міръ земной.**Радамесъ.** Да, здѣсь небесный взоръ счастье мнѣ любви открылъ.**Аида.** Подъ небомъ родины моей узнаешь ты отраду; свобода и любовь насъ туда зоветъ съ тобою, мы будемъ тамъ молиться роднымъ мѣстамъ богамъ.**Радамесъ.** Въ странѣ чужой я долженъ любви искать пріютъ... на вѣкъ отчизну кинуть, забыть своихъ боговъ?**Аида.** Ждетъ счастье тамъ!

Аскольдова могила.—Верстовскаго.*1-е дѣйствіе. Хоръ рыбаковъ.*

Гой ты, Днѣпръ ли мой широкій,
 Лейся быстрою волной!
 Днѣпръ широкій и глубокий,
 Ты кормилецъ мой родной!
 Я забылъ свою кручину
 На волнахъ твоихъ сѣдыхъ;
 Горемыку-сиротину
 Ты укачивалъ на нихъ!

№ 22051 *).

Г. А. Морской.

№ 3-22557.

А. М. Лабинскій.

Аскольдова могила.—Верстовскаго.*3-е дѣйствіе. Пѣснь Торопки.*

Близко города Славянска,
 На верху крутой горы,
 Знаменитый жилъ бояринъ,
 По прозванью Карачунъ.
 Въ его теремъ высокомъ,
 Словно пташка взаперти,
 Изнывала въ злой неволѣ
 Красна дѣвица душа.

Поздно вечеромъ однажды,
 У косящата окна
 Сиротинушка Любаша
 Пригорюнившись сидитъ.
 Она смотритъ въ ту сторонку,
 Гдѣ живетъ ся Всемиль.
 Она плачетъ, слезы льются,
 Какъ потокъ шумятъ онѣ.

Заходили чарочки по столику,
 Заплясали молодцы по горенкѣ.
 Ой жги, жги, говори, говори, } bis.
 договаривай. }

Старики сѣдые всѣ въ присядку пошли,
 А старухи подрумянились.
 Ой жги, жги, говори, говори, } bis.
 договаривай. }

*) Г. А. Морской исполняетъ эту арію въ слѣд. порядкѣ: послѣ перваго куплета онъ поетъ припѣвъ „Заходили чарочки“, а затѣмъ второй куплетъ съ тѣмъ же припѣвомъ.

Аскольдова могила.—Верстовскаго.*3-е дѣйствіе. Пѣсня Неизвѣстнаго.*

Въ старину живали дѣды
 Веселѣй своихъ внучать;
 Какъ простую пили воду
 Медъ и крѣпкое вино!
 Веселились, потѣшались,
 Пировали круглый годъ, —
 Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
 Наши дѣды и отцы!
 Ну, такъ слушайте, ребята, }
 Какъ живали въ старину! } bis.
 Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
 Наши дѣды и отцы!

Безъ варяговъ управлялись
 Съ печенѣжской мы страной
 И Византію громили,
 И съ Косоговъ брали дань,
 И всѣхъ били Кіевляне,
 Какъ ихъ бьютъ теперь самихъ.
 Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
 Наши дѣды и отцы!
 Ну, такъ слушайте, ребята, }
 Какъ живали въ старину! } bis.
 Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
 Наши дѣды и отцы!

Африканка — Мейербера.*2-е дѣйствіе. Арія Селики.*

На грудь склони главу,
 О сынъ лучей и свѣта.
 Милый, усни и отдохни,
 Любовью согрѣтый.
 Все вокругъ тебя молчитъ,
 Только вѣтерокъ журчитъ
 И звѣзды въ небѣ засверкали.
 Бенгалина пѣснь звучитъ,
 Въ воздухѣ дрожитъ,
 Спокойно усни,
 Вѣдь лѣсъ и горы задремали.
 Бенгалинъ поетъ,
 Милую зоветъ.
 Ахъ! а-а-а!
 Спи, отдохни,
 Милый, усни
 Не слышно волнъ журчанья,
 Всюду покой надъ тобой
 И звѣздочекъ мерцанье.

Африканка.—Мейербера.

3-е дѣйствіе. Баллада Нелюско.

Адамасторъ, грозный царь океана,
 Съ громомъ несется;
 Волны подъемлетъ и рветъ небосклонъ.
 Бѣда тому, кого онъ встрѣтитъ, да, встрѣтитъ те-
 перь.

Смотрите тамъ! Смотрите тамъ!
 Вотъ онъ летитъ среди тучъ и огней,
 Видите-ль вы исполина морей?
 Волны до неба онъ возмутилъ;
 Смерть всѣмъ. намъ смерть всѣмъ,
 Намъ смерть безъ могилъ!
 Да, вамъ всѣмъ смерть,
 Всѣмъ вамъ смерть безъ могилъ!
 Дрожите, ага, ага, напугаль?
 Ха, ха, ха. ха, ха, ха! Ахъ!
 Истреплетъ паруса онъ;
 Какъ погребальный саванъ,
 Корабль туманомъ обовѣтъ
 И въ бездну моря повлечетъ.
 Но вамъ нѣтъ спасенья, въ пучинѣ бездонной
 Могила давно приготовлена вамъ!
 Да, могила давно ужъ готова для васъ, готова!

Право, друзья, вы смѣтаетесь напрасно,
 Адамастора мщеніе ужасно,
 Рано иль поздно нагрянетъ оно,
 Всѣмъ вамъ погибнуть суждено!
 Смотрите тамъ, смотрите тамъ!
 Вотъ онъ летитъ среди тучъ и огней,
 Видите ль вы исполина морей?
 Волны до неба онъ возмутилъ;
 Всѣмъ смерть, всѣмъ смерть безъ могилъ!
 Да, вамъ всѣмъ смерть, всѣмъ вамъ смерть безъ
 могилъ.

Дрожите, ага, ага, напугаль?
 Ха, ха, ха, ха, ха, ха! Ахъ!
 Истреплетъ паруса онъ;
 Какъ погребальный саванъ,
 Корабль туманомъ обовѣтъ
 И въ бездну моря повлечетъ.
 Но вамъ нѣтъ спасенья, въ пучинѣ бездонной
 Могила давно приготовлена вамъ!
 Да, могила давно ужъ готова для васъ, готова!

Африканка.—Мейербера.*4-е дѣйствіе. Арія Васко-де-Гама.*

О, чудный край! Роскошный садъ!
 Привѣтъ тебѣ, мой привѣтъ!
 О, рай земной, вѣнецъ творенья,
 Все такъ полно чаръ въ тебѣ,
 Все красую живетъ!
 Ты на-яву, не въ сновидѣньи
 И не въ мечтахъ предо мной во всей красѣ!
 Я первый поплылъ черезъ волны,
 Эдемъ этотъ мною открыть.
 Край волшебный, край очарованья,
 Привѣтъ, привѣтъ тебѣ, страна чудесъ!
 О, чудный край! Привѣтъ тебѣ,
 Привѣтъ, привѣтъ тебѣ!.. О чудный край!
 Ты мой теперь! О, чудный край,
 Ты мой теперь на-вѣкъ!
 О, да, ты мой!!!

Балъ-маскарадъ.—Верди.*4-е дѣйствіе. Арія Ренато.*

Eri tu che macchiavi quell' anima,
 La delizia dell'anima mia..
 Che m'affidi e d'un tratto èsecrabile
 L'universo avveleni per me!
 Traditor! che compensi in tal guisa
 Dell' amico tuo primo la fè!
 O, dolcezze perdute! O memorie
 D'un amplesso che mai non s'oblia!
 Quando Amelia si bella, si candida
 Sul mio seno brillava d'amor!..
 E finita... non siede che l'odio
 E la morte sul vedovo cor!

Переводъ:

И ты могъ это сердце похитить,
 Это сердце—отраду всей жизни!
 О измѣнникъ, предатель коварный,
 Ты весь міръ для меня отравилъ!
 Ты за преданность вѣрному другу
 Вѣроломствомъ однимъ заплатилъ!
 О погибшее счастье бывшее!
 Память жаркихъ и сладкихъ объятій,
 Дней блаженныхъ съ Амеліей вѣрной,
 Непорочной и чистой женой!..
 Овдовѣло ты, сердце, навѣки—
 Такъ живи ты одною враждой!

Балъ-маскарадъ.—Верди.*4-е дѣйствіе. Канцонетта Оскара.*

Скажите мнѣ, въ какихъ нарядахъ
 Скрываютъ люди тайны сердца?
 Хотя я узнаю, не скажу.
 Тра-ла-ла-ла!
 Хотя я узнаю не скажу.
 Тра-ла-ла-ла!

Когда горитъ огнемъ любви
 И сердце бьетъ въ груди тревогу
 При видѣ чудной красоты,
 Тра-ла-ла-ла!
 Хотя я узнаю, не скажу
 Тра-ла-ла-ла!

Бразильская жемчужина.—
Давида.*3-е дѣйствіе. Куплеты Мизоли.*

Въ тѣни деревьевъ тамъ порхаетъ,
 Летаешь дитя лѣсовъ;
 Красотой насъ плѣняетъ
 Его одежда всѣхъ цвѣтовъ.
 Среди цвѣтовъ, рѣзвись, летая,
 Живешь всегда онъ безъ заботъ.
 И мирно жизнь его проходитъ,
 Какъ ясный день, какъ сонъ любви.
 О, какъ красивъ нашъ Мизоли!

Бразильская жемчужина.—
Давида.*3-е дѣйствіе. Куплеты Мизоли.*

Смотри: въ тѣни деревъ порхаетъ
 Свободное дитя лѣсовъ;
 Дивной красой своей плѣняетъ
 Его одежда всѣхъ цвѣтовъ.
 Среди цвѣтовъ, рѣзвись, летая,
 Живешь себѣ онъ безъ заботъ.
 Цвѣтами радуги сіяя,
 Онъ то туда, сюда снуетъ.
 Какъ онъ красивъ, какъ онъ хорошъ,
 Какъ онъ красивъ, нашъ Мизоли!

Валькирія.—Вагнера.*3-е дѣйствіе. Прощаніе Вотана.*

Простите, очи мои!

Я часто васъ цѣловалъ,

Когда въ бою

Вы разгорались,

Когда пылали

Восторгомъ вы,

Героя въ залъ мой вводя.

О, простите, очи мои!

Сверкали ярко вы мнѣ,

Когда надежда

Въ душѣ сіяла,

Когда къ блаженству

Душа стремилась

Въ борьбѣ съ мракомъ и страхомъ.

Въ послѣдній разъ

Вижу я васъ,

Вамъ даю

Прощальный поцѣлуй!

Сіять человѣку

Будете вы.

Безсмертный, несчастный,

Васъ на вѣки теряетъ!

Съ чела твоего

Божество

Снимаю лобзаньемъ моимъ!

№ 3-22776.

Д. Х. Южинъ.

Вертеръ.—Массенэ.*1-е дѣйствіе. Арія Вертера.*

На яву-ли все вижу,

Иль это сновидѣнье?

Какъ все кругомъ прекрасно,

Какъ дивно, хорошо!

Вздохнулъ дремучій лѣсъ

Грудью сильной, могучей,

На Божій міръ глядитъ

Въ восторгъ мой взоръ...

О, природа, какъ ты прекраена,

Ты надъ вселенною царица!

Тебѣ хвала и поклоненье!

Мой вдохновленный привѣтъ прими!

Таинственно молчанье!

Покой торжественный!

Все прельщаетъ меня!

Вотъ тамъ оврагъ угрюмый...

Этотъ чистый ручей

Съ тѣнистою прохладой;

На поляхъ, въ чащѣ лѣса

И подъ каждымъ кустомъ,

Всюду травка, цвѣты,

Всюду жизнь бьетъ ключемъ!

О, природа, дай мнѣ блаженство, восторгъ!

Предъ тобою, вѣчно юной, преклоняюсь
смирненно!

О, природа!.. О, солнца свѣтъ,

Я привѣтствую тебя!

Вертеръ.—Массенэ.*3-е дѣйствіе. Арія Шарлотты.*

Ахъ! Дай мнѣ еще поплакать!
 Легче будетъ мнѣ, дорогая!
 Вѣдь затаенная слеза
 Остается у насъ на сердцѣ
 И, отравляя тихимъ ядомъ,
 Терзаетъ его безъ конца!
 Оно слабѣетъ, оно томится,
 Мучительно оно болитъ.
 Оно полно и пусто
 И можетъ такъ легко разбиться,
 Можетъ разбиться.

№ 2-23379.

В. Н. Петрова-Званцева.

Вертеръ.—Массенэ.*3-е дѣйствіе. Арія Шарлотты.*

Нѣтъ, пусть мои слезы льются,
 Легче будетъ мнѣ, дорогая,
 Тѣ слезы, что нейдутъ изъ глазъ,
 На душѣ нашей остаются,
 И ихъ горячими струями
 Отравлено бѣдное сердце.
 Оно бороться не можетъ долго,
 Оно едва, едва живетъ,
 Его ничто не подкрѣпитъ,
 Оно совсѣмъ уже разбито,
 Да, разбито!..

№ 2-22657.

Л. В. Собиновъ.

Вертеръ.—Массенэ.*3-е дѣйствіе. Арія Вертера.*

Вѣчна душа моя.
 О, не буди меня, дыханіе весны,
 О, не буди меня, ты несешь съ собой
 Жизни радость!
 Но, увь! Пройдетъ свѣтлый мигъ,
 Буря грянетъ и все развѣетъ.
 О, не буди меня, дыханіе весны!
 И вотъ въ долину къ намъ приходитъ странникъ,
 Вновь припомнить онъ дней былыхъ обаянье,
 Грустнымъ взоромъ окинетъ широкій просторъ
 И, не найдя меня тамъ, горько онъ зарыдастъ.
 Увь! о, не буди меня, дыханіе весны!

Волшебная Флейта.—Моцарта.*2-е дѣйствіе. Арія царицы ночи.*

Gli an guì d'inferno sentomi nel petto;
 Magaera, Aletto son d'intorno a me!
 Svelga al fellon, svelga Pamina il core,
 Se il reo non muore, figlia mia non è.
 Ti lascio, t'abbandono,
 Più madre tua non sono,
 Paventa il mio furore
 Se non osa esser crudel!
 Ciel! l'orrendo mio voto,
 Ah! ascolta al ciel!

Переводъ:

Въ груди моей пылаетъ жажда мести!
 Смерть и стenanья—вотъ мои мечты,
 О, если ты Зарастро не погубишь,
 То знай, тогда не дочь мнѣ больше ты!
 Навѣки мною будешь покинута, забыта,
 Навѣкъ расторгнуть будетъ нашъ
 родственный союзъ,
 Иль ты должна Зарастро уничтожить!
 Месты! Боги, внемлите! Къ вамъ зываю я!

Галька.—Монюшко.*2-е дѣйствіе. Арія Гальки.*

Если бъ съ солнцемъ рано
 Птичкой вверхъ мнѣ взвиться,
 И надъ хатой Яна
 Ласточкой спуститься;
 Иль съ волною зыбкой
 Мнѣ подплыть бы рыбкой,
 Чтобъ съ нимъ соединиться.
 Нѣтъ, не плыть мнѣ въ Вислѣ
 Рыбкой беззаботной,
 Ласточкой не быть мнѣ,
 Птичкой перелетной,
 Но мнѣ шепчетъ вѣтеръ:
 Янъ твой возвратится!
 Какъ звѣзда, взойдя надъ рѣчкой,
 Въ лонѣ водъ мелькнула,
 Такъ къ нему я въ душу,
 Въ сердце заглянула!
 Если бъ только въ немъ,
 Хоть блудящимъ огнемъ,
 Въ душѣ любовь явилась,
 И свѣтлая моя слеза
 Звѣздою отразилась,
 Тогда любовь въ немъ,
 Хоть слабымъ тѣмъ огнемъ,
 Зажечь бы я желала.
 Нѣтъ, не плыть мнѣ въ Вислѣ
 Рыбкой беззаботной,
 Ласточкой не быть мнѣ,
 Птичкой перелетной;
 Но мнѣ шепчетъ вѣтеръ:
 Янъ твой возвратится!
 Да, баринъ милый, молодой,
 Ко мнѣ вернется Янко мой!
 Сейчасъ здѣсь будетъ и не обманетъ
 Янко мой!

Галька.—Монюшко.

2-е дѣйствіе. Арія Ионтека.

Итакъ, ты вѣришь, жертва обмана?!
Вѣришь коварнымъ, ложнымъ словамъ?
Какъ бури свистъ, вой урагана,
Какъ призракъ ложный въ мракъ тумана,
Такъ онъ солгалъ! Всему конецъ!
Онъ не придетъ... Не придетъ!

Подумай, кто ты!
Вспомни, кто онъ!
Крестьянка простая,
Онъ баринъ твой!
Такъ не забудь,
Ты крѣпостная!

Ужель ты вѣришь, жертва обмана?
Жаль мнѣ, голубка, жаль мнѣ тебя...

Какъ въ зной растенье
Прохлады жаждеть,
Такъ жаждалъ я
Любить тебя!
Но... я, любя,
Страдалъ и молчалъ!..
„Ты будь моею!“
Сказалъ онъ разъ,
И вся злодѣю
Ты отдалась!..
Онъ какъ былинку,
Какъ травку въ полѣ,
Тебя сгубилъ!
Обманъ ужасный!
Ты видишь ясно!
Тебя, бѣдняжка,
Онъ не любилъ...
Злодѣй!

Галька.—Монюшко.

3-е дѣйствіе. Хоръ горцевъ.

Отъ вечерни, въ день воскресный,
Солнышко пока не сѣло,
Помолясь тамъ за вечерней,
Погулять здѣсь можемъ смѣло.
Кто недѣлю всю трудится,
Не грѣшно тѣмъ веселиться.
Нынче день у насъ воскресный,
Вечеръ теплый и чудесный!
Баринъ, гости и невѣста
Скоро къ намъ въ деревню будутъ,
Свадьбу справятъ въ барскомъ домѣ,
Тутъ и насъ не позабудутъ—
Зададутъ намъ циръ, веселье.
Да! Въ чужомъ пиру похмелъ,
Мы забавъ господскихъ чужды,
Насмотрѣлись горя, нужды.
Да! Борись съ нуждою,
Нужда-то ходитъ за тобою!..
Веселись же! Грусть-заботу
Въ праздникъ пусть народъ забудетъ! } bis.
Завтра снова за работу,
Послѣ-завтра хуже будетъ!
Такъ что жъ думать? Грусть, заботу
Въ праздникъ пусть народъ забудетъ!
Завтра снова за работу,
Послѣ-завтра хуже будетъ!
Ну и благо: день воскресный,
Вечеръ теплый и чудесный!
Веселись, работникъ честный,
Веселиться намъ не лѣнь!
Нынче день у насъ воскресный,
И какой чудесный день!

№ 2-22063.*)

А. В. Богдановичъ.

№ 3-22808.*)

А. М. Давыдовъ.

№ 3-22759.*)

А. М. Карензинъ.

№ 3-22862.*)

А. М. Лабинскій.

№ 022080.

Л. В. Собиновъ.

Галька.—Монюшко.

4-е дѣйствіе. Думка.

Межъ горами вѣтеръ воетъ
И въ лѣсахъ шумить,
А у парня сердце ноетъ,
Грусть-тоска шемить!
Но кто-жъ бѣдъ моихъ виною?
Любимъ я былъ тобою!
Ахъ! Пренебрегла ты мною!
Ой, Галина, ой, дѣвчина,
Солнышко мое! солнышко мое!
какъ страдаю я!
Ты одна моя зазноба, милая моя!
Время мчится съ быстротою,
Какъ потоки съ горъ.
Панъ явился, и тобою
Я забытъ съ тѣхъ поръ.
Но кто-жъ бѣдъ моихъ виною?
Ахъ! пренебрегла ты мною!
Ой, Галина, ой, дѣвчина!
Все вина твоя, все вина твоя.
Ты одна моя зазноба,
Милая моя.
Ой! Галина! ой, дѣвчина,
Все вина твоя.
Ты одна моя зазноба
Галя, милая моя!

№ 2-23130.

А. В. Нежданова.

№ 23478.

М. А. Михайлова.

Гарольдъ.—Направника.

5-е дѣйствіе. Колыб. пѣсня Адели.

Успокойся, дорогой!
Отдохни отъ мукъ и горя,
Подъ немолчный говоръ моря,
Подъ любовный голосъ мой!
Да, къ тебѣ, мой ненаглядный,
Я иду, иду, лжбя,
И баюкать нѣжно буду
Тихой пѣсенкой тебя.
Успокойся, дорогой,
Подъ любовный голосъ мой!
Всѣ окончены твой страданья,
До свиданья, до свиданья!
Я иду, Гарольдъ!
Я иду, Гарольдъ!

*) Исполняетъ первыя 9 и послѣднія 4 строки.

Гугеноты.—Мейербера.

1-е дѣйствіе. Пиръ.

Лейте въ кубокъ,
 Лейте вино вы съ краями;
 Искрись, пѣнься,
 Лейся по кубкамъ вино!
 Пусть веселье, радость
 Живетъ между нами,
 Не измѣнитъ намъ теперь оно!
 Бахусъ! Будь ты,
 Будь у насъ гостемъ почетнымъ,
 Сядь межъ нами,
 Кубокъ съ виномъ искрометнымъ
 Ты возьми, кубокъ глубокій
 Съ влагой свѣтлой,
 Кубокъ глубокій возьми ты
 И нашъ пиръ вечерній оживи!
 Нальемъ вина!
 И все до дна!
 Хотимъ забыть!
 Виномъ залить!
 Лейте въ кубокъ,
 Лейте вино вы съ краями;
 Искрись, пѣнься,
 Лейся по кубкамъ вино!
 Пусть веселье, радость
 Живетъ между нами,
 Не измѣнитъ намъ теперь оно!

Гугеноты.—Мейербера.

1-е дѣйствіе. Романсъ Рауля.

Все прелесть въ ней,
 Все въ ней восхищеніе:
 И мраморъ плечъ,
 И кольца шелковыхъ кудрей,
 И неземное выраженіе
 Ея чарующихъ очей.
 Сердце такъ билось,
 Къ милой просилось!
 Безумнымъ я стоялъ предъ ней,
 Не въ силахъ былъ свести очей
 И молвилъ ей:
 О, Ангелъ милый!
 Княнуса я и за могилой
 Любить тебя!
 Тобой лишь жить,
 Тобой дышать,
 И жизнь, и душу,—
 Все тебѣ одной отдать!

Гугеноты.—Мейербера.

1-е дѣйствіе. Пѣснь Гугенотовъ.

Спою я вамъ Гугенотовъ пѣснь,
 Которую поемъ, сражаясь съ врагами.
 Вы слышали ее?
 Ту пѣсню громко пѣли
 Мы на стѣнахъ Рошели;
 Ее я пѣлъ подъ звуки трубъ и барабана,
 Подъ трескъ пальбы, подъ градомъ пуль и ядеръ;
 Да, я пѣлъ и вамъ спою:

Пифъ-пафъ, пифъ-пафъ!
 Погибель твоя рѣшена, врагъ кичливый,
 Накажетъ судьба весь твой родъ нечестивый,
 Дворцы и замки ваши пламя страшное пожретъ
 И пепель пожара лишь вѣтеръ,
 Вѣтеръ развѣетъ и разнесетъ!
 Рубите вы все мечемъ,
 Не шадить, всѣхъ губить!
 Сожгите вы все огнемъ,
 Не шадить, все губить!
 Пифъ-пафъ, всѣхъ губить!
 Пифъ-пафъ, все разить!
 Пифъ-пафъ, пифъ-пафъ
 Отъ казни васъ лютой
 Ничто не спасетъ,
 Пощады не ждите,
 Она не придетъ, никогда!
 Нѣтъ, не придетъ,
 Нѣтъ, пощады вы не ждите, нѣтъ

Не дрогнетъ Наварра
 Рука, не измѣнитъ,
 И стоны врага
 Местъ пощадой не смѣнитъ.
 Мольбы ихъ юныхъ женъ
 И слезы горькія дѣтей,
 Какъ звуки пустые,
 Не сломятъ мечей!
 Рубите вы все мечемъ,
 Не шадить, все губить!
 Сожгите вы все огнемъ,
 Не шадить, все губить!
 Пифъ-пафъ, все губить!
 Пифъ-пафъ, все разить!
 Пифъ-пафъ, пифъ-пафъ!
 Отъ казни васъ лютой
 Ничто не спасетъ,
 Пощады не ждите,
 Она не придетъ, никогда!
 Нѣтъ, не придетъ, нѣтъ, нѣтъ!

Гугеноты.—Мейербера.

1-е дѣйствіе. Пѣснь Гугенотовъ.

Я спою Гугеноговъ вамъ пѣснь,
 Которую пѣлъ, сражаясь со врагами.
 Вы слышали ее?
 Ту пѣсню громко пѣли
 На стѣнахъ Рошели;
 Ее я пѣлъ подъ звуки трубъ и барабана,
 Подъ трескъ пальбы,
 Подъ свистомъ пуль и ядеръ;
 Да, я пѣлъ и вамъ спою:

Пифъ-пафъ, пифъ-пафъ!
 Погибель твоя рѣшена, врагъ кичливый,
 Накажетъ судьба весь твой родъ нечестивый,
 Дворцы и замки ваши
 Пламя страшное пожретъ
 И вѣтеръ развѣетъ и разнесетъ!
 Разите ихъ вы мечемъ и огнемъ,
 Истребляйте всѣхъ враговъ,
 Не щадить, всѣхъ губить, міръ весь!
 Пифъ-пафъ, всѣхъ губить!
 Пифъ-пафъ, не щадить!
 Пифъ-пафъ, пифъ-пафъ!
 Отъ казни васъ лютой ничто не спасетъ,
 Пощады не ждите, она не придетъ!
 Нѣтъ, нѣтъ, не придетъ никто,
 Не спасетъ никто,
 Нѣтъ, пощады вы не ждите, нѣтъ!

Наварецъ не дрогнетъ, враговъ поражая,
 Виновниковъ въ измѣнѣ мы слѣпо встрѣчаемъ:
 Мольбы ихъ всѣ напрасны,
 Слезы горькія дѣтей
 Не отведутъ намъ мечей,
 Не отведутъ ударъ мечей!
 Разите ихъ вы мечемъ и огнемъ,
 Истребляйте всѣхъ враговъ.
 Не щадить, всѣхъ губить, ихъ губить!
 Пифъ-пафъ, всѣхъ губить!
 Пифъ-пафъ, не щадить!
 Пифъ-пафъ, пифъ-пафъ! пифъ-пафъ!
 Отъ казни васъ лютой никто не спасетъ,
 Пощады не ждите, она не придетъ!
 Не придетъ, нѣтъ, нѣтъ!
 Не придетъ никто,
 Не спасетъ никто,
 Нѣтъ, пощады вы не ждите, нѣтъ!

Гугеноты.—Мейербера.*1-е дѣйствіе. Хоралъ Гугенотовъ.*

Молю, о сохрани,
 Спаси его отъ зла.
 Услышь молитву,
 Всесильный Боже Нашъ.
 Господь, защитникъ, покровитель,
 Услыши нашъ молящій гласъ!
 Къ тебѣ взываемъ, Искупитель!
 Помилуй, Боже, грѣшныхъ насъ!
 Ополчился царь тьмы—
 Намъ гибель грозитъ.
 Къ Тебѣ взываемъ мы:
 Твой мечъ врага да поразитъ,
 О Нашъ Творецъ! Мой Богъ!

Гугеноты.—Мейербера.*1-е дѣйствіе. Хоралъ Гугенотовъ.*

Творецъ, ты помоги,
 Спаси его отъ зла!
 О, Боже! Услышь молитву,
 Сохрани ты отъ паденья.
 Господь, защитникъ, покровитель,
 Услыши нашъ молящій гласъ!
 Къ тебѣ взываемъ Искупитель!
 Помилуй, Боже, грѣшныхъ насъ
 На насъ царь тьмы ополчился—
 Гибелью грозитъ.
 Господь, къ Тебѣ взываемъ,
 На помощь приди намъ,
 Твой мечъ врага да поразитъ,
 О Нашъ Творецъ!

Гугеноты.—Мейербера.*2-е дѣйствіе. Арія королевы.*

Въ краю родномъ, въ моемъ Туренѣ
 Все для меня полно красой;
 Въ тѣни садовъ прохладныхъ
 Оживаю я душой.
 Здѣсь, у серебристаго ручья,
 Ахъ, мечтаю, мечтаю сладко я,
 Здѣсь, у ручья, мечтаю я.
 Душой мнѣ сладко отдыхать,
 Струѣ мечтанья повѣрять
 И мечтать, и мечтать!
 Ахъ! Да, мечтать...

Гугеноты.—Мейербера.*2-е дѣйствіе. Дуэтъ Маргариты и Рауля.*

Рауль. Божество красоты, очарованье,
 Кому этотъ рай принадлежить?
 Скажи мнѣ, молю я,
 Куда я брошенъ?
 Я на землѣ иль въ небесахъ?
 Я молю, отвѣчай,
 Я молю тебя, отвѣчай!

Маргарита. О какъ прекрасенъ
 Гость мой милый!
 Какой огонь привѣтливый въ очахъ!
 Какъ мнѣ на сердцѣ горитъ, внимая
 Его привѣтливымъ рѣчамъ.
 Сердце забилося, забилося мое.
 Ахъ! Какъ сердце забилося, глядя на него.
 Ахъ! Какъ легко бы было,
 Да, мнѣ увлечь его,
 Но, но я не забыла
 Слова своего, да, мой долгъ.

Вмѣстѣ:

Маргар. Холодной казаться, плѣнять, не любя.
 И столько стараться все не для себя,
 Ахъ, тяжко испытанье,
 Но изъ состраданья
 Слово я сдержать должна.
 Тяжко испытанье,
 Но изъ состраданья
 Мое обѣщанье я сдержать должна:
 Его плѣнять не для себя.
 Да, радость и счастье васъ ждетъ,
 Оно вслѣдъ за вами идетъ!

Рауль. Навѣки, что было, хочу позабыть
 И что сердцу мило, всему измѣнить.
 Да, но въ груди святое,
 Да, чувство неземное
 Воскресаетъ вновь;
 Да, опять любовь въ груди моей,
 Исчезаетъ тотъ образъ мнѣ милый,
 Который такъ долго, такъ нѣжно,
 любилъ я душой.
 И часто, въ разлукѣ о ней я мечтаю,
 Я былъ счастливъ называть моею,
 Называть, да, называть моею.

Гугеноты.—Мейербера.*3-е дѣйствіе. Арія Сенъ-Бри (Освященіе мечей).*

У Карла есть враги;
 Злодѣевъ Генрихъ далъ,
 Пришла пора давнишнихъ поръ
 Споръ окончить съ нимъ мечемъ!
 На нихъ мы нападѣмъ
 Внезапно въ часъ ночной.
 Пойдете ль вы всѣ за мной
 Въ кровавый этотъ бой?
 Итакъ, итакъ нашъ грозный мечъ самъ Господь
 Благословилъ на дѣло правое,
 Враговъ мы истребимъ;
 Итакъ, насталъ послѣдній часъ,
 Для нихъ теперь насталъ,
 Мы ихъ всѣхъ истребимъ.
 Что такъ тебя смущаетъ?
 За вѣру стойте смѣло,
 Насъ Богъ благословляетъ,
 Самъ Богъ съ небесной высоты.
 Мы долго ждали мщенъе,
 Не все же выносить намъ,
 Нѣтъ, нынѣ жажду мщенъя,
 Жажду мщенъя хочу я утолить,
 Да, хочу утолить, утолить!

№ 2-24024.

Н. С. и Д. Х. Южины.

Гугеноты.—Мейербера.*4-е дѣйствіе. Дуэтъ Валентины и Рауля.*

Рауль. Мнѣ сказала ты: „Тебя люблю!“
 Отъ сна душа проснулася;
 Сердце радость наполняетъ
 И восторгомъ душа оживаетъ,
 Жизнь снова люблю! О, да!
 О, повтори: „Тебя я люблю!“
Валентина. Часъ насталъ!
Рауль. О, повтори!
Валентина. Я тебя люблю.
Рауль. Тебя я люблю.
Валентина. И возврата больше нѣтъ.
Рауль. Часъ счастливый, о ночь блаженства!
 Мы съ тобой вмѣстѣ бѣжимъ.
Валентина. Нѣтъ, никогда.
Рауль. Ты сказала: люблю тебя! Ахъ, бѣжимъ!
Валентина. Нѣтъ, нѣтъ, не смѣю.
Рауль. Ахъ, бѣжимъ!
Валентина. Нѣтъ, нѣтъ, останься.
Рауль. Ахъ, бѣжимъ! Ахъ, бѣжимъ!

Гугеноты.—Мейербера.

4-е дѣйствіе. Сцена заговора Сень-Бри.

Вы всѣ клялись передъ Богомъ Всемогушимъ
Не прекословить нашей волѣ.
Вы, стражи города, теперь,
Моимъ словамъ внимайте!
Вы въ полуночной тьмѣ,
Какъ тѣни, пробирайтесь
По улицамъ вездѣ
Волной разливайтесь.
Когда дадутъ сигналъ,
Всѣмъ смерть, часъ ихъ насталъ!
Ты, де-Бемъ, и всѣ твои
Въ жилище адмирала собирайтесь,
Погибнуть долженъ первый.
Ты спѣши въ замокъ Фреда
И время не теряйте:
Вѣдь Гугеноты тамъ на праздникъ собрались.
Праздникъ вышелъ ихъ блестящій
Въ честь Наварскаго и Маргариты.
Но еще я вамъ скажу!
Солдатъ всѣхъ къ битвѣ приготовьте въ тиши,
Сигнала ждите вы,
И, когда въ Сень-Жерменъ
Зазвучитъ въ первый разъ ударъ колоколовъ,
Пусть будетъ вамъ сигналъ
Предъ башней сторожевой пожаръ.
Немедля ударите въ набатъ.
Итакъ, друзья, все точно исполняйте,
И, наконецъ, съ Оксеруа раздастся звукъ,
И на врага ударьте вы.
Пощады нѣтъ всѣмъ Гугенотамъ,
Впередъ тогда!
Пусть каждый взмахъ мечемъ разить врага
И сѣетъ смерть кругомъ!
Почтенъ предъ вами я.
Потомъ въ безстрашный міръ пойдемъ,
И васъ, друзья, мы на бой поведемъ.

Демонъ.—Рубинштейна.*Прологъ.*

Проклятый міръ, презрѣнный міръ,
 Несчастный, ненавистный мнѣ міръ!
 Передо мною вѣковъ безплодныхъ
 Рядъ унылый проходить,
 Властвовать землей наскучило,
 Безъ наслажденья я сѣю зло,
 Нигдѣ ему не нахожу сопротивленья,
 И все покорно моему желанью, иль повелѣнью.
 Проклятый міръ, презрѣнный міръ,
 Несчастный, ненавистный мнѣ міръ!
 Чѣмъ онъ хорошъ? Какъ люди, такъ же онъ нич-
 тоженъ,

Повсюду все одно и то жъ:
 Онъ всюду слабъ и ненадеженъ.
 Я захочу и разнесу лѣса и рощи ураганомъ,
 Водой равнины наводню, и небо затяну туманомъ,
 Огнемъ подземнымъ растоплю
 Я горы, скалы и долины
 Безхладной лавой затоплю!
 Все, что предъ собой я вижу, } bis
 Все проклиная, ненавижу!

Демонъ.—Рубинштейна.*1-е дѣйствіе. Хоръ дѣвушекъ.*

Ходимъ мы къ Арагвѣ свѣтлой
 Каждый вечеръ за водой
 И кувшины наполняемъ
 Мы студеною струей.
 День и ночь бѣжитъ Арагва
 Неустанно по камнямъ,
 Золотая плещетъ рыбка
 По сапфировымъ волнамъ. Ахъ!
 Золотая, не простая,
 Да не всѣмъ она видна,
 Лишь когда кого полюбить,
 Съ тѣмъ и рѣчь ведетъ она,
 Увлечетъ къ себѣ въ хоромы,
 Изъ цвѣтнаго хрусталя,
 Кто войдетъ туда, вернуться...
 Не захочетъ никогда.

ДЕМОНЪ.—Рубинштейна.

1-е дѣйствіе. Арія Тамары.

Что вы, милыя подруженьки мои,
 Отчего вы безъ меня ушли?
 Охъ, рѣзвущки!
 Осторожно, какъ въ кувшины
 Воду станете вливать,
 Берегитесь, чтобъ нечаяно
 Рыбки вамъ не увидать...

Ха, ха, ха...

Вотъ къ вамъ доберусь и я.
 „День и ночь бѣжитъ Арагва“
 „Неустанно по камнямъ“,
 „Золотая плещетъ рыбка“
 „По сафировымъ волнамъ“
 Понарвемъ, соберемъ
 Мы цвѣты, цвѣточки;
 Заплетемъ, уберемъ
 Мы вѣнки, вѣночки.
 Всѣ въ цвѣтахъ, въ жемчугахъ
 Встрѣтимъ мы родного.
 Онъ прійдетъ, привезетъ
 Много дорогаго.
 Не видать, не познать
 Съ нимъ бѣды и муки,
 Будемъ вѣкъ коротать
 Безъ тоски, безъ скуки.
 Новой жизнію жить
 Весело мы станемъ,
 И другъ друга любить
 Вѣкъ не перестанемъ.

Ахъ, родной, дорогой,
 Какъ соскучилась я!
 Поскорѣй увидать
 И обнять бы тебя!

} bis.

№ 2-22652.

Л. В. Собиновъ.

№ 3-22776.

А. М. Лабинскій.

ДЕМОНЪ.—Рубинштейна.

1-е дѣйствіе. Арія кн. Синодала.

Обернувшись соколомъ,
 И къ тебѣ, моя горлица пугливая,
 Полетѣлъ бы я, рѣялъ бы по воздуху
 Я вблизи твоей любовался бы,
 Любовался бъ горлицей, горлицей твоей.
 Ждешь ты, дожидаясь,
 Я-жъ еще вдали,
 Словно подломилися }
 Крылья мои. } bis.
 Словно подломилися
 Крылья мои.
 Я еще вдали,
 Подломилися
 Крылья мои.
 Ахъ!

Демонъ.—Рубинштейна.*1-е дѣйствіе. Хоръ спутниковъ и арія князя.*

Хоръ. Ноченька темная,
 Скоро пройдетъ она;
 Завтра же, съ зоренькой,
 Въ путь намъ опять.
 Яркое солнышко
 Въ небѣ покажется,
 Будетъ дороженьку
 Намъ освѣщать.
 Сядемъ на борзые
 Кони, прикрасимся,
 Будемъ оружемъ
 На солнцѣ блистать.
 Съ пѣснями, съ звонкими,
 Съ бубнами, съ плясками,
 Завтра насъ дѣвушки
 Будутъ встрѣчать.

Князь. Ноченькой темною,
 Вѣтры послушные,
 Какъ бы вамъ въ горницу
 Къ милой влетѣть?..
 Все, что скажу я вамъ,
 Какъ я люблю ее,
 Надъ изголовьемъ
 Тихо пропѣть..
 Спи, ненаглядная,
 Сномъ укрѣпляющимъ—
 Вѣрный твой Господа
 Молить въ тиши:
 „Міра Создатель мой,
 „Дай ей покой,
 „Боже“..
 Ахъ, красавица!
 Вижу сквозь ночь тебя
 Вижу, прелестная,
 Вижу твой станъ!
 Буду ласкать тебя,
 Буду лобзать тебя..
 Завтра, да, завтра
 Ты будешь моя!
 Тамара, Тамара!

ДЕМОНЪ.—Рубинштейна.*1-е дѣйствіе. Хоръ спутниковъ князя.*

Ноченька темная,
 Скоро пройдетъ она;
 Завтра же, съ зоренькой,
 Въ путь намъ опять.
 Яркое солнышко
 Въ небѣ покажется,
 Будетъ дороженьку
 Намъ освѣщать.
 Сядемъ на борзые
 Кони, украсимся,
 Будемъ оружіемъ
 На солнцѣ блистать.
 Съ пѣснями, съ звонкими,
 Съ бубнами, съ плясками,
 Завтра насъ дѣвушки
 Будутъ встрѣчать.
 Ноченька темная,
 Скоро пройдетъ она,
 Завтра же съ зоренькой
 Въ путь намъ опять!

bis.

№ 2-22656.

Л. В. Собиновъ.

ДЕМОНЪ.—Рубинштейна.*1-е дѣйствіе. Арія князя Синодала.*

Ноченькой темною, вѣтры послушные,
 Какъ бы вамъ въ горницу милой влетѣтъ?..
 Все, что скажу я вамъ, какъ я люблю ее,
 Надъ изголовьемъ милой пропѣть.
 Спи, ненаглядная,
 Сномъ укрѣпляющимъ—
 Вѣрный твой Господа молить въ тиши:
 „Міра Создатель мой, дай ей покой,
 „Боже!..“ Ахъ, красавица, ахъ, красавица,
 Вижу сквозь ночь, вижу тебя,
 Вижу, прекрасная, вижу твой станъ!
 Буду ласкать тебя, буду лобзать тебя...
 Завтра, да, завтра ты будешь моя!
 Боже! что со мной? что со мной?..
 Тамара!.. Тамара!..

№ 3-24659.

Хоръ О-ва Граммофонъ.

ДЕМОНЪ.—Рубинштейна.*2-е дѣйствіе. Хоръ гостей.*

Гей! Въ день веселья мы собрались.
 Слава старику Гудалу!
 Слава дочери его!
 Слава князю жениху!
 Слава!

bis.

№ 2-22788.

№ 3-22810.

№ 22566.

О. И. Каміонскій.

Н. А. Шевелевъ.

”

ДЕМОНЪ.—Рубинштейна.

2-е дѣйствіе. Арія Демона.

Не плачь, дитя, не плачь напрасно!

Твоя слеза на трупъ безгласный

Живой росой не упадетъ...

Онъ далеко, онъ не узнаетъ—

Не оцѣнить тоски твоей,

Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ

Безплотный взоръ его очей!.

Онъ слышитъ райскіе напѣвы.

Что жизни мелочные сны,

Что стонъ и слезы юной дѣвы

Для гостя райской стороны!

Тебя я вольный сынъ ээира

Возьму въ надзвѣздные края,

И будешь $\frac{\text{ты}}{\text{тамъ}}$ царицей міра, } bis.

Подруга вѣчная моя!

№ 2-22757.

№ 022119.

О. И. Каміонскій.

Н. А. Шевелевъ.

ДЕМОНЪ.—Рубинштейна.

2-е дѣйствіе. Арія Демона.

На воздушномъ океанѣ,

Безъ руля и безъ вѣтриль,

Тихо плаваютъ въ туманѣ

Хоры стройныя свѣтилъ;

Среди полей необозримыхъ,

Въ небѣ ходятъ безъ слѣда

Облаковъ неуволнимыхъ

Волокнистыя стада.

Часть свиданья, часть разлуки

Имъ не радость, не печаль,

Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья

И прошедшаго не жаль;

Въ день томительный $\frac{\text{несчастья}}{\text{нечастья}}$

Ты о нихъ лишь вспомяни,

Будь къ земному безъ участья

И безпечна какъ они;

Лишь только ночь своимъ покровомъ

Верхи Кавказа оцѣнить,

Лишь только міръ волшебнымъ словомъ

Завороженный замолчить,

Лишь только мѣсяцъ золотой

Изъ-за горы тихонько встанетъ

И на тебя съ улыбкой взглянетъ,

Къ тебѣ я стану прилетать,

Гостить я буду до денницы

И на шелковыя рѣсницы

Сны золотые навѣвать;

Да, къ тебѣ я стану прилетать,

Гостить я буду до денницы

И на шелковыя рѣсницы

Сны золотые навѣвать.

Демонъ.—Рубинштейна.

3-е дѣйствіе. Арія Тамары.

Ночь тепла,
Ночь тиха,
Не могу я уснуть:
Неотвязной мечтой
Занята.
Кто бъ онъ былъ?
Захочу ль
Въ храмѣ я
Помолиться святымъ—
А молюся ему.
Кто бъ онъ былъ?
И онъ тамъ
Предо мной
Въ оиміамъ стоитъ
Иль скользитъ
Безъ слѣда..
Кто бъ онъ былъ?

Ночь тепла,
Ночь тиха,
Не могу я уснуть:
Неотвязной мечтой
Занята.
Кто бъ онъ былъ?
И всегда
Слышу я
Голосъ сладкихъ рѣчей,
И зоветъ онъ меня;
Но куда..
Кто бъ онъ былъ?
Шепчетъ мнѣ,
Говорить:
„Погоди, я приду“,
И я жду
Ужъ давно,
Ужъ давно.
Кто бъ онъ былъ?
Ночь тепла,
Ночь тиха,
Не могу я уснуть:
Неотвязной мечтой
Занята.

Демонъ.—Рубинштейна.*3-е дѣйствіе. Клятва Демона.*

Клянусь я первымъ днемъ творенья,
 Клянусь его послѣднимъ днемъ,
 Клянусь позоромъ преступленья
 И вѣчной правды торжествомъ.
 Клянусь паденья горькой мукой,
 Побѣды краткою мечтой,
 Клянусь свиданіемъ съ тобою
 И вновь грозящею разлукой!
 Клянусь небомъ я и адомъ,
 Земной святыней и тобою,
 Клянусь твоимъ послѣднимъ взглядомъ,
 Клянусь твоею первою слезой!
 Незлобныхъ устъ твоихъ дыханьемъ,
 Волною шелковыхъ кудрей,
 Клянусь блаженствомъ и страданьемъ,
 Клянусь любовію моею!
 Отрекся я отъ старой мести,
 Отрекся я отъ гордыхъ думъ,
 Хочу я съ небомъ примириться,
 Хочу любить, хочу молиться,
 Хочу я вѣровать добру!

№ 3-22857.

Н. А. Шевелевъ.

Демонъ.—Рубинштейна.*3-е дѣйствіе. Арія Демона.*

Я тотъ, которому внимала
 Ты въ полуночной тишинѣ,
 Чья мысль дунѣ твоей шептала,
 Чью грусть ты смутно отгадала.
 Я тотъ, чей взоръ надежду губить,
 Едва надежда расцвѣтетъ;
 Я тотъ, кого никто не любитъ, } bis.
 И все живущее клянеть;
 Я бичъ рабовъ моихъ земныхъ,
 Я царь познанья и свободы,
 Я врагъ небесъ,
 Я зло природы.
 И видишь—я у ногъ твоихъ,
 Тебѣ принесъ я въ умиленьи
 Молитву тихую любви,
 Земное первое мученье, } bis.
 И слезы первыя мои.

Добрыня-Никитичъ.—Гречанинова.*1-е дѣйствіе. Пѣсенка Алеши Поповича.*

Расцвѣтали въ полѣ цвѣтики,
 Расцвѣтали въ дни весенніе.
 Не успѣли, не успѣли распустилися,
 Какъ пришла пора холодная:
 Ночь сгубила ихъ морозная,
 Ночь холодная, морозная.
 Ихъ навѣкъ сгубила холодомъ
 Ночь холодная, морозная.
 Распѣвала пѣсни пташечка,
 Распѣвала пѣсни звонкія,
 Какъ настала непогодушка,
 Налетѣли вѣтры буйные,
 Вѣтры буйные шумливые,
 Унесли дружка любимаго,
 Друга милаго, любимаго,
 Разлучили съ ней навѣкъ.

№ 3-22828.

В. И. Касторскій.

Донъ-Жуанъ.—Моцарта.*1-е дѣйствіе. Арія Лепорелло.*

Вотъ синьора!
 Вотъ каталогъ всѣхъ красавицъ
 Я для васъ такъ и быть ужъ открою,
 Онъ составленъ моею рукою;
 Вотъ глядите, слѣдите за мной!
 Ихъ въ Италіи было шестьсотъ сорокъ,
 А въ Германіи двѣсти тридцать,
 Сто французенокъ, турчанокъ девяносто,
 Ну а испанокъ ихъ тысяча и три.
 Между ними есть крестьянки,
 Камеристки и мѣщанки,
 Есть графини, баронессы,
 Есть маркизы и принцессы,
 Словомъ всякихъ состояній,
 Всякихъ ранговъ, всякихъ лѣтъ.
 Итальянокъ шестьсотъ сорокъ,
 Нѣмокъ было двѣсти тридцать,
 Сто французенокъ, турчанокъ девяносто,
 Но испанокъ ихъ тысяча и три.
 Онъ въ блондинкѣ цѣнитъ скромность,
 Ихъ кокетство, ихъ взора томность,
 А въ брюнеткѣ страсти томень
 Взглядъ суровый сладострастья.
 Нонѣ будьте кѣмъ хотите,
 Безъ судьбы или богаты,
 Безъ судьбы, ну будьте кѣмъ хотите,
 Только юбочку вы носите,
 И влюбленъ ужъ въ васъ тотчасъ, } bis
 Онъ влюбленъ тотчасъ!
 Такъ понятны вамъ слова?..

Донъ-Жуанъ.—Моцарта.*2-е дѣйствіе. Серенада Донъ-Жуана.*

Пусть цитры нѣжной звуки
 Тоску мою и муки
 Тебѣ передадутъ!
 Ахъ, выгляни—я тутъ.
 Ужель мои страданья
 Не трогаютъ тебя?
 Жестокая! Признанья
 Дождусь ли скоро я?
 Глаза твои, какъ звѣзды,
 Уста—душистый медъ,
 Такъ увѣнчай надежды
 Того, кто здѣсь поетъ.
 Не гнѣвайся напрасно,
 Мнѣ гнѣвъ не страшенъ твой,
 Я знаю, другъ прекрасный,
 Что я любимъ тобой.

№ 2-22739.

О. И. Каміонскій.

Донъ-Жуанъ.—Моцарта.*2-е дѣйствіе. Серенада Донъ-Жуана.*

Приди, мое блаженство, приди къ окну,
 Скорѣй приди, услышь меня, мнѣ слезы осуши.
 Но если ты моей мольбѣ отвергнешь,
 Тогда у ногъ твоихъ я здѣсь умереть готовъ.
 Улыбкой ясной, свѣтлой ты озари меня,
 Сжался ты надо мной и полюби меня.
 Не будь, краса моя, со мной жестока,
 Страсти моей ты вѣрь, о вѣрь любви моей.

№ 3-22955.

О. И. Каміонскій.

Донъ-Жуанъ.—Моцарта.*3-е дѣйствіе. Арія Донъ-Жуана.*

Пусть наши гости всѣ веселятся,
 Праздникъ на славу ты имъ задай,
 Встрѣтишь красотку, только находку
 Въ залу скорѣе ты приглашай.
 Кто какъ захочетъ, пусть ихъ танцуютъ,
 Кто менуэтъ, кто сарабанду, кто алеманду, все
 имъ играй.
 Съ пѣсней въ смятеньи, съ той ли, съ другой ли,
 Дай испытать счастье любви, восторгъ любви.
 Цѣлымъ десяткомъ завтра ты можешь
 Списокъ умножить, ты это знай...
 Цѣлымъ десяткомъ, ты это знай...

№ 3-24666.

Хоръ О-ва Граммофонъ.

Дубровскій.—Направника.

1-е дѣйствіе. Хоръ крестьянъ.

На кого, отецъ, покидаешь насъ, сиротинушекъ?
Никому-то ты не заказывалъ,
Никому, отецъ, не приказывалъ,
Какъ намъ жить, тужить,
Какъ управиться въ горькой долюшкѣ!
Безъ тебя мы здѣсь, словно птенчики
Безъ родителя и безъ матушки.
Охъ, ты горюшко наше тяжкое,
Охъ, печаль, тоска вѣковѣчная!..
На кого, отецъ, покидаешь насъ, сиротинушекъ?
Безъ тебя мы словно птенчики
Безъ родителя и безъ матушки.
Охъ, ты горюшко наше тяжкое,
Охъ, печаль, тоска вѣковѣчная!..
Охъ, тяжело, охъ тяжело!..

№ 3-24667.

Хоръ О-ва Граммофонъ.

Дубровскій.—Направника.

1-е дѣйствіе. Хоръ крестьянъ.

Охъ, схоронили мы нашего батюшку,
Вѣчный покой ему, царство небесное!
Охъ, опустили мы въ яму глубокую
Съ бариномъ наше житье безмятежное.
Лютое горе, нужда неминуемая
Камнемъ свалилась на насъ, сиротинушекъ.
Чьи-то мы будемъ, кому мы достанемся,
Кто намъ замѣнитъ Андрея Гаврилыча?

№ 3-22814.

А. М. Давыдовъ.

№ 2-22795.

А. М. Лабинскій.

№ 2-22930.

”

№ 3-22537.

”

№ 22555.

Н. Фигнеръ.

Дубровскій.—Направника.

1-е дѣйствіе. Арія Дубровскаго.

О, дай мнѣ забвеніе, родная,
Согрѣй у себя на груди,
И, дѣтскіе сны навѣвая,
Дай прежнее счастье найти!
Истерзанъ я страшною мукой..
Взгляни, какъ обиженъ людьми я!
Ты снова меня убаюкай,
Сгряданья мои ты лаской уйми!
 лаской нѣжной
Пусть ангеломъ благостнымъ рѣя,
Твоя неземная любовь,
И грѣя мой духъ, лелѣя его,
Пробудить къ свиданью вновь!..
О, дай, родная, мнѣ забвеніе найти,
О, дай мнѣ найти!
О дай, о дай!

Дубровскій.—Направника.*2-е дѣйствіе. Аріозо Маши.*

Въ свѣтломъ молчаньи,
 Тихомъ сіяньи,
 Лѣсъ, ты не спишь,
 Тайну хранишь...
 Листъ твой не дремлетъ,
 Благостно внемлетъ
 Тайнѣ небесъ,
 Полной чудесъ.
 Вмѣстѣ съ тобою
 Свѣтлой душою
 Жадно внемлю,
 Тайну ловлю.
 Въ свѣтломъ молчаньи,
 Тихомъ сіяньи,
 Лѣсъ, ты не спишь,
 Тайну хранишь...

№ 24061.

М. и Н. Фигнеръ.

№ 24496.

М. Михайлова и Н. Большаковъ.

Дубровскій.—Направника.*3-е дѣйствіе. Дуэтъ Маши и Дубровскаго.*

Ne jamais la voir, ni l'entendre,
 Ne jamais tout haut la nommer...
 Mais, fidèle, toujours, l'attendre,
 Toujours, toujours l'aimer...
 Ouvrir les bras et las d'attendre
 Sur le néant les refermer.
 Mais encore, toujours les lui tendre,
 Toujours, toujours l'aimer...
 Ah! de pouvoir les lui tendre,
 Et dans les pleurs se consumer.
 Mais ces pleurs, toujours les répandre,
 Toujours, toujours l'aimer!
 Ne jamais la voir, ni l'entendre,
 Mais d'un amour toujours, toujours plus tendre,
 Toujours, toujours l'aimer.

П е р е в о д ъ:

Никогда не видѣть, не слышать,
 Никогда не смѣть называть,
 Но всегда ее ждать и вѣрно,
 Да, всегда любить!
 Открывъ объятья, никого не обнимать,
 Но, открывъ ихъ снова,
 Все также всегда, всегда любить!..
 Ахъ, только руки простирая, въ слезахъ горючихъ
 Но и слезы вѣчно роняя, всегда, всегда любить!
 Никогда не видѣть, не слышать,
 Никогда не смѣть называть,
 Но съ каждымъ днемъ все глубже и нѣжнѣе
 Ее всегда любить!

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковского.*1-е дѣйствіе. Дуэтъ Татьяны и Ольги.*

Слыхали ль вы за рошей гласъ ночной
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?—
 Когда поля въ часъ утренній молчали—
 Свирѣли звукъ унылый и простой,
 Слыхали ль вы?
 Слыхали ль вы тогда свирѣли
 Звукъ унылый и простой,
 Слыхали ль вы?
 Вздохнули ль вы, внимая тихій гласъ
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Когда въ лѣсахъ вы юношу видали,
 Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ—
 Вздохнули ль вы?

№ 2-23257.

Г. И. Никитина.

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковского.*1-е дѣйствіе. Арія Ольги.*

Я не способна къ грусти томной,
 Я не люблю мечтать въ тиши,
 Иль на балконѣ ночью темной
 Вдыхать изъ глубины души.
 Зачѣмъ вдыхать, когда счастливо
 Мои дни юные текутъ?
 Я беззаботна и шаловлива,
 Меня ребенкомъ всѣ зовутъ!
 Мнѣ будетъ жизнь всегда мила,
 И я останусь, какъ и прежде,
 Подобно вѣтренной надеждѣ, } bis.
 Рѣзва, безпечна, весела!
 Я не способна къ грусти томной,
 Я не люблю мечтать въ тиши,
 Иль на балконѣ ночью темной
 Вдыхать изъ глубины души.
 Зачѣмъ вдыхать, когда счастливо
 Мои дни юные текутъ?
 Я беззаботна и шаловлива,
 Меня ребенкомъ всѣ зовутъ.

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.*1-е дѣйствіе. Хоръ жнецовъ.*

Запѣвало. Болятъ мои скоры ноженъки со походушки.

Хоръ. Скоры ноженъки со походушки!

Запѣвало. Болятъ мои бѣлы рученьки со работушки.

Хоръ. Бѣлы рученьки со работушки!

Щемитъ мое ретивое сердце со заботушки!
Не знаю, какъ быть, какъ любезнаго забыть!

Болятъ мои скоры ноженъки со походушки,
Скоры ноженъки со походушки!

Болятъ мои бѣлы рученьки со работушки,
Бѣлы рученьки со работушки!

Здравствуй, матушка барыня!
Здравствуй, наша кормилица!

Вотъ мы пришли къ твоей милости,
Снопъ принесли разукрашенный,
Мы тебѣ снопъ принесли разукрашенный:
Съ жатвой покончили мы!

Извольте, матушка, потѣшимъ барыню!

Ну, дѣвки, въ кругъ сходитесь, ну, что жъ вы, становитесь, становитесь!

Ужъ какъ по мосту, мосточку,
По калиновымъ досочкамъ,
Вайну, вайну, вайну, вайну,
По калиновымъ досочкамъ.

Тутъ и шелъ прошелъ дѣтина,
Словно ягода малина,
Вайну,
Словно ягода малина.

На плечѣ несетъ дубину,
Подъ полѳ несетъ волынку,
Вайну,
Подъ полѳ несетъ волынку,
Подъ другой несетъ гудочекъ,
Догадайся, милъ дружокъ,
Вайну,
Догадайся, милъ дружокъ!

Солнце сѣло, ты не спишь ли?

Либо выйди, либо вышли!

Вайну,

Либо выйди, либо вышли:

Либо Сашу, либо Машу,

Либо душечку Парашу!

Вайну,

Либо душечку Парашу!

Либо Сашу, либо душечку Парашу,

Либо Сашу, либо Машу,

Либо душечку Парашу!

Парашенька выходила,

Съ милымъ рѣчи говорила,

Вайну,

Съ милымъ рѣчи говорила

Не безсудъ-ка, мой дружокъ,

Въ чемъ ходила, въ томъ и вышла!

Въ худенькой во рубашенкѣ,) bis.

Во короткой пониженкѣ,)

Вайну.

Евгеній Онѣгинъ. — Чайковского.

1-е дѣйствіе. Квинтетъ.

Ленскій. Mesdames! Я на себя взялъ смѣлость
Привезть пріятеля. Рекомендую, —
Онѣгинъ, мой сосѣдъ.

Онѣгинъ. Я счастливъ.

Ларина. Помилуйте... Мы рады вамъ... присядьте!
Вотъ дочери мои!

Онѣгинъ. Я очень радъ!..

Ларина. Войдемте въ комнаты... или, можетъ быть,
хотите

На вольномъ воздухѣ остаться? Съ нами
Безъ церемоній будьте. Мы сосѣди,
Такъ намъ чиниться нечего.

Ленскій. Прелестно здѣсь!

Люблю я этотъ садъ укромный и тѣнистый,
Въ немъ такъ уютно.

Ларина. Прекрасно! Пойду похлопотать
Тамъ я въ домѣ по хозяйству,
А вы гостей займите. Я сейчасъ.

Вмѣстѣ:

Онѣгинъ. Скажи, которая Татьяна?

Мнѣ очень любопытно знать.
Неужто ты влюбленъ въ меньшую?
Я выбралъ бы другую,
Когда бъ я былъ, какъ ты, поэтъ.
Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
Точь въ точь въ Вандиковой мадоннѣ.
Кругла, красна лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ.

Ленскій. Да та, которая грустна
И молчалива, какъ Свѣтлана.
А что? Ахъ, милый другъ, волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой,
Какъ мы взаимной разнотою!..

Татьяна. Я дождалась, — открылись очи!
Я знаю, знаю я: это онъ!
Увы, теперь и дни, и ночи,
И жаркій одинокій сонъ,
Все, все наполнить образъ милый,
Безъ умолку, волшебной силой.
Все будетъ мнѣ твердить о немъ
И душу жечь любви огнемъ.

Ольга. Ахъ, знала я, что появленье
Онѣгина произведетъ
На всѣхъ большое впечатлѣніе
И всѣхъ сосѣдей развлечетъ!
Пойдетъ догадка за догадкой,
Всѣ станутъ говорить украдкой,
Шутить, судить не безъ грѣха
И Танѣ прочить жениха.

№ 3-22680.
№ 3-22856.
№ 2-22761.
№ 2-22649.

А. М. Давыдовъ.
А. М. Лабинскій.
"
Л. В. Собиновъ.

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.

1-е дѣйствіе. Аріозо Ленскаго.

Я люблю васъ, Ольга, какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена.
Всегда, вездѣ одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль.
Я отрокъ былъ тобою плѣненный,
Сердечныхъ мукъ еще не зная,
Я былъ свидѣтель умиленный
Твоихъ младенческихъ забавъ.
Въ тѣни хранительной дубравы
Я раздѣлялъ твои забавы.
Я люблю тебя, какъ одна
Душа поэта только любить...
Ты одна въ моихъ мечтаньяхъ,
Ты одно мое желанье,
Ты мнѣ радость и страданье!
Я люблю тебя, я люблю тебя,
И никогда ничто—
Ни охлаждающая даль,
Ни часъ разлуки,
Ни веселья шумъ, —
Не отрезвять души,
Согрѣтой дѣвственнымъ любви огнемъ.

№ 23062.

М. А. Михайлова.

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.

1-е дѣйствіе. Письмо Татьяны. 1-я ч.

Я къ вамъ пишу, чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать!
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла,
Повѣрьте, моего стыда
Вы не узнали бы ни когда!
О да, клялась я сохранить въ душѣ
Признанье въ страсти пылкой и безумной...
Увы! Не въ силахъ я владѣть своей душой...
Пусть будетъ то, что быть должно со мной!
Ему признаюсь я! Смѣлѣй!
Онъ все узнаетъ.
Зачѣмъ вы постѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я бъ никогда не знала васъ,
Не знала бъ горькаго мученья.
Души неопытной волненіе
Смиривъ со временемъ,—какъ знать?—
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать...
Другой!

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.*1-е дѣйствіе. Продолженіе письма Татьяны.*

Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я бѣ никогда не знала васъ,
Не знала бѣ горькаго мученья.
Души неопытной волненье
Смиривъ со временемъ,—какъ знать?—
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.
Другой!
Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердце я.
То въ вышнемъ суждено совѣтъ,
То воля неба: я твоя!
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю: ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой!
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся,
Незримый, ты ужъ былъ мнѣ милъ;
Твой чудный взглядъ меня томилъ;
Въ душѣ твой голосъ раздавался.
Давно... нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я въ мигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда ль? я тебя слыхала...
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой улаждала
Тоску души.
И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Приникнувъ тихо къ изголовью,
Не ты ль съ отрадой и любовью
Слова надежды мнѣ шепнулъ?

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.*1-е дѣйствіе. Конецъ письма Татьяны.*

Кто ты: мой ангелъ ли хранитель,
 Или коварный искуситель?
 Мои сомнѣнія разрѣши;
 Быть можетъ, это все пустое,
 Обманъ неопытной души,
 И суждено совсѣмъ иное...
 Но такъ и быть! судьбу мою
 Отнынѣ я тебѣ вручаю,
 Передъ тобою слезы лью,
 Твоей защиты умоляю.
 Вообрази, я здѣсь одна!
 Никто меня не понимаетъ!
 Разсудокъ мой измемогаеть
 И молча гибнуть я должна!
 Я жду тебя; единый словомъ
 Надежды сердца оживи,
 Иль сонъ тяжелый перерви,
 Увы, заслуженнымъ укоромъ.
 Кончаю! страшно перечестъ,
 Стыдомъ и страхомъ замираю,
 Но мнѣ порукой честь его
 И смѣло ей себя ввѣрю!

№ 3-24610.

Хоръ О-ва Граммофонъ.

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.*1-е дѣйствіе. Хоръ дѣвушекъ.*

Дѣвицы-красавицы, душеньки-подруженьки,
 Разыграйтесь, дѣвицы, разгуляйтесь, милыя,
 Затяните пѣсенку, пѣсенку завѣтную.
 Заманите молодца къ хороводу нашему.
 Какъ заманимъ молодца, какъ завидимъ издали,
 Разбѣжитесь, милыя, закидаемъ вишеньемъ,
 Вишеньемъ, малиною, красною смородиной:
 Не ходи подслушивать пѣсенки завѣтныя,
 Не ходи подсматривать игры наши дѣвичьи!
 Дѣвицы-красавицы, душеньки-подруженьки,
 Разыграйтесь, дѣвицы, разгуляйтесь, милыя,
 Затяните пѣсенку, пѣсенку завѣтную,
 Заманите молодца къ хороводу нашему.
 Какъ заманимъ молодца къ хороводу нашему,
 Какъ заманимъ молодца, какъ завидимъ издали,
 Разбѣжимтесь, милыя, закидаемъ вишеньемъ:
 Не ходи подслушивать пѣсенки завѣтныя,
 Не ходи подсматривать игры наши дѣвичьи.

*) Безъ послѣднихъ четырехъ строкъ.

№ 24483.

А. Андреева и М. Сокольскій.

№ 24485.

М. Михайлова и М. Сокольскій.

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.

1-е дѣйствіе. Дуэтъ Татьяны и Онѣгина.

Татьяна. Здѣсь онъ... здѣсь Евгеній!..

О Боже, о Боже!

Что думалъ онъ... что скажетъ онъ?..

Ахъ! для чего,

Стенанью внявъ души больной,

Не въ силахъ совладать съ собой,

Ему письмо я написала!

Да! сердце мнѣ теперь сказало,

Что насмѣется надо мной

Мой соблазнитель роковой!

О, Боже мой, какъ я несчастна,

Какъ я жалка! Шаги... все ближе...

Да, это онъ, это онъ!

Онѣгинъ. Вы мнѣ писали, не отпирайтесь!

Я прочелъ души доверчивой признанья,

Любви невинной изліянья,

Мнѣ ваша искренность мила!

Она въ волненіе привела

Давно умолкнувшія чувства;

Но васъ хвалить я не хочу,

Я за нее вамъ отплачу

Признаньемъ также безъ искусства.

Примите жъ исповѣдь мою,

Себя на судъ вамъ отдаю!

Татьяна. О, Боже! какъ обидно и какъ больно!

№ 3-22688.

М. Б. Сокольскій.

№ 2-22938.

П. З. Андреевъ.

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.

1-е дѣйствіе. Арія Онѣгина.

Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ

Я ограничить захотѣлъ,

Когда бъ мнѣ быть отцомъ, супругомъ,

Пріятный жребій повелѣлъ,

То вѣрно бы, кромѣ васъ одной,

Невѣсты не искалъ иной.

Но я не созданъ для блаженства,

Ему чужда душа моя;

Напрасны ваши совершенства,

Ихъ не достоинъ вовсе я.

Повѣрьте совѣсть въ томъ порукой,

Супружество намъ будетъ мукой.

Я, сколько ни любилъ бы васъ,

Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ.

Судите же вы, какія розы

Намъ заготовитъ Гименей,

И можетъ быть, на много дней!

Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата,

Не обновлю души моей.

Я васъ люблю любовью брата,

И можетъ быть еще нѣжнѣй!

Послушайте жъ меня безъ гнѣва:

Смѣнить не разъ младая дѣва

Мечтами легкія мечты.

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.*2-е дѣйствіе. Вальсъ.*

Хоръ. Вотъ такъ сюрпризъ, никакъ не ожидали
 Военной музыки! Веселье хотъ куда!
 Давно ужъ здѣсь насъ такъ не угощали! }
 На славу пиръ, не правда ль, господа? } *bis.*

Пожилые помѣщики.

(Въ нашихъ помѣстьяхъ не часто встрѣчаемъ)
 Бала веселаго радостный блескъ,
 (Только охотой себя развлекаемъ,)
 Любъ намъ охотничій гомонъ и трескъ.

Маменьки. Ну ужъ веселье: день цѣлый летаютъ
 По дебрямъ, полянамъ, болотамъ, кустамъ!
 Устанутъ, залягутъ, потомъ отдыхаютъ,
 И вотъ развлеченье для бѣдныхъ всѣхъ дамъ!

Молодые дѣвицы.

Ахъ, Трифонъ Петровичъ, какъ милы вы, право!
 Мы такъ благодарны вамъ.

Ротный. Полноте-съ... я-съ,

Я самъ очень счастливъ...

Дѣвицы. Попляшемъ на славу.

Ротный. Я тоже намѣренъ.

Начнемте жъ плясать!

Хоръ. Вотъ такъ сюрпризъ, никакъ не ожидали
 Военной музыки! Веселье хотъ куда!
 Давно ужъ здѣсь насъ такъ не угощали!
 На славу пиръ, не правда ли, господа?

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.*2-е дѣйствіе. Куплеты Трике.*

A cette fête convié,
 De celle, dont le jour est fêté,
 Contemplant le charme et la beauté.
 Son aspect doux et enchanteur
 Répand sur nous tous sa lueur.
 De la voir quel plaisir, quel bonheur!
 Brillez, toujours, belle Tatiana!

Какой прекрасный этотъ день,
 Когда въ сей деревенскій сѣнь
 Просыпался belle Tatiana!
 И ми приѣхали сюда,
 Дѣвицъ и дамъ, и господа,
 Посмотрѣть, какъ расцвѣтаетъ она!
 Ви роза, belle Tatiana!

*) Заключенныя въ скобки двѣ строки хоръ пропускаетъ.

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.*2-е дѣйствіе. Сцена ссоры.***Онѣгинъ.** Ты не танцуешь, Ленскій?

Чайльдъ-Гарольдомъ стоишь какимъ-то!

Что съ тобой?

Ленскій. Со мной? Ничего. Любуюсь я тобой,

Какой ты, другъ, прекрасный!

Онѣгинъ. Каково? не ожидалъ признанья я такого!

За что ты дуешься?

Ленскій. Я дуюсь? О! Нимало! Любуюсь я, какъ
словъ своихъ игрой и свѣтской болтовней
ты кружишь головы и дѣвочекъ смущаешь
покой душевный.Видно, для тебя одной Татьяны мало: изъ
любви ко мнѣ ты вѣрно хочешь Ольгу погу-
бить, смутить ея покой, а тамъ смѣяться
надъ нею же! Ахъ, какъ честно это!**Онѣгинъ.** Что? Да ты съ ума сошелъ!**Ленскій.** Прекрасно! Меня жъ ты оскорбляешь, и
меня жъ ты зовешь помѣшаннымъ!Онѣгинъ! Вы больше мнѣ не другъ! Быть
близкимъ съ вами я не желаю больше!

Я.. презираю васъ!

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.*2-е дѣйствіе. Арія Ленскаго.*

Въ нашемъ домѣ, какъ сны золотые,

Мои дѣтскіе годы текли!

Въ нашемъ домѣ вкусилъ я впервые

Радость чистой и свѣтлой любви!

Но сегодня узналъ я другое,

Я извѣдалъ, что жизнь—не романъ,

Честь—лишь звукъ, дружба—слово пустое,

Оскорбительный, жалкій обманъ!

Да, оскорбительный, жалкій обманъ!

Я узналъ здѣсь, что дѣва красую

Можетъ быть точно ангелъ мила,

И прекрасна, какъ день, но душою,

Точно демонъ, коварна и зла!

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.
*2-е дѣйствіе. Финалъ.***Вмѣстѣ:**

Ленскій. Въ вашемъ домѣ, какъ сны золотые,
Мои дѣтскіе годы текли!
Въ вашемъ домѣ вкусилъ я впервые
Радость чистой и свѣтлой любви!
Но сегодня узналъ я другое;
Я повѣдалъ, что жизнь—не романъ,
Честь—лишь звукъ, дружба—слово пустое,
Оскорбительный жалкій обманъ.
Я узналъ здѣсь, что дѣва красотою
Можетъ быть, точно ангелъ, мила,
И прекрасна какъ день, но душою,
Точно демонъ, коварна и зла!

Онѣгинъ. Наединѣ съ своей душой
Я недоволенъ самъ собой.
Надъ этой страстью робкой, нѣжной,
Я слишкомъ пошутилъ небрежно.
Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
Я бѣ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и умомъ.
Но дѣлать нечего теперь:
Я долженъ отвѣчать на оскорбленья!

Татьяна. Потрясена я, умъ не можетъ
Понять Евгенія. Тревожитъ
Меня ревнивая тоска.
Какъ холодная чья-то рука,
Она мнѣ сжала сердце больно такъ, жестоко!
Ахъ, погибну я, мнѣ сердце сказало.
Роптать я не смѣю!

Ларина. Боюсь, чтобы послѣдъ веселью
Не завершилась ночь дуэлью.
Ахъ, молодежь такъ горяча,
Она рѣшаетъ все съ плеча!

Ольга. Боюсь, чтобы послѣдъ веселью
Не завершилась ночь дуэлью.
Ахъ, кровь въ мужчинахъ горяча,
Они рѣшаютъ все съ плеча!
Душа въ немъ ревностью объята,
Но я ни въ чемъ невиновата.

Онѣгинъ. Къ услугамъ вашимъ я.
Довольно. Выслушалъ я васъ...
Безумны вы, и вамъ урокъ
Послужить къ исправленью!

Ленскій. Итакъ до завтра!
Посмотримъ, кто кого проучить!
Пускай безумецъ я,
Но вы безчестный соблазнитель!

Онѣгинъ. Замолчите, или я убью васъ...

Все вмѣстѣ:

Что за скандалъ! Мы не допустимъ
Дуэли между ними, кровавой расправы,
Ихъ просто отсюда не пустимъ,
Держите... да, ихъ просто изъ дому не пустимъ.

Ольга. Владиміръ, успокойся, умоляю!

Ленскій. Ахъ, Ольга, Ольга, прощай на вѣкъ!

№ 2-22988
№ 2-22760
№ 3-22547

А. М. Карензинъ.
А. М. Лабинскій.

Евгеній Онѣгинъ. — Чайковского.

2-е дѣйствіе. Арія Ленскаго.

Куда, куда, куда вы удалились
Весны моей златые дни?
Что день грядущій мнѣ готовить?
Его мой взоръ напрасно ловить:
Въ глубокой тѣмѣ таится онъ!
Нѣтъ нужды!.. правъ судьбы законъ!..
Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
Иль мимо пролетитъ она—
Все благо: бдѣнія и сна
Приходитъ часъ опредѣленный;
Благословенъ и день заботъ,
Благословенъ и тьмы приходъ!
Куда, куда вы удалились
Весны моей златые дни?

№ 022123.
№ 022099. *)
№ 022124.
№ 022083

А. М. Давыдовъ.
"
А. М. Лабинскій.
"

Евгеній Онѣгинъ. — Чайковского.

2-е дѣйствіе. Арія Ленскаго.

Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущій мнѣ готовить?
Его мой взоръ напрасно ловить:
Въ глубокой тѣмѣ таится онъ!
Нѣтъ нужды!.. правъ судьбы законъ!..
Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
Иль мимо пролетитъ она—
Все благо: бдѣнія и сна
Приходитъ часъ опредѣленный;
Благословенъ и день заботъ,
Благословенъ и тьмы приходъ!
Блеснетъ за-утра лучъ денницы
И заиграетъ яркій день,
А я быть можетъ... я гробницы
Сойду въ таинственную сѣнь.
И память юнаго поэта
Поглотитъ медленная Лета,
Забудетъ міръ меня.
Но ты... ты!.. Ольга!
Сердечный другъ, желанный другъ!
Приди, приди, желанный другъ!
Приди, я твой супругъ!
Приди, приди, я жду тебя,
Желанный другъ!
Приди, приди, я твой супругъ!
Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?..

*) № 022099 — безъ двухъ послѣднихъ строкъ.

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.*2-е дѣйствіе. Арія Ленскаго.*

Куда, куда вы удалились весны моей златые дни?
 Что день грядущій мнѣ готовить?
 Его мой взоръ напрасно ловить,
 Въ глубокой тѣмѣ таится онъ.
 Нѣтъ нужды: правъ судьбы законъ!
 Паду ли я стрѣлой пронзенный,
 Иль мимо пролетитъ она,
 Все благо: бѣдъ и сна
 Приходитъ часъ опредѣленный!
 Благословенъ и день заботъ,
 Благословенъ и тьмы приходъ!
 Блеснетъ за утра лучъ денницы
 И заиграетъ яркій день,
 А я быть можетъ... я гробницы
 Сойду въ таинственную сѣнь!
 И память юнаго поэта
 Поглотитъ медленная Лета,
 Забудетъ міръ меня.
 Но ты! ты!.. Ольга!..
 Скажи, придешь ли, дѣва красоты,
 Слезу пролить надъ ранней урной
 И думать: онъ меня любилъ!
 Онъ мнѣ единой посвятилъ
 Расцвѣтъ печальный жизни бурной!
 Ахъ, Ольга, я тебя любилъ...
 Тебѣ единой посвятилъ
 Расцвѣтъ печальный жизни бурной!
 Ахъ, Ольга, я тебя любилъ!
 Сердечный другъ, желанный другъ,
 Приди, я твой супругъ,
 Приди, приди, я жду тебя,
 Желанный другъ!
 Приди, приди, я твой супругъ!
 Куда, куда, куда вы удалились,
 Весны моей, весны моей златые дни?

№ 2-24002.

Н. Большаковъ и Л. Савранскій.

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.*2-е дѣйствіе. Сцена поединка.***Онѣгинъ.** Что-жъ? начинать?**Ленскій.** Начнемъ, пожалуй!

Вмѣстѣ. Враги! Давно ли другъ отъ друга
 Насъ жажда крови отвела?
 Давно ли мы часы досуга,
 Трапезу, и мысли, и дѣла
 Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
 Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
 Мы другъ для друга въ тишинѣ
 Готовимъ гибель хладнокровно.
 Ахъ! Не засмѣяться ль намъ,
 Пока не обагрилася рука,
 Не разойтись ли любовно?
 Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

Секундантъ. Теперь сходитесь!**Онѣгинъ.** Убить?**Секундантъ.** Убить!

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.*2-е дѣйствіе. Сцена поединка.***Онѣгинъ.** Что жъ? Начинать?**Ленскій.** Начнемъ, пожалуй!**Вмѣстѣ:**

Враги! давно ли другъ отъ друга
 Ихъ жажда крови отвела?
 Давно ль они часы досуга,
 Трапезу мысли и дѣла
 Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
 Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
 Какъ въ страшномъ, непонятномъ снѣ,
 Они другъ для друга въ тишинѣ
 Готовятъ гибель хладнокровно...
 Не засмѣяться ль намъ, пока
 Не обагрилася рука,
 Не разойтись ли полюбовно?..
 — Нѣтъ, нѣтъ! Нѣтъ, нѣтъ!

№ 3-22694.

М. Б. Сокольскій.

№ 2-22798.

О. И. Каміонскій.

№ 3-22888.

М. К. Максаковъ.

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.*3-е дѣйствіе. Арія Онѣгина.*

Ужель та самая Татьяна,
 Которой я наединѣ,
 Въ глухой далекой сторонѣ,
 Въ благомъ пылу нравоученья,
 Читалъ когда-то наставленья?
 Та дѣвочка, которой я
 Пренебрегалъ въ смиренной долѣ?
 Ужели то она была
 Такъ равнодушна, такъ смѣла?
 Но что со мной, о, я какъ во снѣ...
 Что шевельнулось въ глубинѣ
 Души холодной и лѣнивой?
 Досада, суетность, иль вновь
 Забота юности, — любовь?
 Увы, сомнѣнья нѣтъ! влюбленъ я,
 Влюбленъ какъ мальчикъ,
 Полный страсти юной.
 Пускай погибну я, но прежде
 Я въ ослѣпительной надеждѣ
 Вкушу волшебный ядъ желаній,
 Упьюсь несбыточной мечтой:
 Вездѣ, вездѣ онъ предо мной,
 Образъ желанный дорогой.
 Вездѣ, вездѣ онъ предо мной

№ 3-22664.

№ 2-22934.

№ 3-22873. *)

Б. С. Вепринскій.

Л. М. Сибиряковъ.

В. И. Касторскій.

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.

3-е дѣйствіе. Арія кн. Гренина.

Любви всѣ возрасты покорны,
Ея порывы благотворны—
И юношѣ въ расцвѣтѣ лѣтъ,
Едва увидѣвшему свѣтъ,
И закаленному судьбой
Бойцу съ сѣдою головой...
Онѣгинъ, я скрывать не стану,
Безумно я люблю Татьяну!
Тоскливо жизнь моя текла,
Она явилась и зажгла,
Какъ солнца лучъ среди ненастья,
Мнѣ жизнь, и молодость и счастье!

№ 024021.

А. Андреева и М. Сокольскій.

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.

3-е дѣйствіе. Дуэтъ Онѣгина и Татьяны.

Татьяна. Онѣгинъ! Я тогда моложе,

Я лучше, кажется, была.
И я любила васъ, но что же,
Что въ вашемъ сердцѣ я нашла?
Какой отвѣтъ? одну суровость!
Не правда ль, вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче... Боже, стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодный
И эту исповѣдь! Но васъ я не виню!
Въ тотъ страшный часъ вы поступили бла-
городно,
Вы были правы предо мной.
Тогда, не правда ли, въ пустынь,
Вдали отъ суетной молвы
Я вамъ не нравилась. Что жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтъ?
Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна,
Что я богата и знатна,
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ,
Что насъ за то ласкаетъ дворъ?
Не потому ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ
И могъ бы въ обществѣ принести
Вамъ соблазнительную честь?

Онѣгинъ. О Боже!

Ужель въ мольбѣ моей смиренной
Увидитъ вашъ холодный взоръ
Затѣи хитрости презрѣнной?
Меня терзаетъ вашъ укоръ!
Когда бъ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Терпѣть и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови,
Желать обнять у васъ колѣни
И, зарыдавъ у вашихъ ногъ,
Излить мольбы, признанья, пени—
Все, все, что выразить бы могъ!

*) № 3-22873 исп. эту арію два раза.

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.

3-е дѣйствіе. Заключительный дуэтъ Онѣгина и Татьяны. 1-я часть.

Татьяна. Я плачу!

Онѣгинъ. Плачьте! Эти слезы дороже всѣхъ сокровищъ міра!

Татьяна. Ахъ! счастье было такъ возможно, такъ близко!

Вмѣстѣ:

Онѣгинъ. Ахъ! Счастье было такъ возможно, такъ близко!

Татьяна. Но судьба моя ужъ рѣшена, и безвозвратно! Я вышла замужъ: вы должны, я васъ прошу, меня оставить!

Онѣгинъ. Оставить? Оставить? Какъ, васъ оставить? Нѣтъ! Нѣтъ!

Поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движенье, взглядъ,
Ловить влюбленными глазами;
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ страстныхъ мукахъ замирать
Блѣднѣть и гаснуть... вотъ блаженство!
Вотъ одна мечта моя, одно блаженство!

Татьяна. Онѣгинъ, въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость и прямая честь!

Онѣгинъ. Я не могу оставить васъ.

Татьяна. Евгеній, вы должны, я васъ прошу, меня
оставить!

Онѣгинъ. О сжальтесь!

Татьяна. Зачѣмъ скрывать, зачѣмъ лукавить?
Ахъ, я васъ люблю!..

Онѣгинъ. Что слышу я!

Какое слово ты сказала?
О, радость, жизнь моя!
Ты прежнею Татьяной стала!

Татьяна. Нѣтъ, нѣтъ, прошлаго не воротить!
Я отдана теперь другому,
Моя судьба ужъ рѣшена,
Я буду вѣкъ ему вѣрна!

Евгеній Онѣгинъ.—Чайковскаго.

3-е дѣйствіе. Заключительный дуэтъ Онѣгина и Татьяны. 2-я часть.

Онѣгинъ. О, не гони! меня ты любишь,
И не оставлю я тебя;
Ты жизнь свою напрасно сгубишь,
То воля неба: ты моя!
Вся жизнь твоя была залогомъ
Соединенія со мной!
И знай: тебѣ я посланъ Богомъ,
До гроба я хранитель твой!
Не можешь ты меня отринуть,
Ты для меня должна покинуть
Постылый домъ и шумный свѣтъ:
Тебѣ другой дороги нѣтъ!

Вмѣстѣ:

Татьяна. Онѣгинъ! Я тверда останусь:
Судьбой другому я дана,
Съ нимъ буду жить и не разстанусь.
Нѣтъ! клятвы помнить я должна!
Глубоко въ сердце проникаетъ
Его отчаянный призывъ;
Но пылъ преступный подавивъ,
Долгъ чести, суровый, священный,
Чувство побѣждаетъ.

Онѣгинъ. Нѣтъ, не можешь ты меня отринуть!
Ты для меня должна покинуть все!
Постылый домъ и шумный свѣтъ:
Тебѣ другой дороги нѣтъ!
О, не гони меня, молю: ты любишь меня,
Ты жизнь свою напрасно сгубишь,
Ты моя, навѣкъ моя!

Татьяна. Я удалюсь.

Онѣгинъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Татьяна. Довольно!

Онѣгинъ. О, молю, не уходи!

Татьяна. Нѣтъ, я тверда останусь!

Онѣгинъ. Люблю тебя, люблю тебя!

Татьяна. Оставь меня!

Онѣгинъ. Люблю тебя!

Татьяна. Прощай навѣки!

Онѣгинъ. Позоръ, тоска! О, жалкій жребій мой!

Жидовка.—Галеви.*1-е дѣйствіе. Хоръ гулякъ.*

Ахъ, вкусное вино!

Благодаримъ Императора за него. } bis.

Въ величїи своемъ

Сдѣлалъ воду онъ виномъ. } bis.

За членовъ высшаго совѣта

Мы пьемъ и шлемъ свои привѣты.

Чтобъ радостно сей день почитать,

За ихъ здоровье будемъ пить!

За членовъ совѣта мы пьемъ

И шлемъ имъ душевные привѣты. } bis.

Чтобъ радостно сей день почитать,

За ихъ здоровье будемъ пить!.. } bis.

Жидовка.—Галеви.*1-е дѣйствіе. Каватина Бронь.*

Если раздоръ, злоба и мщенье

Ихъ держать вѣкъ въ борьбѣ съ тобой,

То пусть любовь, милость, прощенье,

Мой Богъ, Мой Богъ,

Снова ихъ приведутъ къ Тебѣ.

Да, пусть любовь и милость,

Мой Богъ, приведутъ ихъ къ Тебѣ.

И самъ, мой Богъ, обрати ихъ къ себѣ.

Помнимъ друзья его заповѣдь намъ,

Откроемъ объятъ заблудшимъ овцамъ. } bis.

Да, ихъ раздоръ, злоба и мщенье

Ихъ держать вѣкъ въ борьбѣ съ Тобой,

То пусть любовь, милость, прощенье,

Мой Богъ, Мой Богъ,

Снова ихъ приведутъ къ Тебѣ.

Да, пусть любовь и милость,

Мой Богъ, приведутъ ихъ къ Тебѣ.

Ты самъ, мой Богъ, обрати ихъ къ себѣ!

Боже правый, обрати ихъ вновь къ себѣ!..

Жидовка.—Галеви.*3-е дѣйствіе. Сцена проклятія.*

Вы оскорбить могли Творца,
 Творца такимъ позоромъ!
 Проклятье вамъ!
 Проклятье затаю ужасное и преступное.
 Проклятье вамъ навсегда!
 Да будь надъ вами Вельзевулъ
 Страны самъ такой васъ отвергъ и проклялъ васъ!
 Онъ отвергъ и проклялъ васъ!
 Двери храма тебѣ
 Ужъ не будутъ открыты;
 И священной водой
 И трапезой святой
 Ты не будешь питаться въ обѣдъ;
 Приближеніе твое
 И дыханіе твое
 Христіанамъ противно.
 Ты пенять будешь зло.
 Проклять ты на землѣ,
 Проклять ты въ небесахъ,
 И настанетъ когда
 Смертный часъ твой, тогда
 Ты умрешь безъ молитвы
 И безъ погребенья.
 Запомни въ небесахъ оскорбленіе!
 Теперь двери рая навѣкъ
 Для васъ затворены.

№ 022088.

А. М. Давыдовъ.

№ 22518.

”

Жидовка.—Галеви.*4-е дѣйствіе. Арія Элеазара.*

Рахиль, ты мнѣ дана небеснымъ провидѣньемъ.
 Отъ колыбели Богъ вручилъ судьбу твою;
 Всю жизнь ты мнѣ была надеждой, утѣшеньемъ,
 И самъ тебя на смерть я предаю!
 Всю жизнь ты мнѣ была надеждой, утѣшеньемъ
 И самъ тебя на смерть я предаю,
 Самъ палачамъ, палачамъ тебя предаю!
 Вотъ твой вопль я слышу и моленіе:
 О, спаси, какъ боюсь смерти я!
 Я молода и жизнь мнѣ наслажденіе, |
 О, пожалѣй, пожалѣй ты меня! | bis.
 О пожалѣй свое дитя!..
 Рахиль! я самъ тебя на смерть предаю!

Жизнь за Царя.—Глинки.*1-е дѣйствіе. Хоръ крестьянъ.*

Въ бурю, во грозу,
 Соколъ по небу
 Держитъ молодецкій путь!
 Миръ въ землѣ сырой!
 Честь въ странѣ родной!
 Слава мнѣ на Руси святой!
 Весна свое взяла,
 Красна весна пришла.
 Всѣ пташечки воротились къ намъ, } *bis.*
 И рады мы дорогимъ гостямъ. }
 Выручили мы солнышко
 Изъ вражьей тьмы!
 Какъ Русь Москву взяла,
 Во Кремль опять вошла,
 Всѣ молодцы воротились къ намъ,
 И рады мы братьямъ и друзьямъ!
 Изъ плѣна къ намъ домой
 Бояринъ нашъ молодой —
 Все горе отошло,
 Какъ солнышко взошло!
 Кто солнышкомъ блестить?
 Кто солнышкомъ горить?
 Михаилъ Ѳедоровичъ!

Жизнь за Царя.—Глинки.*1-й актъ. Фуга - хоръ.*

Онъ у насъ опять!
 Вы всѣ за него, какъ темный лѣсъ!
 Мы
 А солнышкомъ свѣтитъ онъ съ небесъ,—
 Кто его возьметъ?
 Мы всѣ за него, какъ темный лѣсъ!
 А солнышкомъ свѣтитъ онъ съ небесъ—
 Кто его возьметъ?
 Кто на насъ дерзнетъ?
 Вы всѣ за него стѣной, горой!
 Мы
 Вы тронетесь тьмущей тьмой, грозой!
 Мы тронемся
 Вы всѣ за него готовы пасть!
 Мы
 Вы всѣ за него стѣной, горой!
 Мы
 Вы тронетесь тьмущей тьмой, грозой!
 Мы тронемся
 Бѣда неожиданнымъ злымъ гостямъ!

Жизнь за Царя.—Глинки.*1-й актъ. Каватина Антонида.*

Въ поле чистое гляжу,
 Въ даль по рѣкѣ родной
 Очи держу.
 Волны къ намъ идутъ, идутъ,
 Льдины грозныя плывутъ...
 Долго, долго лодки не видать!
 Долго ли ждать? Мой свѣтъ,
 Все тебя нѣтъ!

№ 023018.

А. В. Нежданова.

№ 2-23060 *).

М. А. Михайлова.

Жизнь за Царя.—Глинки.*1-й актъ. Каватина и рондо Антонида.*

Въ поле чистое гляжу,
 Въ даль по рѣкѣ родной
 Очи держу.
 Волны къ намъ идутъ, идутъ,
 Льдины грозныя плывутъ...
 Долго, долго лодки не видать!
 Долго ли ждать? Мой свѣтъ,
 Все тебя нѣтъ!

Во слободкѣ, за рѣкою,
 Ждутъ голубчика домой —
 Здравъ и радостенъ изъ бою
 Витязь молодой!
 Скоро ль будешь, соколъ мой?
 Мой милъ-надежа будетъ —
 Намъ вѣсть о немъ пришла —
 Будетъ въ этотъ день
 Онъ въ родную сѣнь,
 Будетъ и ко мнѣ,
 Мой суженый придетъ,
 Возговоритъ: „Здорово!“
 Со мною поведетъ
 Ласкательное слово.

Молодецкой красотой,
 Словно яркою свѣчей,
 Засвѣтлѣетъ той порой
 Теремъ мой!

Во слободкѣ, за рѣкою,
 Хата весело глядитъ,
 Хата новая съ рѣзбою,
 Три окна на видъ!

Хата къ намъ сюда глядитъ.
 Въ той хатѣ мнѣ съ тобою,
 Мой ясный соколъ, жить!
 Въ этотъ красный день
 Будешь въ нашу сѣнь!

Скоро бѣлый парусъ заблеститъ,
 Скоро ясный соколъ прилетитъ!

Ряженая ждетъ!
 Праздникъ у воротъ!

Ждетъ вѣнецъ и пиръ веселый ждетъ!..

*) № 2-23060 начинается со словъ „Во слободкѣ за рѣкой“.

№ 24418. Михайлова, Большаковъ и Серебряковъ.

№ 24300.

Михайлова, Филипповъ
и Чупрынниковъ.

Жизнь за Царя.—Глинка.

1-й актъ. Тріо.

Сабининъ. Не томи, родимый,
Не круши меня!
Не темни напрасно
Дорогого дня!
Не своди на горе
Часъ свиданья съ вами,
А скорѣ выдай
Мнѣ жену мою!

Сабининъ, Антонида и Сусанинъ,—вмѣстѣ.

Антонида. Не томись, мой милый,
Не круши себя!
Не темни напрасно
Дорогого дня!
Не своди на горе
Часъ свиданья съ нами!
Да подумай: все же
За тобой мнѣ быть!

Сабининъ. Не томиться мнѣ,
Не крушить себя,
Не темнить напрасно
Дорогого дня!
Не сводить на горе
Часъ свиданья съ вами,
Да когда же будешь
Ты женой моей?
Да скорѣ выдай
Мнѣ жену мою.

Сусанинъ. Не томись напрасно,
Не круши себя,
Мой удалый ратникъ,
Нареченный зять!
Мое слово—правда!
За другого дочку
Никогда не выдамъ,
За тобой ей быть!

Жизнь за Царя.—Глинка.

2-е дѣйствіе. Хоръ поляковъ.

Мужек. хоръ. Богъ войны, послѣ битвъ,
Живую радость намъ дарить.
Мы храбро воюемъ съ надменной Москвою,
Мы ходимъ повсюду широкой стезею.
Москалей строптивыхъ подъ ноги стоптали,
Москалямъ младого державца мы дали
И тѣмъ навѣки москалей связали!
Навѣки москалей, мы навѣкъ связали!

Жен. хоръ. Какъ розанъ изъ милой отчизны бойцами
На латахъ далече въ чужбину свезенъ,
Такъ вчужѣ и жены во станѣ съ мужьями
На полѣ сраженій блистаемъ цвѣтами,
И славой мы дышимъ и дѣлимъ мы съ вами
Живое веселье военныхъ временъ.
И славой мы дышимъ и дѣлимъ мы съ вами
Живое веселье военныхъ временъ.

Вмѣстѣ:

Мужек. хоръ. Богъ войны, послѣ битвъ,
Живую радость намъ дарить.
Мы Польшу собою навѣки прославимъ,
Въ Москву Владислава съ побѣдой введемъ,
Мы Польшу высоко надъ Русью поставимъ,
Москва будетъ Польшею, съ польскимъ царемъ,
Москва Польшею будетъ, съ польскимъ царемъ.
Окончивъ свой подвигъ, въ отчизну святую
На память вѣкамъ славу нашего имени свеземъ.
Не помнимъ того, что терпѣли донинѣ мы!
Мы баломъ блестящимъ въ московской пустынѣ
Отчизну и радость себѣ создаемъ.
Среди грозы военныхъ дней }
Молодая жизнь свѣжѣй, полнѣй! } bis.

Жен. хоръ. Но скоро, конечно, престанутъ всѣ бои,
Обратно въ святую отчизну герои!
Готовить отчизна вамъ мирты и розы,
Свиданья, восторги и слезы.
Окончивъ свой подвигъ, въ отчизну святую
На память вѣкамъ славу нашего имени свеземъ.
Среди грозы военныхъ дней }
Молодая жизнь свѣжѣй, полнѣй! } bis.

№ 2-23365.

№ 2-23030.

Г. И. Никитина.

К. А. Тугаринова.

Жизнь за Царя.—Глинки.

3-е дѣйствіе. Пѣсня Вани.

Какъ мать убили
У малаго птенца,
Остался птенчикъ
Сиръ и гладенъ въ гнѣздѣ,
Соловушко узналъ
И жаль ему бѣдняжки:
Онъ къ птенчику летить
И крылышками грѣть,
И кормить, и лелѣть.
Какъ мать скончалась
У малаго сына —
Сынокъ, младенецъ, круглой
Сталъ сиротой.
Какъ добрый человекъ
Почуялъ въ сердцѣ жалость —
Беретъ онъ сироту
Въ свою семью и любитъ,
И кормить и голубить.

№ 24079.

Михайлова, Панина,
Морской и Серебряковъ.

№ 24406.

Михайлова, Макарова,
Большаковъ и Сибиряковъ.

Жизнь за Царя.—Глинки.

3-е дѣйствіе. Квартетъ.

Не розанъ въ саду-огородѣ —
Цвѣтетъ Антонида въ народѣ.
Еще межъ нами цвѣтетъ,
Но въ люди чужіе поидетъ,
Что розанъ цвѣтокъ предъ тобой?
Ты въ дѣвицахъ розанъ живой!
Съ нею милою было житье,
Что будетъ въ семьѣ безъ нея?
Такъ ты для земного житья
Грядущая женка моя!
Какъ радуется сердце мое
Веселье и счастье наше!
Радость, счастье для насъ,
Радость, въ замѣну для насъ
Горя и бѣдствій для насъ.
Горя и бѣдствій для насъ.
Радость и счастье въ замѣну горя для насъ, bis.
И красное солнышко
Намъ свѣтлѣе на небѣ сіяетъ.
И ясное солнышко
Намъ свѣтлѣе на небѣ сіяетъ.
За грозною тучей вослѣдъ
За темною страшною невзгодой
Господь даровалъ намъ Царя!
Царемъ да воскреснетъ Русь
И миромъ благимъ процвѣтетъ.

Жизнь за Царя.—Глинка.

3-е дѣйствіе. Дуэтъ Вани и Сусанина.

Ваня. Меня ты
 На Руси
 Возлелѣялъ:
 Я въ долгу
 Предъ Царемъ
 Государемъ!
 Заплатить
 Постараюсь,
 Заплатить
 Моей службой!
 Пусть придетъ
 Поскорѣй
 Мое время,
 Моя служба!

Сусанинъ. Этимъ днямъ
 Не стоять.
 Безотходно
 Пролетитъ,
 Промелькнетъ
 Твое дѣтство,
 И какъ разъ
 Подоспѣтъ
 Мой сынокъ
 Къ службѣ Царской!
 И готовъ,
 Хоть куда,
 Стройный ратникъ,
 Воинъ Царскій!

Вмѣстѣ:

Ваня. И себя,
 И тебя
 Доброй славой
 Я прославлю!
 Ужъ теперь
 На войну
 Мнѣ бъ хотѣлось —
 Послужить
 Моему
 Государю!
 Заплатить
 Моей службой!
 Охъ, зачѣмъ
 Я еще
 Только отрокъ,
 А не воинъ!

До великаго до дѣла
 Только путь мнѣ укажи!
 Такъ и сила подоспѣла,
 Крѣпость тѣла и души!

} bis.

Сусанинъ. Не тужи,
 Что ты младъ,
 Что ты отрокъ;
 И теперь
 Можетъ быть
 Тебѣ служба!
 Невзначай
 Воля Бога
 Позоветъ
 Человѣка!
 И теперь
 Будь готовъ
 Ежедневно,
 Ежечасно!

До великаго до дѣла
 Только путь намъ укажи!
 Такъ и сила подоспѣла,
 Крѣпость тѣла и души!

} bis.

Жизнь за Царя.—Глинка.*3-е дѣйствіе. Квартетъ.*

Сабининъ. Время къ дѣвичнику
 Намъ приготовиться,
 Время къ нему, друзья, поспѣшить!

Ваня. Время къ дѣвичнику
 Намъ приготовиться,
 Время къ веселому
 Намъ поспѣшить!

Антонида. Время и дѣвицамъ,
 Милымъ подруженькамъ,
 Въ гости пожаловать,
 Пѣнемъ потѣшить насъ!

Ваня и Сабининъ. Время къ дѣвичнику
 Намъ поусловиться,
 Время поспѣшить,
 Нечего медлить намъ,
 Мѣшкать не будемъ мы,
 Въ мигъ подготовимся!

Сусанинъ. Время къ дѣвичнику
 Намъ приготовиться,
 Мѣшкать не будемъ мы
 Въ мигъ подготовимся!
 Тамъ за веселый пиръ,
 Тамъ за богатый пиръ,
 Тамъ и за пѣсенки.

Вмѣстѣ. То-то счастье и веселье!
 Въ радости, въ весельи
 Заживемъ, запируемъ вмѣстѣ мы!

Антонида, Сабининъ и Сусанинъ.
 Пора тебѣ идти!
 Пора, ужъ поздно!

Ваня. Дружекъ къ дѣвичнику,
 Добрыхъ товарищей,
 Ты привези скорѣй
 Изъ своей слободки.

Антонида. Красныя дѣвицы
 Свадебнымъ пѣніемъ
 Васъ весело встрѣтятъ.

Ваня. Свадебнымъ пѣніемъ
 Весело встрѣтятъ васъ!

Сабининъ. Дружекъ привезу съ собой,
 Соколомъ за рѣку
 Въ мигъ полечу!

Сусанинъ. Дружекъ ты привези,
 Дружекъ съ собой ты привези!
 Тамъ и за свадебку,
 Тамъ и за шумную,
 Безъ отлагательства!

Всѣ вмѣстѣ. То-то въ радости-весельи
 Заживемъ, запируемъ вмѣстѣ мы!

№ 24222 *).

Михайлова, Панина,
Морской и Серебряковъ.

№ 24422.

Михайлова, Макарова,
Большаковъ и Сибиряковъ.

№ 2-24043.

Михайлова, Никитина,
Лабинскій и Сибиряковъ.

Жизнь за Царя.—Глинка.

3-е дѣйствіе. Молитва.

Сердце полно,
Будемъ Богу благодарны.
Боже, Боже, люби Царя!
Боже, прославь Царя!
Славой и милостью
Къ русской землѣ родной. } bis, bis.

№ 23490.

М. Н. Кузнецова-Бенуа.

№ 2-23140.

А. В. Нежданова.

№ 2-23354.

М. А. Михайлова.

Жизнь за Царя.—Глинка.

3-е дѣйствіе. Арія Антонида.

Не о томъ скорблю подруженьки,
Я горюю не о томъ,
Что мнѣ жалко воли дѣвичьей,
Что оставляю отчій домъ!
Насъ постигло лютое горе,
Убила черная судьба:
Были враги у насъ,
Взяли отца сейчасъ!

Налетѣли злые коршуны.
Набѣжали поляки,
Взяли въ плѣнъ они родимаго,
Сотворятъ бѣду надъ нимъ!
Что же сердце вѣщее ноетъ
И чуетъ смертную тоску!
Нѣтъ, не придетъ отецъ,
Смертный ему конецъ!

*) № 24222 начинается съ третьей строки.

Жизнь за Царя.—Глинки.*4-е дѣйствіе. Арія Сабинина.*

Братцы, пойдемъ!
 Докончимъ честный трудъ
 И ляху не дадимъ
 Надъ нами смѣхъ творить.
 Путь намъ впередъ!
 Намъ люди вмѣнять въ стыдъ,
 Коль безъ отца
 Домой придемъ!
 Отецъ въ нуждѣ великой—
 На насъ его надежда!
 И слѣдъ ли намъ оставить
 Его въ нуждѣ?
 Найти отца вслѣдить намъ честь святая
 И ляха казнить за смѣхъ надъ нами.—
 Пойдемъ, друзья! Пойдемъ!

№ 2-23361.

Г. И. Никитина.

Жизнь за Царя.—Глинки.*4-е дѣйствіе. Арія Вани.*

Бѣдный конь въ полѣ палъ,
 Я бѣгомъ добѣжалъ,
 Вотъ и царскій дворъ;
 Здѣсь Царица и Царь...
 Поспѣши, Государь! близко недруги!
 Но кругомъ все молчитъ,
 Монастырь крѣпко спитъ—
 Достучусь ли я? Отоприте!
 Ахъ! зачѣмъ не витязь я,
 Ахъ! зачѣмъ не богатырь!
 Выломалъ бы двери я,
 Желѣзные, чугунные,
 Добѣжалъ бы до палатъ,
 Гдѣ нашъ Царь покаялся,
 Закричалъ бы: слуги царскіе,
 Просыпайтесь, просыпайтесь!
 Голосъ мой, что колоколъ,
 Прозвучитъ—услышатъ всѣ,
 Даже мертвые! Отоприте, отоприте!
 Замерло сердце, ноги дрожать,
 Ужасъ и холодъ мучатъ меня!
 Недруги близко! придутъ съ зарей...
 Руки наложатъ!.. Нѣтъ, никогда!

№ 2-23372.

№ 2-23366.

№ 23482.

Е. И. Збруева.

Г. И. Никитина.

К. А. Тугаринова.

Жизнь за Царя.—Глинки.

4-е дѣйствіе. Пѣсня Вани.

Ты не плачь, не плачь, сиротинушка!
Ахъ, не мнѣ, не мнѣ Государя спасать!
Самъ Господь его намъ въ Цари пожаловаль,
Самъ Господь Царя отстоятъ отъ враговъ.
Силами небесными отстоятъ отъ враговъ.

№ 2-23373.

Г. И. Никитина.

Жизнь за Царя.—Глинки.

4-е дѣйствіе. Арія Вани съ хоромъ.

Ваня. Къ намъ пришли поляки
И велѣли отцу
Проводить ихъ къ Царю
Къ вамъ на барскій дворъ!

Хоръ. Что слышимъ?..
О, ужасъ!
Злодѣи!.. Что жъ далѣ?

Ваня. И отецъ мой пошелъ.

Хоръ. Несчастный!

Ваня. Но не къ вамъ ихъ завелъ.

Хоръ. А куда жъ?

Ваня. Въ темный лѣсъ,
Въ боръ безвыходный;
Но проснется заря,
Все поймутъ поляки
И дорогу найдутъ!..
Понимаете ль?
Нѣтъ здѣсь ратныхъ людей,
Нѣтъ булатныхъ мечей,
Отстоите ль Царя
Безоружные?

Хоръ. Ужъ огни
Зажжены,
Ужъ сѣдлаютъ
Коней,
Не застанетъ
Насъ здѣсь
Солнце красное.
Мы къ Царю
Поспѣшимъ,
Ты, какъ
Божій посолъ,
Впереди ступай!

Ваня и хоръ. Я, какъ Божій посолъ,
Впереди пойду!
Слава Господу силъ!
Онъ не выдалъ Руси
Нечестивымъ врагамъ.
Слава Господу силъ!

№ 022111.
№ 022121.
№ 3-22884. *)

Ө. И. Шаляпинъ.
В. И. Касторскій.
Л. М. Сибиряковъ.

Жизнь за Царя.—Глинки.

4-е дѣйствіе. Арія Сусанина.

Чуютъ правду!.. Ты-жъ заря
Скорѣ заблести!
Скорѣ возвѣсти
Спасенья вѣсть про Царя!
Ты придешь, моя заря!
взойдешь
Взгляну въ лицо твое,
Послѣдняя заря!
Настало время мое!
Господь! въ нуждѣ моей
Ты не оставь меня!
Горька моя судьба!
Ужасная тоска закралась въ грудь мою!
Заѣла сердце скорбь!
Ахъ, страшно, тяжело
На пыткѣ умирать!
Ты взойдешь, моя заря,
Взгляну въ лицо твое,
Послѣдняя заря!
Настало время мое.
Охъ! горькій часъ! охъ! страшный часъ!
Господь! меня Ты подкрѣпи,
Ты подкрѣпи въ мой горькій часъ,
Въ мой страшный часъ,
Въ мой смертный часъ } bis.
Ты подкрѣпи меня!

№ 3-22565.
№ 2-22805.

В. И. Касторскій.
Д. И. Бухтояровъ.

Жизнь за Царя.—Глинки.

4-е дѣйствіе. Арія Сусанина.

Чуютъ правду!
Ты придешь моя заря!
взойдешь
Взгляну въ лицо твое,
Послѣдняя заря!
Настало время мое!
Господь въ бѣдѣ моей
нуждѣ
Ты не оставь меня!
Горька моя судьба!
Ужасная тоска закралась въ грудь мою!
Заѣла сердце скорбь!
Ахъ! страшно, тяжело
На пыткѣ умирать!
Ты взойдешь, моя заря!
Взгляну въ лицо твое,
Послѣдняя заря!
Настало время мое!
Мой горькій часъ!
Мой страшный часъ!
Господь! меня Ты подкрѣпи.
Мой смертный часъ!
Ты подкрѣпи меня..

*) Сибиряковъ исполняетъ первыя 4 и послѣднія 12 строкъ.

№ 3-24669.

Хоръ О-ва Граммофонъ.

№ 2-24613. *)

” ” ”

Жизнь за Царя.—Глинки.

Финаль.

Хоръ. Славься, славься, нашъ Русскій Царь,
Господомъ данный намъ Царь-Государь,
Да будетъ безсмертенъ твой Царскій родъ,
Да имъ благоденствуетъ русскій народъ.

З р а з а.

Начальн. отряда. Васъ Царь наградитъ

И народъ возгласитъ:

Память вовеки Сусанину.

Хоръ. Слава нашему Царю, слава!

Слава Руси святой, слава!

Греми Москва,

Празднуй торжественный

День Государя!

Ликуй, веселися!

Идетъ нашъ Царь!

Слава нашему Царю, слава! Ура!

№ 23374.

М. А. Михайлова.

№ 23476. **)

” ”

Жоселенъ.—Годара.

Колыбельная пѣснь.

Спасаясь въ этомъ гротѣ, куда привелъ насъ Богъ,
Товарищи въ бѣдѣ, ужъ много мы ночей
Въ спокойномъ снѣ проводимъ часы подъ кровомъ
Иль при нѣжномъ мерцаньи звѣздъ въ святыхъ
молитвахъ.

О, сладко почивай, мой другъ,
Витаешь надъ тобой твой геній,
Лети въ волшебный міръ весной,
Летя на крыльяхъ сновидѣній!
Спи, спи—едва блеснитъ заря!
Дѣва Святая хранитъ тебя!

№ 2-22740.

О. И. Каміонскій.

Жоселенъ.—Годара.

Колыбельная пѣснь.

Насъ Богъ сюда привелъ, пріютъ мы здѣсь нашли.
Страданья многихъ дней, какъ цѣпью, насъ сплели,
Но отдохнуть мы можемъ подъ кровомъ тихой ночи,
И молиться, поднявши къ кроткимъ звѣздамъ очи!
Не просыпайся, сладко спи,
Пусть ангелъ, осѣнивъ крылами,
Даря тебѣ златые сны,
Паритъ съ тобой подъ облаками!
Спи! Аврора чутъ взошла!
Херувимы хранятъ тебя!

*) Исполняетъ только первыя 4 строки.

**) № 23476 начинается съ 5 строки.

Жизнь латинскаго квартала.— Леонкавалло.

Пьеска Мюзетты.

Мими прелестная блондинка,
Числа въ нее влюбленныхъ нѣтъ,
Бутончикъ рѣдкій, бутончикъ рѣдкій,
Собой плѣнить могъ бы цѣлый свѣтъ.
Одна юбочка и косынка—
Таковъ лоретки весь туалетъ.
Спуску не дастъ она нахалу,
И спесь съ зазнавшихся персонъ
Не разъ сбивала, не разъ сбивала!
И на затылокъ тутъ сползала
Косыночка Мими Пенсонъ.
Страшись скандала, страшись скандала,
Коль на затылкѣ косыночка, Мими Пенсонъ!..
Мими блондиночка-кокетка
Все бы веселилась безъ конца,
И очень рѣдко, и очень рѣдко
Улыбка сходить съ ея лица.
Стрѣляетъ глазками такъ мѣтко
Моя гризетка, моя гризетка,
Что покоряетъ мужчинъ сердца.
Когда же немного вышиваетъ,
То пѣсни взявъ высокій тонъ,
Все распѣваетъ, все распѣваетъ,
А послѣ ужина сползаетъ
Косыночка Мими Пенсонъ...
Порой бываетъ, порой бываетъ,
Что знаетъ косыночка Мими Пенсонъ.

№ 2-22659.

Л. В. Собиновъ.

Забава Путятишна.—Иванова.

3-е дѣйствіе. Серенада Соловья Будиміровича.

Тихо, тихо все въ твоёмъ саду,
Свѣтитъ мѣсяцъ въ твой узорный теремъ,
Я пришелъ къ его закрытымъ дверямъ,
И тебя зову, мой другъ.. и жду тебя!
Я пришелъ къ его закрытымъ дверямъ,
Я тебя зову и жду.

У рѣзного покажись крыльца,
Не томи тоскою ожиданья:
Дай увидѣть милыхъ глазъ сіянье,
Наглядѣться на тебя,
Я пришелъ къ его закрытымъ дверямъ,
Я тебя зову и жду.

Запорожець за Дунаємъ.— Артемовскаго.

2-е дѣйствіе. Каватина Султана.

Отрадно сердцу здѣсь,—спокойно...
Среди убогихъ хижинъ сихъ,
Садовъ и пажитей златыхъ,
Могу вздохнуть я здѣсь свободно...
Вдали отъ суеты придворной,
Вдали отъ блеска и дворцовъ...
И нѣтъ сановныхъ здѣсь рабовъ
Съ ихъ вѣчной лестію тлетворной...
Богатствъ и славы упоенья,
Порфиру и вѣнецъ златой,
Для жизни мирной и простой,
Все отдалъ бы безъ сожалѣнья.
Здѣсь рай, святая здѣсь природа...
Но царскій жребій нашъ иной,
И невозможенъ намъ покой,
Коль хочешь быть отцомъ народа.

№ 2-24042.

А. Пекарская и Н. Сѣверскій.

Запорожець за Дунаємъ.— Артемовскаго.

2-е дѣйствіе. Дуэтъ Андрія и Оксаны.

Вмѣстѣ:

Андрій. Ласточка моя прекрасна, Сердцю радостний сей часъ, Ты на вікъ моя, кохана, Смерть одна разлучить насъ!	} 3 раза.
Оксана. О мій друже, мій прекрасний, Сердцю радостний сей часъ; Я твоя, о мій коханий! Смерть одна разлучить насъ!	

Андрій. Межъ скалами у Дуная,
Добрий човенъ жде насъ тамъ;
Темна жъ нічъ, мовъ вранивъ стая,
А у туркивъ тутъ Бейрамъ.
И знакома мні дорога,
Тихо цепъ ночну пройдемъ,
Тамъ, надія вже на Бога,
Ми Дунай переплывемъ.

Вмѣстѣ:

Андрій. Ласточка моя прекрасна,
Сердцю радостний сей часъ,
Ты на вікъ моя, кохана,
Смерть одна разлучить насъ.
Оксана. О мій друже, мій прекрасний,
Сердцю радостний сей часъ;
Я твоя, о мій коханий!
Смерть одна разлучить насъ!

Зигфридъ.—Вагнера.*1-е дѣйствіе. Ковка меча. (Арія Зигфрида).*

Хо-хо, хо-хо! хо-хей!..
 Куй, молотокъ, боевой мой мечъ!
 Хо-хо! хо-хо! хо-хей!
 Ты жаркой кровью былъ омыть,
 Струєю алой облить ты былъ,
 Но холодно пилъ тогда ты теплую кровь!
 Хей-а-хо! Ха-ха! Ха-хей-а-ха!
 Теперь огнемъ ты самъ горишь,
 И послушенъ молоту сталъ теперь,
 Только искрами брызжешь сердясь,
 Что мной побѣжденъ!
 Хей-а-хо! Хей-а-хо! Хей-а-хо-хо-хо-хо-хо!
 Ха-хей! Ха-хей! Ха-хей!
 Куй, молотокъ, боевой мой мечъ!
 Хо-хо! Ха-хей! Хо-хо! Ха-хей!
 Какъ славно искры летятъ вокругъ,
 И ярый гнѣвъ храбрецу въ лицо;
 Ясно блещетъ мой мечъ,
 Хоть и гнѣвно онъ глядитъ!
 Хей-а-хо-ха-ха, ха-хей-а-ха!
 Тебя огнемъ я размягчилъ,
 И молотъ мой сковалъ тебя;
 Блѣднѣй же теперь, и снова
 И твердъ и холоденъ будь!
 Хей-а-хо! Хей-а-хо! Хей-а-хо-хо-хо-хо! Хей-а!

№ 2-23074.

А. В. Нежданова.

Искатели жемчуга.—Бизэ.*2-е дѣйствіе. Арія Леилы.*

Какъ и тогда, съ заходомъ солнца,
 Въ тѣни увидала его,
 Онъ здѣсь покой мой охраняетъ,
 А я могу мечтать!
 Онъ здѣсь въблизи меня, какъ и тогда!
 Онъ здѣсь, и я увижу его!
 Онъ здѣсь, и умолкли волненья!
 Далеко тоска и сомнѣнья...
 Вернулся онъ лишь для меня!
 Счастьемъ дивнымъ вся полна.
 Онъ со мной близъ меня.
 Ахъ! Какъ и тогда, съ заходомъ солнца,
 Въ тѣни, гдѣ онъ скрывался отъ всѣхъ,
 Онъ здѣсь покой мой охраняетъ,
 А я могу о немъ мечтать!..
 Онъ здѣсь лишь для меня,
 Какъ и тогда, какъ и тогда.
 Ахъ!..

Юланта.—Чайковского.*Арія короля.*

Господь мой, если грѣшенъ я,
 За что страдаетъ ангель чистый?
 За что повергъ изъ-за меня
 Во тьму ты взоръ ея лучистый?
 О, дай мнѣ радостную вѣсть,
 Утѣшь надеждой исцѣленья!
 Я за нее готовъ принести
 Корону, власть, мои владѣнья...
 Лиши меня всего: покоя, счастья,
 Я все смиренно претерплю,
 За все Тебя благословлю!
 Смотри: готовъ во прахѣ пасть я
 Всего лишиться, все отдать,
 Но только дай мнѣ не видать
 Моё дитя объатымъ тьмою!
 О, Боже, сжался надо мною,
 Передъ Тобой готовъ во прахъ пасть я.
 О Боже, Боже мой, сжался,
 Сжался надо мною!

№ 3-22737.

Н. Д. Вѣковъ.

№ 3-22942.

М. К. Макаковъ.

Юланта.—Чайковского.*Арія Роберта.*

Кто можетъ сравниться съ Матильдой моей,
 Сверкающей искрами черныхъ очей,
 Какъ на небѣ звѣзды осеннихъ ночей!
 Все страстною нѣгой въ ней дивно полно,
 Въ ней все опьяняетъ и жжетъ, какъ вино.
 Она только взглянетъ,
 Какъ молніей ранитъ,
 И пламень любви
 Зардѣетъ въ крови;
 Она засмѣется,
 Иль пѣсней залется—
 И жемчуговъ рядъ
 Лицо освѣтятъ;
 О страсти кипучей,
 И бурной, и жгучей,
 Глаза говорятъ
 И къ блаженству манятъ,
 Къ блаженству лобзаній,
 Безумныхъ желаній,
 Къ пожатіямъ нѣжнымъ,—
 Руки бѣлоснѣжной,
 Къ забвенію горя
 И къ счастью безъ мѣръ,
 Безъ конца и границъ...

Князь Игорь.—Бородина.

1-е дѣйствіе. Пѣснь Владиміра Галицкаго.

Грѣшно таить, я скуки не люблю,
А такъ, какъ Игорь князь,
И дня бы не прожилъ,
Забавой княжеской люблю потѣшить сердце,
Люблю я весело жить.
Эхъ, только бъ сѣсть мнѣ княземъ на Путивлѣ.
Я зажилъ бы на славу! Эхъ!
Только бъ мнѣ дожидаться чести
На Путивлѣ княземъ сѣсти—
Я бъ не сталъ тужить,
Я бы зналъ, какъ жить:
Днемъ за бранными столами,
За веселыми пирами
Я бъ судилъ, рядилъ,
Всѣ дѣла вершилъ,
Всѣмъ чинилъ бы я расправу,
Какъ пришлось бы мнѣ по нраву,
Всѣмъ бы судъ чинилъ,
Всѣхъ виномъ поилъ.
Пей, пей, пей, пей, пей, гуляй!
Къ ночи въ теремъ бы сгоняли
Красныхъ дѣвокъ всѣхъ ко мнѣ,
Дѣвки пѣсни бъ мнѣ играли,
Князя славили бъ онѣ;
А кто румянѣй, да бѣлѣе
У себя бы оставлялъ;
Кто изъ дѣвицъ мнѣ милѣе,
Съ тѣми бъ ночи я гулялъ. Эхъ!
Какъ бы мнѣ да эту долю—
Понатѣшился бъ я въ волю,
Я бъ не сталъ зѣвать,
Зналъ бъ съ чего начать;
Я бъ имъ княжество управилъ,
Я бъ казны имъ поубавилъ.
Пожилъ бы я всласть.
Вѣдь на то и власть. Эхъ!
Лишь только бъ мнѣ покняжить
Я сумѣлъ бы всѣхъ уважить,
И себя и васъ, не забыли бъ насъ!
Гой, гой, гой, гой, гой! Гуляй!

*) Пропускаетъ двѣ строки: „А кто румянѣй да бѣлѣе, у себя бы оставлялъ“.

**) Начинаетъ съ 8-й строки.

Князь Игорь.—Бородина.*2-е дѣйствіе. Каватина Владиміра.*

Ахъ, гдѣ ты, гдѣ?
 Отзовись на зовъ любви!
 Ахъ, скоро ль, скоро ли я увижу тебя!
 Ты приди, я жду тебя,
 На зовъ любви отзовись!
 Вспомни, я въ тоскѣ, грудь горить, я жду,
 Страстно жду я тебя,
 Любви твоей!
 Больше жизни я люблю тебя!
 Что жъ ты медлишь, другъ мой?
 Встань, приди ко мнѣ.
 Не бойся: всѣ давно заснули,
 Кругомъ все крѣпко спить,
 Все мирно, тихо спить!
 Ахъ! гдѣ ты, гдѣ?
 Отзовись на зовъ любви!
 Ахъ, дождусь ли,
 Дождусь я ласки нѣжной твоей!
 Ты приди скорѣй. На зовъ любви отзовись!
 Приди подъ кровомъ темной ночи,
 Когда и лѣсъ, и воды спять,
 Когда лишь звѣзды, неба очи,
 Однѣ на насъ съ тобою глядятъ.
 Кругомъ все мирно, тихо спить,
 Крѣпко спить. Я жду!

№ 2-22936.

Н. А. Большаковъ.

№ 3-22950.

А. М. Карензинъ.

№ 3-22830.

А. М. Лабинскій.

Князь Игорь.—Бородина.*2-е дѣйствіе. Каватина Владиміра.*

Медленно день угасалъ,
 Солнце за лѣсомъ садилось,
 Зори вечернія меркли,
 Ночь надвигалась на землю,
 Тѣни ночныя чернымъ покровомъ,
 Степь застилали;
 И теплая, южная ночь,
 Грезы любви навѣвая,
 Разливая нѣгу въ крови,
 Зоветъ къ свиданью!
 Ждешь ли ты меня, моя милая?
 Ждешь ли? Сердцемъ чую,
 Что ждешь ты меня!
 Ахъ, гдѣ ты, гдѣ?
 Ты приди скорѣй на зовъ любви!
 Ахъ, дождусь ли я ласки нѣжной твоей?
 Ты приди скорѣй, на зовъ любви
 Отзовись! Приди подъ кровомъ темной ночи,
 Когда и лѣсъ, и воды спять,
 Когда лишь звѣзды, неба очи,
 На насъ однѣ съ небесъ глядятъ.
 Кругомъ все мирно, тихо спить,
 Крѣпко спить! Приди!

Князь Игорь.—Бородина.*2-е дѣйствіе. Арія князя Игоря.*

Ты одна, голубка Лада,
 Ты одна винить не станешь!
 Сердцемъ чуткимъ все поймешь ты,
 Все ты мнѣ простишь.
 Въ терему твоємъ высокомъ
 Въ даль глаза ты проглядѣла.
 Друга ждешь ты дни и ночи,
 Горько слезы льешь.
 Ужели день за днемъ
 Влачить въ плѣну безплодно
 И знать, что врагъ терзаетъ Русь?
 Врагъ, что лютый барсъ.
 Стонетъ Русь въ когтяхъ могучихъ
 И въ томъ винить она меня.
 О, дайте, дайте мнѣ свободу!
 Я свой позоръ сумѣю искупить,
 Я Русь отъ недруга спасу.
 Ни сна, ни отдыха измученной душѣ.
 Мнѣ ночь не шлетъ надежды на спасенье;
 Лишь прошлое я вновь переживаю
 Одинъ въ тиши ночей,
 И нѣтъ исхода мнѣ!
 Охъ, тяжело, тяжело мнѣ!
 Тяжко сознанье безсилья моего!

№ 022120.

Н. А. Шевелевъ.

№ 022126.

В. И. Касторскій

Князь Игорь.—Бородина.*2-е дѣйствіе. Арія князя Игоря.*

Ни сна, ни отдыха измученной душѣ.
 Мнѣ ночь не шлетъ отрады и забвенія.
 надежды на спасенье.

Все прошлое я вновь переживаю
 Одинъ въ тиши ночей:
 И Божья знаменья угрозу,
 И бранной славы пиръ веселый,
 Мою побѣду надъ врагомъ
 И бранной славы горестный конецъ,
 Погромъ, и рану, и мой плѣнъ.
 Въ терему твоємъ высокомъ.
 Въ даль глаза ты проглядѣла.
 Друга ждешь ты дни и ночи,
 Горько слезы льешь.
 Ужели день за днемъ
 Влачить въ плѣну безплодно
 И знать, что врагъ терзаетъ Русь?
 Врагъ, что лютый барсъ.
 Стонетъ Русь въ когтяхъ могучихъ
 И въ томъ винить она меня.
 О, дайте, дайте мнѣ свободу!
 Я свой позоръ сумѣю искупить,
 Я Русь отъ недруга спасу.
 Ни сна, ни отдыха измученной душѣ.
 Мнѣ ночь не шлетъ надежды на спасенье;
 Лишь прошлое я вновь переживаю
 Одинъ въ тиши ночей,
 И нѣтъ исхода мнѣ!
 Охъ, тяжело, тяжело мнѣ!
 Тяжко сознанье безсилья моего!

Князь Игорь.—Бородина.*4-е дѣйствіе. Хоръ поселянъ.*

Охъ, не буйный вѣтеръ завываль,
 Горе навѣваль, навѣваль,
 Ханъ Гзакъ насъ повоеваль.
 Что не черенъ воронъ налеталь,
 Бѣды накликаль, накликаль,
 Ханъ Гзакъ на насъ понабѣгалъ.
 Что не сѣрый волкъ позабѣгалъ,
 Стадо зарѣзаль, зарѣзаль,
 Ханъ Гзакъ села поразоряль.

Лакме.—Делиба.*1-е дѣйствіе. Арія Лакме.*

Свѣтлая Дурга!	} bis
Ты, блѣдный Шива!	
Могучій Ганеша!	
Царь божества,	
Брама! А!	

Лакме.—Делиба.*1-е дѣйствіе. Арія Джеральда.*

Не смущай же мой покой, видѣнье,
 Неземной своей красотой;
 Ахъ, исчезни, въ тѣ вернись селенья,
 Откуда вызвана ты мной,
 Лишь одной, одной мечтой!
 О, возвратись въ тѣ селенья,
 Изъ которыхъ ты была вызвана мной!
 И на рукѣ дѣвы прелестной
 Вотъ этотъ обручъ дорогой
 Сверкаль своей игрой чудесной,
 Какъ талисманъ страны родной!
 А этотъ вотъ такъ обвивался
 Вокругъ ноги златымъ кольцомъ,
 Когда подъ нею разстился
 Зеленый мохъ дивнымъ ковромъ..
 Нѣтъ, нѣтъ, бѣги,
 Бѣги, видѣнье..
 О, сонъ упоенья,
 Мой покой
 Не смущай мечтой!..
 Не смущай мой покой, видѣнье,
 Неземной своей красотой;
 Ахъ, исчезни, въ тѣ вернись селенья,
 Откуда вызвана ты мной
 Лишь одной могучею мечтой!
 О, возвратись въ свои селенья,
 Сонъ упоенья!
 Ты лишь мечтой,
 Страсти видѣнье,
 Сонъ упоенья,
 Былъ вызванъ мной!

Лакме.—Делиба.

2-е дѣйствіе. Легенда о колокольчикахъ.

Но кто же въ чащѣ тамъ блуждаетъ?
 Дороги ли путникъ не найдетъ?
 Вокругъ глаза звѣрей хищно сверкаютъ,
 Но все впередъ онъ неустанно идетъ
 И воетъ голодная стая,
 Добычу свою поджидая,
 Но смѣло въ этотъ мигъ
 Ихъ дѣва всѣхъ разить:
 Въ рукахъ у нея жезлъ волшебный
 И колокольчикъ мѣдный въ немъ звенить! А...
 Путникъ взоръ подымаетъ,
 Какъ онъ дивно сіяетъ!
 Стоитъ она
 Поражена...
 Ахъ, устыдится онъ, когда узнаетъ,
 Что его дочь парія спасла.
 Но сномъ онъ ее усыпляетъ
 И съ небесъ потомъ къ ней вызываетъ:
 „Твой подвигъ входъ сюда открылъ;
 То Браммы сынъ, то Вишну былъ“.
 И съ этихъ поръ,
 Какъ замолчитъ
 Угрюмый боръ,
 Вдругъ прозвучитъ
 Въ немъ отзвукъ какой-то волшебный,—
 То колокольчикъ мѣдный
 Все звенить!.. А...

Лакме.—Делиба.

2-е дѣйствіе. Легенда о колокольчикахъ.

Куда спѣшитъ молодая
 Дочь парія одна,
 Лишь мимозу лаская } bis.
 Осеребрить луна?
 Ахъ, она забываетъ,
 Что парія всегда
 Весь народъ презираетъ
 И гонитъ отъ себя.
 Средь лѣса такъ блуждаетъ
 Безпечное дитя...
 Лавръ ей нѣжно киваетъ,
 А она все мечтаетъ.
 Ахъ! это парія дочь
 И привѣтствуетъ ночь!
 Но кто же въ чащѣ тамъ блуждаетъ?
 Дороги ль путникъ не найдетъ?
 Вокругъ глаза звѣрей хищно сверкаютъ,
 Но все впередъ онъ неустанно идетъ.
 И воетъ голодная стая,
 Добычу свою поджидая,
 Но смѣло въ этотъ мигъ
 Ихъ дѣва всѣхъ разить:
 Въ рукахъ у нея колокольчикъ волшебный
 Все звенить. А...

Лакме.—Делиба.*2-е дѣйствіе. Арія Лакме.*

Есть бамбуковый шалашъ,
 Въ лѣсной глуши схороненный,
 Осѣнилъ его, тотъ стражъ,
 Своей тѣнью миртъ зеленый.
 Какъ пугливыхъ птицъ гнѣздо,
 Ліанами увитый
 И ковромъ цвѣтовъ покрытый,
 Онъ влюбленныхъ ждетъ давно.
 Весь ліанами увитый
 И ковромъ цвѣтовъ покрытый,
 Онъ влюбленныхъ ждетъ давно.
 Тамъ безмолвіе кругомъ,
 Никто тамъ не обитаетъ,
 Вѣдь зеленый лѣсъ его такъ ревниво охраняетъ.
 Я же стану навѣщать тебя, съ зарей появляясь,
 Вся отъ счастья улыбаясь,
 Тамъ всегда ты будешь жить.
 И съ зарею появляясь,
 Приду къ тебѣ улыбаясь,
 Тамъ будешь жить всегда!..

№ 022112.

Ө. И. Шаляпинъ.

№ 022127 *).

В. И. Касторскій.

Лакме.—Делиба.*2-е дѣйствіе. Стансы Нилаканты.*

Лакме, твой взоръ померкъ лучистый
 И улыбка тоски полна;
 Какъ блѣднѣютъ звѣзды въ небѣ чистомъ,
 Такъ меркнетъ твоя красота.
 Богъ отвергъ насъ, карать готовый,
 Онъ смерти ждетъ врага нашихъ небесъ,
 Я хочу, чтобы ты улыбнулась,
 Да, хочу, чтобъ опять улыбнулась!
 Въ твоихъ очахъ дай видѣть мнѣ сіяніе небесъ...

Съ душою полной грустныхъ сомнѣній,
 Я слѣдилъ за тобой во снѣ,
 Ты что-то шептала въ волненьи,
 Чело краснѣло, была вся въ огнѣ.
 Да, Богъ отвергъ насъ, карать готовый,
 Онъ смерти ждетъ врага нашихъ небесъ,
 Но я хочу, чтобы ты улыбалась,
 Да хочу, чтобъ опять улыбнулась!
 Въ твоихъ очахъ дай видѣть мнѣ сіяніе небесъ.

*) Касторскій поетъ конецъ каждаго куплета нѣ-
 сколько иначе:

„Я хочу, чтобы ты опять улыбнулась,
 Да, хочу, чтобъ улыбнулась ты снова!
 Дай видѣть вновь въ очахъ твоихъ сіяніе небесъ“...

№ 3-24658.

Хоръ О-ва Граммофонъ.

Лакме.—Делиба.

2-е дѣйствіе. Финалъ. Хоръ Браминовъ.

Вмѣстѣ:

Мужск. хоръ.

Женск. хоръ.

О, тебя, что глубина
Возродила Ганга,
Молимъ мы,
Къ намъ снизойди,
О святая Дурга!
Богиня-свѣтъ,
Услышь привѣтъ
Тѣхъ, кого просвѣщаешь!
Ахъ, къ намъ явись
И улыбнись
Тѣмъ, кого ты спасаешь!

Дурга! Внемли
Мольбамъ!
Сюда сойди
Ты къ намъ!
Богиня-свѣтъ,
Услышь привѣтъ
Тѣхъ, кого просвѣщаешь!
Ахъ, къ намъ явись
И улыбнись
Тѣмъ, кого ты спасаешь!

№ 3-24671.

Хоръ О-ва Граммофонъ.

Мазепа.—Чайковского.

1-е дѣйствіе. Хоръ и пляска.

Нѣту, нѣту тутъ мосточка, нѣту переходу,
Коли тебѣ, Ганна, нужно — бреди черезъ воду.
Что мосточекъ?—безъ мосточка найду переправу;
Вотъ бѣда, что злые люди пустятъ худу славу.
Эхъ, сама ты худу славу на себя наводишь:
Поздно ночью ты, дѣвица, отъ хлопца уходишь.
Какъ же раньше уходить мнѣ, ты сама это знаешь,
Раньше ты свою голубку, хлопецъ, не пускаешь.
Что мосточекъ?—безъ мосточка найду переправу;
Вотъ бѣда, что злые люди пустятъ худу славу.

№ 3-22951.

О. И. Каміонскій.

Мазепа.—Чайковского.

2-е дѣйствіе. Аріозо Мазепы.

О, Марія, Марія!

Я пережилъ съ тобой мгновенья страсти пылкой
И блаженства, когда твой чудный станъ
Я обнималъ и въ нѣгѣ томной
Любовался красой твоей.

Твой нѣжный взглядъ меня живиль
И въ жилахъ кровь текла быстрѣе,
Въ твоихъ я объятыхъ находилъ блаженство,
Обновленье, обновленье и рай!
Блаженство и обновленье!

Твой нѣжный взглядъ меня живиль
И въ жилахъ кровь текла быстрѣе,
Въ твоихъ объятыхъ находилъ я рай!
Въ твоей любви блаженство,
Блаженство и обновленье!

О, Марія! Какъ я люблю тебя!
Какъ я люблю тебя!

Мазепа.—Чайковскаго.*2-е дѣйствіе. Арія Кочубея.*

Такъ не ошиблись вы, три клада
 Всей жизни были мнѣ отрада:
 И первый кладъ мой—честь была,
 Кладъ этотъ пытка отняла.
 Другой былъ кладъ невозвратимый—
 Честь дочери моей любимой.
 Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ,
 Мазепа этотъ кладъ укралъ.
 Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
 Мой третій кладъ—святую мечь,
 Его готовлюсь Богу снести.

№ 2-23311.

Н. С. Южина.

Мазепа.—Чайковскаго.*3-е дѣйствіе. Колыбельная пѣсня.*

Спи, младенецъ мой прекрасный,
 Спи, мой милый, спи родной!
 Баюшки баю, баюшки баю!..
 Ярко свѣтитъ мѣсяцъ ясный,
 Смотритъ въ колыбель твою,
 Баюшки баю, баюшки баю!..
 Стану я твой сонъ лелѣять,
 Дрему сторожить твою,
 Баюшки баю, баюшки баю!..
 Спи, мой родной,
 Спи, спи, дитя!

№ 2-22648.

Л. В. Собиновъ.

Майская ночь.—Римскаго-Корсакова.*3-е дѣйствіе. Арія Левко.*

Спи, моя красавица,
 Сладко спи!
 Радостный, свѣтлый сонъ }
 На тебя слети! } bis.
 Думаешь ли,
 Гредишь ли обо мнѣ?
 Я день и ноченьку
 Мыслю о тебѣ.
 Пусть тебѣ пригрезится
 Сладкій, сладкій сонъ,
 Долюшка счастливая
 Съ милымъ дружкомъ.
 Снится пусть, что вмѣстѣ мы,
 Вмѣстѣ жизнь съ тобой,
 О, моя красавица,
 Жизнь съ тобой ведемъ.

Майская ночь.—Римскаго-Корсакова.*3-е дѣйствіе. Пѣсня про голову.*

Не минемъ и писаря,
 А у меня, какъ нарочно,
 Въ умѣ сложилась
 Славная пѣсня про Голову.
 Я васъ выучу,
 Такъ слушайте,
 Переодѣвайтесь
 Во что ни попало.
 Хлопцы, слышали ль вы?
 Наши ль головы не крѣпки!
 Ой, гуляй, гуляй, козакъ,
 Ой, гуляй, гуляй, гуляй!
 У кривого головы
 Въ головѣ разсѣлись клепки!
 Ой, гуляй... и т. д.
 Не бей, бондарь, голову
 Ты стальными обручами!
 Вспрысни, бондарь, голову
 Батогами, батогами!
 Ой, гуляй... и т. д.
 Голова нашъ сѣдъ и кривъ!
 Старъ, какъ бѣсъ, а что за дурень!
 Ой, гуляй... и т. д.
 Прихотливъ и похотливъ:
 Жметса къ дѣвкамъ.. Дурень, дурень!
 Ой, гуляй... и т. д.
 И тебѣ лѣзть къ паробкамъ! }
 Тебя бѣ нужно въ домовину, } bis.
 По шеямъ, да по шеямъ,
 За чуприну, за чуприну!
 Ой, гуляй... и т. д.

Маккавей.—Рубинштейна.*3-е дѣйствіе. Аріозо Іуды.*

Что, Боже, Ты велишь рабу,
 Твою исполню волю свято.
 Нѣтъ больше силъ, слабѣетъ мой умъ,
 Мнѣ бодрость можетъ дать
 Лишь вѣра одна, лишь вѣра!
 Все Ты, Господь, Ты все творишь,
 Да, одинъ Ты все творишь.
 Ты видишь, въ горѣ палъ я духомъ,
 Покинутъ всѣми въ страшный часъ,
 Подъ свой покровъ меня приеми,
 Моей мольбѣ, Создатель, внимли,
 Ты помощь намъ пошли съ небесъ!
 Моей мольбѣ, Создатель, внимли,
 Ты помощь намъ пошли съ небесъ!
 Боже, велишь Ты что рабу,
 Твою исполню волю свято!

Марта.—Флотова.*2-е дѣйствіе. Романсъ Ліонеля.*

Ангелъ мой,
 Образъ твой—
 Даръ небесъ—
 Вдругъ исчезъ
 Предо мной!..
 Ахъ, приди,
 Ангелъ, вновь:
 Награди
 Мою любовь...
 Я шутя,
 Какъ дитя,
 Жилъ въ безопасности своей;
 Ты пришла
 И зажгла
 Новый свѣтъ въ груди моей!
 Я пылалъ,
 Я мечталъ
 Раздѣлить съ тобой любовь...
 Прочь мечты!
 Скрылась ты, —
 Я одинъ остался вновь!
 Прошай, любовь!
 Ангелъ мой,
 Прилетай!
 И святой,
 Покой святой,
 Вновь ты мнѣ дай!
 Ахъ, мечтать,
 Друга ждать,
 Вѣчно Марту буду звать:
 Марта! Марта! Гдѣ ты скрылась?
 О, явись мнѣ, ангелъ мой!
 Ахъ! Когда бъ ты вновь явилась,
 Ты дѣлила бъ жизнь со мной...
 Да! я навѣки твой!
 Да, я твой!

Миньона.—Тома.*3-е дѣйствіе. Колыбельная пѣсня.*

Слезы горькія осушилъ я,
 Отогналъ тревоги я,
 И съ улыбкою раскрылись
 Въ снѣ покойномъ ея уста.
 Спи, бѣдняжка, Богъ хранитъ отъ бѣдъ тебя!
 Осѣнивъ чело ей крылами,
 Съ неба ангелъ къ ней спорхнулъ
 И, даря златыми снами.
 Вѣжды тихо ей сомкнулъ!
 Спи, бѣдняжка, Богъ хранитъ отъ бѣдъ тебя
 Спи, дитя, Богъ хранитъ отъ бѣдъ тебя!
 Богъ сохранитъ тебя, бѣдняжка моя!..

Миньона.—Тома.*3-е дѣйствіе. Ром. Вильгельма.*

Не вѣдала она невинною душою,
 Какъ лучъ святой любви ей сердце оживиль.
 Лелѣяла она лишь дѣтскою мечтою
 Тотъ образъ, что въ душѣ ей дорогъ былъ и милъ!
 Цвѣтокъ освѣжить силой страсти
 И призвать его къ жизни вновь,
 О весна, лишь въ твоей, въ твоей могучей власти!
 Въ лучахъ твоихъ ты согрѣешь ее
 И вдохнешь ей любовь!
 Напрасно отъ нея я буду ждать признанья,
 Въ душѣ ея печаль сокрыта глубоко;
 Мой голосъ и мой взоръ внушаютъ ей страданье,
 Бѣдняжка вся дрожить и слезы льетъ рѣкой!
 Цвѣтокъ оживить силой страсти
 И призвать его къ жизни вновь
 О, весна, лишь въ твоей, въ твоей могучей власти!
 Въ лучахъ твоихъ ты согрѣешь ее
 И вдохнешь ей любовь!

№ 2-23322.

А. В. Нежданова.

Мирейль.—Гуно.*1-е дѣйствіе. Арія Мирейль.*

O légère hirondelle
 Messagère fidèle
 Vers mon ami vole gaimant.
 Et conte lui mon doux tourment.
 Parle lui pour moi même,
 Et dis lui que je l'aime
 Vincent peut croire à mon serment.
 Vole, vole gaiment, ah!

Переводъ.

Пташечка, ты лети же
 И къ нему будь поближе,
 Тамъ передай поклонъ ты мой,
 Въ немъ счастье мнѣ, въ немъ мой покой.
 Ты скажи, что люблю я,
 Безъ него все тоскуя,
 Ему вѣрна я одному.
 Передай все ему. Ахъ!
 Пташка, пташка... Ахъ!

Мцыри.—Аренского.*Пѣснь рыбки.*

Дитя мое, останься здѣсь со мной!
 Въ водѣ привольное житье
 И холодъ, и покой.
 Я созову своихъ сестеръ:
 Мы пляской круговой
 Развеселимъ унылый взоръ
 И духъ усталый твой.
 Дитя мое, останься здѣсь со мной!
 Усни, постель твоя мягка,
 Прозраченъ твой покровъ;
 Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
 Подъ говоръ чудныхъ сновъ.
 О, милый мой, не утаю,
 Что я тебя люблю;
 Люблю, какъ вольную струю,
 Люблю, какъ жизнь мою.
 О, милый мой, о милый мой,
 Останься здѣсь со мной!

Наль и Дамаянти.—Аренского.*2-е дѣйствіе. Колыбельная пѣснь Дамаянти.*

Изъ юдоли стенаній и слезъ,
 Истощенный, нуждою томимый,
 Унесися въ страну чудныхъ грѣзъ,
 Дорогой, несравненный, любимый!
 Спи! Усни!..

Средь пустыни зловѣщей и тьмы,
 Спи, любовью моею хранимый,
 Позабудь, что измучены мы,
 Дорогой, несравненный, любимый!
 Спи! Усни!..

Неронъ.—Рубинштейна.*1-е дѣйствіе. Эпиталама.*

Пою тебѣ, богъ Гименея!
 Ты, кто соединяешь невѣсту съ женихомъ,
 Ты любовь благословляешь,
 Ты любовь благословляешь, пою тебѣ!
 Богъ новобрачныхъ, Богъ Гименея!
 Прославленъ Неронъ, невѣста непорочна,
 Какъ невинныя очи, и какъ свѣтлое чело!
 Счастье, счастье, блаженство новобрачнымъ,
 Счастье, счастье, блаженство новобрачнымъ!
 Пою тебѣ и призываю, Богъ Гименея!
 Богъ Гименея! Эросъ, богъ любви,
 Пусть ихъ освѣщаетъ, Венера
 Предлагаетъ чертоги свои.
 Слава и хвала Кризѣ и Нерону,
 Слава и хвала Кризѣ и Нерону,
 Пою тебѣ, богъ новобрачныхъ,
 Богъ Гименея!

№ 022033.

Л. М. Клементьевъ.

№ 3-22960.

В. С. Севастьяновъ.

Неронъ.—Рубинштейна.*3-е дѣйствіе. Строфы.*

О, печаль и тоска, о, слезы и рыданья!
 Ахъ! какъ гнететъ судьба, какъ гнететъ судьба!
 Ахъ! зачѣмъ ночи тѣнь свой покровъ опускаетъ
 И меркнетъ, меркнетъ юная заря?
 Ахъ! зачѣмъ ночи тѣнь свой покровъ опускаетъ
 И меркнетъ заря?
 Ахъ! зачѣмъ ночи тѣнь свой покровъ опускаетъ
 И меркнетъ заря.
 Зачѣмъ, зачѣмъ томить мечта
 О счастья несбыточномъ?
 Если тщетна мольба, если тщетна мольба,
 И къ сердцу не прижметъ меня мать моя,
 Я съ ней разлучена, я съ ней разлучена навѣки.
 Ахъ! зачѣмъ ночи тѣнь свой покровъ опускаетъ
 И меркнетъ заря?

Неронъ.—Рубинштейна.*3-е дѣйствіе. Дуэтъ Кризы и Виндекса.*

Криза. Мечта, не улетай,
Мечта, не улетай,
Чась насталь благословенный!
Ахъ! любить всей душой безпредѣльно,
Съ нимъ вмѣстѣ жить и вмѣстѣ умереть!
Мечта, блаженство,
Не покидай меня!

Виндексъ. О, Криза!

Криза. Ты меня проклянешь!
Не давай мнѣ руки, меня ты не касайся!

Виндексъ. Что говоришь?

Криза. Я христіанка!

Виндексъ. Ты, Криза, христіанка?
Я знаю, что твой Богъ внушаетъ
Милость, любовь!
Нѣтъ, нѣтъ, не клянущу я,
Вѣрой твоей ты меня вдохновишь;
Пусть твой Богъ будетъ моимъ!

Вмѣстѣ:

Криза. О, счастье, о, высшее блаженство!
Съ любовью спасенье
Я могу дать ему!

Виндексъ. Предъ нимъ я преклоняюсь
И молю его, чтобъ онъ дозволилъ...
Мнѣ любить.

Криза. Виндексъ!

Виндексъ. О, Криза!

Криза. Ахъ! милый мой!

Вмѣстѣ:

Мечта, мечта, не улетай,	} bis.
Чась насталь благословенный,	
Любить всей душой безпредѣльно,	
Съ <u>ней</u> вмѣстѣ жить и умереть!	
<u>нимъ</u>	
Мечта, блаженство,	
Не покидай меня!	

Опричникъ.—Чайковского.*1-е дѣйствіе. Пѣсня Натальи.*

Соловушка въ дубровушкѣ громко свищетъ,
 А дѣвица въ теремочкѣ слезно плачетъ.
 Скучно, скучно мнѣ, дѣвицѣ, въ теремочкѣ,
 Утѣшай меня, соловушко, въ кручинѣ.
 „Не мила мнѣ твоя медовая сытица,
 А мила-то мнѣ болотная водица,
 Не мила мнѣ бѣлаярова пшеница,
 А мила мнѣ мушка мелкая, лѣсная,
 Не мила мнѣ твоя клѣтка золотая, } bis.
 А мила мнѣ моя воля дорогая!

Опричникъ.—Чайковского.*1-е дѣйствіе. Аріозо Натальи.*

Почудилось мнѣ, будто голоса
 И шумъ шаговъ. Ужъ думала—Андрюша...
 Нѣтъ никого... Одна я здѣсь
 Съ моей тоской-кручиной, съ лютымъ горемъ,
 Что, какъ змѣя, мнѣ жалитъ ядомъ сердце!
 Хоть бы взглянуть мнѣ на милого..
 Ахъ! Приди скорѣй, мой милый, мой желанный!
 Ахъ! Вѣтры буйны, донесите къ милому другу
 Вѣсть про горе, кручину, любовь и воздыханья,
 Какъ я таю, изнываю
 По моему желанному другѣ день и ночь!

Опричникъ.—Чайковского.*2-е дѣйствіе. Арія Андрея.*

Какъ передъ Богомъ, такъ передъ тобой,
 Души не постыжу грѣхомъ обмана.
 Неволю иду... но та неволя
 Во мнѣ, какъ духъ нечистый, поселилась:
 Я не смогу ее ни заклинаньемъ,
 Ни силою крестною изгнать я не могу.
 Но ты скажи Царю, скажи ему: неволя эта
 Даритъ слугу опричинѣ вѣрнѣе
 Сѣкирь его и псовъ надежнѣй..
 Да, въ жертву я несу къ стопамъ его
 И жизнь и счастье матери родимой..
 Скажи же, князь, ему: неволя та
 Даритъ слугу опричинѣ вѣрнѣй
 Всѣхъ псовъ его, сѣкирь надежнѣй!
 Ахъ, все въ жертву я принесъ къ ногамъ его!

Орлеанская Дѣва.—Чайковскаго.

1-е дѣйствіе. Гимнъ.

Царь вышнихъ силъ,	} bis.
Ты нашъ покровъ,	
Наша надежда!	
Сжался надъ нами	
И съ высоты призри на насъ!	}
Нашей странѣ,	
Гнѣвомъ твоимъ въ прахъ пораженной,	
Дай снова миръ,	
Дай намъ побѣду надъ злымъ врагомъ!	
Наши поля,	} bis.
Наши дома,	
Все разорилъ,	
Сжегъ и побилъ	
Врагъ въ злобѣ яростной!	
Сжался, сжался	
Надъ нами!	
Царь вышнихъ силъ,	
Ты нашъ покровъ,	
Наша надежда!	
Сжался надъ нами	
И съ высоты призри на насъ!	
Бѣдной странѣ,	
Гнѣвомъ твоимъ въ прахъ пораженной,	
Дай снова миръ,	
Дай намъ побѣду надъ нашимъ врагомъ!	
Ты нашъ покровъ,	
Наша надежда!	
Сжался надъ нами	
И съ высоты призри на насъ!	

№ 3-24648.

Хоръ театра С. И. Зимина.

Орлеанская Дѣва.—Чайковскаго.

2-е дѣйствіе. Хоръ менестрелей.

Бѣгутъ года и дни безсмѣнной чередою,
 Тернистою стезей къ могилѣ всякъ спѣшить,
 Стезя недалеко, могила подъ горою,
 Но много на пути судьба намъ бѣдъ дарить.
 И лишь одинъ цвѣтокъ волшебный
 Намъ въ утѣшенье небомъ данъ:
 Силой чудной и цѣлебной
 Полнъ дивный талисманъ!
 Бѣгутъ года и дни безсмѣнной чередою,
 Тернистою стезей къ могилѣ всякъ спѣшить.

Волшебный тотъ цвѣтокъ приноситъ золь забвенье,
 Тайнственнымъ огнемъ онъ намъ сжигаетъ кровь,
 Онъ въ душу льетъ пѣвца восторгъ и вдохновенье...
 О, дивный талисманъ, зовутъ тебя „любовь“.
 Да, лишь одинъ цвѣтокъ волшебный
 Намъ въ утѣшенье небомъ данъ:
 Силой чудной и цѣлебной
 Полнъ дивный талисманъ!
 Бѣгутъ года и дни безсмѣнной чередою,
 Тернистою стезей къ могилѣ всякъ спѣшить.

Пиковая дама.—Чайковского.*1-е дѣйствіе. Арія Германа.*

Я имени ея не знаю и не хочу узнать...

Земнымъ названьемъ не желая ее назвать,

Сравненья всѣ перебирая, не знаю съ кѣмъ сравнить..!

Любовь свою, блаженство рая, хотѣлъ бы вѣкъ хранить!

Хотѣлъ бы, какъ созданье рая, ее я вѣкъ любить.

Но мысль ревнивая, что ею другому обладать,

Когда я слѣдъ ноги не смѣю ей цѣловать, томить
меня...

Но страсть земную напрасно

Я хочу унять, и все хочу тогда обнять,

И все хочу мою святую тогда обнять!

Я имени ея не знаю и не хочу узнать его...

№ 2-22737.

П. Д. Орловъ.

Пиковая дама.—Чайковского.*1 е дѣйствіе. Баллада Томскаго.*

Однажды въ Версалѣ „au jeu de la Reine“

„Venus moscovite“ проигралась до тла.

Въ числѣ приглашенныхъ былъ графъ Сень-Жерментъ;

Слѣдя за игрой, онъ слыхалъ, какъ она

Шептала въ разгарѣ азарта:

„О, Боже! О, Боже! О, Боже!

„Я все бы могла отыграть,

„Когда бы хватило поставить опять

„Три карты! Три карты! Три карты!“

Графъ, выбравъ удачно минуту, когда,

Покинувъ украдкой гостей, полный залъ,

Красавица молча сидѣла одна,

Влюбленно надъ ухомъ ея прошепталъ

Слова—слаще звуковъ Моцарта:

„Графиня, графиня, графиня!

Цѣной одного rendez-vous

Хотите, пожалуй, я Вамъ назову

Три карты, три карты, три карты?“

Графиня вспылила! „Какъ смѣете Вы?“

Но графъ былъ не трусъ... И когда черезъ день

Красавица снова явилась, увы!..

Безъ гроша въ карманѣ „au jeu de la Reine“,

Она уже знала три карты...

Ихъ смѣло поставивъ одна за другой,

Вернула свое, но какою цѣной!

О карты, о карты, о карты!

Разъ мужу тѣ карты она назвала,

Въ другой разъ ихъ юный красавецъ узналъ,

Но въ эту же ночь, лишь осталась одна,

Къ ней призракъ явился и грозно сказалъ:

„Получишь смертельный ударъ ты отъ третьяго,

Кто, пылко и страстно любя,

Придетъ, чтобы силой узнать отъ тебя

Три карты, три карты, три карты!

Пиковая дама.—Чайковского.*1-е дѣйствіе. Арія Германа.*

„Получишь смертельный ударъ ты
 Отъ третьяго, кто, пылко и страстно любя,
 Придетъ, чтобы силой узнать отъ тебя
 Три карты, три карты, три карты!“
 Ахъ, что мнѣ въ нихъ,
 Хотя бъ и обладалъ я ими!
 Погибло все теперь... Одинъ остался я!
 Мнѣ буря не страшна!
 Во мнѣ самомъ всѣ страсти проснулись
 Съ такой убійственной силой,
 Что этотъ громъ — ничто въ сравненьи!
 Нѣтъ, князь! Пока, я живъ, тебѣ я не отдамъ ее.
 Не знаю какъ, но отниму!
 Громъ, молнія, вѣтеръ!
 При васъ торжественно даю я клятву:
 Она моею будетъ, она моею будетъ,
 Моей, моей, или умру!

№ 24460.

М. Б. Черкасская
и Н. И. Панина.

№ 24304.

М. А. Михайлова
и Ю. Н. Носилова.

№ 24376.

М. А. Михайлова
и К. Тугаринова.**Пиковая дама.**—Чайковского.*1-е дѣйствіе. Дуэтъ Лизы и Полины.*

Ужъ вечеръ... облаковъ померкнули края,
 Послѣдній лучъ зари на башняхъ умираетъ,
 Послѣдняя въ рѣкѣ блестящая струя
 Съ потухшимъ небомъ угасаетъ.
 Какъ слить съ прохладою растений ароматъ,
 Какъ сладко въ тишинѣ у берега струй плесканье,
 Какъ тихо вѣянье эфира по водамъ
 И гибкой ивы трепетанье, трепетанье
 Въ тиши ночной.

№ 2-23056.

Н. Ф. Лежень.

№ 2 23106.

Н. И. Панина.

№ 2-23174.

Е. И. Збруева.

Пиковая дама.—Чайковского.*1-е дѣйствіе. Романсъ Полины.*

Подруги милыя, въ безопасности игривой
 Подъ плясовой напѣвъ вы рѣзвитесь въ лугахъ!
 И я, какъ вы, жила въ Аркадіи счастливой!
 И я, на утрѣ дней, въ сихъ рощахъ и лугахъ
 Минуты радости вкусила.
 Любовь, въ мечтахъ златыхъ, мнѣ счастье сулила;
 Но что жъ досталось мнѣ въ сихъ радостныхъ
 мѣстахъ?
 Могила!

Пиковая дама.—Чайковского.*1-е дѣйствіе. Речитативъ Полины и рус. пѣснь.*

Вотъ вздумала я пѣсню спѣть
 Слезливую такую? Ну съ чего?
 И безъ того грустна ты что-то, Лиза.
 Въ такой-то день, подумай!
 Вѣдь ты помолвлена, ай, ай, ай!
 Ну что вы всѣ носы повѣсили?
 Веселую давайте, да русскую —
 Въ честь жениха съ невѣстой!
 Ну, я начну, а вы мнѣ подпѣвайте!
 Ну-ка, свѣтихъ Машенька,
 Ты потѣшь, попляши! ай люли,
 Люли, люли, ты потѣшь, попляши!
 Свои бѣлы рученьки подъ бока подбери!
 Ай люли, люли, люли,
 Подъ бока подбери!
 Свои скоры ноженьки не жалѣй,
 Угоди! ай люли, люли, люли,
 Не жалѣй—угоди!
 Коли спроситъ маменька: „весела“?
 Говори: ай люли, люли, люли,
 „Весела“, говори.
 А къ отвѣту тятенька:
 Молъ „пила до зари“?
 Ай люли, люли, люли,
 Молъ „пила до зари“!
 Корить станетъ молодецъ:
 „Поди прочь, уходи“!
 Ай, люли, люли, люли,
 „Поди прочь, уходи“!

№ 2-23104.

М. Б. Черкасская.

№ 2-23238.

Р. Е. Радина-Фигнеръ.

Пиковая дама.—Чайковского.*1-е дѣйствіе. Арія Лизы.*

Откуда эти слезы?
 Зачѣмъ онѣ?
 Мои дѣвичьи грѣзы, }
 Вы измѣнили мнѣ! } bis.

Вотъ какъ вы оправдались нгяву!
 Я жизнь мою вручила нынче князю,
 Избраннику по сердцу, существу —
 Умомъ, красою, знатностью, богатствомъ
 Достойному подруги не такой,
 Какъ я! Кто знатенъ? кто красивъ? Кто статенъ
 Какъ онъ?!—Никто! и что же? Я тоской
 И страхомъ вся полна... дрожу и плачу...
 Откуда эти слезы?
 Зачѣмъ онѣ?
 Мои дѣвичьи грѣзы, }
 Вы измѣнили мнѣ! } bis.

Пиковая дама.—Чайковского.*1-е дѣйствіе. Дуэтъ Лизы и Германа.*

Лиза. О, слушай, ночь! тебѣ могу одной
 Повѣрить тайну души моей.
 Она мрачна, какъ ты,
 Она какъ взоръ очей печальный,
 Покой и счастье у меня отнявшихъ...
 Царица ночь! Какъ ты, красавица,
 Какъ ангелъ падшій, прекрасенъ онъ:
 Въ его глазахъ огонь палящей страсти,
 Какъ чудный сонъ, меня манить,
 И вся моя душа во власти его!
 О, ночь! о, ночь!

Германъ. Остановитесь, умоляю васъ!

Лиза. Зачѣмъ вы здѣсь, безумный человѣкъ?
 Что надо вамъ?

Германъ. Проститься!

Лиза. Не уходите же, останьтесь!

Германъ. Я самъ уйду сейчасъ...
 И болѣе сюда не возвращусь...
 Одну минуту.. Что вамъ стоитъ?
 Къ вамъ умирающій взоветъ.

Лиза. Зачѣмъ, зачѣмъ вы здѣсь? Уйдите!

Германъ. Нѣтъ!

Лиза. Я закричу!

Германъ. Кричите! зовите всѣхъ!
 Я все равно умру,
 Одинъ иль при другихъ.

№ 2-22933.

Н. А. Большаковъ.

№ 3-22571.

А. М. Давыдовъ.

№ 2-22817.

”

№ 3-22854

”

№ 2-22238. *)

”

Пиковая дама.—Чайковского.*1-е дѣйствіе. Арія Германа.*

Прости, ^{небесное}
 прелестное созданье,

Что я нарушилъ твой покой,
 Прости, но страстнаго не отвергай признанья,
 Не отвергай съ тоской!
 О, пожалѣй... я, умирая,
 Несу къ тебѣ мою мольбу:
 Взгляни съ высотъ небесныхъ рай
 На смертную борьбу
 Души, истерзанной мученьемъ
 Любви къ тебѣ! О сжался,
 И духъ мой лаской, сожалѣньемъ,
 Слезой твоей согрѣй!
 Ты плачешь! ты?
 Что значатъ эти слезы?
 Не гонишь и жалѣешь?
 Благодарю тебя!
 Красавица, богиня, ангелъ!

*) № 2-22238 — безъ послѣдней строки.

Пиковая дама.—Чайковского.*2-е дѣйствіе. Арія кн. Елецкаго.*

Я васъ люблю, люблю безмѣрно,
 Безъ васъ не мыслю дня прожить,
 Я подвигъ силы безпримѣрной
 Готовъ сейчасъ для васъ свершить!
 Ахъ, я терзаюсь этой далью,
 Состражду вамъ я всей душой,
 Печалюсь вашею печалью
 И плачу вашею слезой!
 Ахъ, я терзаюсь этой далью,
 Состражду вамъ я всей душой!
 Я васъ люблю, люблю безмѣрно,
 Безъ васъ не мыслю дня прожить,
 Я подвигъ силы безпримѣрной
 Готовъ сейчасъ для васъ свершить!
 О, милая, я васъ люблю!..

№ 3-22573.

А. С. Ермаковъ.

Пиковая дама.—Чайковского.*2-е дѣйствіе. Арія кн. Елецкаго.*

Я васъ люблю, люблю безмѣрно,
 Безъ васъ не мыслю дня прожить,
 Я подвигъ силы безпримѣрной
 Готовъ сейчасъ для васъ свершить!
 Но знайте: сердца вашего свободу
 Ничѣмъ я не хочу стѣснять,
 Готовъ скрываться вамъ въ угоду
 И пылъ ревнивыхъ чувствъ унять.
 На все, на все для васъ готовъ я!
 Но ясно вижу, чувствую теперь я,
 Куда себя въ мечтахъ завлекъ,
 Какъ мало въ васъ ко мнѣ довѣрья,
 Какъ чуждъ я вамъ и какъ далекъ!
 Ахъ, я терзаюсь этой далью,
 Состражду вамъ я всей душой,
 Печалюсь вашей я печалью
 И плачу вашею слезой!
 Ахъ, я терзаюсь этой далью,
 Состражду вамъ я всей душой!
 Я васъ люблю, люблю безмѣрно,
 Безъ васъ не мыслю дня прожить,
 Я подвигъ силы безпримѣрной
 Готовъ сейчасъ для васъ свершить!
 О милая, я васъ люблю!

Пиковая дама.—Чайковского.*2-е дѣйствіе. Арія кн. Елецкаго.*

Я васъ люблю, люблю безмѣрно,
 Безъ васъ не мыслю дня прожить,
 Я подвигъ силы безпримѣрной
 Готовъ сейчасъ для васъ свершить!
 Но знайте: сердца вашего свободу
 Ничѣмъ я не хочу стѣснять...
 Готовъ скрываться вамъ въ угоду
 И пылъ ревнивыхъ думъ унять.
 На все, на все для васъ готовъ я!
 Не только любящимъ супругомъ,
 Слугой полезнымъ иногда,
 Желалъ бы я быть вашимъ другомъ
 И утѣшителемъ всегда!
 Но вижу... чувствую теперь я,
 Куда себя въ мечтахъ завлекъ,
 Какъ мало въ васъ ко мнѣ довѣрья,
 Какъ чуждъ я вамъ и какъ далекъ!
 Ахъ, я терзаюсь этой далью,
 Состражду вамъ я всей душой,
 Печалюсь вашею печалью
 И плачу вашею слезой!
 Ахъ, я терзаюсь этой далью,
 Состражду вамъ я всей душой!
 Я васъ люблю, люблю безмѣрно,
 Безъ васъ не мыслю дня прожить,
 Я подвигъ силы безпримѣрной
 Готовъ сейчасъ для васъ свершить!
 О милая, я васъ люблю!

№ 24309.

М. Михайлова и Ю. Носилова.

№ 24455.

М. Черкасская и Н. Панина.

Пиковая дама.—Чайковского.*2-е дѣйствіе. Дуэтъ Прилѣпы и Миловзора.*

Прилѣпа. Мой миленькій дружокъ,
 Любезный пастушокъ,
 О комъ я воздыхаю
 И страсть открыть желаю,
 Ахъ, не пришелъ плясать! bis.

Миловзоръ. Я здѣсь, но скученъ, томень,
 Смотри, какъ похудалъ!
 Не буду больше скромень: } bis.
 Я долго страсть скрывалъ.

Вмѣстѣ:

Прилѣпа. Мой миленькій дружокъ,
 Любезный пастушокъ!
 Какъ безъ тебя скучаю,
 Какъ по тебѣ страдаю!
 Ахъ, не могу плясать!

Миловзоръ. Давно тебя любя,
 Соскучилъ безъ тебя,
 А ты того не знаешь
 И здѣсь себя скрываешь
 Отъ взора моего!

Прилѣпа. Не знаю отчего.

Миловзоръ. Не знаю для чего.

Пиковая дама.—Чайковского.*2-е дѣйствіе. Арія Германа.*

Все такъ, какъ мнѣ она сказала... что же?
 Боюсь я, что ли?.. Нѣтъ! Такъ рѣшено!
 Я вывѣдаю тайну у старухи...
 А если нѣтъ? и это все
 Пустой лишь бредъ моей больной души?!
 А! вотъ она „Венерою московской“!
 Какою тайной силой съ тобой я связанъ рокомъ?
 Мнѣ ль отъ тебя, тебѣ ли отъ меня,
 Но чувствую, что одному изъ насъ
 Погибнуть отъ другого...
 Гляжу я на тебя и ненавижу...
 А насмотрѣться вдоволь не могу!..
 Бѣжать хотѣлъ бы прочь, но нѣту силы...
 Пытливый взоръ не можетъ оторваться
 Отъ страшнаго и чуднаго лица!
 Нѣтъ! намъ не разойтись безъ встрѣчи роковой.

№ 33533.

№ 2-23108 *)

К. А. Тугаринова.

Н. И. Панина.

Пиковая дама.—Чайковского.*2-е дѣйствіе. Пѣсня графини.*

Je crains de lui parler la nuit,
 J'écoute trop tout ce qu'il dit...
 Il me dit: je vous aime, et je sens malgré moi, } bis.
 Je sens mon coeur qui bat, qui bat,
 Je ne sais pas pourquoi.
 Чего вы тутъ стоите? Вонъ ступайте!
 Je crains de lui parler la nuit,
 J'écoute trop tout ce qu'il dit...
 Il me dit: je vous aime, et je sens malgré moi,
 Je sens mon coeur qui bat, qui bat...
 Je ne sais pas pourquoi...

Переводъ:

Мнѣ страшно съ нимъ наединѣ
 И сладко слушать рѣчь его;
 Онъ шепчетъ мнѣ „люблю“.
 Невольно я дрожу и сердце бьется
 Такъ во мнѣ, не знаю отчего!

*) № 2-23108—безъ русской фразы.

№ 2-23168.
№ 2-23066 *.)
№ 2-23313.

М. Б. Черкасская.
А. П. Андреева.
Н. С. Южина.

Пиковая дама.—Чайковского.

3-е дѣйствіе. Арія Лизы.

Ахъ, истомилась я горемъ..
Ночью ли, днемъ, только о немъ
Думой себя истерзала я..
Гдѣ же ты, радость бывалая?
Ахъ, истомилась, устала я!
Жизнь мнѣ лишь радость сулила,
Туча пришла—громъ принесла,
нашла
Все, что я въ мірѣ любила,
Счастье, надежды разбила!
Ахъ, истомилась, устала я!
Ночью ли, днемъ, только о немъ,
Ахъ, думой себя истерзала я..
Гдѣ же ты, радость бывалая?
Туча пришла и грозу принесла,
нашла
Счастье, надежды разбила!
Я истомилась!.. Я изстрадалась!..
Тоска грызетъ меня и гложетъ!

№ 2-23105.

М. Б. Черкасская.

Пиковая дама.—Чайковского.

3-е дѣйствіе. Арія Лизы.

А если мнѣ въ отвѣтъ часы пробьютъ,
Что онъ убійца, соблазнитель?
Ахъ, страшно, страшно мнѣ!..
О, время, подожди, онъ будетъ здѣсь сейчасъ...
Ахъ, милый, приходи, сжался надо мной,
Супругъ мой, мой повелитель!
Такъ это правда! со злодѣемъ свою судьбу
Связала я!
Убійцѣ, извергу навѣки принадлежитъ душа моя!..
Его преступною рукою
И жизнь, и честь моя взята,
Я волей неба роковою
Съ убійцей вмѣстѣ проклята.

№ 2-23066—безъ двухъ послѣднихъ строкъ.

Пиковая дама.—Чайковского.

3-е дѣйствіе. Дуэтъ Лизы и Германа.

Лиза. Ты здѣсь! ты здѣсь! Ты не злодѣй!
Ты здѣсь! Насталъ конецъ мученьямъ,
И снова стала я твоей!
Прочь слезы... муки и сомнѣнья...
Ты мой опять... и я твоя...

Германъ. Да, здѣсь я, милая моя!

Лиза. О, да, миновали страданья, я снова съ тобою, мой другъ.

Германъ. Я снова съ тобою, мой другъ.

Лиза. Настало блаженство свиданья!

Германъ. Настало блаженство свиданья.

Лиза. Конецъ нашихъ тягостныхъ мукъ.

Германъ. Конецъ нашихъ тягостныхъ мукъ.

Лиза. О да, миновали страданья, я снова съ тобой.

Германъ. То были тяжелыя грезы, обманъ сновидѣнья пустой.

Лиза. Обманъ сновидѣнья пустой.

Германъ. Забыты стенанья и слезы.

Лиза. Забыты стенанья и слезы.

Германъ. Я снова съ тобой.

Лиза. О, мой милый, желанный, я снова съ тобою, миновали наши навѣки страданья, кончены муки. мой милый, желанный, я снова съ тобой.

Германъ. Да, я снова съ тобой! Миновали наши муки, страданья, часъ свиданья блаженный насталъ, о, мой ангелъ, я снова съ тобой.

Но, милая, пора, нельзя намъ медлить, часы бѣгутъ... готова ты?.. бѣжимъ...

Лиза. Куда бѣжать? съ тобой? — хоть на край свѣта...

Германъ. Куда бѣжать... куда... въ игорный домъ ..

*) № 24342 — безъ послѣднихъ 4 строкъ.

Пиковая дама.—Чайковского.!*3-е дѣйствіе. Продолженіе дуэта Лизы и Германа.***Лиза.** О, Боже! Что съ тобою, Германъ?**Германъ.** Тамъ груды золота лежатъ, и мнѣ,
Мнѣ одному онѣ принадлежатъ!**Лиза.** О, что ты! что ты говоришь!.. опомнись!**Германъ.** Ахъ, я забылъ.. вѣдь ты еще не знаешь..Три карты... помнишь? что еще тогда
Я вывѣдать хотѣлъ у старой вѣдьмы.**Лиза.** О горе! горе! ужасъ! онъ безумень!;**Германъ.** Упрямая сказать мнѣ не хотѣла...

Вѣдь нынче у меня она была

И мнѣ сама три карты назвала...

Лиза. Такъ это ты ее убилъ?!**Германъ.** О нѣтъ!

Зачѣмъ? Я только поднялъ пистолетъ,

И старая колдунья вдругъ упала...

Вмѣстѣ:**Лиза.** Такъ это правда? правда?

Такъ это правда; со злодѣемъ

Свою судьбу связала я!

Убійцѣ, извергу навѣки

Принадлежитъ душа моя!

Твоей преступною рукою

И жизнь, и честь моя взята,

Я волей неба роковою

Съ тобою вмѣстѣ проклята!

Германъ. Такъ было суждено судьбой,

Я долженъ былъ свершить злодѣйство,

Три карты этою цѣной

Только могъ я купить.

№ 3-22554.

В. И. Касторскій (съ хор.).

№ 2-22188.

А. М. Брагинъ.

Пиковая дама.—Чайковского.*3-е дѣйствіе. Пѣснь Томскаго.*

Еслибъ милыя дѣвицы

Такъ могли летать какъ птицы,

И садились на сучкахъ,

Я желалъ бы быть сучечкомъ,Я сучечкомъ быть желалъ бы,Чтобы тысячѣ дѣвочкамъВсѣхъ красавицъ приглашалъ бы

На моихъ сидѣть вѣтвяхъ!

Пусть сидѣли бы и пѣли,

Вили гнѣзда и свистѣли.

Выводили бы птенцовъ...

Никогда бъ я не сгибался,

Вѣчно бъ ими любовался

Былъ счастливѣй всѣхъ сучковъ.

№ 2-22947.
№ 3 22569.
№ 2-22216.

А. М. Лабинскій.
А. М. Давыдовъ.

”

Пиковая дама.— Чайковского.

3-е дѣйствіе. Арія Германа.

Что наша жизнь? Игра!
Добро и зло—однѣ мечты!
Трудъ, честность—сказки для бабья!
Кто правъ, кто счастливъ здѣсь, друзья?
Сегодня ты, а завтра я!
Такъ бросьте же борьбу,
Ловите мигъ удачи!
Пусть неудачникъ плачетъ,
Кляня, кляня свою судьбу.
Что вѣрно? Смерть одна!
Какъ берегъ моря суеты,
Намъ всѣмъ прибѣжище она.
Кто ей милѣй изъ насъ, друзья?
Сегодня ты, а завтра я!
Такъ бросьте же борьбу,
Ловите мигъ удачи!
Пусть неудачникъ плачетъ,
Свою кляня судьбу.

№ 2-24672.

Хоръ О-ва Граммофонъ.

Пиковая дама.— Чайковского.

3-е дѣйствіе. Хоръ игроковъ.

Будемъ пить и веселиться!
Будемъ жизнію играть!
Юности не вѣчно длиться, } bis.
Старости не долго ждать.
Намъ не долго ждать старости,
Не долго ждать!
Пусть потонетъ наша младость } bis.
Въ нѣгѣ, картахъ и винѣ!
Въ нихъ однѣхъ на свѣтѣ радость,
Жизнь промчится, какъ во снѣ!
Будемъ пить и веселиться!
Будемъ жизнію играть!
Юности не вѣчно длиться, } bis.
Старости не долго ждать!
Старости не долго ждать,
Намъ не долго ждать.

Пророкъ.—Мейербера.

2-е дѣйствіе. Пастораль.

Упоенье юной страсти
 Мнѣ дороже царской власти;
 Власть одна Творцомъ дана—
 Берту любить и любимымъ ею быть!
 Всѣ богатства, злато міра,
 Все злато міра,
 Власть и царская корона
 Не манятъ мечты мои..
 Міръ мой весь въ любви одной,
 Къ ней одной стремлюсь душой.

№ 0 22012.

И. В. Ершовъ.

Пророкъ.—Мейербера.

5-е дѣйствіе. Пастораль и бриндизи.

Ангелъ, Берта, другъ мой милый,
 Лишь въ тебѣ моя отрада,
 Ты мнѣ сердце отдала,
 Твоя любовь мнѣ жизнь дала.
 Что мнѣ почестъ, что мнѣ блескъ,
 Богатство міра,
 Тронъ и царская порфира?..
 О, блаженство жить съ тобой,
 Міръ и счастье, и любить!
 О, блаженство съ тобою мнѣ жить,
 Тебя любить!
 Тобой мнѣ жить, тебя любить,
 Любить тебя навѣкъ. ангелъ мой.

* * *

Нальемъ, нальемъ бокаль полнѣй!
 Струей живою вино
 Даетъ намъ жизнь, веселье и любовь.
 О, блестящій славный праздникъ,
 О, послѣдній мой пріютъ, —
 Потруднѣй всѣхъ работа, —
 Отравить долженъ я.
 Нальемъ полнѣй, нальемъ бокаль полнѣй,
 Нальемъ, нальемъ бокаль полнѣй!
 Живой струей вино
 Намъ даетъ наслажденье,
 Намъ веселитъ оно,
 Да, веселитъ всѣхъ насъ вино.
 Вина налей еще, вина!

Псковитянка.—Римскаго-Корсакова.

1-е дѣйствіе. Пѣсня Тучи съ хоромъ.

Государи Псковичи,
Собирайтесь на дворы,
Гой, гой, то-то лели; то-то лели,
Собирайтесь на дворы!

Притупились топоры,
Зазубрились мечи,
Гой, гой, то-то лели, то-то лели,
Зазубрились мечи!

Али не на чѣмъ точить
Ни мечей, ни топоровъ?
Гой, гой, то-то лели, то-то лели,
Ни мечей, ни топоровъ?

Али негдѣ намъ сложить
Буйны головы за Псковъ?
Гой, гой, то-то лели, то то лели,
Буйны головы за Псковъ?

No 3-22834.

Л. М. Сибиряковъ

Робертъ-дьяволъ.—Мейербера.

3-е дѣйствіе. Воззваніе.

Вотъ развалины тѣ; на нихъ печать проклятья,
На нихъ тяготѣетъ правдивый гнѣвъ небесъ.
Сонмы прелестныхъ дѣвъ роскошно жили здѣсь,
Лишь гласу пагубныхъ страстей всѣ онѣ внимали.
И свой обѣтъ, и небо забывали.

Возстаньте всѣ мнѣ изъ подъ - гробницъ
безмолвныхъ.

Зову я васъ! Въ этотъ полночный часъ
Покиньте ложе гробовое, зову я васъ!
Возстаньте, прелестью одѣньтесь земною,
Вамъ не впервые юность обольщать.
Царь вѣчной тьмы вызываетъ къ вамъ со мною,
Зоветь, зоветь же васъ погибшій вашъ собратъ,
Сестры, возстаньте, повинуйтесь мнѣ!

Рогнѣда.—Сѣрова.

2-е дѣйствіе. Сказка дурака

За моремъ, за синимъ

Далеко, далече,

Въ той землѣ индѣйской

Жилъ богатый гость.

Далеко, далече

Жилъ богатый гость.

Вздумалъ гость, онъ погулять

Въ Цареградѣ побывать;

Онъ дружину собиралъ,

Корабли онъ снаряжалъ.

Будутъ въ морѣ корабли,

Что далече отъ земли;

Встало морюшко волной,

Погодушкой буревой.

Морюшко озлилось:

Гость-де онъ богатый,

Да не тароватый,

Дани не даетъ.

Всѣхъ-то оторопь взяла,	} bis.
Одного не проняла.	

Сталъ онъ въ гусельки играть,

Сине море потѣшать.

Струны загудѣли,

Море веселится

Для потѣхи стало

Корабли топить.

Гусли звонкія звончѣй,

Непогодушка сильнѣй,

Волны прыгаютъ, шумятъ,	} bis.
Корабли топить хотятъ	

Вотъ дружина говоритъ:

„Какъ намъ, братцы, теперь быть?

Станемъ жребій кидать,	} bis.
Сине море ублажать“.	

Гость въ отвѣтъ промолвилъ:

„Что же братцы? ..

Рогнѣда.—Сѣрова.*3-е дѣйствіе. Хоръ странниковъ.***Странники-богомольцы.**

Во Іорданѣ-рѣкѣ мы отъ грѣховъ омылись,
 Господень гробъ сподобились узрѣть.

Старикъ.

О, братья! Нѣкогда святой Андрей апостолъ
 На мѣстѣ семъ сказалъ ученикамъ:
 „Взгляните на горы, на сихъ горахъ
 „Созидится великій городъ,
 „И благодать Господня возсіяетъ“. } bis.
 Настанетъ день, и скоро, братья,
 Исполнится пророчество святое.

Странники.

Благословенъ отнынѣ и до вѣка,
 Благословенъ Податель всякихъ благъ!
 Да будетъ на землѣ Его святая воля,
 Да просвѣтится русская земля!

Рогнѣда.—Сѣрова.*4-е дѣйствіе. Варяжская пѣсня Рогнѣды.*

Застонало сине море,
 Расходился грозный валъ!
 Разбросало, раскидало
 Сине море да ладьи!
 Рогволоду ли страшиться
 Бурной ночи моря?
 Рогволодъ несется смѣло,
 Безъ боязни пѣнить море;
 Онъ дружину окликаетъ,
 Раздался могучій кличъ:
 Эй-йя!“

Застонало сине море,
 Расходился грозный валъ!
 Рогволоду врагъ ли море,
 Вызываетъ всѣхъ на бой.
 Не отнимешь, сине море,
 Ты добычу!
 „Не страшитесь, дружина!
 „Рогволодъ несется съ вами,
 „Безъ боязни пѣнить море!“
 И дружина отвѣчаетъ,
 Раздался могучій кличъ:
 Эй-йя!“

Русалка. — Даргомыжскаго.*1-е дѣйствіе. Хоръ крестьянъ.*

Заплетися плетень, заплетися,
 Ты завейся труба, золотая,
 Завернися парча, парчевая.
 Какъ на горѣ мы пиво варили
 Ладо мое, ладо, пиво варили.
 Ой люли, люли ладо, ладо ты мое.
 Какъ съ этого пива всѣ мы напьемся,
 Ладо мое, ладо, всѣ мы напьемся,
 Ой люли, люли ладо, ладо ты мое.
 Какъ съ этого пива, ой люли, мы вокругъ соберемся,
 Ой люли, ой ладо ты мое.
 Какъ приударимъ съ этого пива мы въ ладоши,
 Ой люли, ой ладо ты мое.
 Съ этого-то пива, ой люли, всѣ мы разойдемся,
 Ой люли, ой ладо ты мое.
 Какъ съ этого пива, да всѣ посядемъ мы.
 Ой люли, ой ладо ты мое.
 Какъ съ этого пива всѣ мы поляжемъ,
 Ой люли, ой ладо ты мое.
 Какъ съ этого пива всѣ мы подеремся,
 Да какъ всѣ мы подеремся.

№ 3-22818.

Л. М. Сибиряковъ.

№ 3-22827.

В. И. Касторскій.

Русалка. — Даргомыжскаго.*1-е дѣйствіе. Арія мельника.*

Охъ, то-то всѣ вы дѣвки молодыя,
 Посмотришь, мало толку въ васъ,
 Упрямы вы и все одно и то же
 Твердить вамъ надобно сто разъ.
 Ужъ если другъ завидный
 Вамъ въ случай подвернулся,
 Умѣйте вы разумнымъ поведеніемъ
 Его тотчасъ же въ руки взять. Да.
 То ласками, то сказками умѣйте заманить,
 Упреками, намеками старайтесь удержать...
 Да нѣтъ, куда, упрямы вы,
 И гдѣ вамъ слушать стариковъ...
 Вѣдь вы своимъ умомъ богаты,
 А мы такъ отжили свой вѣкъ,
 Ну, какъ же, мы вѣдь отжили свой вѣкъ.
 Вотъ то-то упрямы вы,
 Одно и то же надо вамъ твердить сто разъ,
 Да, надо вамъ твердить сто разъ.
 Если ужъ на свадьбу надежды вовсе нѣтъ,
 То и тогда легко всегда
 Вамъ случай уловить
 И для самихъ, и для родныхъ
 Хоть что-нибудь добыть.
 Да, нѣтъ, куда упрямы вы,
 Вамъ лишь бы цѣлый день
 На шеѣ висѣть у милаго дружка,
 Да цѣлый день въ глаза ему смотрѣть.
 Вотъ-то упрямы вы,
 Одно и то же надо вамъ твердить сто разъ,
 Да, надо вамъ твердить сто разъ.

Русалка.—Даргомыжскаго.*1-е дѣйствіе. Тріо Наташи, князя и мельника.*

Наташа. Ахъ, прошло то время,
Время золотое,
Какъ меня любилъ ты
Сердцемъ и душой!
У тебя, бывало,
Мысли нѣтъ другой,
Нѣтъ другихъ желаній
Только быть со мной,
Нѣтъ иной отрады,
Какъ во мнѣ одной.
Ахъ, тогда привольно
Жизнь моя текла,
А теперь, я вижу,
Стала не мила,
И съ твоей любовью
Счастье отжила!..

Князь. Чѣмъ заслужилъ я жестокий упрекъ?
Больно мнѣ слышать укоръ твой напрасный.
Все, какъ и прежде, ты сердцу мила,
Все, какъ и прежде, любима ты мной.
Разлученъ съ тобою
Я невольно былъ,
Но въ заботахъ тяжкихъ
Я тобой одной
Мысли веселилъ.

Мельникъ. Сколько разъ твержу я:
Дочь, не прозѣвай ты
Счастья своего
И не трать напрасно
Молодость свою.
Не надолго
Любитъ князь тебя,
Поглядишь—
И бросилъ онъ тебя.
Ну, авось ли въ добрый часъ,
Ей скажу въ послѣдній разъ:
Полно время терять,
Попустому болтать,
Вѣкъ любовью одной
Не прожить намъ съ тобой.
У меня вѣдь ты
Дочка милая,
И разумная,
И послушная.
Попросила бы
Ты у князя намъ
Какой милости.
Вѣдь любовью намъ одной
Не прожить весь вѣкъ съ тобой.

Русалка.—Даргомыжскаго.*2-е дѣйствіе. Хоръ дѣвушекъ.*

Сватушка, сватушка,
 Безтолковый сватушка,
 По невѣсту ѣхали,
 Въ огородъ заѣхали.
 Пива бочку пролили,
 Всю капусту полили,
 Тыну поклонилися,
 Вереѣ молилися.
 Верея ль вереюшка,
 Укажи дороженьку,
 Укажи дороженьку,
 По невѣсту ѣхати.
 Сватушка, догадайся,
 За мошоночку принимайся,
 Въ мошнѣ денежка шевелится. } *bis.*
 Краснымъ дѣвушкамъ наровится. }

Русалка.—Даргомыжскаго.*2-е дѣйствіе. Хоръ въ грядницѣхъ.*

Какъ во горницѣ-свѣтлицѣ,
 На честномъ пиру въ боярскомъ домѣ,
 За большимъ столомъ дубовымъ
 Сизые два голубя сидятъ.
 Какъ сидятъ они да любятся,
 Какъ любятся, да красуются,
 И во славу имъ
 На трубахъ гремятъ.
 Во литавры бьютъ.
 Да и мы ихъ величаемъ,
 Дружнымъ хоромъ честь имъ воздаемъ.

Русалка.—Даргомыжскаго.*3-е дѣйствіе. Пѣснь Ольги.*

Какъ у насъ, на улицѣ, мужъ жену молилъ:
 „Что глядишь невесело, радость ты моя,
 Свѣтъ Машенька?“
 А жена упрячилась, отвернувъ головушку:
 „Ахъ, мнѣ не до ласкъ твоихъ, не до красныхъ
 словъ;
 Охъ, плохо можется, голова болитъ,
 Охъ, охъ, охъ, охъ, плохо мнѣ, будто всю шемитъ!
 Охъ, охъ, охъ, охъ, плохо мнѣ, голова болитъ!“
 А какъ подъ березою мужъ жену училъ:
 „Погоди, голубушка, спесь повыбью я по своему!“
 Тутъ жена винулася, въ поясъ поклонилася:
 „Не тревожь себя, мой милый, и не утруждай!
 Вотъ стало лучше мнѣ, голова прошла,
 Ой лей, лей, лей, лешеньки, вотъ и лучше мнѣ!
 Ой лей, лей, лей, лешеньки, голова прошла!“

Русалка.—Даргомыжскаго.

3-е дѣйствіе. Дуэтъ князя и мельника.

Мельникъ. Да, старъ и шаловливъ я сталъ,
За мной смотрѣть не худо...
И день, и ночь въ лѣсахъ дремучихъ
Я, какъ дикій звѣрь, брожу одинъ.
Была когда-то родная дочь—
Отрада жизни, утѣха дней.

Князь. Ахъ, мнѣ ли, мнѣ ее забыть!

Мельникъ. Ее любилъ я, вотъ видить Богъ!

Князь. Ужасныя слова терзаютъ сердце мнѣ.

Мельникъ. Ея красою гордился я!

Не долго было мнѣ наслаждаться.

Князь. Несчастный, несчастный, осужденъ навѣкъ
оплакивать ее!

Мельникъ. Сгубили люди дитя мое!

Не долго было мнѣ наслаждаться.

Князь. Несчастный, несчастный осужденъ

Навѣкъ, навѣкъ оплакивать,

Навѣкъ оплакивать ее!

Мельникъ. Сгубили люди дитя!

Сгубили люди дитя мое!

Русалка.—Даргомыжскаго.

3-е дѣйствіе. Каватина князя.

Невольнo къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила...

Знакомыя, печальныя мѣста!

Я узнаю окрестныя предметы:

Вотъ, вотъ мельница,

Она ужъ развалилася!

Веселый шумъ колесъ ея умолкнулъ,

Ахъ, видно, умеръ и старикъ,

Дочь бѣдную оплакивалъ онъ долго!

А вотъ и дубъ завѣтный...

Здѣсь, здѣсь она,

Обнявъ меня,

Поникла и умолкла!

Мнѣ все здѣсь на память

Приводитъ бывшее

И юности красной

Привольные дни!..

Здѣсь, помню, нѣкогда меня встрѣчала

Свободнаго, свободная любви!

Здѣсь, въ этой рощѣ,

Счастливый любовью,

Заботы и горе,

И все забывалъ я.

Мнѣ все здѣсь на память

Приводитъ бывшее

И юности красной

Привольные дни!..

Русалка.—Даргомыжскаго.

3-е дѣйствіе. Каватина князя.

Мнѣ все здѣсь на память
Приводить былое
И юности красной
Привольные дни!..

Здѣсь, помню, нѣкогда меня встрѣчала,
Свободнаго, свободная любовь!

Здѣсь сердце впервые
Блаженство узнало,—
Увы, не надолго
Намъ счастье дано!
Прошли невозвратно
Дни радостей свѣтлыхъ,
Тяжелое горе
На сердце легло!
Не самъ ли, безумецъ,
Я счастье утратилъ,
А было такъ близко—
Возможно оно!..

Мнѣ все здѣсь на память
Приводить былое
И юности красной
Привольные дни!..

Здѣсь, помню, нѣкогда меня встрѣчала,
Свободнаго, свободная любовь!

Вотъ здѣсь, въ этой рощѣ,
Счастливый любовью,
Заботы и горе
И все забывалъ я.
Мнѣ все здѣсь на память
Приводить былое
И юности красной
Привольные дни!..

Русалка.—Даргомыжскаго.

3-е дѣйствіе. Хоръ русалокъ.

Свободной толпою,
Съ глубокаго дна,
Мы ночью всплываемъ,
Насъ грѣетъ луна.
Любо намъ порой ночью
Дно рѣчное покидать,
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать,
Подавать другъ дружкѣ голосъ,
Воздухъ звонкій раздражать
И зеленый, влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхать.

Русалка.—Даргомыжскаго.*4-е дѣйствіе. Арія Наташи.*

Ты нѣжнѣй къ нему
 Приласкайся, мой другъ,
 Заведи разговоръ
 О себѣ, обо мнѣ.
 Ты ему Расскажи,
 Что слыхала не разъ
 Про рожденіе свое,
 Про несчастья мои.
 Если жъ спросить тебя:
 Вспоминаю ль о немъ,
 Скажи, что вѣчно
 Его я помню,
 И съ прежней страстью
 Его люблю я.
 Скажи, что домъ мой
 Прохладой дышетъ
 И что въ свой теремъ
 Его зову я,
 Зову и жду!
 Ты старайся, мой другъ,
 Лаской дѣтскихъ рѣчей
 Къ намъ его заманить
 И въ мой теремъ завлечь.
 Ты напomini ему
 Про любовь юныхъ дней
 • И скажи, что я его зову и жду!
 Скажи ему, мой другъ,
 Скажи, что я зову его и жду!

№ 3-22629.

М. М. Чупрыниковъ.

Русланъ и Людмила.—Глинки.*1-е дѣйствіе. Арія Баяна.*

За благомъ вслѣдъ идутъ печали,
 Печаль же радости залогъ.
 Природу вмѣстѣ созидали
 Бѣлбогъ и мрачный Чернобогъ.
 Одѣнется съ зарею
 Роскошною красою
 Цвѣтокъ любви, весны;
 И вдругъ, порывомъ бури,
 Подъ самый сводъ лазури
 Листки разнесены.
 Великъ Перунъ могучій!
 Исчезнуть въ небѣ тучи
 И солнце вновь взойдетъ;
 И радости примѣта,
 Дитя дождя и свѣта,
 Вновь радуга взойдетъ.

Русланъ и Людмила.—Глинки.*1-е дѣйствіе. Пѣснь Баяна.*

Есть пустынный край,
 Безотрадный брегъ,
 Тамъ на полночи далеко.
 Но вѣка пройдутъ,
 И на бѣдный край
 Доля дивная низойдетъ.
 Тамъ молодой пѣвецъ,
 Въ славу родины,
 На златыхъ струнахъ запоетъ
 И Людмилу намъ
 Съ ея витяземъ
 Отъ забвенія сохранить.
 Но не дологъ срокъ
 На землѣ пѣвцу,
 Но не дологъ срокъ на землѣ:
 Всѣ безсмертные
 Въ небесахъ.

№ 2-23169.

М. Я. Будкевичъ.

Русланъ и Людмила.—Глинки.*1-е дѣйствіе. Каватина Людмилы.***1-я часть.**

Грустно мнѣ, родитель дорогой!
 Какъ во снѣ, мелькнули дни съ тобой!
 Какъ спою: ой Ладо! Дидь Ладо!
 Разгони тоску мою, радость Ладо!
 Съ милымъ сердцу чуждый край
 Будетъ рай.
 Въ терему високомъ, какъ и здѣсь порой,
 Запою, запою, родитель дорогой!
 Запою, ой Ладо,
 Про любовь мою,
 О Днѣпрѣ родномъ,
 О Днѣпрѣ родномъ, широкомъ,
 Нашемъ Кіевѣ далекомъ!

Русланъ и Людмила.—Глинки.*1-е дѣйствіе. Каватина Людмилы.***2-я часть.**

Не гнѣвись, знатный гость,
 Что въ любви прихотливой
 Я другому несу
 Сердца первый привѣтъ!
 Принужденной любви
 Кто въ душѣ справедливой
 Приметь хладный обѣтъ?
 Храбрый витязь Фарлафъ,
 Подъ звѣздою счастливой для любви
 Ты явился на свѣтъ!
 Подъ роскошнымъ небомъ юга
 Сиротѣть твой гаремъ...
 Возвратись, твоя подруга
 Съ лаской сниметь бранный щемъ,
 Мечъ укроетъ подъ цвѣтами,
 Пѣсню слухъ твой усладить
 И съ улыбкой и съ слезами } bis. bis
 За забвеніе простить.
 Да, за забвеніе простить!
 Недовольны они!
 Виновата ли я,
 Что мой милый Русланъ
 Всѣхъ милѣй для меня?
 Что ему лишь несу
 Сердца первый привѣтъ,
 Счастья вѣрный обѣтъ?
 О, мой милый Русланъ,
 Я на вѣки твоя!
 Ты всѣхъ въ свѣтѣ милѣй для меня!

№ 022082.

Д. И. Бухтояровъ.

№ 022087.

В. И. Касторскій.

Русланъ и Людмила.—Глинки.*2-е дѣйствіе. Арія Руслана.*

О, поле, поле, кто тебя
 Усѣялъ мертвыми костями?
 Чей борзый конь тебя топталъ
 Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
 Кто на тебѣ со славой палъ?
 Чьи небо слышало молитвы?
 Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
 И поросло травой забвенья?
 Время отъ вѣчной темноты,
 Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья! } bis.
 Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
 Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
 И струны громкія баяновъ } bis.
 Не будутъ говорить о немъ!

Русланъ и Людмила.—Глинка.*2-е дѣйствіе. Рондо Фарлафа.*

О, радость! я зналъ,
 Я чувствовалъ заранѣ,
 Что мнѣ лишь суждено
 Свершить столь славный подвигъ!

Близокъ уже часъ торжества моего:
 Ненавистный соперникъ уйдетъ далеко отъ насъ.
 Витязь, напрасно ты ищешь княжны,
 До нея не допустить волшебницы власть тебя!

Людмила! напрасно ты плачешь и стонешь,
 И милаго сердцу напрасно ты ждешь:
 Ни вопли, ни слезы, ничто не поможетъ—
 Смиришься предъ властью Наины, княжна!

Близокъ ужъ часъ торжества моего... и т. д.

Русланъ, забудь ты о Людмилѣ!
 Людмила, жениха забудь!
 При мысли обладать княжной
 Сердце радость ощущаетъ
 И заранѣе вкушаетъ
 Сладость мести и любви! } bis.

Близокъ ужъ часъ торжества моего... и т. д.

Въ заботахъ, тревогъ,
 Досадъ и грусти,
 Скитайся по свѣту,
 Мой храбрый соперникъ;
 Бейся съ врагами,
 Взлѣзай на твердыни!
 Не трудясь, не заботясь,
 Я намѣренъ достигну,
 Въ замкѣ дѣдовъ ожидая
 Повелѣнія Наины.
 Не далеку желанный день,
 День восторга и любви.

Людмила! Напрасно ты плачешь и стонешь,
 И милаго сердцу напрасно ты ждешь:
 Ни вопли, ни слезы, ничто не поможетъ—
 Смиришься предъ властью Наины, княжна!

Близокъ ужъ часъ торжества моего... и т. д.

Въ заботахъ, тревогъ,
 Досадъ и грусти,
 Скитайся по свѣту,
 Мой храбрый соперникъ;
 Бейся съ врагами,
 Взлѣзай на твердыни!
 Не трудясь и не заботясь,
 Я намѣренъ достигну,
 Въ замкѣ дѣдовъ ожидая
 Повелѣнія Наины. } bis.

Близокъ ужъ часъ торжества моего:
 Ненавистный Соперникъ уйдетъ далеко отъ } bis.
 насъ...

Русланъ и Людмила.—Глинка.

2-е дѣйствіе. Баллада Финна.

Промчалась года половина,
 Я съ трепетомъ открылся ей,
 Сказалъ: „люблю тебя Наина!“
 Но робкой горести моею
 Наина съ гордостью внимала,
 Лишь прелести свои любя,
 И равнодушно отвѣчала:
 „Пастухъ, я не люблю тебя!“
 Къ чему рассказывать, мой сынъ,
 Чего пересказать нѣтъ силы?
 Ахъ, я теперь одинъ, одинъ,
 Душой уснувъ въ дверяхъ могилы!
 Я помню горестъ, и порой,
 Какъ о минувшемъ, мысль родится,
 По бородѣ моей сѣдой
 Слеза тяжелая катится...
 Но слушай: въ родинѣ моей,
 Между пустынныхъ рыбаей,
 Наука дивная таится:
 Среди вѣчной тишины,
 Среди лѣсовъ, въ глуши далекой
 Живутъ сѣдые колдуны.
 И сердце дѣвы я жестокой
 Рѣшилъ чарами привлечь,
 Любовь волшебствами зажечь...
 Прошли невидимые годы,
 Насталъ давно желанный мигъ,
 И свѣтлой мыслию постигъ
 Я тайну страшную природы.
 И вдругъ, сидитъ передо мной
 Старушка дряхлая, сѣдая,
 Съ горбомъ, съ трясучей головой,
 Печальной ветхости картина...
 Ахъ, витязь, то была Наина!
 Я ужаснулся и молчалъ,
 И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
 „Наина, возможно ль, ты ли?
 Наина, гдѣ твоя краса?
 Скажи, ужели небеса
 Тебя такъ страшно измѣнили?“
 Увы, мой сынъ, твое колдовство
 Ослѣпило твое око: по несчастью,
 Ко мнѣ пылало новой страстью
 Мое сѣдое божество!
 Я убѣждалъ. Но, гнѣвомъ вѣчно
 Съ тѣхъ поръ преслѣдуя меня,
 Душою черной зло любя,
 Пылая мщеньемъ безконечно,
 Колдунья старая, конечно,
 Возненавидитъ и тебя!

№ 022113.
№ 2-22804 *).

Ө. И. Шаляпинъ.
Д. И. Бухтояровъ.

Русланъ и Людмила.—Глинки.

2-е дѣйствіе. Арія Руслана.

Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
И струны громкія баяновъ }
Не будутъ говорить о немъ! } bis.
Не будутъ, не будутъ говорить о немъ!..

№ 023020.
№ 2-23067.

Е. И. Збруева.
Е. Петренко.

Русланъ и Людмила.—Глинки.

3-е дѣйствіе. Арія Ратмира.

И жаръ, и зной
Смѣнила ночи тѣнь!
Какъ мечты, звѣзды тихой ночи }
Сладкимъ сномъ, сладкимъ сномъ } bis.
Душу, сердце нѣжать.
Засни, засни, усталая душа!
Сладкій сонъ, обними меня!
Засни, засни, усталая душа!
Сладкій сонъ, обними меня!

№ 2-23167.
№ 2-23416.

М. Черкасская.
Н. С. Южина.

Русланъ и Людмила.—Глинки.

3-е дѣйствіе. Каватина Гориславы.

Любви роскошная звѣзда,
Ты закатилась навсегда!
О, мой Ратмиръ! }
Любовь и миръ } bis.
Въ родной пріютъ }
Тебя зовутъ! }
Ужели мнѣ во цвѣтѣ лѣтъ }
Любви сказать: „прости навѣкъ, } bis.
Прости, прости навѣкъ!“ }
Не для тебя ль мнѣ чуждой стала
Россія, милая моя?
Ревнивый пламень затая,
Не я ль съ покорностью молчала,
Когда для нѣги въ тишинѣ
Платокъ былъ брошенъ не ко мнѣ?
О, мой ратмиръ! }
Любовь и миръ } bis.
Въ родной пріютъ }
Тебя зовутъ! }
О, возвратись на брегъ родной!
Ужель вѣнокъ тяжелѣ шлема,
И звуки трубъ, и стукъ мечей
Напѣва женъ твоихъ милѣй?

*) Начинаетъ со второй строки.

Русланъ и Людмила.—Глинки.

3-е дѣйствіе. Арія Ратмира.

Чудный сонъ живой любви
Будить жаръ въ моей крови,
Слезы жгутъ мои глаза,
Нѣгою горятъ уста! } bis.
Тѣни таинственныхъ дѣвъ
Въ горячихъ объятыхъ дрожать.
Ахъ, не улетайте,
Не покидайте
Страстного друга
Въ жаркій, въ жаркій часъ любви!
(Не улетайте,)
Милыя дѣвы!
Страстный шумъ живыхъ рѣчей,
Яркій блескъ молодыхъ очей,
Юныхъ дѣвъ воздушный видъ } bis.
Мнѣ о быломъ говорить.
Блещетъ зарницей живой
Улыбка во мракѣ ночномъ,
(Свѣтитъ любовью былой...)
(И радостно въ сердцѣ моемъ!)
Ахъ, не разбѣгайтесь,
Не разлетайтесь,
Юныя дѣвы, милыя дѣвы,
Въ жаркій часъ любви!
Чудный сонъ живой любви
Будить жаръ въ моей крови, } bis.
Слезы жгутъ мои глаза,
Нѣгою горятъ уста!
Тѣни таинственныхъ дѣвъ
Въ горячихъ объятыхъ дрожать.
Ахъ, не улетайте,
Не покидайте!..

*) Г жа Петренко пропускаетъ заключенныя въ скобки 3 строки и, кромѣ того, во второмъ случаѣ не биссируетъ.

Русланъ и Людмила.—Глинки.

3-е дѣйствіе. Каватина Гориславы.

Любви роскошная звѣзда,
Ты закатилась навсегда!

О, мой Ратмиръ!	} bis.
Любовь и миръ	
Въ родной пріютъ	
Тебя зовутъ!	
Ужели мнѣ	} bis.
Во цвѣтѣ лѣтъ	
Любви сказать:	
„Прости навѣкъ!“	

Не для тебя ль мнѣ чуждой стала
Россія, милая моя?
Ревнивый пламень затая,
Не я ль съ покорностью молчала,
Когда для нѣги въ тишинѣ
Платокъ былъ брошенъ не ко мнѣ?

О, мой Ратмиръ!	} bis.
Любовь и миръ	
Въ родной пріютъ	
Тебя зовутъ!	
Ужели мнѣ	} bis.
Во цвѣтѣ лѣтъ	
Любви сказать:	
„Прости навѣкъ!“	

Тоска изъ мирнаго гарема
Меня изгнала за тобой.
О, возвратись на брегъ родной!
...Напѣва женъ твоихъ милѣй?

№ 2-23170.

М. Будкевичъ.

№ 2-23131.

А. В. Нежданова.

Русланъ и Людмила.—Глинки.

4-е дѣйствіе. Арія Людмилы.

Ахъ, ты доля, долюшка,
Доля моя горькая!
Рано мое солнышко
За ненастной тучею,
За грозою скрылося,
За грозою, за грозою скрылося!
Не видать мнѣ болѣе
Ни родного батюшки,
Ни драгого витязя!
Тосковать мнѣ дѣвицѣ
Въ безотрадной долюшкѣ!

Русланъ и Людмила.—Глинки.*4-е дѣйствіе. Арія Людмилы.*

Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
 Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
 О, ты, чья гибельная страсть
 Меня терзаетъ и лелѣетъ,
 Мнѣ не страшна злодѣя власть:
 Людмила умереть умѣетъ...
 Волны, волны голубыя,
 Дайте миръ душѣ моей!
 О, что мнѣ жить,
 Какая радость,
 Кто возвратитъ ее?
 Едва взаимная любовь
 Мою привѣтствовала младость,
 Едва возникъ блаженства день,
 И нѣтъ уже со мной Руслана!
 И счастье скрылося, какъ тѣнь,
 Какъ солнце въ облакахъ тумана!

№ 2-23173.

Е. И. Збруева.

Русланъ и Людмила.—Глинки.*5-е дѣйствіе. Романсъ Ратмира.*

Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость,
 Она мнѣ возвратила вновь } bis.
 Мою утраченную младость!
 Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость,
 Она мнѣ возвратила вновь
 Мою утраченную младость
 И счастье и любовь!

Русланъ и Людмила.*5-е дѣйствіе. Дуэтъ Финна и Ратмира.***1-я часть.**

Финнъ. Успокойся: минетъ время,
 Радость тихая блеснетъ,
 И надъ вами солнце жизни,
 Радость тихая взойдетъ!
 Успокойся: злой Наины
 То послѣдній былъ ударъ.
 Васъ зоветъ иная доля,
 Минутъ козни злобныхъ чаръ! } bis.

Ратмиръ. Ты разрушилъ злыя козни,
 Отъ Наины ты ихъ спасъ.
 Будь же имъ защитой снова,
 Помоги имъ въ грозный часъ,
 Помоги имъ, какъ и прежде,
 Будь опорой отъ враговъ!
 Ты за насъ, и я надеждѣ,
 Я блаженству вѣрю вновь! } bis.

В м ѣ с т ѣ:

Я спокоенъ (Успокойся): минетъ время,
 Радость тихая блеснетъ,
 И надъ нами (вами) солнце жизни,
 Радость тихая взойдетъ! } bis.

Русланъ и Людмила.—Глинка.*5-е дѣйствіе. Дуэтъ Финна и Ратмира.***2-я часть.**

Финнъ. Злыя сѣти разорву я!
 Власть моя ихъ вновь спасетъ,
 И Людмилѣ и Руслану
 Счастье новое блеснетъ!
 Съ перстнемъ симъ волшебнымъ въ Кіевъ
 ступай,
 На пути ты увидишь Руслана;
 Перстень сей разбудитъ княжну ото сна
 И снова на радость проснется она,
 Жива и прекрасна, какъ прежде.

Ратмиръ. Съ полной вѣрой перстень въ Кіевъ снесу
 И Руслану вручу съ упованьемъ,
 Перстень сей разбудитъ княжну ото сна
 И снова проснется на радость она,
 Жива и прекрасна, какъ прежде.

В м ѣ с т ѣ:

Страданьямъ наступитъ конецъ,
 Мы горе забудемъ бывшее,
 И свѣжій вѣнецъ
 Украситъ княжны чело молодое,
 И радость обниметъ веселыхъ гостей.

Финнъ. Иди же, мой витязь, на Кіевъ скорѣй!
Вмѣстѣ: На Кіевъ скорѣй!

Садко.—Римскаго-Корсакова.*1-я картина. Арія Садко.*

Пробѣгали бѣ мои бусы-корабли,
 Обѣзжали бѣ моря, моря синія—
 Погулялъ бы въ странахъ я неслыханныхъ,
 Насмотрѣлся бѣ чудесъ я невиданныхъ,
 Накупилъ бы я тамъ скатна жемчуга,
 Самоцвѣтныхъ камней, дорогой камки;
 На безсчетну казну, въ Новѣгородѣ,
 Понастроилъ бы я церквей Божіихъ,
 Я бѣ повызолотилъ кресты, маковицы
 Чистымъ золотомъ,
 Усадилъ бы иконы я жемчугомъ,
 Да камнями,
 Дорогими бы все, самоцвѣтными.
 По далекимъ морямъ, по раздолью земли
 Пронеслася бы слава Новгорода;
 А и вы бы тогда, гости знатные,
 За то во поясъ мнѣ поклонилися.

Садко.—Римскаго-Корсакова.*2-я картина. Хороводная пѣснь Садко.*

Заиграйте, мои гусельки,
 Заиграйте, струны звончаты!
 Какъ подъ часты переборы мои
 Расплясались лебедушки.
 Лѣли, лѣли, лебеди,
 Лѣли, лѣли, бѣлыя!
 Краше всѣхъ ихъ одна дѣвица,
 Лучше всѣхъ одна лебедушка,
 Собираетъ малы цвѣтики,
 Молодильнички душистые.
 Лѣли, лѣли, цвѣтики,
 Лѣли, лѣли, бѣлыя!
 Для мила дружка вѣнокъ плететъ
 Душа дѣвица.
 Сини волны всколебалися,
 Тростники шумятъ зеленые.
 Вы шумите, волны синія,
 Ты шепчися, зеленой тростникъ!
 Подъ плесканье ваше тихое,
 Подъ шептанье ваше нѣжное,
 Съ красной дѣвицею молодецъ
 Заведетъ бесѣду сладкую.
 Разсыпайтесь, лебедушки,
 Вы по кустикамъ, по частымъ,
 Сбирать цвѣточки бѣлыя!
 Сбирать.. Разсыпайтесь!..

Садко.—Римскаго-Корсакова.*3-я картина. Арія Любавы.*

Охъ, знаю я, Садко меня не любитъ,
 Меня не жаль покинуть муженьку,
 Несется мыслью онъ, что бѣлый кречетъ
 Въ чужи края, на синія моря.
 О подвигахъ большихъ, о славѣ богатырской
 Все думаетъ онъ думу,
 Повсюду рѣчь ведетъ одну.
 Давно ли называлъ меня своею ладой,
 Часами не сводилъ съ меня своихъ очей?
 Давно ли говорилъ любовны-сладки рѣчи,
 Во гусельки игралъ и звонки пѣсни пѣлъ?
 Давно ль? Теперь одна;
 Садко меня не любитъ,
 Увяла, знать, моя краса.
 Меня не любитъ милый мой,
 Ему постыла видно я.

Садко.—Римскаго-Корсакова*2-я картина. Пѣснь Садко.*

Ой, ты, темная дубравушка,
 Разступися, дай мнѣ дороженьку.
 Сквозь туманъ—слезу горючую
 Я не вижу свѣта бѣлаго.
 Всколыхни ты трость дерева,
 Разбуди-ка Ильмень озеро.
 Людямъ стали ужъ ненадобны
 Мои гусельки яровчаты.
 Слушай ты, волна зыбучая,
 Ты раздольице широкое,
 Про мою ли участь горькую,
 Да про думушку завѣтную.

Садко.—Римскаго-Корсакова.*4-я картина. Пѣснь Веденецкаго гостя.*

Городъ каменный, городамъ вѣмъ мать.
 Славный Веденецъ середь моря сталъ.
 А и разъ въ году церковь чудная
 Поднимается изъ синя моря.
 Соѣзжаются къ ней, да дивуются
 Славны витязи все изъ-за моря.
 А могучій князь въ золотомъ дворцѣ
 Обрученъ кольцомъ съ моремъ синимъ.
 Городъ прекрасный, городъ счастливый,
 Моря царица, Веденецъ славный!
 Тихо порхаешь вѣтеръ прохладный,
 Синее море, синее небо.
 Надъ моремъ синимъ царствуешь кротко,
 Городъ прекрасный, Веденецъ славный!

} bis.

№ 3-22817.

В. И. Касторскій.

№ 3-22820.

Л. М. Сибиряковъ.

Садко.—Римскаго-Корсакова.

4-я картина. Пѣсня Варяжскаго гостя

О скалы грозныя дробятся съ ревомъ волны
И съ бѣлой пѣною крутятся бѣгутъ назадъ,
Но твердо сѣрые утесы
Выносятъ волнъ напоръ,
Надъ моремъ стоя.
Отъ скалъ тѣхъ каменныхъ у насъ варяговъ кости,
Отъ той волны морской въ насъ кровь рудопошла,
А мысли тайны отъ тумановъ,
Мы въ морѣ родились,
Умремъ на морѣ.
Мечи булатны, стрѣлы остры у варяговъ,
Наносятъ смерть они безъ промаха врагу,
Отважны люди странъ полночныхъ,
Великъ ихъ Богъ одинъ—
Угрюмо море.

№ 2-22512.

И. А. Алчевскій.

№ 3-22863.

А. М. Лабинскій.

№ 3-22523.

М. М. Чупрынниковъ.

Садко.—Римскаго-Корсакова.

4-я картина. Пѣсня индѣйскаго гостя.

Не счесть алмазовъ въ каменныхъ пещерахъ,
Не счесть жемчужинъ въ морѣ полуденномъ
Далекой Индіи чудесь.

Есть на тепломъ морѣ
Чудный камень яхонтъ,
На томъ камнѣ фениксъ—
Птица съ ликомъ дѣвы,
Райскія все пѣсни
Сладко напѣваетъ,
Перья распускаетъ,
Море застилаетъ.

закрываетъ.

Кто ту птицу слышитъ,
Все позабываетъ.

Не счесть алмазовъ въ каменныхъ пещерахъ,
Не счесть жемчужинъ въ морѣ полуденномъ
Далекой Индіи чудесь.

Самсонъ и Далила.—Сень-Санса.*1-е дѣйствіе. Гимнъ Самсона.***Самсонъ.** Израиль, часъ насталь!

Возстанъ и цѣпи сбрось!

Богъ вамъ вожда послалъ:

Мнѣ вести васъ привелось!

Господь будетъ намъ щить:

Какъ въ дни нашихъ отцовъ,

Онъ силъ пошлетъ, чтобъ мстить

И разбить всѣхъ враговъ!

Хоръ повторяетъ.

Въ Богѣ силъ гнѣвъ проснулся,

Все въ страхъ ужъ бѣжитъ...

Земля вдругъ колыхнулась,

А въ небѣ громъ гремитъ!

Морю Онъ повелѣваетъ

И слушаетъ вѣтръ Его,

Всѣмъ міромъ управляетъ,

Все возможно для него!

**Послѣ этого Самсонъ и хоръ повторяютъ
первыя 8 строкъ и добавляютъ:**

„Израиль, часъ насталь, цѣпь сбрось!“.

Самсонъ и Далила.—Сень-Санса.*1-е дѣйствіе. Арія Далилы.*

Весна появилась,

И сердце забилося

Надеждой святой.

Ея появленье

Приноситъ забвенье

Тревогъ людской.

Вокругъ солнце блещетъ,

А сердце трепещетъ.

Май даритъ счастья сны,

Лѣса одѣваетъ,

Луга украшаетъ

И сыплетъ цвѣты.

Хоть я и прекрасна,

Но слезы все лью

И друга напрасно

Съ любовью зову!

Надежда врачуетъ

Мнѣ раны души,

Память же рисуетъ

Счастья прошлаго дни!

При звѣздахъ лучистыхъ,

У рѣчки сребристой,

Его стану ждать,

Молиться, страдать!

Но если вернется,

Сердцемъ оживу,

Средь лобзаній жадныхъ

„Милый, ненаглядный“,

Я ему шепну,

Что все также люблю!

Самсонъ и Далила.—Сень-Санса.

2-е дѣйствіе. Арія Далилы.

Открылася душа, какъ цвѣтокъ на зарѣ,
 Для лобзаній Авроры!
 Но чтобъ утѣшилась я,
 Мнѣ слезы осуши
 Жгучей лаской, страстнымъ взоромъ.
 Далилѣ повтори,
 Что ты мой навсегда,
 Что всѣ забыты муки,
 Повтори тѣ слова,
 Что любила такъ я!
 Ахъ, нѣтъ силъ снести разлуку!
 Жгучихъ ласкъ, ласкъ твоихъ ожидаю
 Отъ счастья замираю!
 Ахъ, жгучихъ ласкъ, — ласкъ твоихъ
 Ожидаю!..

№ 3-24670.

Хоръ О-ва Граммофонъ.

Самсонъ и Далила.—Сень-Санса.

3-е дѣйствіе. Хоръ евреевъ.

Свѣтъ звѣздъ поблѣднѣлъ, почила луна,
 И въ блестящихъ лучахъ проснулася заря,
 Ночь прошла, но пусть длится наслажденье...
 Все назначенье
 Жизни нашей—любовь быть должна,
 Намъ несетъ забвеніе она.
 Покровъ разорвавъ, ночи мракъ густой
 Давно ужъ пропалъ въ выси голубой;
 Заалѣлъ востокъ, солнце, выплывая,
 Льетъ лучъ златой,
 Горы и поля свѣтомъ озаряя...

2-22217.

А. М. Давыдовъ.

Сельская честь.—Масканьи.

Сициліана.

О, Лола, знойной нѣги созданье,
 Ты, какъ цвѣтокъ весны, блистишь красой.
 Кто пьетъ въ тиши ночей твое лобзанье,
 Тотъ счастья даръ хранить избранъ судьбою.
 Пусть твой порогъ закрыть грозятъ мнѣ кровью,
 Тамъ смерть готовъ я ждать, горя любовью,
 И лишь тогда войду я въ рай небесный,
 Коль встрѣтитъ тамъ меня твой взоръ прелестный. } bis.
 Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ!..

Сельская честь.—Масканыи.**Сициліана.**

О, Лола, ты нѣжна, какъ роза мая,
 Глазки закроешь ты—день угасаетъ.
 Кто цѣловаль тебя, страстью сгорая,
 Тотъ счастья въ мірѣ иного не пожелаетъ.
 Хоть смерть грозитъ у твоего порога,
 Мнѣ все равно, я не страшусь могилы,
 И умереть цѣной твоего чертога
 Я милость въ томъ не видѣлъ для моей доли.
 Аа Аа-Аа!

№ 2-23371.

М. А. Михайлова.

Свадьба Жанетты.—Массэ.*Пѣснь соловья.*

Ахъ! Эта пѣсня
 Трелію чудесной
 Душу веселитъ
 И къ небу свѣтлому летитъ.
 Звонко льется,
 Радостно несется,
 И къ любви и счастью
 Сердца манитъ!
 Ахъ! Весь росой окропленный,
 Въ эту ночь пѣвецъ влюбленный
 Тихо слетѣлъ
 И на мое окно грустно присѣлъ,
 Пѣвецъ взлетѣлъ и грустно сѣлъ.
 Ахъ! Эта пѣсня
 Трелію чудесной
 Душу веселитъ
 И къ небу свѣтлому летитъ.
 Звонко льется,
 Радостно несется,
 Къ любви и счастью
 Она сердца манитъ!
 И къ небу свѣтлому летитъ...
 Ахъ! Она летитъ!..

Сказка о Царѣ Салтанѣ.— Римскаго-Корсакова.

Дуэтъ Стараго дѣда и Скомороха.

- Ст. дѣдъ.** Государыня парица-матушка,
Не вели меня казнить, вели миловать!
Прикажи мнѣ стать предъ царевича,
Богомъ даннаго, желаннаго,
Заглянуть на его очи свѣтлыя!
При царѣ-Горохѣ покойничкѣ,
Знать, при дѣдушкѣ при Салтановомъ,
Приводили меня сказки сказывать.
Распотѣшилъ я въ конецъ царевича,
И, въ лошадки тотъ играючи,
Мнѣ убогому на шею сѣлъ.
- Скоморохъ.** Государь ты мой, родный дѣдушка,
Видно, много тебѣ лѣтъ будетъ?
- Ст. дѣдъ.** Смѣты нѣтъ, миленькій,
Смѣты нѣтъ, родименькій,
Смѣты нѣтъ...
- Скоморохъ.** Государь ты мой, родный дѣдушка,
Когда жъ тебя хоронить будемъ?
- Ст. дѣдъ.** Въ середу, миленькій,
Въ середу, родименькій,
Въ середу...
- Скоморохъ.** Государь ты мой, родный дѣдушка,
Во что жъ по тебѣ звонить будемъ?
- Ст. дѣдъ.** Въ сковороду, миленькій,
Въ сковороду, родименькій,
Въ сковороду...
- Скоморохъ.** Государь ты мой, родный дѣдушка,
Чѣмъ же мы тебя поминать будемъ?
- Ст. дѣдъ.** Блинами, миленькій,
Блинами, родименькій,
Блинами...
- Скоморохъ.** Государь ты мой, родный дѣдушка,
Блины-то сухіе горло деруть.
- Ст. дѣдъ.** Съ маслицемъ, миленькій,
Съ маслицемъ, родименькій,
Съ маслицемъ...
- Скоморохъ.** Государь ты мой, родный дѣдушка,
А что много ль у тебя сиротъ будетъ?
- Ст. дѣдъ.** Семеро, миленькій,
Семеро, родименькій,
Семеро...
- Скоморохъ.** Государь ты мой, родный дѣдушка,
Кто же ихъ кормить, поить будетъ?
- Ст. дѣдъ.** По міру, миленькій,
По міру, родименькій,
По міру...
- Скоморохъ.** Государь ты мой, родный дѣдушка,
Ходитъ по міру—зима студена.
- Ст. дѣдъ.** Въ лапоткахъ, миленькій,
Въ лапоткахъ, родименькій,
Въ лапоткахъ...

Севильскій цирюльникъ.— Россини.

1-е дѣйствіе. Каватина Фигаро.

Ла-ла-ла-ле-ра!
Ла-ла-ре-ла!
Ларанъ ла-ле-ра! Ларанъ ла-ла!
(Мѣсто! Раздавайся шире народъ! Мѣсто! Ларанъ
Ла-ла-ранъ, ла-ла-ранъ ла-ла!
Врядъ ли найдется счастливецъ такой!
Ла-ла-ранъ, ла-ла-ранъ, ла-ла-ра-ла!
Счастливъ судьбою я, честное слово!
Жизнь превосходна дѣльца такого,
Вродѣ меня! Вродѣ меня!
Ахъ, браво Фигаро, браво, брависсимо,
Другъ мой, браво!
Ла-ранъ, ла-ла-ранъ ла-ла!
Врядъ ли найдется счастливецъ такой!
Врядъ ли...
Ла-ранъ, ла-ла-ранъ, ла-ла-ранъ ла-ла!
Врядъ ли найдется счастливецъ такой!
Ла-ле-ранъ, ла-ла-ре-ла-ре-ла-ла-ранъ, ла-ла-ранъ!
Днемъ и ночью вѣчно въ занятіи,
Всѣ меня ждутъ и зовутъ въ перебой;
Что же быть можетъ лучше, пріятнѣй
И благороднѣе жизни такой?
Ла-ле-ранъ, ла-ле-ранъ, ла-ле-ранъ!
Бритвы, ланцеты, гребенки и щетки,
Куда бы ни шелъ, при себѣ я держу.
Бритвы, ланцеты, гребенки и щетки,
Куда бы ни шелъ, при себѣ я держу.
Нуженъ я франту,
Дамѣ красоткѣ, нуженъ я старцу,
Всѣмъ угожу я, нуженъ я франту, ла-ле-ранъ-ле-ра!
(Дамѣ красоткѣ, ха-ха-ла-ле-ранъ-ла-ла-ла!
Ахъ, счастливъ судьбою я, честное слово,
Жизнь превосходна дѣльца такого,
Вродѣ меня! (2 раза)
Сто голосовъ зовутъ, стоитъ явиться мнѣ—
Дамы, дѣвицы, франты и старцы,
Эй! дай парикъ мнѣ!
Дай мнѣ побриться... Кровь отвори мнѣ...
Эй, завиваться!.. Сто голосовъ зовутъ,
Стоитъ явиться мнѣ, сто голосовъ зовутъ,
Стоитъ явиться мнѣ,
Эй, гдѣ парикъ мой?
Дай скорѣй бриться!..
(Ахъ, браво Фигаро, браво, брависсимо,
Много ль на свѣтѣ подобныхъ, подобныхъ дѣльцовъ?
Ла-ла-ранъ, ла-ла-ранъ, ла-ла-ранъ!
Много ль на свѣтѣ, много ль на свѣтѣ
Подобныхъ дѣльцовъ?
(Первый фактотумъ, вотъ я каковъ!

*) № 2-22789 поетъ только очерченное.

Севильскій цирюльникъ.—
Россини.

1-е дѣйствіе. Арія Альмавивы.

Если ты хочешь знать, другъ прелестный,
Предъ тобою я имя открою.
Ахъ! Я Линдсръ, другъ тебѣ неизвѣстный,
Но сердце мое полно только тобою,
И надеждою бьется оно,
Что завѣтное стукнетъ окно,
Что хоть мигъ я увижу тебя.

Не сую я тебѣ горы злата,
Ими другъ твой Линдоръ не владѣть,
Ахъ, но любить тебя жарче, нѣжнѣе,
О вѣрь, въ цѣломъ мірѣ, какъ я, не любилъ.
И съ вечерней зари я стою,
Чтобъ увидѣть богиню мою,
Чтобъ сказать о любви ей своей!

№ 052222.

Ө. И. Шаляпинъ.

Севильскій цирюльникъ.—
Россини.

2-е дѣйствіе. Арія донъ-Базиліо.

La callunnia è un venticello,
Un'auretta assai gentile
Che insensibile, sottile,
Leggermente, dolcemente
Incomincia a susurrar.
Piano piano, terra terra,
Sotto voce, sibilando,
Va scorrendo, va ronzando,
Nelle orecchie della gente
S'introduce destramente,
E le teste e i cervelli
Fa stordire e fa gonfiar.
Dalla bocca fuori uscendo
Lo schiamazzo va crescendo,
Prende forza a poco a poco,
Volo già di loco in loco,
Sembra il tuono, la tempesta,
Che nel sen della foresta
Va fischiando, brontolando,
E ti fa d'orror gelar.
Alla fin trabocca e scoppia,
Si propaga si raddoppia,
E produce un'esplosione
Come un colpo di cannone,
Un tremuoto, un temporale,
Un tumulto generale
Che fa l'aria rimbombar
E il meschino calunniato,
Avvilto, calpestato
Sotto il pubblico flagello
Per gran sorte va a crepar.

} Bis.

Переводъ см. слѣд. стр. № 3-22819.

Севильскій цирюльникъ.—
Россини.

2-е дѣйствіе. Арія о клеветѣ.

Клевета вначалѣ сладко
Вѣтерочкомъ чуть-чуть порхаетъ
И какъ будто бы украдкой
Слухъ людской едва ласкаетъ,
И журчитъ, какъ ручеекъ, какъ ручеекъ.
Тихо, тайно, полегоньку
Проползаетъ всюду, всюду,
Незамѣтно, потихоньку,
Постепенно всему люду
Умъ и сердце, умъ и сердце наполняетъ
И изъ устъ въ уста летаетъ,
Какъ затверженный урокъ.
Все сильнѣе съ каждымъ часомъ
Возникаетъ толкованье;
Вотъ гремитъ ужъ общимъ гласомъ,
Стало общимъ клеветанье,
Вотъ какъ буря разразилась,
Загремѣло, покатилося.
Неудержимой волной
Гулъ смѣлѣй все нарастаетъ.
Въ ужасѣ трепещутъ люди.
И какъ бомба разрываетъ,
Клевета все потрясаетъ
И колеблетъ міръ земной.
Наконецъ, какъ залпъ орудій,
Клевета все потрясаетъ
И колеблетъ міръ земной.
Тотъ же, кто былъ цѣль гоненья,
Претерпѣвъ всѣ униженья,
Погибаетъ въ общемъ мнѣннѣ, } bis.
Пораженный клеветой.

№ 2-23315.

А. В. Нежданова.

Снѣгурочка.—Римскаго-Корсакова.

Прологъ. Арія Снѣгурочки.

Съ подружками по ягоду ходить,
На откликъ ихъ веселый отзываться:
Ау, ау!
Круги водить, за Лелемъ повторять
Съ дѣвицами припѣвъ весеннихъ пѣсенъ:
Ой, Ладо, Лель!
Милѣй Снѣгурочкѣ твоей,
Безъ пѣсенъ жизнь не въ радость ей.
Пусти, отецъ! Когда зимой холодной,
Вернешься ты въ свою лѣсную глушь,
Въ сумеречки тебя утѣшу, пѣсню
Подъ наигрышъ метели запою
Веселую. У Леля перейму
И выучусь скорехонько.

Снѣгурочка.—Римскаго-Корсакова.

1-е дѣйствіе. Проводы масляницы.

Ранымъ-рано куры запѣли,
 Про весну обвѣстили.

Прощай, Масляница!

Сладко, воложно насъ кормила,
 Сусломъ, бражкой поила.

Прощай, Масляница!

Пито, гуляно было въ волю,
 Пролито того болѣ.

Прощай, Масляница!

Мы за то тебя обрядили
 Рогозиной, рядиной.

Прощай, Масляница!

Мы честно тебя проводили,
 На дровняхъ волочили.

Прощай Масляница!

Завеземъ тебя въ лѣсъ подаль,
 Чтобъ глаза не видали.

Прощай, Масляница!

Честная Масляница!

Веселенько тебя встрѣчать, привѣчать,
 Трудно нудно тебя со двора провожать.

Воротися къ намъ на три денечка!

Не воротись на три денечка,

Воротися хоть на денечекъ!

На денечекъ, на малый часочекъ!

Честная Масляница!

Прощай, честная Масляница!

Коль быть живымъ, увидимся.

Прощай, Масляница!

Хоть годъ прождать, да вѣдать знать,

Что Масляна придетъ опять.

Прощай, Масляница!

Снѣгурочка.—Римскаго-Корсакова.

1-е дѣйствіе. 2-я пѣсенка Леля.

Какъ по лѣсу лѣсъ шумить,

За лѣсомъ пастухъ поетъ:

Раздолье мое!

Ельникъ мой ельничекъ,

Частый мой березничекъ,

Приволье мое!

По частымъ по кустикамъ,

По малой тропиночкѣ

Дѣвушка бѣжить.

Ой, бѣжить, торопится,

Два вѣнка съ собой несетъ,

Себѣ да ему.

Студеной колодезь мой,

По мхамъ по болотинкамъ

Воды не разлей.

Не мѣшай по тропочкамъ,

По стежкамъ, дороженькамъ

Дѣвушкѣ бѣжать.

Не шуми зеленый лѣсъ,

Не шатайтесь сосенки

Во чистомъ бору.

Не качайтесь кустики,

Не мѣшайте дѣвушкѣ

Два слова сказать.

Снѣгурочка.—Римскаго-Корсакова.*1-е дѣйствіе. Арія Снѣгурочки.*

Какъ больно здѣсь! Какъ сердцу тяжело стало!
 Тяжелою обузой, словно камнемъ,
 На сердце палъ цвѣтокъ, измятый Лелемъ.
 Къ другимъ бѣжитъ пастухъ, онѣ милѣй,
 Звучнѣе смѣхъ у нихъ, теплѣе рѣчи,
 А я стою и чуть не плачу съ горя,
 Что Лель меня оставилъ, оставилъ меня.
 Пригожій Лель, бѣги туда, гдѣ любятъ,
 Ищи любви, ищи—ея ты стоишь.
 Но отчего же обидно мнѣ, досада
 Сжимаетъ грудь, томительно тоскливо?
 Отецъ Морозъ, обидѣлъ ты Снѣгурку!
 Но я возьму у матери Весны
 Немножечко сердечнаго тепла,
 Чтобъ только чуть лишь теплилось сердечко.

№ 2-23144.

В. Н. Петрова-Званцева.

Снѣгурочка.—Римскаго-Корсакова.*3-е дѣйствіе. Третья пѣсня Леля.*

Туча со громомъ сговаривалась:
 Ты греми, громъ, а я дождь разолью,
 Спрыснемъ землю весеннимъ дождемъ,—
 То то цвѣтики возрадуются.
 Выйдутъ дѣвицы за ягодами,
 Вслѣдъ имъ молодцы увяжутся.
 Лель мой, лель мой, лели, лели, лель!
 Въ рощѣ дѣвицы всѣ врозь разбрелись,
 Кто въ кусты, а кто по ельничку,
 Брали ягодки, аукались,—
 Одной дѣвицы вдругъ нѣтъ какъ нѣтъ.
 Всѣ то дѣвицы заплакалися:
 Нашу дѣвицу не волкъ заѣлъ?
 Лель мой, лель мой, лели, лели, лель!
 Повстрѣчался дѣвкамъ чужъ чуженинъ,
 Чуженинушка старъ старичекъ:
 Дѣвки глупыя, съ ума вы что ль сбрели?
 Что за прибыль вамъ аукаться,
 Что за радость ей откликнуться?
 Вы бѣ по кустикамъ пошарили.
 Лель мой, лель мой, лели, лели, лель!

Снѣгурочка.—Римскаго-Корсакова.*2-е дѣйствіе. Каватина царя Берендея.*

Полна, полна чудесъ
 Могучая природа;
 Дары свои обильно разсыпая,
 Причудливо она играетъ,—
 Броситъ въ забытомъ уголкѣ
 Цвѣтокъ весенній,
 Задумчиво склоненный ландышъ,
 Серебряной росой, росой брызнетъ,
 И дышетъ цвѣтикомъ
 Неуловимымъ запахомъ весны,
 Тревожа взоръ и обонянье.

№ 2-52561.

Л. М. Сибиряковъ.

Симонъ-Бокканегра.—Верди.*Прологъ. Арія Фіеско.*

A te l'estremo addio, palagio altero,
 Freddo sepolero dell'angiolo mio!
 Nè a proteggerlo valsi!..
 Oh maledetto!.. Oh vile seduttore!
 E tu, Vergin, soffristi rapita a lei la verginal corona?
 Ah! che dissi?.. delirol!.. ah mi perdona!
 Il lacerato spirito del mesto genitore
 Era serbato a strazio d'infamia e di dolore.
 Il serto a lei de'martiri pietoso il cielo diè..
 Resa al fulgor degli angeli, prega, Maria, per me!.. }bis.

Переводъ.

Последнее прости тебѣ, гордый дворецъ,
 Холодная могила моего ангела!
 Ты не могъ даже ее защитить!
 О! Проклятый, низкій соблазнитель!
 А ты, Дѣва, могла допустить ея безчестье!
 О, что я сказалъ?.. Я брежу!.. Прости мнѣ!
 Разбитое сердце огорченнаго отца
 Оставлено жить на муки позора и горя.
 Милосердное небо дало ей мученическій вѣнецъ...
 Среди сонма ангеловъ, молись, Марія за меня,
 Молись за меня, молись за меня,
 Молись, Марія, за меня!

Трубадуръ.—Верди.*2-е дѣйствіе. Дуэтъ Манрико и Азучены.***Манрико.** Долгъ кровавый лежалъ предо мною

И хотѣлъ ужъ всю мечь излить надъ нимъ я,
 Поднялъ мечъ надъ его головою,
 Поразить хотѣлъ его моей рукою,
 Но, какая-то невидимая сила —
 Нанести ударъ меня не допустила.
 А сегодня хотѣлъ по мѣрѣ силъ
 Всю страсть въ груди моей
 И тайный голосъ, точно съ неба,
 Мнѣ промолвилъ: пощади!

Азучена.—Онъ не стоитъ сожалѣнья,

Не достоинъ онъ пощады,
 Отомсти за оскорбленье,
 Не лиши меня отрады.

В м ѣ с т ѣ:

Конецъ мученью, пусть онъ узнаетъ,
 За преступленіе Богъ покараетъ.
 Пусть твой мечъ по рукоятку
 Въ грудь преступника войдетъ.

Тангейзеръ.—Вагнера.*2-е дѣйствіе. Хоръ.*

Радость, привѣтъ вамъ, царственные своды!
 Пѣснь намъ дороже всѣхъ на свѣтѣ правъ!
 Царствуй на славу многіе годы,
 Царствуй на славу, добрый нашъ Ландграфъ!
Повторяетъ нѣсколько разъ.

Тангейзеръ.—Вагнера.*3-е дѣйствіе. Арія Вольфрама.*

Восходишь ты, звѣзда моя златая,
 Свой кроткій свѣтъ на землю проливая;
 Глубокій мракъ мнѣ освѣтилъ твой лучъ
 Изъ-за густыхъ, изъ-за угрюмыхъ тучъ.
 Звѣзда вечерняя моя!
 О ты, вечерняя звѣзда!
 Тебѣ привѣтъ шлю сердцемъ я,
 Всѣмъ сердцемъ вѣрнымъ и больнымъ;
 Не смѣйся, ангелъ мой, надъ нимъ.
 Ты, ангелъ свѣтлый, ангелъ милый,
 рая
 Что свѣтишь въ жизни мнѣ постылой.
 Ты, ангелъ свѣтлый, ангелъ милый,
 рая
 Что свѣтишь въ жизни мнѣ постылой.

Травиата.—Верди.*1-е дѣйствіе. Застольная пѣснь.*

Въ словахъ этой пѣсни глубокая правда—
 Ея не понять невозможно;
 Вѣрьте, что все въ этомъ мірѣ ничтожно,—
 Важно веселье одно.
 Любовь не вѣкъ въ душѣ живетъ,
 Лѣта не въ нашей волѣ;
 Цвѣтокъ сегодня поблекшій ужъ завтра не зацвѣтетъ.
 Ловите, ловите минуты веселья,
 Пока намъ судьба ихъ дарить!
 Друзья! пусть всегда въ этотъ часъ
 Беззаботный веселая пѣсня несется.
 Пускай же востока заря
 Застанетъ веселія полный пиръ,
 Ахъ! ахъ! веселія пиръ,
 Ахъ! ахъ! веселія пиръ, ахъ! Да!

№ 24445.

М. Михайлова и Н. Большаковъ.

Травиата.—Верди.*1-е дѣйствіе. Застольная пѣснь.**Дуэтъ Віолетты и Альфреда.*

Альфредъ. Нальемте, нальемте полнѣе бокалы
 И выпьемъ друзья за любовь мы,
 Вино намъ даритъ наслажденіе радость,
 За милую выпьемъ его!
 Здѣсь въ каждой каплѣ видимъ мы
 Прелестный образъ милой,
 Тотъ образъ дивный дивной
 Волнуетъ въ жилахъ кровь.
 Нальемте, нальемте полнѣе бокалы
 И выпьемъ друзья за любовь!

Віолетта. Въ словахъ этой пѣсни глубокая правда—
 Ея не принять невозможно,
 Вѣрьте, что все въ этомъ мірѣ ничтожно.
 Для радости, т.-е., любви.
 Любовь не вѣкъ въ душѣ живетъ,
 Лѣта не въ нашей волѣ;
 Цвѣтокъ поблекшій въ полѣ
 Опять не зацвѣтетъ.
 Ловите, ловите минуты веселья
 Пока ихъ рокъ дарить
 ...Любовь безъ шика и блеска.

Альфредъ. Душа любви въ комъ не полна.

Віолетта. Любовь не всѣмъ извѣстна.

Альфредъ. Она извѣстна мнѣ.

В м ѣ с т ѣ.

Ахъ! Полнѣе, полнѣе нальемте бокалы
 И выпьемъ, друзья, за любовь мы,
 Вино намъ даритъ наслажденіе радость
 За милую выпьемъ!

аго

Травиата.—Верди.*1-е дѣйствіе. Арія Віолетты.*

Какъ странно! Какъ странно!
 Слова его мнѣ въ сердце запали,
 Неужели это сердце любовь узнало?
 Я не знаю, на что теперь рѣшиться?
 Еще никто мнѣ не былъ дорогъ..
 О, радость, какой не знала:
 Любить и быть любимой!
 Откажусь ли отъ счастья
 Во имя наслажденій пагубной страстью!
 Не ты ли мнѣ въ тиши ночной
 Являлся, какъ видѣнье,
 И взоръ прекрасный, свѣтлый твой
 Сулилъ мнѣ упоенье?..
 Вдругъ на яву предсталъ мнѣ ты,
 Мнѣ довелось тебя узнать,
 Въ сердцѣ проснулася опять
 Жажда молодой любви!
 Вмигъ озарила любовь меня
 Свѣтомъ могучимъ, страстью пылкой и вѣжной!
 Среди волненій сладкихъ и мятежныхъ
 Радость, радость и муки
 Сулитъ она!

№ 2-23072.

А. В. Нежданова.

Травиата.—Верди.*1-е дѣйствіе. Арія Віолетты.*

Не ты ли мнѣ въ тиши ночной
 И въ часъ забавъ шумливыхъ
 Явился образъ милый?
 Ахъ, помню я взоръ ясный твой,
 Сердцу давшій радость,
 Я слышу рѣчи сладость.
 Какъ тихо чувство свѣтлое
 Мнѣ душу наполняло,
 А сердце трепетало
 При новой жизни той!
 Ахъ! Но любовь,
 Но любовь зажглась во мнѣ
 Страстью могучею,
 Страстью горячей.
 Въ сердцѣ зажглась она
 Счастьемъ, счастьемъ дивнымъ,
 Да, счастьемъ дивнымъ душа полна.

Травиата. — Верди.*2-е дѣйствіе. Арія Жермона.*

Ты забылъ край милый свой,
Бросилъ ты Провансъ родной,
Гдѣ такъ много свѣтлыхъ дней
Было въ юности твоей!
Лѣсъ, поля, родной пріютъ
Тебя странника зовутъ
Отдохнуть на лонѣ ихъ,
Въ ихъ объятяхъ родныхъ!
Горемъ здѣсь измученъ ты,
Сгибли всѣ твои мечты,
Тамъ же нѣтъ борьбы съ судьбой,
Тамъ воскреснешь ты душой!
Да, тамъ нѣтъ борьбы съ судьбой,
Тамъ воскреснешь ты душой!
Меня вель Богъ вслѣдъ за тобой!
О милый сынъ, приходи въ себя!
Годы поздніе мои
Безотрадно тихо шли,
Тщетно ждалъ въ родную сѣнь
Я тебя и ночь и день!
Ждалъ тебя я
Скученъ былъ мнѣ отчій домъ.
Видъ полей родныхъ, лѣсовъ
Грустный взоръ не веселилъ,
Одинокъ я въ жизни былъ!
Но прошелъ печальный срокъ,
Въ сердцахъ нѣтъ былыхъ тревогъ;
Съ той же свѣтлою душой
Я стою передъ тобой!
Да, прошелъ печальный срокъ,
Въ сердцахъ нѣтъ былыхъ тревогъ,
Мольбѣ моей внялъ Богъ святой!
О милый сынъ, приходи въ себя!
Да, Альфредъ я жду тебя!

*) Начинаетъ со словъ: „Годы поздніе мои“...

Травиата.—Верди.*2-е дѣйствіе. Хоръ цыганокъ.*

Судьбу узнать кто хочетъ,
 Къ цыганкамъ подходите—
 Имъ руку покажите,
 Онѣ разскажутъ вамъ.
 Прошедшее и будетъ что,
 Все намъ извѣстно,
 Все узнаемъ сейчасъ по рукамъ,
 Иль смотримъ въ сводъ небесный,
 Читаемъ по звѣздамъ.
 Что будетъ намъ извѣстно,
 Узнаемъ по рукамъ,
 Иль взглянемъ въ сводъ небесный,
 Прочтемъ все по звѣздамъ.

} 3 раза.

.... „Гадайте жъ!“

Вамъ, синьора, соперницъ назову я,
 Маркизь, васъ не причту я
 Къ тѣмъ, любить кто одну...
 Судьбу узнать кто хочетъ

и т. д. до словъ „Гадайте жъ“!

№ 24394. М. А. Михайлова и А. М. Давыдовъ.

Травиата.—Верди.*3-е дѣйствіе. Дуэтъ Виолетты и Альфреда.*

Альфредъ. Скоро покинемъ Парижъ мы съ тобою,
 Въ жизнь снова вступимъ свѣтлой стезею,
 Прошлыя муки всѣ позабудешь,
 Къ жизни вернешься средь райскихъ сновъ.
 Радостью, свѣтомъ ты улыбнешься
 И улыбнется намъ счастье вновь!

Виолетта (повторяетъ то же самое, а затѣмъ повторяютъ то же вмѣстѣ).

№ 2-23065.

М. А. Михайлова.

Травиата.—Верди.*3-е дѣйствіе. Арія Виолетты.*

Простите навѣки, видѣнья былого,
 И въ жизни блаженства не вѣдать мнѣ снова!
 Съ любовью Альфреда простилась безслѣдно...
 Гдѣ взять утѣшенья въ часъ страшный, послѣдній?
 Ахъ, сжался надъ грѣшной душою,
 Внемли моленьямъ,
 О, Боже милосердный,
 Даруй ей прощенье!
 Ахъ, сгибла жизнь моя!
 Покину я скоро, что сердце томило,
 И прахъ мой зароютъ въ сырую могилу!
 Не будутъ надъ нимъ слезы лить состраданья,
 Не будетъ креста, ни цвѣтовъ, ни рыданья!
 Ахъ, сжался надъ грѣшной душою,
 Внемли моленьямъ,
 О, Боже милосердный,
 Даруй ей прощенье!
 Ахъ! сгибла жизнь моя!

Фаустъ.—Гуно.*1-е дѣйствіе. Арія Фауста.*

Нѣтъ, напрасно мой умъ
 Отвѣта жадно просить
 У боговъ и у природы всей.
 Никто не въ силахъ открыть мнѣ
 Всѣ тайны непонятныхъ судьбъ!
 Въ душѣ съ печалію глубокой,
 Въ душѣ моей, въ душѣ глубоко
 Я созналъ безсиліе науки
 И всѣхъ земныхъ познаній!
 Не вѣрю имъ, не вѣрю имъ! Нѣтъ.
 Свѣтлѣетъ день, передъ зарею новой
 Ночная мгла разсѣяна
 И снова день идетъ своей чредой!
 О часть, мой смертный часть!
 Когда сразишь меня?
 Ну что жъ! Если ты бѣжишь меня,
 Я самъ пойду къ тебѣ навстрѣчу!
 Привѣтъ послѣдній день тебѣ!
 Покорно, безъ сожалѣнья,
 Безъ страха, не робѣя,
 Я съ напиткомъ этимъ сумѣю
 Наперекоръ пойти судьбѣ! } bis.

№ 24476.

Г. Морской и Б. Вепринскій.

№ 24477.

А. Давыдовъ и Б. Вепринскій.

Фаустъ.—Гуно.*1-е дѣйствіе. Финалъ.***Мефистофель.** Ну что? Какъ находишь?**Фаустъ.** Дай мнѣ!

Мефистофель. Подпиши! Ты мой властитель.
 Тебя я приглашаю вотъ эту чашу
 Всю осушить до дна. Безъ страха пей,
 Отравы нѣтъ, въ ней жизнь и младость.

Фаустъ. Къ тебѣ! къ тебѣ! къ тебѣ!

Стремлюсь, призракъ милый, къ тебѣ!

Мефистофель. Въ путь!**Фаустъ.** Увижу ль я ее?**Мефистофель.** Конечно.**Фаустъ.** Скоро?**Мефистофель.** Хоть сегодня.**Фаустъ.** Идемъ.**Вмѣстѣ.** Идемъ же, идемъ же!**Фаустъ.** Ко мнѣ возвратись, счастливая юность,

И въ сердцѣ зажги желанье любви;

Для новыхъ бореній ты вновь силы дай,

Безумныя страсти въ душѣ разбуди;

И въ міръ свой волшебный,

Въ міръ сладкихъ волненій,

Живыхъ упоеній меня введи вновь.

Да, въ міръ свой волшебный меня вновь введи!

Безпечную радость, восторгъ и любовь!

Вмѣстѣ. Къ тебѣ возвратится счастливая юность

И скажется въ сердцѣ желанье любви!

Для новыхъ бореній ты силой окрѣпнешь

И пылкія страсти проснутся въ груди!

Ты вступишь въ волшебный міръ,

Въ міръ сладкихъ волненій,

Ты вступишь въ волшебный міръ

Сладкихъ чаръ и жизнию новой

Душа оживетъ.

Безпечную радость, восторгъ и любовь!

№ 3-22662.

№ 2-22199.

№ 3-22885.

№ 022097.

Б. Вепринскій.

Д. И. Бухтояровъ.

Л. М. Сибиряковъ.

Ө. И. Шаляпинъ.

Фаустъ.—Гуно.

2-е дѣйствіе. Пѣснь о золотомъ тельцѣ.

На землѣ весь родъ людской
Чтитъ одинъ кумиръ священный,
Онъ царитъ надъ всей вселенной,
Тотъ кумиръ—телець златой.
Въ умиленіи сердечномъ,
Прославляя истуканъ,
Люди разныхъ кастъ и странъ
Пляшутъ въ кругъ безконечномъ,
Окружая пьедесталь (bis).
Сатана тамъ правитъ балъ (bis).
Этотъ идолъ золотой
Волю неба презираетъ,
Насмѣхаясь, измѣняетъ
Онъ небесъ законъ святой!
Въ угожденье богу злата
Край на край встаетъ войной,
И людская кровь рѣкой
По клинку течетъ булата.
Люди гибнутъ за металлъ, (bis).
Сатана тамъ правитъ балъ (bis).

№ 3-22683.

№ 3-22609.

№ 2-22755.

А. Бобровъ.

М. Бочаровъ.

О. Каміонскій.

Фаустъ.—Гуно.

2-е дѣйствіе. Арія Валентина.

Богъ всесильный, Богъ любви,
Ты услышь мою мольбу!
Я за сестру Тебя молю,
Сжался Ты надъ ней,
Ты охраняй ее отъ зла, отъ искушенья
И въ царство введи свое святымъ путемъ.
Да, въ кровавой борьбѣ, въ часъ сраженья,
Клянусь, буду первымъ я въ первыхъ рядахъ!
Но если судьба такъ рѣшила, умру,
Покрытый славой, за отчизну паду.
Но въ самый часъ кончины
Буду я за тебя молиться,
Сестра дорогая!
Богъ всесильный, Богъ любви,
Ты услышь мою мольбу!
Я за сестру Тебя молю,
Сжался Ты надъ ней!
И охрани ее отъ бѣдъ
О, Боже милосердный, спаси ее!

Фаустъ.—Гуно.*2-е дѣйствіе. Сцена съ мечами.*

Мы разрушимъ демона власть,
 Разрушимъ и сразимся мы,
 Съ силой тьмы сразимся мы!
 Зачѣмъ ты къ намъ явился?
 Смотри же!
 Вотъ крестъ святой,
 Онъ насъ спасетъ отъ ада!

№ 3-24604.

Хоръ О-ва Граммофонъ.

Фаустъ.—Гуно.*2-е дѣйствіе. Ярмарка.*

Студенты. Всѣмъ намъ нужно пить вино,
 Только дружно, умно.
 Дно увидишь и скорѣй...
 Наливай чашу полнѣй.
 Всѣхъ напитковъ и всегда
 Намъ вреднѣй была вода,
 Она нами быть должна
 Изъ питья исключена.
 Дѣвы, точно крѣпость,
 Приступъ труденъ къ нимъ,
 Жены-жъ, какъ предмѣстья,
 Долго-ль слаться имъ?
 Лишь смѣлѣй за дѣло браться,
 Храбро выйти въ бой...
 И сейчасъ же взять съ нихъ можно
 Выкупъ дорогой.

Горожане. Въ трудный день въ бесѣдѣ дружной
 Любо рѣчь намъ заводить,
 О мірскихъ дѣлахъ поспорить,
 Посудить и порядить.

Ха ха-ха...

Или, сидя при рѣчкѣ
 Съ кружкой, пивомъ полной,
 Любоваться, какъ суда
 Въ даль уносятъ волны.

Ха-ха-ха...

Дѣвушки. Приближаются мужчины
 Молодые къ намъ,
 Мы не будемъ слишкомъ строги
 Къ этимъ бѣднякамъ.

Студенты. Посмотрите, что за глазки,
 Какъ хитро глядятъ,
 Подарить не жалко сердца
 За прелестный взглядъ.

Женщины. Къ этимъ дѣвочкамъ мужчины
 Льнуть, какъ рой шмелей,
 Мы-жъ не только ихъ не хуже,
 Можетъ быть, милѣй!

Дѣвушки. Вашъ трудъ напрасенъ, вамъ не плѣнить,
 Мужчину трудно въ себя влюбить.

Солдаты и студенты. Мы дружно чаши нальемъ
 виномъ

И въ честь красотокъ ихъ разопьемъ.
 Чаши полнѣе нальемъ виномъ
 И въ честь походовъ ихъ разопьемъ.

Фаустъ.—Гуно.*2-е дѣйствіе. Вальсъ.*

Хоръ. Будто вѣтромъ поднята,
 Вьется пыль массой, пыль массой густой,
 Вслѣдъ летая за ногой (2 раза).
 Будто вѣтромъ поднята,
 Вьется пыль массой,
 Пыль массой густой,
 Вслѣдъ летая за ногой (2 раза)
 Вдохновеннаго танцора.
 Ёются громко, стройно, скоро
 Звуки пѣсни круговой (2 раза).

Зибель. Вотъ здѣсь должна пройти
 Моя Маргарита.

Хоръ. Идите же вальсировать, что стоите?

Зибель. Нѣтъ! не стану я танцовать.

Хоръ. Будто вѣтромъ поднята,
 Вьется пыль массой, пыль массой густой,
 Вслѣдъ летаетъ за ногой (2 раза)
 Вдохновеннаго танцора;
 Лёются громко, стройно, скоро
 Звуки пѣсни круговой (2 раза),
 Хотимъ до упада вальсъ танцовать.

Фаустъ.—Гуно.*3-е дѣйствіе. Каватина Фауста.*

Какое чувствую волненье!
 Душа полна любовью страстной.
 О, Маргарита!
 Я умру у ногъ твоихъ!
 Привѣтъ тебѣ, пріютъ невинный,
 Привѣтъ тебѣ, пріютъ священный,
 Все о любви здѣсь и нѣгъ говоритъ мнѣ,
 О ней все душѣ, все душѣ твердитъ!
 Привѣтъ, привѣтъ
 Тебѣ, пріютъ невинный!
 Здѣсь свѣтлый ангелъ обитаетъ,
 Здѣсь все о ней твердитъ мнѣ,
 Милой сердцу.

Фаустъ.—Гуно.

3-е дѣйствіе. Каватина Фауста.

Привѣтъ тебѣ, пріютъ невинный,
 Привѣтъ тебѣ, пріютъ священный!
 Все о любви и нѣгѣ говоритъ мнѣ
 И все невинностью дышетъ!
 Какъ мнѣ мила вся эта простота,
 Здѣсь счастье, невинность, красота!
 Сама природа, сама природа здѣсь ее хранить,
 Живущихъ здѣсь она благословить!
 Вотъ мѣста, тѣ мѣста, гдѣ ты, прелестный ангель,
 При блескѣ золотыхъ лучей заката солнца,
 Бродила, бродила легкою стопой.
 Здѣсь солнце ей сіяло,
 Здѣсь юность разцвѣтала,
 И счастьемъ небесъ дышали твои взоры,
 О, ангель красоты! Да, здѣсь! Да! Да, здѣсь!
 Привѣтъ тебѣ, пріютъ невинный,
 Привѣтъ тебѣ, пріютъ священный!
 Все о любви здѣсь и нѣгѣ говоритъ мнѣ,
 О ней все душѣ, все душѣ твердитъ!
 Привѣтъ, привѣтъ тебѣ, пріютъ священный,
 Здѣсь все душѣ моей твердитъ
 О ней, о ней прелестной, милой сердцу!

№ 2-22940.

Г. А. Морской.

Фаустъ.—Гуно.

2-е дѣйствіе. Каватина Фауста.

Привѣтъ тебѣ, пріютъ невинный,
 Привѣтъ тебѣ, пріютъ священный!
 Все о любви и нѣгѣ говоритъ мнѣ
 И все невинностью дышетъ!
 Ты не блестишь,
 О, милый, тихій кровъ!
 Богатства нѣтъ
 Во всѣхъ дѣлахъ твоихъ,
 Но счастье сердца,
 Но счастье свѣтлое земное,
 О, да, да, оно!
 Привѣтъ тебѣ, пріютъ невинный,
 Привѣтъ тебѣ, пріютъ священный!
 Все о любви и нѣгѣ говоритъ мнѣ
 И все твердитъ душѣ моей!
 Привѣтъ, привѣтъ тебѣ, пріютъ невинный,
 Все здѣсь твердитъ душѣ моей,
 Твердитъ о ней, прелестной,
 Милой сердцу.

Фаустъ.—Гуно.*3-е дѣйствіе. Каватина Фауста.*

Привѣтъ тебѣ, пріютъ невинный,
 Привѣтъ тебѣ, пріютъ священный!
 Все о любви здѣсь и нѣгѣ говоритъ мнѣ
 И все невинностью дышетъ!
 Привѣтъ тебѣ, о, милый, старый садъ,
 Привѣтъ тебѣ и домъ ея простой!
 О, здѣсь таится сокровищъ лишь богатство
 И сколько счастья въ этой тишинѣ!
 Вотъ мѣста тѣ, мѣста, гдѣ ты, прелестный ангелъ,
 При блескѣ золотыхъ лучей заката солнца,
 Бродила, бродила легкою стопой!
 Здѣсь въ солнечномъ сіяньи
 Въ грезахъ невинныхъ дѣтскихъ дышали,
 Дышали счастьемъ взоры юной дѣвы,
 И все внимало ей!
 Да, здѣсь, да! Да, здѣсь!
 Привѣтъ тебѣ, пріютъ невинный,
 Привѣтъ тебѣ, пріютъ священный!
 Все о любви здѣсь и нѣгѣ говоритъ мнѣ,
 О ней все душѣ, все душѣ твердитъ!
 Привѣтъ, привѣтъ тебѣ, пріютъ невинный!
 Здѣсь дышетъ нѣгой все и счастьемъ
 И все о ней твердитъ мнѣ, милой сердцу!

Фаустъ.—Гуно.*3-е дѣйствіе. Каватина Фауста.*

Привѣтъ тебѣ, пріютъ невинный,
 Привѣтъ тебѣ, пріютъ священный!
 Все о любви и нѣгѣ говоритъ мнѣ
 И все невинностью дышетъ!
 Какъ мнѣ мила вся эта простота,
 Здѣсь счастье, невинность, красота!
 Сама природа, сама природа здѣсь ее хранитъ,
 Живущихъ здѣсь она благословитъ!
 Привѣтъ, привѣтъ тебѣ, пріютъ священный!
 Здѣсь свѣтлый ангелъ обитаетъ,
 Въ природѣ этой дивной,
 Милый сердцу.

Фаустъ. — Гуно.

3-е дѣйствіе. Арія Зибеля.

Разскажите вы ей, цвѣты мои,
Какъ страдаю, тоскую, что ее лишь люблю я,
Что мечтаю всегда о ней одной!
Вы шепните тайкомъ, шепните ей
Про мои вздыханья и про мои страданья,
Пусть все знаетъ она, моя душа!
Поблѣкъ ужъ! увы! Тотъ проклятый колдунъ
Какъ сказалъ мнѣ тогда...
Я не могу сорвать цвѣтка, чтобъ тотчасъ не завяль
онъ!

Святой водой омыть мнѣ надо руки!
Здѣсь молится Творцу каждый день Маргарита,
Посмотримъ теперь... Ну, что же? Опять завяли?
Нѣтъ!

Злодѣй, ты побѣжденъ!..
Ахъ, скажите вы ей, цвѣты мои,
Что ее лишь люблю я,
Что любовью горю я,
И не смѣю сказать, какъ я люблю!
Если жъ къ милымъ устамъ,
Своимъ устамъ
Поднесетъ вдругъ она васъ,—
Поцѣлуй мой горячій
Передайте вы ей, передайте вы ей
Поцѣлуй горячій мой...

Фаустъ. — Гуно.

3-е дѣйствіе. Баллада о фульскомъ королѣ.

Въ Фулѣ жилъ да былъ король,—
Онъ до самой своей смерти
Сохранилъ о милой въ память
Кубокъ цѣнный, золотой...
Какъ хороши манеры,
Какъ строенъ, ловокъ онъ!

Изъ своихъ богатствъ несмѣтныхъ
Онъ ничто такъ не любилъ.
И всегда, какъ бралъ онъ кубокъ,
Изъ глазъ его катились слезы.
Но когда подъ старость лѣтъ,
Онъ почуялъ близость смерти,
То рукою охладѣвшей
Дорогой свой кубокъ взялъ.
Я не нашла отвѣта
И покраснѣла вся.
Въ память женщины любимой
Выпилъ онъ въ послѣдній разъ
И, роняя кубокъ цѣнный,
Самъ тихо въ вѣчность отошелъ.

Фаустъ.—Гуно.*3-е дѣйствіе. Арія съ жемчугами.*

Ахъ, смѣшно смотрѣть мнѣ на себя!

Это ты ли Маргарита?

Отвѣчай, отвѣчай мнѣ поскорѣе.

Нѣтъ, это не ты!

Мигъ волшебный насталь,

Волшебный мигъ вдругъ наступилъ,

Чудный мигъ наступилъ—

Королевой ты стала!

Ахъ, если бъ въ мигъ такой

Онъ былъ бы здѣсь со мной,

Безъ лжи тогда напрасной

Могъ онъ назвать прекрасной!

Ахъ, онъ могъ бы называть меня тогда

прекрасной!

Маргарита, это не ты,

Нѣтъ, нѣтъ, это не ты!

Да! Чудный мигъ наступилъ—

Королевой ты стала!

№ 2-23216. *)

М. А. Михайлова.

№ 2-23092.

А. В. Нежданова.

Фаустъ.—Гуно.*3-е дѣйствіе. Арія съ жемчугомъ.*

Ахъ, смѣшно смотрѣть мнѣ на себя!

не вѣрю я своимъ глазамъ!

Это ты ли Маргарита?

Отвѣчай мнѣ поскорѣе.

Нѣтъ, нѣтъ, это не ты!

Нѣтъ, все бывшее пропало,

Мигъ волшебный насталь—(bis)

Королевой ты стала!

Ахъ, если бъ въ мигъ такой

Онъ былъ бы здѣсь со мной,

Безъ лжи тогда напрасной

Могъ онъ назвать прекрасной! (bis)

Поскорѣе кончимъ превращенье,

Мнѣ теперь надѣть осталось

Ожерелье и браслетъ!

Ахъ, какъ все хорошо,

Какъ по рукѣ пришелся, ахъ...

Ахъ, смѣшно смотрѣть мнѣ на себя!

не вѣрю я своимъ глазамъ!

Это ты ли, Маргарита?

Отвѣчай мнѣ поскорѣе.

Ахъ, если бъ въ мигъ такой

Онъ былъ бы здѣсь со мной,

Безъ лжи тогда напрасной

Могъ онъ назвать прекрасной!

Ахъ, онъ могъ бы похвалить меня!

Безъ лжи напрасной

Онъ могъ бы называть

Тогда меня прекрасной!

Маргарита, это не ты!

Все бывшее пропало,

Да, чудный мигъ наступилъ—

Королевой ты стала!

*) Пропускаетъ 5 строкъ, начиная со словъ „поскорѣе кончимъ“...

Фаустъ.—Гуно.

3-е дѣйствіе. Квартетъ.

Фаустъ. Но вы однѣ вѣчно?

Маргарита. Мой братъ на войнѣ, мать давно
въ могилѣ.

Но вотъ пришла вновь печаль: сестра малютка
скончалася.

Заснула навѣки, мой ангелъ отлетѣлъ.

Я ее любила такъ нѣжно, жила для нея
лишь одной.

О, какъ тяжело намъ разставаться,
Какъ тяжело съ тѣмъ разставаться,
Кто сердцу дорогъ былъ!

А бывало утромъ раннимъ

Я лишь только встану, ужъ къ ней спѣшу!

Она любила Маргариту!

Ахъ, чтобъ свидѣться вновь съ нею,

Я отдала бы все на свѣтъ!

Фаустъ Какъ мнѣ жаль васъ, но я увѣренъ,

Что сестрица, навѣрно, въ васъ была,

Прелестна также, навѣрно, въ васъ она была.

Маргарита. Вы льстите мнѣ! Нѣтъ, я вамъ не вѣрю!

Надо мной смѣтется, надо мной вы посмѣялись

И слушать васъ не должно бы мнѣ,

Между тѣмъ невольно пришлось.

Мнѣ, да, мнѣ слушать васъ пришлось!

Марта. Смѣяться вамъ не грѣхъ,

Въ глаза смѣяться мнѣ? Я не пойму васъ!

Не вѣрю словамъ! Не стыдно ли вамъ

Мнѣ въ глаза смѣяться?

№ 3-22665.

Б. Вепринскій.

№ 2-22308.

Л. М. Сибиряковъ.

Фаустъ.—Гуно.

3-е дѣйствіе. Заклинаніе цвѣтѣвъ.

Спустилась тьма и въ сумракѣ полночи

Любви сильнѣе обаянье...

Свиданью сладкому влюбленныхъ не стану мѣшать.

О, ночь! одѣнь ты ихъ своимъ покровомъ,

Въ груди ихъ разбуди любовь

И усыпи сномъ сладкимъ совѣсть.

А вы, цвѣты, своимъ душистымъ тонкимъ ядомъ

Должны весь воздухъ отравить и впиться Марга-
ритѣ въ сердце.

№ 24486. М. А. Михайлова и А. М. Давыдовъ
Фаустъ.—Гуно.

3-е дѣйствіе. Дуэтъ Маргариты и Фауста.

Маргарита. Идти пора... Прощайте!

Фаустъ. Но я молю тебя,
Постой, дай руку мнѣ,
Ангель Маргарита!
О, позволь, ангель мой,
На тебя наглядѣться!
О! позволь, ангель милый,
Наглядѣться!..
При блескѣ звѣздъ ночныхъ
Глазамъ не хочется,
О, повѣрь мнѣ,
Оторваться отъ дивныхъ,
Отъ дивныхъ глазъ твоихъ!..

Маргарита. Тутъ такъ тихо,
Все полно тайной непонятной,
Чудныхъ грезъ ночь полна
И полна любви.
Отрадныхъ новыхъ чувствъ
Полна душа моя,
И сердцу голосъ тайный
О чемъ-то такъ нѣжно говорить!

№ 24487. М. А. Михайлова и А. М. Давыдовъ
Фаустъ.—Гуно.

3-е дѣйствіе. Дуэтъ Маргариты и Фауста.

Вмѣстѣ.

Вѣкъ любить! Безконечно!

Фаустъ. О, ночь любви и нѣги райской!
Въ твоей тиши весь сладострастья
Полонъ міръ со мной твердить:
Тебя люблю, люблю я!

Маргарита. Тебя любить, о блаженство!
Твоею быть, о мой милый!
Твоей и умереть!
Милый, сколько счастья,
Да, сколько счастья, тебя любить,
Съ тобой и умереть!

Вмѣстѣ.

Фаустъ. Маргарита! Безбожно!
Ты рвешься такъ отъ меня!
О, Боже! Мнѣ удалиться теперь!

Маргарита. Нѣтъ, довольно! Нѣтъ! Уйди!
Я слабѣю! Ахъ, молю!
Я молю, о, уйди!

Маргарита. Ахъ! Оставь меня!
Нѣтъ больше силы;
Въ душѣ моей какой-то страхъ!
О, не терзай меня ты понапрасну!
Не мучь души моей!
О, не терзай души моей напрасно!

Вмѣстѣ.

Маргарита. О не терзай меня напрасно!
Фаустъ. Тебя молю, молю тебя!

Фаустъ.—Гуно.*3-е дѣйствіе. Арія Маргариты.*

О, счастье, онъ любить!..
 Какъ сердце полно!
 Пѣнье птичекъ, шептанье листьевъ,
 Всѣ голоса живой природы
 Мнѣ твердятъ все одно:
 Онъ любить,
 Ахъ, онъ любить!
 Ахъ, какъ прекрасна стала жизнь,
 Прекрасна такъ жизнь!
 Міръ волшебный,
 Міръ чудесный
 Вдругъ открылся предо мной,
 Въ немъ нашла я счастье, блаженство.
 Я жду тебя.
 Ахъ, милый мой, приходи..
 Я жду тебя, жду, жду... Ахъ!..

№ 022095.

Ө. И. Шаляпинъ.

№ 3-22575.

В. И. Косторскій.

№ 2-22935.

Л. М. Сибиряковъ.

№ 3-22663.

Б. Вепринскій.

Фаустъ.—Гуно.*4-е дѣйствіе. Серенада Мефистофеля.*

Выходи, о другъ мой нѣжный,
 Билъ свиданья часть!
 Сонъ твой дѣтскій безмятежный
 Отгони отъ глазъ!
 Мигъ восторговъ упоенья
 Ты не отдаляй!
 Ха, ха, ха, ха, ха..
 Мой совѣтъ—до обрученья
 (Ты) дверь не отворяй! } bis.
 Ха, ха, ха...

Сквозь аккорды струнъ пѣвучихъ
 созвучій

Слышенъ сердца стонъ;
 Поцѣлуй твоихъ жгучихъ
 Страстно молить онъ.
 Но ты примешь ли моленья
 Друга своего?
 Ха, ха, ха, ха..
 Мой совѣтъ—до обрученья
 (Ты) не цѣлуй его! } bis.
 Ха, ха, ха...

№ 2-22202.

Д. И. Бухтояровъ.

Фаустъ.—Гуно.*4-е дѣйствіе. Серенада Мефистофеля.*

Выходи, о другъ мой, нѣжный,
 Билъ свиданья часть!
 Сонъ твой дѣтскій безмятежный
 Отгони отъ глазъ!
 Мигъ восторговъ упоенья
 Ты не отдаляй!
 Ха, ха, ха, ха..
 Мой совѣтъ—до обрученья
 Не цѣлуй его! } bis.

Фаустъ.—Гуно.*4-е дѣйствіе. Сцена въ храмъ.***I-я часть.**

Маргарита. Господь, позволь рабѣ твоей не-
счастной

Съ мольбой склониться предъ тобой!

Мефистофель. Нѣтъ, о мольбѣ забудь,

И вы, духи ада,

Приблизьтесь къ ней!

Хоръ. Маргарита!

Маргарита. Мое имя!

Хоръ. Маргарита!

Маргарита. Страшно мнѣ! дрожу!

Господь мой великій!

Ужели кары часъ твоей насталъ?

Мефистофель. Вспомни дни, какъ была

Ты невинна предъ небомъ

И, какъ ангель, чиста.

Въ Божій храмъ приходитъ

Ты могла, съ упованьемъ

Взоръ вперять въ небеса.

Какъ была горяча

И чиста та молитва,—

Ее слышалъ Творецъ.

Сонмы свѣтлыхъ духовъ

Доносили мольбы тѣ

До престола Его.

Теперь же что съ тобой?

Отъ неба ты отпала,

Аду ты предалась.

Тамъ страданье и плачъ

Среди тьмы безразсвѣтной,

Муки тамъ безъ конца.

Фаустъ.—Гуно.*4-е дѣйствіе. Сцена въ храмъ.***II-я часть.**

Маргарита. Боже! чей это голосъ

Я во мракѣ ночи слышу?

О, небеса! какъ въ огнѣ я вся дрожу.

Хоръ. День когда придетъ, Господень

Крестъ на небѣ заблестаетъ

И падетъ весь міръ грѣховный.

Маргарита. Ахъ, тоска змѣей ужасной

Вокругъ сердца мнѣ обвилась!

Мефистофель. Прощайте, дни любви и ночи

упоенья!

Прощенья нѣтъ! тебя ждетъ адъ!

Маргарита. Господь, сердцу, полному горя,

Покой ниспошли

И лучемъ своимъ ты небеснымъ

Мракъ души освяти!

Господь, сердцу, полному горя,

Ты покой, ты покой ниспошли

И лучемъ своимъ ты небеснымъ

Мракъ души ты освяти!

Мефистофель. Маргарита! Нѣтъ прощенья!

Погибла ты!

Маргарита. Ахъ!

Фаустъ.—Гуно.*4-е дѣйствіе. Терцетъ.***Валентинъ.** Что надобно вамъ здѣсь?**Мефистофель.** Прости, другъ и пріятель!

Но мы не для тебя

Давали серенаду.

Валентинъ. Да, знаю,—для сестры,—

Ей нравятся онъ.

Фаустъ. Онъ братъ ей!**Мефистофель.** Ты чѣмъ то недоволенъ...

Иль музыки не любишь ты

Совсѣмъ?

Валентинъ. Безъ оскорбленій!

Молчать! Я не могу васъ больше слушать.

Кому изъ васъ я одолженъ безчестьемъ?

Кого убить обязанъ я?

Мефистофель. Ну, докторъ мой, зовутъ васъ къ бою.**Втроемъ.****Фаустъ.** Жестокий, горькій рокъ!

Страхъ наполняетъ сердце.

Мнѣ ль убивать того,

Кто оскорбленъ былъ мною?

Валентинъ. О небо! Дай, молю,

Мнѣ мужество и силы!

Смыть кровію его

Я долженъ оскорбленіе.

Мефистофель. Смѣшенъ мнѣ гнѣвъ его,

Забавна жажда мести:

Не знаетъ онъ, бѣднякъ,

Что смерть къ нему такъ близко.

Валентинъ. А ты, что охранялъ меня

Въ день жаркой битвы съ врагами,

Портретъ забывшей долгъ сестры,—

Мнѣ помощь не нужна твоя

И я тебя бросаю.

Мефистофель. Раскаешься ты въ этомъ!**Вмѣстѣ.****Фаустъ.** Жестокий, горькій рокъ!

Страхъ наполняетъ сердце

Мнѣ ль убивать того,

Кто оскорбленъ былъ мною?

Валентинъ. О небо! Дай, молю,

Мнѣ мужество и силы!

Смыть кровію его

Я долженъ оскорбленіе.

Мефистофель. Смѣшенъ мнѣ гнѣвъ его,

Забавна жажда мести:

Не знаетъ онъ, бѣднякъ,

Что смерть къ нему такъ близко.

Фаустъ.—Гуно.*4-е дѣйствіе. Хоръ солдатъ.*

Оружье слагайте! наконецъ, добрались
 Мы до дома, къ своимъ. Поспѣшайте всѣ!
 Насъ жены и родные,
 Они заждались насъ.
 Оружье слагайте! добрались, наконецъ,
 Мы до дома. Поспѣшайте всѣ къ своимъ, къ своимъ!
 Насъ жены и родные, всѣ заждались насъ.
 Оружье слагайте!
 Родины славу не посрамимъ,
 Зато по праву гимны побѣдъ
 Всюду несутся за нами вслѣдъ,
 Отчизны права ея всѣ сыны до смерти должны
 Отстаивать всей силой. Голосъ звучалъ:
 Солдаты всѣ впередъ, бейтесь вы на смерть!
 Побѣда васъ ждетъ, расправу съ врагомъ мы битвой
 учинимъ.
 Родины славу не посрамимъ,
 Зато по праву гимны побѣдъ
 Всюду несутся за нами вслѣдъ.
 Отчизны права ея всѣ сыны,
 Отчизны права
 Ея всѣ сыны.

№ 022128.

О. И. Каміонскій, съ хоромъ.

№ 3-22682.

А. Бобровъ, безъ хора.

Фаустъ.—Гуно.*4-е дѣйствіе. Смерть Валентина.***Хоръ.** Боже мой!**Зибель.** Сжался! Сжался надъ нею!

О, сжался ты!

Марта. О, сколько горя! Сколько тоски!**Хоръ.** Онъ умираетъ за нее!**Валентинъ.** Выслушай меня, Маргарита!

Что кому суждено,

Съ тѣмъ то и приключится,

Отъ смерти не уйдетъ никто,

Когда наступитъ она.

Таковъ законъ небесъ!

Ты! Но ты пошла дурной дорогой:

Забыла ты свой прежній честный трудъ;

Цѣной стыда, цѣною преступленья,

Купить мечтала роскошь ты и блескъ!

Прочь! Не смѣй прикасаться,

Не сестра ты мнѣ больше,

Тебя презираю!

Прочь, тебя проклиная!

Позоромъ безчестья

Себя ты покрыла,

Такъ будь же проклята!

Хоръ. Какъ онъ ожесточился,

Въ часъ смерти вдругъ рѣшился

Сестру онъ клясть.

Ты лучше бы о себѣ молился...

Прости ее и будешь ты самъ прощень

Валентинъ. Маргарита! Проклинаю!

Ты умрешь позорной смертью,

Я умираю, какъ честный солдатъ!..

Фаустъ. — Гуно.*5-е дѣйствіе. Дуэтъ Маргариты и Фауста.***Маргарита.** Ты опять со мною!

И мои оковы
Не страшатъ теперь души.
Ты двери темницы
Отопрешь, мой милый,
И тѣмъ спасешь меня!

Фаустъ. Ты опять со мною!

Я здѣсь съ тобою,
Ни смерти, ни ада
Не страшуся я теперь.
Тебя ли я вижу,
Ты ль это, мой ангелъ?
Теперь силы ада
Тебя не отнимутъ,
Моя ты навѣкъ, моя.

Маргарита. Постой! Вотъ это мѣсто,

Гдѣ встрѣтились мы съ тобой въ первый
разъ,

Гдѣ руку мнѣ ты предложилъ тогда свою.
Позвольте предложить
Прелестная дѣвица
Мнѣ руку вамъ свою
И мнѣ васъ проводить.
Нѣтъ, синьоръ,
Будетъ мнѣ слишкомъ много въ томъ чести,
Не блещу я красою,
И право я не стою рыцарской руки.

Фаустъ. Помню все, другъ милый мой,

Но поспѣшимъ, уходитъ время!

Маргарита. Вотъ смотри и зеленый садъ,

Напоенный запахомъ розы,
Куда ко мнѣ ты приходилъ,
Когда на землю ночь спускалась.

Фаустъ.—Гуно.*5-е дѣйствіе. Финальное тріо.*

Мефистофель. Бѣгите иль не будетъ спасенья:
Часть удобный прошелъ,
Опасность угрожаетъ.

Маргарита. Видишь ты, демонъ тамъ во мракъ
Огнемъ горять его глаза.
О, прогони его ты поскорѣй.

Мефистофель. Изъ мѣстъ этихъ мрачныхъ
Скорѣе уйдемъ,
Ужъ близко къ разсвѣту.
Ретивые кони
Насъ ждуть,—убѣжимъ!
Спастисъ еще намъ есть возможность.

Маргарита. Господь, я вся Твоя,
Тебѣ вся отдалась!
О, Тебѣ жарко я молюсь
Услыши Ты мое моленье!

Фаустъ. Бѣжимъ, иди за мной, мой друг
скорѣе.

Маргарита. Я знаю, низко пала я такъ,
Но Ты, Господь, прости падень
И душу мою прими
Въ свои небесныя селенья!

Фаустъ. Ахъ, мой другъ, убѣжимъ!..

Маргарита. Душу я, ангелы мои святые,
Вамъ я отдаю.

Фаустъ. Ахъ, уйдемъ! Ахъ, спѣшимъ,
Спѣшимъ, иди за мной скорѣе.

Мефистофель. Поспѣшимъ, поскорѣе!
Ужъ день горитъ на небесахъ,
Ужъ день горитъ, спѣшимъ!
Поспѣшимъ, день сталъ свѣтлѣе.

Фаустъ.—Гуно.*Апоѳеозъ.*

Спасена!
Воскресъ Спаситель Нашъ
И вся земля ликуеть.
Онъ далъ спасенье намъ,
Вѣчныхъ мукъ насъ избавилъ.
И вся земля ликуеть.
Воскресъ Спаситель Нашъ!

Хованщина.—Мусоргскаго.*1-е дѣйствіе. Пѣснь Марфы раскольницы.*

Исходила младешенька
 Всѣ луга и болота,
 Всѣ луга и болота,
 А и всѣ земные покосы;
 Ужъ какъ подкралась младешенька
 Ко тому ли ко терему;
 Ужъ я стукъ подъ оконце,
 Ужъ я брякъ во звеняще колечко;
 Вспомни, припомни, милый мой,
 Ахъ не забудь, какъ божился!
 Много я ночекъ промаялась,
 Все твоей ли божбой услаждаючись.
 Словно свѣча Божія
 Мы съ тобою затеплимся,
 Окрестъ братья въ пламени;
 И въ дыму, и въ огнѣ души носятся.
 Разлюбилъ ты младешеньку,
 Загубилъ ты на волюшкѣ—
 Такъ почувешь въ неволѣ злой
 Опостылую злую раскольницу.

Царская невѣста.—Римскаго-
Корсакова.*1-е дѣйствіе. Арія Грязнова.*

Куда ты, удалъ прежняя, дѣвалась,
 Куда умчались дни лихихъ забавъ?
 Не тотъ я сталъ теперь,—все миновало,
 Отвага мнѣ души не веселитъ,
 И буйная головушка поникла.
 Не узнаю теперь я самъ себя,
 Не узнаю Григорія Грязного!—
 Куда ты, удалъ прежняя, дѣвалась,
 Куда умчались дни лихихъ забавъ?
 Не тотъ я сталъ теперь—все миновало.

Царская невѣста. — Римскаго-
Корсакова.*1-е дѣйствіе. Хоръ.*

Какъ за рѣченькой яръ хмѣль
 Вокругъ кустика вьется.
 Перевейся, яръ хмѣль,
 На нашу сторонку, —
 На нашей сторонкѣ
 Большое приволье.
 Я пойду младенька
 Въ зеленъ садъ гуляти,
 Въ зеленъ садъ гуляти,
 Хмѣлюшку щипати.
 Нащиплю я хмѣлю,
 Хмѣлю яровова,
 Наварю я пива,
 Пива молодова,
 Позову я гостя,
 Гостя дорогова,
 Гостя дорогова,
 Батюшку роднова.
 Батюшка будетъ,
 Горя не убудетъ,
 Горя не убудетъ,
 Лишь тоски прибудетъ.
 Какъ за рѣченькой яръ хмѣль
 Вокругъ кустика вьется.
 Перевейся, яръ хмѣль,
 На нашу сторонку, —
 На нашей сторонкѣ
 Большое приволье.
 Я пойду младенька
 Въ зеленъ садъ гуляти,
 Въ зеленъ садъ гуляти,
 Хмѣлюшку щипати.
 Нащиплю я хмѣлю,
 Хмѣлю яровова,
 Наварю я пива,
 Пива молодова.
 Позову я гостю,
 Гостю дорогую,
 Гостю дорогую,
 Матушку родную.
 Матушка прибудетъ,
 Горя не убудетъ,
 Горя не убудетъ,
 Лишь тоски прибудетъ.
 Мой миленькій будетъ,
 Горюшка убудетъ,
 Горюшка убудетъ,
 Веселья прибудетъ. Ой!

Царская невѣста. — Римскаго-
Корсакова.*2-е дѣйствіе. Арія Любаша.*

Вотъ до чего я дожила... Григорій,
 Господь тебя осудитъ за меня!
 Она меня красивѣе и косы
 Длиннѣй моихъ, — да все ли тутъ еще?
 Да любить ли она его какъ я?
 Сейчасъ съ другимъ смѣялась!.. Нѣтъ не любить!

Чародѣйка. — Чайковскаго.*4-е дѣйствіе. Арія чародѣйки.*

Гдѣ же ты, мой желанный?
 Я здѣсь. Поскорѣй приходи,
 Свѣтъ души моей, краса, радость очей!
 Нетерпѣньемъ горю я тебя увидать
 И къ горячему сердцу прижать;
 Безъ тебя истомило мнѣ душу тоской.
 Приходи, приходи! Поскорѣй приходи
 И умчимся съ тобой мы подальше отсюда,
 Отъ золь и отъ бѣдъ,
 Приходи же скорѣй, приходи же, мой свѣтъ,
 Мы умчимся съ тобой отъ золь и отъ бѣдъ!
 Приходи же! Соколъ ясный,
 Краса и радость, свѣтъ души моей,
 Нетерпѣньемъ горю я тебя увидать!

№ 3-24650.

Хоръ театра Зимина.

Черевички. — Чайковскаго.*2-е дѣйствіе. Хоръ.*

Выросла у тына
 Красная калина.
 Краше той калины
 Панночка Орина.
 Панночка Орина
 Гостей поджидала,
 Вина нацѣдила,
 Да и задремала!
 Добрый вечеръ, добрый вечеръ...

Прилетѣли пташки,
 Перебили чашки,
 Пирогъ поклевали,
 Разомъ вино все похлебали...
 Ой, проснись дѣвчина,
 Панночка Орина,
 Надо брата намъ женить,
 Сестру замужъ отдавать!
 Добрый вечеръ, добрый вечеръ...

Выросла у тына
 Красная калина.
 Краше той калины
 Панночка Орина.
 Панночка Орина
 Гостей поджидала,
 Вина нацѣдила,
 Да и задремала.
 Добрый вечеръ, добрый вечеръ...

Черевички. — Чайковского.*2-е дѣйствіе. Пѣсенка школьнаго учителя.*

Баба къ бѣсу привязалась,
 Съ окаяннымъ сопозналась.
 „Напусти, молитъ, въ душу грѣховную
 Сатанинскую язву любовную!“
 Добре! бѣсъ отвѣчалъ,
 Прямо дѣло началъ.
 Охъ, луте мнѣ во грѣхахъ погрязающу,
 Охъ, горе мнѣ, тщетно тебя, Солоха,
 На пиршество любви призывающу!
 Зла, какъ бѣсъ, моя старуха,
 Что ни скажешь, лѣзетъ въ ухо!
 Какъ попало, дарить колотушками,
 Сковородкой, кочергой и подушками;
 Я, смиренный, молчу,
 Отвѣчать не хочу.
 Охъ, горе мнѣ, во грѣхахъ погрязающу,
 Охъ, луте мнѣ, тщетно тебя, Солоха,
 На пиршество любви призывающу!

№ 3-22822.

Н. Д. Вѣковъ съ хоромъ

Черевички. — Чайковского.*2-е дѣйствіе. Куплеты Свѣтлѣйшаго.*

Свѣтлѣйшій. Пока не начались танцы,
 Позвольте мнѣ, друзья мои, прочесть вамъ оду...
 Иль просто плодъ нѣтическаго рвенія сего пѣнты.
 Славить онъ сейчасъ вамъ возвѣщенный
 Подвигъ російскихъ войскъ.
 Ему, конечно, хотъ далеко еще до совершенства,
 Съ какимъ такъ Гавріиль Романовичъ умѣетъ
 Бряцать на струнахъ лиры золотой..
 Но нравится мнѣ строй стиховъ хвалебныхъ!
 Прочту вамъ ихъ!

Хоръ. Вивать, свѣтлѣйшій князь!

Читайте, жадно слушать мы готовы.

Свѣтлѣйшій. Петрограду возвѣстилъ звонкій голосъ
 славы

Русскихъ вновь богатырей съ недругомъ расправы.
 Зовъ на бой лишь вострубилъ и, послушный
 року,

Кликъ побѣды огласилъ Понта брегъ далекій!

Ахъ, коль счастливъ жребій нашъ,

Въ бояхъ всюду первы,

Къ славѣ кажетъ путь намъ перстъ,

Росскія Минервы, росскія Минервы!

Хоръ повторяетъ послѣднія 4 строки.

Эрнани —Верди.*3-е дѣйствіе. Большой финалъ.*

Эрнани. О, Карлъ великій, не только имя,
 Но твои доблести имѣть я желаю,
 И передъ Богомъ я здѣсь обѣщаю
 Тебѣ во всемъ подражать!
 Всѣхъ я прощаю, была такъ любима!
 Счастіе долженъ вамъ бракъ принести!

Эрн. и хоръ Великому Карлу и слава и честь!
 Да, передъ Богомъ я здѣсь обѣщаю,
 Буду я во всемъ тебѣ подражать!
 Да, передъ Богомъ тебѣ обѣщаю
 Всю жизнь тебѣ во всемъ подражать!
 Великому Карлу слава и честь,
 Карлу великому слава и честь!
 Слава и честь!
 Всю жизнь тебѣ во всемъ подражать.
 Великому Карлу слава и честь!
 Карлу великому слава и честь!

№ 3-23418.

Н. С. Южина.

„Юдиѳъ“.—Сѣрова.*1-е дѣйствіе. Арія Юдифи.*

Я одѣнусь въ виссонъ
 И къ врагамъ я пойду,
 И жемчугъ, и алмазъ
 На главу возложу;
 У вечерней зари
 Я возьму алый блескъ,
 Я у солнца возьму
 Золотые лучи—
 Олоферна какъ разъ
 Красотой ослѣплю,
 Сладкой рѣчью моею
 Зачарую его,
 Сладкой пѣснью моею
 Усыплю я его!—
 Да, искуплю я свой народъ!
 Я отъ врага его спасу!—
 Когда на подвигъ свыше голосъ
 Меня призывалъ и я иду—
 Спасу согражданъ отъ страданья
 И къ нимъ съ побѣдой возвращусь.
 Господь благословитъ меня, }
 Крылами ангеловъ покроетъ } bis.
 И невредимой сохранить!.. }

Юдиѣ. — Сѣрова.

4-е дѣйствіе. Индійская пѣснь Вагоа.

Люблю тебя, мѣсяцъ, когда озаряешь
Толпу шаловливыхъ красавицъ, идущихъ
Съ ночного купанья домой!

Цвѣты, вы прекрасны въ вѣнкахъ благовонныхъ
На юныхъ шалуньяхъ, далеко, далеко
Намъ ихъ возвращая приходъ!

Прекрасно ты, море, когда твою свѣжесть
Я слышу у нихъ на груди и ланитахъ
И въ черныхъ, тяжелыхъ косахъ!

Юдиѣ.—Сѣрова.

4-е дѣйствіе. Воинств. пѣснь Олоферна.

Пусть эти бабы пѣсни тамъ поють въ
гаремахъ Вавилонскихъ.

Ты мнѣ давай воинскихъ лучше пѣсень.

Вотъ какъ мы ихъ пѣвали въ старину:

Знойной мы степью идемъ,

Въ воздухѣ дышетъ огнемъ,

Гибнетъ то конь, то верблюдъ;

Храбрые только идутъ!

Вотъ ужъ въ степи голубой, } bis.
Городъ встаетъ золотой, }

Городъ встаетъ золотой, } bis.
Встрѣчу выходитъ намъ рать, (bis.)

Други, ломить, не плошати!

Много въ томъ городѣ женъ, } bis.
Золотомъ весь онъ мошень. }

Бей и топчи ихъ конемъ.

Бей и топчи ихъ конемъ,

Въ городъ ты сядешь царемъ!

Бей и топчи ихъ конемъ!

Въ городъ ты сядешь царемъ!

Паяцы.—Леонкавалло.*Прологъ.*

Позвольте, простите за смѣлость,
 Но долженъ я Вамъ представиться смѣло—
 Прологъ предъ вами!
 Въ душѣ его возставали грустною толпою
 Воспоминанья, о нихъ слезами
 Онъ разсказалъ,
 А рыданья ему помогали.
 Итакъ вы здѣсь сейчасъ увидите,
 Какъ люди другъ друга любятъ,
 И злобы жестокой дѣянiя и страданья наши,
 И крики ярости, и смѣхъ безжалостный.
 Позвольте жъ просить васъ позабыть на время,
 Что предъ вами комедiанты:
 Въ души наши вы загляните,
 Но люди тоже мы, васъ помнить прошу я,
 Что подобно всѣмъ на землѣ живемъ мы
 И любимъ, также страдаемъ!

Паяцы.—Леонкавалло.*1-е дѣйствiе. Хоръ съ колоколами.*

Идемъ, идемъ, идемъ.
 Динъ-донъ-динъ-донъ
 Къ вечернѣ звонъ.
 Мы вмѣстѣ пойдемъ.
 Динъ-донъ-динъ-донъ.
 Туда толпой всѣ пойдемъ.
 Динъ-донъ, къ вечернѣ звонъ.
 Въ храмъ всѣ вмѣстѣ пойдемъ.

Паяцы.—Леонкавалло.*1-е дѣйствiе. Ариозо Канiо.*

Играть когда подъ гнетомъ страданья
 Не знаю что сказать и что мнѣ дѣлать?
 Однако-жъ надо все забыть...
 А... да развѣ ты человѣкъ? Ха-ха!
 Ты вѣдь,—паяцъ!
 Ты одѣвайся, набѣлись ты мукою,
 Вѣдь люди платятъ, ихъ надо потѣшать,
 Но если Арлекинъ похитилъ Коломбину—
 Смѣйся, паяцъ, и всѣ будутъ рукоплескать!
 Въ смѣхъ обрати ты терзанья и слезы,
 Скрой подъ гримасой рыданья ты свои...
 Ахъ, смѣйся, да, смѣйся надъ любовью разбитой,
 Смѣйся, паяцъ, надъ позоромъ своимъ!

Паяцы.—Леонкавалло.*1-е дѣйствіе. Аріозо Каніо.*

Ты наряжайся
 И лицо обмажь мукою,
 Вѣдь зритель ждетъ,
 А комедьянтъ играй.
 Коль Арлекинъ похититъ Коломбину—
 Смѣйся паяцъ, толпу увеселяй.
 Такъ выводѣ чувства на поруганье,
 Кривляйся гаеръ,
 Но плакать ты не смѣй!
 Ахъ! Смѣйся, паяцъ,
 Надъ разбитой любовью,
 Смѣйся паяцъ
 Ты надъ горемъ своимъ.

№ 3-22551.

А. М. Давыдовъ.

№ 2-22796.

”

Паяцы.—Леонкавалло.*1-е дѣйствіе. Аріозо Каніо.*

Играть!
 Когда точно въ бреду я:
 Ни словъ я, ни поступковъ
 Своихъ не понимаю.
 И все же долженъ я играть.
 Ахъ! Ты развѣ человѣкъ?
 Ха, ха, ха! ты вѣдь паяцъ!
 Ты наряжайся
 И лицо обмажь мукою,
 Вѣдь зритель ждетъ,
 А комедьянтъ играй.
 Коль Арлекинъ похититъ Коломбину—
 Смѣйся паяцъ, толпу увеселяй.
 Такъ выводѣ чувства на поруганье,
 Кривляйся гаеръ,
 Но плакать не смѣй!
 Ахъ! Смѣйся паяцъ
 Надъ разбитой любовью,
 Смѣйся паяцъ
 Ты надъ горемъ своимъ.

Паяцы.—Леонкавалло.*2-е дѣйствіе. Арія Каніо.*

Шутокъ этихъ я не люблю,
 Со мной шутить опасно,
 Насмѣшекъ не терплю,
 Характеръ всѣ знаютъ мой прекрасно.
 Я вѣдь здѣсь не на сценѣ,
 Я здѣсь не для забавы,
 Да, я здѣсь не для забавы.
 Когда я тамъ, въ балаганѣ,—
 Смѣяться ваше право;
 Когда тамъ Коломбина
 Цѣлуетъ Арлекина,—
 Я спокоенъ; мягкой палкой
 Бить любовника не жалко.
 Смѣхъ толпы громокъ, друженъ,
 Успѣхъ фигляру нуженъ,
 Но когда бы случилось это въ жизни,
 То иначе все кончилось бы дѣло,
 Я ручаюсь своимъ жаломъ...
 Ха-ха-ха, шутокъ этихъ я не люблю,
 Со мной шутить опасно.

№ 3-22807.

А. М. Давыдовъ.

Паяцы.—Леонкавалло.*2-е дѣйствіе. Арія Каніо.*

Нѣтъ, о, нѣтъ! Я не паяцъ!..
 И лишь лицо мое блѣднѣе смерти
 Отъ жажды злобной мести...
 „Шутъ далъ мѣсто“ человѣку!
 Хочу я кровью смыть позоръ мой,
 Мое безчестье... Проклятье шлю я!
 Нѣтъ, я больше не паяцъ!
 Безумецъ жалкій,
 Я приютилъ беззащитную сиротку,
 Я согрѣлъ нѣжной лаской тебя, проклятую!
 Я полюбилъ—и женой моей ты стала!
 Слепецъ, я захотѣлъ знать любовь лишь съ тобою;
 О счастье я посмѣлъ мечтать!
 Хотѣлъ жить безъ тревогъ,
 Хотѣлъ въ семьѣ покоя.
 Но сумѣла злодѣйка сердце мое растоптать.
 Тебѣ я довѣрялъ, тебѣ я вѣрилъ свято,
 Съ тобой, только съ тобой
 Слилась душа моя.
 Но ошибся паяцъ,
 Ты вся полна разврата,
 Тебя готовъ, какъ червяка, я раздавить.

Риголетто.—Верди.*1-е дѣйствіе. Баллада герцога.*

Та иль эта, я не разбираю,
 Всѣ онѣ красотою, какъ звѣзды сіяютъ,
 Это сердце восторгомъ трепещетъ,
 Но не знаетъ докучныхъ цѣпей.
 Ласки милой для насъ утѣшенье,
 Повторенье наскучить подчасъ.
 Я сегодня одной увлекаюсь,
 Но быть можетъ я другой завтра увлекусь,
 Быть можетъ я завтра другой увлекусь.
 Постоянства должно опасаться, да должно.
 И клятвамъ не вѣрьте вы слѣпо,
 И почаще вы всѣ вспоминайте,
 Что безъ свободы быть не можетъ любви.
 Я смѣюсь надъ ревнивцемъ душевно,
 И мнѣ жало въ дыхатель плачевный.
 Я сегодня одной увлекаюсь,
 Но быть можетъ я другой завтра увлекусь,
 Быть можетъ я завтра другой увлекусь.

№ 2-23003.

М. А. Михайлова.

№ 2-23075.

А. В. Нежданова.

Риголетто.—Верди.*2-е дѣйствіе. Арія Джильды.*

Внемля имени его,
 Трепетъ всю меня объялъ,

Не пойму я отчего
 Отчего, не знаю я,

Мнѣ весь міръ милѣе сталъ.

Чудныхъ грезъ волшебныхъ рай

Разогналъ печаль мою

И, прощаяся съ землей,

То же имя повторю!

Чудныхъ грезъ волшебный рай

Разогналъ печаль мою

И, въ часъ послѣдній мой,

Прощаяся съ землей,

Я то же имя повторю!..

Разсѣялъ въ мигъ печаль мою...

Я то же имя повторю!..

} bis

Риголетто. — Верди.*3 е дѣйствіе. Арія шута.***Марулло.** Жаль мнѣ Риголетто!**Риголетто.** Ла-ла-ла-ла!**Хоръ.** Идетъ, молчите.

Съ добрымъ утромъ Риголетто!

Риголетто. Всѣ въ заговорѣ были!**Марулло.** Ну, что новенькаго шутъ?**Риголетто.** Ну, что новенькаго шутъ?

Всегда несносны вы,

Нынче жъ, — вдвое несноснѣй.

Хоръ. Ха, ха, ха!**Риголетто.** Ла-ла-ла-ла!

Гдѣ жъ бѣдняжка скрыта?

Хоръ. Что жъ вы все глядите?**Риголетто.** Очень радъ, что на васъ не повліяла

Сыръность минувшей ночи.

Марулло. Этой ночи?**Риголетто.** Да, удачно вышло.**Марулло.** Спали мы спокойно.**Риголетто.** А! Всѣ вы спали!

Значитъ все мнѣ приснилось.

Ла-ла, ла-ла, ла-ла!

Хоръ. Какъ, онъ неужели все замѣтилъ?**Риголетто.** Нѣтъ, не Джильды!

Ла-ла-ла-ла!

Еще герцогъ спитъ, онъ не всталъ?

Хоръ. Спитъ еще.**Пажъ.** Герцогиня супруга хочетъ видѣть.**Чепрано.** Спитъ онъ.**Пажъ.** Развѣ здѣсь онъ съ вами не былъ?**Бореа.** Онъ на охотѣ.**Пажъ.** Безъ оружія, безъ свиты?**Хоръ.** Ужель не понялъ ты,

Что герцогъ ее принять не можетъ.

Риголетто. Я не ошибся.

Герцогъ самъ это сдѣлалъ.

Хоръ. Кто?**Риголетто.** Та дѣвочка,

Что вы нынче ночью украли,

Но возвратить съумѣю!

Тамъ она?

Хоръ. Красотку найти здѣсь не надѣйся.**Риголетто.** Дочь мнѣ отдайте!..**Хоръ.** Дочь—сказалъ онъ?!..**Риголетто.** Да, дочь родная!

Надъ побѣдой славной

Что жъ теперь вы не смѣтесъ?

Но ее мнѣ вы отдайте,

Отдайте!

Риголетто.—Верди.*3-е дѣйствіе. Дуэтъ Джильды и Риголетто.*

Джильда. Во тѣмъ ночной явился онъ,
Томимъ мечтой влюбленной,
Бѣднымъ студентомъ назвался
Такъ робко и смиренно.
Мнѣ онъ въ любви и вѣрности
Поклялся навсегда.
Исчезъ... а я...
Грезамъ любви предалась,
Тѣмъ грезамъ, что сердце такъ плѣняютъ..
Вдругъ эти изверги злобные
Нежданно нападаютъ
И, воплямъ не внимая,
Вотъ сюда влекутъ меня!

Риголетто. Какъ я сносилъ безропотно
Горькія униженья,
Зналъ какъ чиста, возвышенна
Жажда въ твоёмъ стремленіи.
Рядомъ съ моимъ позоромъ
Сіяла, какъ святыня.
И вотъ ужъ навѣки все погибаетъ!
Разрушенъ алтарь святой,
Все погибаетъ, разбитъ алтарь святой!
Ахъ, слезы, слезы ты лей, горячія слезы!

Джильда. Отецъ мой!
Ангель вы утѣшитель,
Внимаю вамъ душой!
О, мой родитель,
Внимаю вамъ всей душой!
Невольно стихаетъ грусть во мнѣ!
Да, стихаетъ грусть въ душѣ,
Ангель хранитель мой, ахъ!
Вамъ я внимаю
И горе стихаетъ въ душѣ моей!

Риголетто. Плачь же, слезы ты лей,
Горячія слезы.
Небомъ самимъ онѣ даны..
Плачь же, даны небомъ,
Да, онѣ небомъ даны
Въ отраду намъ.
Самимъ небомъ даны,
Въ отраду даны..
Слезы святыя
Даны небомъ самимъ
Въ отраду намъ.

Риголетто.—Верди.*3-е дѣйствіе. Арія Риголетто.*

О, злодѣи, исчадье порока!
 За позоръ мой вы много ли взяли?
 Надо мною глумились жестоко,
 Но расплата не кончена, нѣтъ!
 Безоруженъ и осмѣянъ несчастный,
 Но мой гнѣвъ не будите ужасный.
 Для того всѣ ничтожны преграды,
 Кто пришелъ честь семьи защищать.
 Эту дверь мнѣ, кровопійцы,
 Кровопійцы откройте, сейчасъ.
 Эту дверь мнѣ откройте!
 О, синьоры, молю васъ простите старику,
 Дочь его возвратите—что вамъ стоитъ
 Странанья и муки облегчить однимъ словомъ?
 Въ ней мое утѣшенье, отрада моя.
 Синьоры, молю, простите,
 Молю, вы дочь мнѣ возвратите!
 Въ ней для меня вся отрада моя.
 Вы дочь мнѣ возвратите!
 О, сжальтесь надо мною! Предъ вами на колѣняхъ!
 О, сжальтесь, умоляю васъ!..

№ 2-22790.

А. М. Лабинскій.

Риголетто.—Верди.*4-е дѣйствіе. Арія Герцога.*

Если красавица
 Въ страсти клянется,
 Кто ей повѣритъ,
 Тотъ ошибется.
 Нѣжными ласками
 Счастье пророчить,
 Милыми глазками
 Сердце морочить.
 Будь остороженъ,
 Взоръ милой ложенъ,
 Все въ ней притворство,
 Вѣрьте друзья!
 Часто мученья
 Страсть намъ приносить,
 Но увлеченья
 Все-жъ сердце просить.
 Ласки ихъ любимъ мы,
 Хоть онѣ ложны,
 Жить невозможно
 Безъ наслажденій.
 Пусть же смѣются,
 Пусть увлекаютъ
 И измѣняютъ
 Также друзья!

Риголетто.—Верди.*4-е дѣйствіе. Арія Герцога.*

Сердце красавицъ склонно къ измѣнѣ
 И къ переменѣ, какъ вѣтеръ мая;
 Съ нѣжной улыбкою въ страсти клянутся,
 Плачутъ, смѣются, насъ увлекаютъ,
 Вѣчно смѣются, насъ увлекаютъ
 И измѣняютъ также шутя.

Часто мученья страсть намъ принссить,
 Но увлеченья все же сердце просить.
 Ласки ихъ любимъ мы, хоть онѣ ложны,
 Жить невозможно безъ наслажденій.
 Пусть же смѣются, пусть увлекаютъ,
 Но измѣняя имъ раньше я.

№ 2-22647.

Л. В. Собиновъ.

Риголетто.—Верди.*4-е дѣйствіе. Арія Герцога.*

Сердцемъ красавица,
 Что вѣтерокъ полей,
 Быстро мѣняются
 Мысли и чувства въ ней.
 Очи горятъ слезой
 Свѣжей, наивной,
 Все въ ней такъ дивно,
 Но все обманъ пустой.
 Сердцемъ красавица,
 Что вѣтерокъ полей,
 Все мимолетно,
 На мигъ все въ ней.
 Горе тому, кто ей
 Сердце отдастъ свое.
 Все... жизнь, любви цѣпей
 Быстро узнаетъ онъ.
 Колю хочется любви
 И наслажденья,
 Страсти волненія
 Быстро всегда лови.
 Сердцемъ красавица,
 Что вѣтерокъ полей,
 Все мимолетно,
 На мигъ все въ ней.

Риголетто.—Верди.*4-е дѣйствіе. Квартетъ.*

Герцогъ. О, красавица молодая,
Я твой рабъ, на все готовый,
Ты однимъ своимъ лишь словомъ
Можешь боль души уврачевать.
Сердце бьется знойной страстью
И волненья не сдержать,
И однимъ своимъ лишь словомъ
Можешь боль души уврачевать.
Ты можешь словомъ лишь однимъ
Всю боль души уврачевать.
Сердце бьется знойной страстью
Словно рвется все къ тебѣ одной,
Ахъ, сердце рвется лишь къ тебѣ одной,
къ тебѣ!

Маддалена. Ха, ха, шутки эти знаю,
Имъ не слишкомъ довѣряю.
Хоть красно вы говорите,
Но меня не проведешь.
Кое-что мы смыслимъ сами,
И такими насъ рѣчами
Плѣнить нельзя.
Ха, ха, шутки эти знаю,
Имъ я мало довѣряю.
Хоть красно вы говорите,
Но меня не проведешь.
Кое-что мы смыслимъ сами,
Не плѣните насъ словами.
Ха, ха, ха, ха, какъ мнѣ смѣшно!
Да, насъ словами не проведешь,
Не такъ легко насъ провести, нѣтъ, о нѣтъ!

Джилда. Это онъ зоветъ любовью...
То же мнѣ твердилъ невѣрный...
Сердце бѣдное мужайся,
Испытаніе снеси,
Да, да, да снеси.
Сладкимъ грезамъ скажетъ,
Ахъ! Навѣкъ прости.
Съ мечтой любви ты расставайся,
Грезамъ всѣмъ скажи прости.

Риголетто. Тише, вѣдь слезы не помогутъ,
Онъ не стоитъ слезъ твоихъ.
Вотъ ты можешь убѣдиться,
Какъ онъ любить.
Ужъ теперь моя забота
За позоръ нашъ отомстить,
Его сѣмью поразить,
Молчи, молчи, тише.

Карменъ.—Бизе.*1-е дѣйствіе. Хабанера.*

Любовь, какъ птичка, любовь капризна,
 Ее такъ трудно приманить:
 Ни ласкою, ни укоризной
 Ее не могутъ укротить.
 Всѣ напрасны мольбы, угрозы,
 Одинъ рычитъ, другой молчитъ
 И послѣдній снимаетъ розы.
 Онъ сердцу молча говоритъ:
 Любовь! (4 раза).
 Любовь дитя, дитя свободы,
 Оковъ поля не знаютъ никогда,
 Не любишь ты, такъ люблю я,
 Смотри же, берегись тогда!
 Не любишь ты, не любишь ты меня,
 Такъ люблю я, а! люблю я,
 Полюблю я, берегись тогда!
 Быть рѣзва можетъ, птичкой твоею
 Она вспорхнетъ, раба на все,
 Нѣтъ любви, гдѣ летитъ скорѣе
 Она къ устамъ, гдѣ не ждутъ ея.
 Вкругъ тебя мотылькомъ порхаетъ,
 На мигъ одинъ и снова нѣтъ,
 Нѣтъ проказовъ, но трудъ напрасный
 И отъ нея она пошлетъ.
 Любовь! (4 раза).
 Любовь дитя, дитя свободы,
 Оковъ поля не знаютъ никогда.
 Не любишь ты, такъ люблю я,
 Смотри же, берегись тогда!
 Не любишь ты, не любишь ты меня,
 Такъ люблю я, а! люблю я,
 Полюблю я, берегись тогда!

№ 24393. М. А. Михайлова и А. М. Давыдовъ.

Карменъ.—Бизе.*1-е дѣйствіе. Дуэтъ Микаэлы и Донъ Хозе.*

Донъ Хозе. О! мать, мечтою я
 Съ тобой подъ кровомъ нашимъ скромнымъ!
 Я вижу лѣсъ, поля, луга,
 Гдѣ я провелъ дѣтства дни!..
 О свѣтлыя мечты,
 Вы принесли съ собой мнѣ силу и отвагу.
Микаэла. О мать! мечтою онъ
 Съ тобой въ пріютѣ вашемъ скромномъ,
 Гдѣ онъ провелъ дѣтства дни!
 О свѣтлыя мечты,
 Вы принесли ему вновь силу и отвагу.

Карменъ.—Бизе.*1-е дѣйствіе. Сегидилья.*

У вала, близко Севильи,
 Другъ мой живетъ Лиласъ-Пастья;
 Я тамъ пропляшу сегидилью,
 Выпью тамъ манзанильи
 Въ домѣ друга Лиласъ-Пастья,
 Но скучно мнѣ одной живется,
 На умъ веселье не идетъ
 И милый, если онъ найдется,
 Пускай меня туда ведетъ!
 Но милый гдѣ? я съ нимъ разсталась,
 Его изгнала навсегда
 И безъ оковъ теперь осталась
 Свободна вновь, какъ птичка я!
 За мною юноши толпою,
 Но не по вкусу мнѣ они —
 Располагать могу собою
 И новой жду опять любви!
 Сердце мое, полное страсти,
 Бьется въ груди, друга зоветъ,
 Жаждетъ ласки, веселья, счастья,
 Другъ, приди! Время, вѣрь, не ждетъ.
 У вала близко Севильи
 Другъ мой живетъ Лиласъ-Пастья;
 Я тамъ пропляшу сигидилью, —
 Выпью тамъ манзанильи.
 Къ другу моему Лиласъ-Пастья пойду!

Карменъ.—Бизе.*1-е дѣйствіе. Хоръ работницъ.*

Гляди какъ струей дымокъ улетаетъ
 И въ небесахъ будто исчезаетъ.
 А мы вдыхаемъ ароматъ,
 Наслаждаясь и веселясь,
 Отъ работъ всѣхъ отрѣшаясь!
 Развѣ слова и увѣренья любви
 Дымъ не тотъ ли?
 И клятвы и всѣ блаженные сны
 Дымъ не тотъ ли?
 Гляди, какъ дымокъ улетаетъ
 И въ небесахъ будто исчезаетъ.

Карменъ.—Бизе.*2-е дѣйствіе. Куплеты Тореадора.*

Тостъ, друзья, я вашъ принимаю,
 Тореодоръ солдату другъ и братъ.
 Сердцемъ солдата я уважаю—
 Онъ, какъ мы, въ бой вступить вѣдь радъ!
 Полонъ циркъ, ждутъ всѣ представленья,
 Толпа кипитъ, куда ни глянь!
 И весь народъ въ страшномъ волненіи,
 Говоръ и крикъ, а подчасъ и споръ и брань.
 Что толкуютъ, чего бушуютъ?
 Все отъ того, что близокъ часъ!
 Потѣху видно сердцемъ чуютъ,
 Поглядятъ есть ли храбрость въ насъ!
 Пора! Готовься! Пора! Пора!
 Ахъ! Тореадоръ, смѣлѣе,
 Тореадоръ, Тореадоръ!
 Помни, что въ часъ борьбы твоей кровавой
 Черный глазокъ блеститъ живѣй
 И ждетъ тебя любовь!
 Тореадоръ, тамъ ждетъ тебя любовь!

Хоръ повторяетъ посл. 6 стр.

Вдругъ смолкаетъ все мгновенно,
 Вперили взоры, едва, едва дыша.
 Вотъ мигъ, ужъ пущень
 Быкъ на арену! Онъ летитъ впередъ,
 Къ вѣрной смерти спѣша!
 Вотъ столкнулись и лошадь пала,
 И лошадь пала, подъ нею Пикадоръ.
 А! Браво! Торо! Все закричало,
 А быкъ бѣжитъ впередъ
 И бѣшено рычитъ.
 Взрываетъ землю, все ломаетъ.
 И теплой кровью циркъ,
 Смотрите, обогреть!
 Тутъ у многихъ духу не хватаетъ
 Твой чередъ настаетъ! Пора!
 Готовься, пора! пора!
 Ахъ! Тореадоръ, смѣлѣе
 Тореадоръ, Тореадоръ!
 Помни, что въ часъ борьбы твоей кровавой
 Черный глазокъ блеститъ живѣй
 И ждетъ тебя любовь!
 Тореадоръ, тамъ ждетъ тебя любовь!

Хоръ повторяетъ посл. 6 стр.

№ 3-22755.

О. И. Каміонскій.

№ 2-22794.

» » » съ хор.

Карменъ.—Бизе.

2-е дѣйствіе. Куплеты Тореадора.

Смолкли вдругъ, дышать боятся,
И многихъ страхъ объялъ;
Ждутъ всѣ въ молчаньи, сдержавъ дыханье,
Но вдали ужъ показался быкъ,
Вотъ онъ спѣшитъ.
Быкъ ворвался и рветъ, и мечетъ,
Ужъ лошадь пала и подъ нею пикадоръ.
Ахъ, браво, Торро! толпа кричала;
И топчетъ быкъ своихъ враговъ и лютъ, и дикъ;
Взрывая землю, испуская крикъ,
Онъ носится въ кругу, дымится кровью залъ,
Бойцы бѣгутъ, понявъ тщету усилій,
Тореадоръ, бери кинжалъ!
Теперь впередъ, смѣлѣй впередъ!
Ахъ, Тореадоръ, смѣлѣе,
Тореадоръ, Тореадоръ,
Помни, что въ часъ борьбы твоей кроваво
Черный глазокъ блеститъ живѣй
И ждетъ тебя любовь,
Тореадоръ, да ждетъ тебя любовь!
Тореадоръ, Тореадоръ,
Да, ждетъ тебя любовь!

№ 3-22760.

А. М. Давыдовъ

Карменъ.—Бизе.

2-е дѣйствіе. Арія Д. Хозе.

Видишь, какъ свято сохраняю
Цвѣтокъ, что мнѣ ты подарила:
Вѣдь онъ въ тюрьмѣ со мною былъ
И нѣжный запахъ свой хранилъ.
Тамъ, бывало, въ долгія ночи
И сомкнувъ усталыя очи,
Тебя въ тиши я призывалъ
И образъ твой себѣ я представлялъ!
Срывались съ устъ тебѣ проклятья,
Хоть я призывалъ любви объятья!..
Увы! зачѣмъ судьба моя,
Карменъ, съ тобою насъ свела!..
Но раскаянье во мнѣ просыпалось
И въ душѣ больной пробуждалось
Одно желанье, одна мечта:
Увидѣть вновь, да, да, тебя!
Карменъ увидѣть вновь,
Да, вновь тебя!
Ты мой восторгъ, мое мученье,
Но брось ты взглядъ свой на меня --
Я буду снова въ упоеньи,
Моя Карменъ.
Я сталъ рабомъ твоимъ, навѣкъ
Карменъ тебя люблю!

Карменъ.—Бизе.

2-е дѣйствіе. Дуэтъ Карменъ и Д. Хозѣ.

Д. Хозѣ. Что ты сказала?

Карменъ. Нѣтъ, не любишь ты меня.

Нѣтъ, если-бъ правду ты сказалъ,

Туда, туда со мной бы ты бѣжалъ!

Д. Хозѣ. Карменъ!

Карменъ. Туда, туда, въ родныя горы...

Д. Хозѣ. Карменъ!

Карменъ. Со мной туда бы ты бѣжалъ;

Меня въ сѣдло съ собой бы взялъ

И не могли-бъ слѣдить за нами взоры.

Борзый конь настъ бы вихремъ мчалъ!

Туда, туда въ родныя горы...

Д. Хозѣ. Карменъ!

Карменъ. Туда со мной бы ты бѣжалъ;

Тамъ ждетъ блаженство,

Жизнь и любовь.

Оставя здѣсь долгъ твой суровый,

Слышать не будешь призыва вечерней зори

И разомъ, разбивши оковы,

Ты весь отдашься восторгамъ свободной

любви!

Тамъ сводъ небесъ надъ головою,

Весь Божій міръ землей родною;

Буду любить тебя всей душою,

Да еще, что мнѣ всего дороже,

Свобода ждетъ, свобода тамъ!

Д. Хозѣ. Молю, Карменъ!

Карменъ. Туда, туда въ родныя горы...

Д. Хозѣ. Карменъ!

Карменъ. Со мной туда бы ты бѣжалъ.

Д. Хозѣ. Молчи!

Карменъ. Тамъ, гдѣ свобода и любовь...

Д. Хозѣ. Ахъ, Карменъ, молю—молчи!

Карменъ. Свобода ждетъ,

Свобода и любовь тамъ ждетъ!

Туда, туда, о милый мой,

Бѣжимъ, со мной бѣжимъ...

Вмѣстѣ. Сжался, Карменъ, тебя я молю—

Пощади!

Бѣжимъ, о милый, со мной бѣжимъ...

Карменъ. Тамъ, гдѣ свобода и любовь...

Вмѣстѣ. Туда, туда бѣжимъ съ тобой.

Карменъ.—Бизе.*2-е дѣйствіе. Цыганская пѣснь.*

Въ цыганкахъ закипѣла кровь,
 Услышавъ звуки дорогіе...
 Напѣвы пѣсни имъ родные
 Съ гитарой прозвучали вновь.
 А вотъ и бубень задрожалъ
 Въ рукахъ красавицы смуглянки
 И поднялися всѣ цыганки:
 Веселый праздникъ имъ насталъ.
 Тра-ла-ла! тра-ла-ла!
 Такъ и на молодой груди,
 Какъ кольца блещутъ золотыя,
 Какъ искры мечутъ огневая
 Ихъ очи, полныя любви.
 Но танецъ, ровный ихъ сперва,
 Потомъ становится быстрѣе
 И по землѣ еще живѣе
 Едва ступаетъ рѣзвая нога.
 Тра-ла-ла! тра-ла-ла!
 Лепечеть нѣжныя слова,
 Ей легкій станъ обвивъ рукою—
 Съ красоткой пляшетъ молодою
 Цыганъ, весь страстію горя.
 Сдержать порыва нѣту силъ,
 Все громче бубень раздается,
 Въ вихрѣ пляски все несется,
 Позабывъ въ весельи цѣлый міръ!
 Тра-ла-ла! тра-ла-ла!

№ 2-24022.

Е. И. Збруева и А. М. Давыдовъ.

Карменъ.—Бизе.*2-е дѣйствіе. Дуэтъ Карменъ и Д. Хозе.*

Карменъ. Вотъ для тебя я пропляшу,
 О милый мой Хозе.
 Тебѣ лишь одному
 Я нравиться желаю.
 Садитесь тамъ, Донъ Хозе.
 Начинаю!

Д. Хозе. Остановись, Карменъ,
 Хоть на одну минуту.

Карменъ. Но зачѣмъ, что тебѣ?

Д. Хозе. Мнѣ казалось, что тамъ...

Да, то звуки трубы,
 Намъ зорю возвѣстили.
 Не слышишь развѣ ты?

Карменъ. Браво, браво! какъ это кстати!

Безъ музыки неловко
 Было мнѣ танцевать...

И право веселѣй теперь съ оркестромъ
 плясать!

Д. Хозе. Но ты не поняла, Карменъ,
 Пробили зорю...

И долженъ я въ казармы идти на
 перекличку.

Карменъ.—Бизе.*3-е дѣйствіе. Гаданье.*

Бубны... пики...
 Мнѣ смерть, все мнѣ смерть...
 Прежде я, ему потомъ.
 Обоихъ насъ ждетъ смерть.
 Когда намъ карты
 Гибель жизни предвѣщаютъ,
 Напрасно ихъ мѣшать,
 Напрасно ворожить;
 Повѣрьте, не измѣнитъ
 Рѣшеніе судьбы.
 Когда же намъ веселье
 И любовь сулятъ.
 Не бойся, все мѣшай.
 Тогда вся жизнь твоя —
 Лишь дивный сонъ блаженства,
 Восторга и любви.
 Когда же смерти гибель
 Близка, нѣтъ спасенья:
 Такъ рѣшено судьбой.
 Неумолимы карты,
 И въ нихъ протекаетъ
 Отвѣтъ одинъ лишь смерти.
 Погибли всѣ мечты,
 Погибли всѣ желанья.
 Все въ картахъ протекаетъ,
 Отвѣтъ одинъ лишь смерти.
 Опять, опять мнѣ смерть...

Карменъ.—Бизе.*3-е дѣйствіе. Гаданье.*

Ужъ если разъ отвѣтъ
 Зловѣщій карты дали,
 Напрасно ихъ мѣшать.
 И то, что намъ онѣ
 Въ гаданьи показали,
 Вновь станутъ повторять!
 Но если рѣшено,
 Что счастье улыбнется,
 Не бойся, все мѣшай
 И карта у тебя въ рукѣ перевернется:
 Удачи ожидай!
 Когда же смерть близка,
 Напрасно убѣгаешь,
 Такъ рѣшено судьбой.
 Неумолимы карты и все прочитаешь
 Отвѣтъ нѣмой: жди смерти.
 Ахъ! Если смерть близка,
 Напрасно убѣгаешь,
 Все въ картахъ прочитаешь
 Отвѣтъ нѣмой: жди смерти.
 Опять... еще, опять мнѣ смерти!

Кармень.—Бизе.

3-е дѣйствіе. Дуэтъ Д. Хозѣ и Эскамильо.

Эскамильо. Если бѣ линіей пониже, то былъ бы
мнѣ конецъ.

Д. Хозѣ. Ваше имя скажите!

Эскамильо. Тише, тише, милый другъ...

Предъ вами Эскамильо,
Тореадоръ изъ Гренады.

Д. Хозѣ. Эскамильо?

Эскамильо. Я самъ!

Д. Хозѣ. Это имя слышалъ я
И радъ увидѣть васъ,
Но скажу вамъ, товарищъ,
Что могъ бы васъ убить.

Эскамильо. Что жъ, видно не судьба.
Милый другъ, знайте, что
Теперь я влюбленъ безумно.
И въ самомъ дѣлѣ: тотъ
Плохимъ бы былъ испанцемъ,
Кто бы за милую не жертвовалъ и жизнью!

Д. Хозѣ. Та, что любите вы,
Значитъ здѣсь?

Эскамильо. Угадали, и, кажется, она цыганка.

Д. Хозѣ. Какъ звать ее?

Эскамильо. Кармень.

Д. Хозѣ. Кармень?

Эскамильо. Кармень; да, мой другъ.
Влюбленнымъ былъ въ нее
Солдатъ; онъ для Кармень
Оставилъ полкъ и знамя..

Д. Хозѣ. Кармень!

Эскамильо. Но ихъ любви прошла уже пора.
Знаютъ всѣ, что Кармень
Не можетъ быть вѣрна.

Д. Хозѣ. Все же вы влюблены?

Эскамильо. Безумно!

Д. Хозѣ. Все же вы влюблены?

Эскамильо. Безумно, милый мой,
Люблю ее со всею силой страсти!

Д. Хозѣ. Но чтобы получить
Изъ табора цыганку,
Извѣстно-ль вамъ, нужна расплата.

Эскамильо. Что жъ, я заплачу!

Д. Хозѣ. Иной цѣны хочу:
Расплата на ножахъ.

Эскамильо. Не буду въ долгу.

Д. Хозѣ. Понятно вамъ?

Эскамильо. Ваша рѣчь столь ясна...
Такъ дезертиръ, солдатъ,
Въ нее влюбленный,
Который былъ ей милъ... ха, ха, это вы?

Д. Хозѣ. Да, я тотъ самый!

Эскамильо. Я очень радъ, мой другъ,
Это день мнѣ удачъ.

В м ѣ с т ѣ.

Пусть судьба рѣшаетъ,
Изъ насъ кто правъ?
Смѣлѣй, защищайся!
Ударъ направь!

Карменъ. — Бизе.*4-е дѣйствіе. Дуэтъ Карменъ и Д. Хозѣ.***Карменъ.** Ты здѣсь?**Д. Хозѣ.** Карменъ!..**Карменъ.** Меня предупредили,

Что долженъ ты придти,

Что ты недалеко.

Чтобъ я за жизнь опасалась,

Мнѣ также говорили,

Но я изъ храбрыхъ и съ тобой остаюсь..

Д. Хозѣ. Я развѣ угрожаю?

Прошу лишь, умоляю!

Я все забылъ, Карменъ,

Я все забылъ и прощаю!

Да, мы съ тобой вдвоемъ

Жизнь должны начать иную,

Счастье найдемъ въ краю чужомъ!

Карменъ. Всѣ мечты твои напрасны,

Карменъ никогда не лжетъ.

Ея души измѣнить невозможно,

Любви ея возврата нѣтъ.

Запомни эти слова.

Между нами кончено все.

Д. Хозѣ. Разлюбила ты меня?**Карменъ.** Да, тебя я больше не люблю.**Д. Хозѣ.** Но я, какъ прежде, обожаю,

Карменъ, тебѣ я все прощаю!

Карменъ. Къ чему же это все?

Слова теряешь ты.

Д. Хозѣ. Карменъ, тебя я обожаю!

Святой любви моей,

Не покидай меня, Карменъ,

Не покидай меня!

Карменъ. Мольбы напрасны—не уступлю!

Свободной рождена, свободной и умру.

Хоръ. Побѣда!**Д. Хозѣ.** Еще въ послѣдній разъ, демонъ,

Пойдешь ты за мной?

Карменъ. Нѣтъ, нѣтъ!

Вотъ кольцо, что ты мнѣ

Когда-то далъ... возьми...

Д. Хозѣ. Итакъ! умри!**Хоръ.** Тореадоръ, смѣлѣе,

Тореадоры! Тореадоры!

Помни, что въ часъ борьбы твоей кровавой

Черный глазокъ блеститъ живѣе,

И ждетъ тебя любовь!

Тореадоръ, да, ждетъ любовь!

Д. Хозѣ. Возьмите меня!

Предъ вами—я убійца!

Карменъ!

Карменъ.—Бизе.*3-й актъ. Арія Микаэлы.*

Хоть я и кажуся безстрашной,
 Хоть говорю, что отважна въ душѣ,
 Но я рѣшилась на шагъ опасный
 И сердце страхомъ трепещетъ во мнѣ.
 Здѣсь мрачно все, видъ унылый,
 Быть одна я боюсь; что жъ такъ меня страшитъ?
 Ангеловъ Божьихъ рой легкокрылый
 И здѣсь отъ зла хранить меня.
 Ахъ! Господь и здѣсь меня хранить!

№ 23495.

М. А. Михайлова.

Волшебный стрѣлокъ.—Вебера.*2-е дѣйствіе. Арія Энхенъ.*

Вмѣсто ласки эти глазки
 Горькихъ слезъ опять полны. } bis.
 Все смѣясь, не смолкая,
 Зажигая, увлекая, всѣхъ собою восхищая,
 Вотъ что, вотъ что глазки тѣ должны.
 Будешь жить ты въ кельѣ,
 Прочь гони веселье,
 А теперь вокругъ взгляни—
 Нетерпѣньемъ всѣ сгораютъ, } bis.
 Вашей свадьбы ожидаютъ.
 Наступаютъ счастья дни, } bis.
 Наступаютъ, другъ мой, счастья дни!

№ 23497.

М. А. Михайлова.

Волшебный стрѣлокъ.—Вебера.*2-е дѣйствіе. Молитва Агаты.*

О! Мольбы мои, летите,
 До небесъ святыхъ дойдите,
 Духи неба донесите
 До Творца мольбу мою вы!
 Звѣзды блещутъ такъ на небѣ,
 Но вдали стемнѣло такъ!
 Знать туча тамъ собралась,
 Буревѣстница она!
 Тамъ за лѣсомъ все такъ мрачно,
 Покрыто тьмою все!
 О! Господь, услышь моленье,
 Ты разсѣй всѣ опасенья,
 И твоимъ благословеньемъ,
 Осѣни мою любовь ты!

Заза.—Леонковалло.*1-е дѣйствіе. Дуэтъ Заза и Каскара.*

Каскаръ. Понять нельзя,
Мой милый другъ, тебя,
Ужели ты въ нашъ садъ
Войти боишься?

Заза. Я не пойду туда,
Въ саду теперь такая темнота.

Каскаръ. Такъ ты боишься злой молвы?

Заза. Но что сказать хотите вы?

Каскаръ. Что я хочу?

Лишь поцѣлуй.

Заза. Ахъ, право вы съума сошли.

Каскаръ. Лишь поцѣлуй!

Заза. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Каскаръ. Лишь поцѣлуй!

Заза. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Цѣловать! Здѣсь въ саду?..

Я грѣшить не хочу!

А вдругъ мама придетъ!

Я пропала, я скандала не снесу!

Заза и Каскаръ вмѣстѣ.

Заза. А вдругъ мама придетъ!

Я пропала, я скандала не снесу!

Ахъ! цѣловать! Здѣсь въ саду?..

Нѣтъ, грѣшить не хочу!

Такъ сойди со ступенекъ немножко;

Скрыть тебя здѣсь сумѣю и я!

Каскаръ. Нѣтъ, смѣлѣй приходи!

Ахъ! Да, мой другъ, я прошу!

Но чего я ждѣю?

Такъ къ тебѣ я приду,

Другъ мой дорогой.

Поцѣлую тебя я скоро!

Заза.—Леонковалло.*2-е дѣйствіе. Арія Каскара.*

Слушай, Заза, слова Каскара,

Послушай друга, что посланъ былъ тебѣ судьбой,

Друга, что жилъ лишь одной тобою

И отъ бѣды тебя оберегалъ не разъ.

И тебя я прошу, тебя заклинаю

Служить тамъ искусству,

Всю жизнь ему, вѣчно.

Увлеклась ты, такъ что же?

Вѣдь всѣ мы грѣшны,

А увлеченье вѣдь мигъ,

А жизнь безконечна.

Нѣтъ, будь свободной ты,

И пусть звучитъ, какъ прежде,

Голосокъ твой звонкій и прелестный!

Любовь и нѣга пусть опять сольются

Въ тебѣ, Заза, въ одинъ аккордъ чудесный.

Рукошлесканья и восторги вызывай,

Цвѣты и лавры у ногъ твоихъ...

Вотъ это значитъ жить и наслаждаться!

Ахъ! Помни, другъ мой,

Проснись, приди въ себя!

Заза.—Леонковалло.*Дѣйствіе. Арія Заза.*

Ты вѣдь знаешь, что женщинъ легко бросаютъ
 И оставляютъ ихъ подчасъ съ малюткой,
 Какъ все доброе въ нихъ этимъ убиваютъ,
 Послѣ видятъ въ любви лишь злую шутку.
 Что ей дѣлать бѣдняжкѣ?
 Куда идти ей съ крошкой своимъ дрожащимъ и
 голоднымъ?
 Ребенокъ всѣмъ вѣдь въ тягость—это ужасно!
 Не найти состраданья въ сердцахъ холодныхъ...
 Моей матери слезы я вспоминаю
 И потому отъ сердца все ей прощаю.

Заза.—Леонковалло.*4-е дѣйствіе. Арія Каскара.*

Заза, милая крошка,
 Страсти безумной рабыня!
 Ты слезы льешь отъ горя
 И твоихъ безумныхъ страданій.
 Жаль, но надо еще страдать!
 Слезъ горькихъ, жгучихъ много
 Прежде, чѣмъ ты вернешься
 Вновь на старую дорогу!
 Свободнымъ его считала ты...
 Но не сбылись надежды...
 Нынче не онъ,—свободна ты!
 Долгъ свой исполни прежде,
 Долгъ твой святой!
 Отъ идилліи безмятежной
 Лишь только ложь осталась!
 Ручка ребенка нѣжнаго
 Долгъ твой тебѣ указала!
 Плачь, плачь надъ судьбой своей ты,
 Не забудь только долгъ свой святой.
 Верни Мильо семьѣ,
 Брось его, это твой долгъ.

Джіоконда.—Понкіелли.*2-е дѣйствіе. Арія Энцо.*

Море и небо! Воля мечтамъ,
 Стремятся къ звѣзднымъ небесамъ!
 Ангелъ мой, придешь ли съ неба
 Или съ моря принесешься?
 Я надеждой живой чаруюмъ
 Въ душѣ, о мой свѣтлый міръ.
 Что же ты медлишь?
 Вѣдь поцѣлуемъ къ жизни призванъ,
 Я стану счастливъ и великъ.
 Жду, надеждою чаруюмъ,
 Близокъ встрѣчи чудный мигъ,
 Къ жизни призванъ единымъ поцѣлуемъ
 Снова стану я счастливъ и великъ!
 Снова буду я здѣсь великъ.
 Приди ко мнѣ!

Мефистофель.—Бойто.**Прологъ.**

Ave Signor. Perdona se il mio gergo
 Si lascia un po'da tergo
 Le superne teodie del paradiso;
 Perdona se il mio viso
 Non porta il raggio che inghirlanda i crini
 Degli alti cherubini;
 Perdona se dicendo io corro rischio
 Di buscar qualche fischio:
 Il Dio piccin della picina terra
 Ognor traligna ed erra.
 E, al par di grillo saltellante, a caso
 Spinge fra gli astri il naso,
 Poi con tenace fatuità superba
 Fa il suo trillo nell'erba.
 Boriosa polve! tracotato atómo!
 Fantasima dell'uomo!
 E tale il fa quell'ebra ilusione
 Ch'egli chiama Ragione.
 Sì, Maestro divino, in bujo fondo
 Crolla il padron del mondo,
 E non mi dà più il cuor, tanto è fiaccato,
 Di tentarlo al peccato.

Переводъ.

Слава Творцу! Прости, коль мое слово
 Гнѣвъ вызвать Твой готово
 несходно съ мольбой духовъ предвѣчныхъ.
 Прости взоръ горделивый,
 Въ немъ нѣтъ того сіянья,
 Что въ глазахъ Серафимовъ
 Блестить непостижимо.
 Хоть я не жду успѣха,
 Но ради смѣха,
 Взглядъ сказать свой рѣшаюсь:
 Маль человѣкъ... мелкая часть вселенной
 Мнить себя вѣнцомъ творенья!
 Вѣчно повсюду любить онъ соваться,
 Во всѣ дѣла мѣшаться...
 Такъ стрекоза—хоть громко распѣваетъ,
 Все жъ въ травѣ трель кончаетъ!
 Онъ прахъ презрѣнный,
 Атомъ мірозданья,
 Химера ему названье!
 Я вижу въ немъ только стремленія пустыя,
 Все въ немъ призракъ мечты!
 Да! великій властитель, все бесполезно,
 Люди стремятся въ бездну,
 Имъ въ этомъ помогать
 Право не стоитъ—значить время терять!

Мефистофель.—Бойто.*1-е дѣйствіе. Арія Мефистофеля.*

Я—тотъ духъ, что отрицаетъ
 Все, и даже солнца лучъ.
 Злобный смѣхъ мой досаждаетъ
 Даже тѣмъ, кто тамъ могучъ.
 Низверженіе побѣдно
 Въ нѣдра царства моего,
 Въ нѣдра царства моего.
 Не бѣда, безъ слѣда
 Онъ исчезнетъ изъ него,
 Навсегда безъ слѣда...
 Свѣтъ вторгается побѣдно
 Въ нѣдра царства моего.
 Вновь исчезнетъ онъ безслѣдно изъ него.
 Ахъ, ха, ха, ха!
 Звукъ пушу на волю съ хохотомъ,
 Нѣтъ!
 Ахъ! ха, ха, ха.
 Повторю я съ воемъ, съ грохотомъ,
 Нѣтъ!
 Это не сгубитъ смѣхъ,
 Все покрою золотистымъ
 Свистомъ, свистомъ, свистомъ,
 Свистомъ, свистомъ,
 Часть того, что согласились
 Называть здѣсь царствомъ тьмы,
 Изъ нея мы появились
 И въ нее вернемся мы.
 Свѣтъ вторгается побѣдно
 Въ нѣдра царства моего.
 Не бѣда, безъ слѣда
 Вновь исчезнетъ изъ него.
 Навсегда безъ слѣда...
 Свѣтъ вторгается побѣдно
 Въ нѣдра царства моего.
 Вновь исчезнетъ онъ безслѣдно изъ него.
 Ахъ, ха, ха, ха!
 Звукъ пушу на волю хохотомъ,
 Нѣтъ!
 Ахъ, ха, ха, ха!
 Повторю я съ воемъ, съ грохотомъ
 Нѣтъ!
 Это не сгубитъ смѣхъ,
 Все покрою золотистымъ
 Свистомъ!

Мефистофель. — Бойто.*2-е дѣйствіе. Баллада о мірѣ.*

Вотъ онъ—міръ нашъ!
 Пусть и гладокъ.
 Незавидный въ немъ порядокъ!
 То взлетаетъ къ выси звѣздной,
 То спадаетъ снова въ бездны...
 Созидаетъ вдохновенно
 И мгновенно гибнетъ.
 Благодаренъ и плодотворенъ...
 Вдругъ негоденъ и покоренъ.
 И лукавый и преступный,
 То ужъ гордый, недоступный,
 То ползучій въ страхѣ, въ прахѣ...
 Мысль на всемъ земли просторѣ
 Вся въ раздорѣ.

Радость, шутки,
 Счастье, слава,
 Только звуки и забава...
 Въ пасти ада
 Быть вамъ надо.
 Слишкомъ строго
 Зачѣмъ придирается?
 На него же, на него же
 Нельзя не смѣяться.
 Все такъ ложно,
 Такъ ничтожно.
 Ха-ха-ха-ха!
 Вотъ онъ міръ, міръ хваленый!

Мефистофель. — Бойто.*3-е дѣйствіе. Дуэтъ въ темницѣ.*

Далеко, далеко, далеко...
 Гдѣ синее море глубоко,
 Есть островъ, волшебный пріютъ!
 Тамъ воздухъ напитанъ цвѣтами,
 Раскинулись пальмы шатрами
 И райскія птички поютъ!

Тамъ солнце искрится и блещетъ,
 Луна золотая трепещетъ,
 Лобзаясь съ волною морской...
 Тамъ вѣчное ждетъ упоенье, | bis.
 Свобода, любовь, наслажденье,
 Туда полетимъ мы съ тобой!
 Далеко... далеко... далеко!..

Мефистофель. — Бойто.*3-е дѣйствіе. Дуэтъ въ темницѣ.*

Далеко, далеко, далеко...
 На волнахъ, среди океана,
 Въ привольномъ просторѣ морскомъ,
 Въ роскошныхъ цвѣтахъ цвѣли пальмы.
 Покойная, тихая пристань,
 Лазурный мнѣ островъ предсталъ.
 Но нѣгой блистая лучезарной,
 Въ сіяніи радуги дивной,
 На солнцѣ играютъ лучи.

Куда все любовныя, полныхъ надежды
 Свободы довольной, на островъ прекрасный,
 На островъ прекрасный манилъ.
 Далеко, далеко, далеко...
 Куда все любовныя, полныхъ надежды
 Свободы довольной, на островъ прекрасный
 Все манилъ!
 Да, туда все манилъ.
 Далеко, далеко, далеко... (2 раза).

№ 2-22651.

Л. В. Собиновъ.

Мефистофель. — Бойто.*Эпilogъ. Арія Фауста.*

Вотъ я у предѣла, съ жизнью поконченъ счетъ;
 Душа сонъ дивный, смѣлый лелѣетъ и зоветъ,
 Лелѣетъ и зоветъ, да, душа лелѣетъ сонъ дивный,
 дорогой.
 Быть властителемъ народа страны большой,
 Прекрасной, гдѣ бы счастье, миръ,
 Свобода царили полновластно;
 Мудро тамъ создать законы,
 Что бы счастье всѣмъ давали,
 И гражданъ миллионы судьбу благословляли.
 Ахъ, если бъ я могъ видѣнья эти всѣ возвратить,
 Тогда я безъ сомнѣній могъ жизнь имъ посвятить.
 Въ этомъ счастье всей жизни,
 Въ этомъ цѣль бытія, да, счастье жизни всей.

Ромео и Джульетта.—Гуно.

2-е дѣйствіе. Каватина Ромео.

Солнце, скорѣе взойди, разгони сумракъ ночи!
На землю, точно очи,
Звѣзды съ небесъ глядятъ.
Солнце взойди, солнце взойди!
О, засіяй! О, засіяй!
Сіяй, сіяй, освѣти міръ опять!
Скорѣй, будь звѣздой моей!
Ангель милый вѣрно мечтастъ,
Расплетая шелкъ кудрей...
Сонъ сладостный призываетъ!
Любовь, неси мои признанья ей.
Что-то шепчетъ... какъ красива...
Я словъ ея не слыхалъ,
Но глаза такъ краснорѣчивы,
Сердцемъ ей я отвѣчалъ.
Солнце скорѣе взойди!
Разгони сумракъ ночи!
На землю, точно очи,
Звѣзды съ небесъ глядятъ...
Солнце, взойди, солнце взойди!
О, засіяй! О, засіяй!
Сіяй, сіяй, освѣти міръ опять!
Скорѣй, будь звѣздой моей!
О, взойди, освѣти міръ опять!
О, взойди!

Ромео и Джульетта.--Гуно.

2-е дѣйствіе. Арія Ромео.

О, солнца лучъ, взойди!
Звѣзды свѣтъ омрачая,
Тамъ на небѣ мерцаая,
Блѣдно горятъ онѣ.
Ахъ, засіяй! Ахъ, засіяй!
Скорѣй взойди!
Будь звѣздой моей!
Вотъ мечтастъ,
Вотъ распускаетъ
Косу дивную свою
И прядь ту она ласкаетъ.
Тебѣ, тебѣ, жизнь отдамъ свою!
Что-то шепчетъ,
Какъ прекрасна!
Ахъ! ничего не слыхать,
Но ее я понимаю:
Сердце можетъ все понять.
О, солнца лучъ, взойди!
Звѣзды свѣтъ омрачая...

и т. д.

Ромео и Джульетта.—Гуно.*2-е дѣйствіе. Арія Ромео.*

Любовь! любовь! Ты—ты одна
 Наполняешь мнѣ сердце!
 Что, какой-то свѣтъ засіялъ,
 Чудно такъ въ окнѣ завѣтномъ?
 Во тьмѣ ночной она блистаетъ, какъ звѣзда!
 Солнце, взойди скорѣй!
 Звѣзды свѣтъ омрачая,
 Тамъ на небѣ мерцаая,
 Блѣдно горятъ онѣ.
 Солнце взойди! Солнце взойди!
 Сіяй, сіяй, освѣти міръ опять!
 Вотъ мечтаетъ
 Вотъ распускаетъ,
 Косу дивную свою.
 О! Какъ она прекрасна!
 Тебѣ, тебѣ мои признанья шлю.
 Что-то шепчетъ...
 Какъ прекрасна!
 Ахъ! Словъ ея не слыхать,
 Но ее я понимаю:
 Сердце можетъ все понять!
 Солнце взойди скорѣй!
 Звѣзды свѣтъ омрачая...

и т. д.

Колоколъ пустынника.*Куплеты.*

Въ компаніи сидя,
 Что всего милѣе, да, милѣе?
 Выпивка!
 Намъ всего милѣй, да, милѣй!
 Выпьемъ, собутыльникъ мой,
 Словомъ я и дѣломъ твой!
 Мы съ тобой сегодня пьемъ,
 Завтра жъ, можетъ быть, умремъ!
 Итакъ, итакъ...
 Что, въ компаніи сидя, }
 Намъ всего милѣй? } bis.
 Выпивка!

Съ прекраснымъ поломъ
 Что всего нужнѣе?
 Выдержка!
 Женщинамъ пріятень тотъ,
 Кто атакой ихъ беретъ.
 Кто, не тратя лишнихъ словъ,
 Цѣловать ихъ каждый день готовъ.
 Итакъ, итакъ...
 Что съ прекраснымъ поломъ }
 Намъ всего нужнѣй? } bis.
 Выдержка!

Сафо.—Гуно.

Стансы Сафо.

Лира, бессмертная лира!
 Ты услаждала мнѣ путь
 Этого скорбнаго міра,
 Свѣтъ проливала мнѣ въ грудь.
 Нѣтъ въ душѣ упованья,
 И утратила ты
 Власть своей красоты.
 Гдѣ же твое обаянье?
 Много я страдала.
 О, раскройся, могила моя..
 Бьетъ мой часъ роковой,
 Бьетъ мой часъ..
 И часъ мой бьетъ, насталь мой часъ!

№ 2-23236.

Р. Е. Радина-Фигнеръ.

Тоска.—Пуччини.

2-е дѣйствіе. Молитва Тоски.

Жизнь искусству, любви посвятила,
 Зла я никому никогда не желала..
 Часто, незримо, многимъ въ нуждѣ помогала.
 Богу я съ вѣрой молилась,
 Къ селеньямъ райскимъ летѣла
 Молитва моя.
 Всегда я съ дѣтской вѣрой
 Въ храмъ цвѣтокъ приносила.
 За что же я страдаю,
 За что, за что страдаю?..
 Услышь меня, услышишь ли Господь?
 Въ храмъ приносила золото и каменья,
 И пѣсни возносила я къ небу,
 Къ звѣздамъ, къ верхнимъ селеньямъ.
 Ахъ, что же цѣль мольбы?
 Ахъ, за что же казнить,
 За что, за что?..

II-я часть. ОПЕРЕТКИ.

№ 3-22713.

Н. Г. Сѣверскій.

№ 3-22953 *).

О. И. Каміонскій.

Веселая вдова.—Легара.

Пѣснь о качеляхъ. Голлендера.

Ахъ, въ дни чарующей весны,
Восторга души всѣ полны,
Невольно все ласкаетъ взглядъ;
И птичекъ рой, и пчелокъ рядъ...
Подъ сѣнью липы вѣковой
Не истомитъ насъ солнца зной...
Качаясь мѣрно взадъ, впередъ,
Забвенье каждый тутъ найдетъ!

Тихо и плавно качаясь,
Горе забудемъ вполнѣ,
Отдыхомъ всласть наслаждаясь,
Гимнъ мы поемъ веснѣ.
Слышатся звуки свирѣли,
Слышенъ таинственный звонъ...
Мѣрно качайтесь качели,
И сладкій навѣйте всѣмъ сонъ!

А въ старомъ паркѣ, вечеркомъ,
Все пары шепчутся тайкомъ,
Вздыхаютъ нѣжно тамъ и тутъ,
И первый поцѣлуй сорвутъ...
Клянется онъ, молчитъ она,
Но вотъ волшебница весна
Все дѣло мигомъ смастерить
И ихъ сердца соединить.

Тихо и т. д.

*) № 3-22953 поетъ только первый куплетъ.

Гаспаронъ.—Миллекера.

Вальсъ.

Мужъ въ каждомъ домѣ всегда глава,
 Только на дѣлѣ все вздоръ, слова;
 Совсѣмъ не такъ глядятъ на бракъ
 Жены всѣ безъ сомнѣнья.
 Мужъ за дверями не разъ стоитъ,
 Такъ какъ другъ дома съ женой сидитъ
 Наединѣ; у насъ женѣ не знакомо стѣсненье.
 Встать съ постели рано какъ-то даже странно;
 Поздно она встаетъ, часъ туалетъ займетъ;
 Мужъ несомнѣнно ужъ всталъ давно,
 Дѣлъ имѣетъ груду, самъ хлопочетъ всюду.
 Лѣнь у жены сильна, нѣга лишь ей нужна;
 Ей быть хозяйкой смѣшно.

Къ ней ходитъ другъ дома
 Молодой брюнетъ, нѣжный пѣтъ дуэтъ;
 Мужу пѣснь его знакома,
 Пѣньемъ часто онъ возмущенъ.
 Мужъ занятъ стряпнею;
 Долженъ видѣть самъ все ль готово тамъ,
 Такъ какъ въ этотъ день женою
 Приглашенъ сосѣдъ на обѣдъ.
 Твердитъ жена:
 Ты въ кухню ступай!
 Чего шумять тамъ дѣти, узнай;
 Мы здѣсь поемъ, стѣсняешь ты насъ
 И онъ уйдетъ тотчасъ.

Сидитъ съ женою другъ дома вдвоемъ,
 Его поятъ прекраснымъ виномъ;
 Онъ на нее съ волненіемъ глядитъ
 И о любви твердитъ.
 О, муженекъ бѣднякъ,
 Долженъ страдать ты такъ!
 Нѣтъ, это не вздоръ,
 Стыдъ и позоръ.
 Мужъ въ каждомъ домѣ
 Всегда глава,
 Только на дѣлѣ все вздоръ, слова;
 Совсѣмъ не такъ глядятъ на бракъ
 ены всѣ безъ сомнѣнья.
 Мужъ за дверями не разъ стоитъ,
 Такъ какъ другъ дома съ женой сидитъ
 Наединѣ; у насъ женѣ не знакомо стѣсненье.

Гейша.—С. Джонса.

2-е дѣйствіе. Куплеты Вун-Чхи.

Ли-хун-чангъ, вернувшись изъ поѣздки въ край
родной,

Восхищался сильно нашей чудною страной
И сказалъ: объѣхалъ я почти что цѣлый свѣтъ,
Но Китай лучше подъ луною мѣста нѣтъ.

Китъ-китъ-китъ-Китай

Что за чудный край!

Что ни шагъ—масса благъ,

Всюду чудеса.

Китъ-китъ-китъ-Китай,

Что за дивный чай,

Рисъ китайскій твой и коса!

Не нужны китайцамъ европейскія дѣла,
Собственнымъ исторіямъ, скандаламъ нѣтъ числа.
Трудно передѣлать насъ на европейскій ладъ,
И китаецъ мудрый новымъ выдумкамъ не радъ.

Китъ-китъ и т. д.

Весело, безпечно мы въ Китаѣ всѣ живемъ,
Водочку казенную изрядно-таки пьемъ.
Боксомъ развлекаемся, чего жъ еще желать?
Намъ на просвѣщеніе сугубо наплевать.

Китъ-китъ и т. д.

Нѣтъ у насъ голодныхъ, исчезаетъ бѣднота,
Гдѣ вы ни заглянете: порядокъ, чистота.
Всѣ живемъ спокойно, ну, просто, благодать,
Руки вверхъ не принято на улицахъ кричать.

Китъ-китъ и т. д.

Очень предприимчивый китайскій весь народъ;
Любить потрудиться онъ, работать круглый годъ.
Всѣ идутъ дѣла у насъ отлично, на ура,
И на забастовки мы большіе мастера.

Китъ-китъ и т. д.

Гейша.—С. Джонса.

1-е дѣйствіе. Куплеты Бунингама.

Однажды поплыль на востокъ
 Добрый принцъ—его звали Томъ-Якки,
 Взялъ съ собой то, что могъ:
 И табакъ свой, и грогъ,
 И причалилъ къ брегамъ Нагасаки.
 Онъ попалъ тамъ въ чудный пріютъ,
 И въ него тамъ влюбилась японка;
 Эту дѣвушку тутъ,
 Просто, Хеппи, зовутъ,
 Свои пѣсенки пѣла такъ звонко.

Якки съ гордостью несъ свое кэпи
 На свиданье съ хорошенькой Хеппи,
 Но японскій языкъ
 Очень плохо постигъ
 И твердилъ ей: О, Хеппи, Хеппъ, Хеппи.)

bis.

Ей чуждъ былъ языкъ моряка—
 Но съ любовью бороться напрасно!
 Рѣчь любви такъ легка,
 Не поймешь языка,—
 Поцѣлуешь—и станетъ все ясно.
 Воркуя съ голубкой своей,
 Онъ бродилъ по садамъ Нагасаки;
 Хеппи стала нѣжнѣй,
 Хеппи стала дружнѣй—
 Побѣдилъ ее храбрый тамъ Якки!

На головку надѣвъ его кэпи,
 Стала вдвое милѣй, просто, Хеппи,
 И хваля моряка,
 Повторяла она:
 Что за счастье: О Хеппи, Хеппъ, Хеппи!)

bis.

Заза.—Вилинскаго.

Баллада.

Жилъ знатный графъ съ своей женой
 Въ старинномъ замкѣ надъ рѣкой;
 Вдали волшебный лѣсъ шумѣлъ,
 Въ него войти никто не смѣлъ;
 Въ лѣсу томъ часто по ночамъ
 Слышали стоны здѣсь и тамъ.
 И чья-то пѣснь, тоски полна,
 Была не разъ въ лѣсу слышна;—
 „Я здѣсь, желанный мой,
 Томлюсь въ неволѣ злой,
 Приди, молю: приди, меня освободи!
 Я здѣсь, другъ мой, въ неволѣ злой.
 Молю: приди, меня освободи!“

Корневильскіе колокола.—

Планкетта.

1-е дѣйствіе. Арія Маркиза (вальсъ).

Ходилъ три раза кругомъ свѣта,
 Я научился храбрымъ быть,
 Пришлась по сердцу жизнь мнѣ эта,
 Никто меня не утрашитъ.
 Въ моемъ скитаньи кругомъ свѣта,
 Я научился храбрымъ быть!
 Ахъ, въ моемъ скитаньи
 Много страданья
 И испытанья, но имъ взамѣнъ,
 Что наслажденій, любви волненій,
 Сладкихъ стремленій, любовныхъ сценъ.
 Итальянки, Нѣмки, Испанки и Англичанки,
 Словомъ весь міръ—
 Любовь дарили, къ себѣ манили,
 Создать сулили мнѣ мой кумиръ.
 Всегда безпечно, твердилъ имъ вѣчно,
 Тебя, конечно, одну я люблю,
 Но увѣренья, черезъ мгновенье,
 Какъ заблужденье, я признаю.
 Одно видѣнье, что наслажденье,
 Какъ привидѣнье, я признаю,
 Предъ мной предстало, сердце сковало.
 Ему быть вѣрнымъ вѣчно—клянусь.
 Ему быть вѣрнымъ вѣчно—клянусь
 Да.
 Страна родная, я умоляю
 И заклинаю меня спаси.
 Вѣтеръ родимый, образъ любимый,
 Вѣрно хранимый, мнѣ принеси!
 Я въ ожиданьи, чтобъ часъ свиданья
 За всѣ страданья вновь наступилъ,
 Счастье такое, чувство святое
 Мнѣ дорогое, страданьемъ купилъ.

№ 3-22917.

О. И. Каміонскій.

Корневильскіе колокола.—

Планкетта.

3-е дѣйствіе. Арія Маркиза.

Служанка-ль вы, не все ль равно мнѣ,
 Съ тѣхъ поръ, какъ плаваю я по морямъ;
 Титулъ свой забылъ я давно,
 Принадлежу я всѣмъ странамъ.
 Не знатности твоей приманка
 Опять мнѣ сердце согласить:
 Вѣдь для меня ты не служанка, }
 Какъ я не графъ и не маркизь. } bis.

Меня терзаешь ты напрасно,
 Отказомъ злымъ меня губя,
 Тебя люблю я пылко, страстно,
 И не могу жить безъ тебя.
 Не знатности твоей приманка
 Опять мнѣ сердце согласить
 И для меня ты не служанка,
 Какъ я не графъ и не маркизь.

Маскотта.—Одрана.*1-е дѣйствіе. Баллада Пино.*

Живемъ мы на свѣтѣ трудясь,
 Печальны, бѣдны и суровы,
 И счастье находимъ подчасъ,
 Съ находкой желѣзной подковы.
 Тутъ ладится, хоть изрѣдка,
 Но въ ладонкѣ тоже есть сила,
 Хоть, впрочемъ, тутъ не безъ грѣшка;
 Но всякому счастье мило!
 Да, какъ узнать и какъ найти,
 Что можетъ счастье принести,
 Что осѣнить насъ благодатно, } *bis.*
 Чтобъ жить пріятно?

Иному везетъ оттого,
 Что холить онъ, растить рябинку,
 Но кажется лучше всего,
 Пригрѣть, пріютить сиротинку.
 Тутъ, слышь ты, все ладно пойдетъ,
 Сироточки—Божія дѣти,
 А впрочемъ тоже, кто разберетъ?
 Вѣдь и мудренаго много на свѣтѣ.
 Да, какъ узнать, и какъ найти...

и т. д.

№ 3-24603.

Хоръ О-ва Граммофонъ

Маскотта.—Одрана.*1-е дѣйствіе. Хоръ о винѣ.*

Гдѣ вино, тамъ исчезаютъ
 Грусть и горе и тоска,
 Тамъ печаль не глубока,
 Тамъ не плачутъ, не страдаютъ.

Припѣвъ.

Польза въ немъ вся на лицо!
 Глу-глу-глу-глу-глу-глу! } *bis.*
 Лейся милое вино!
 Глу-глу-глу-глу-глу-глу!

Гдѣ вино, тамъ смѣхъ и радость
 Тамъ веселіе царить,
 Тамъ однимъ огнемъ горитъ } *bis.*
 Какъ и старость, такъ и младость.

Припѣвъ.

Да, польза въ немъ вся налицо!
 Лейся милое вино!
 Дѣло кончено благое,
 Собранъ зрѣлый виноградъ,
 И блеститъ вино молодое,
 Разливая ароматъ.
 Хоть пришлось намъ потрудиться.
 Но зато вѣдь, какъ всегда,
 Не грѣшно и веселиться
 Съ окончаніемъ труда.
 Осушайте же стаканы,
 Такъ у насъ заведено:
 И къ труду мы очень рьяны,
 И да здравствуетъ вино!
 Ура! Да здравствуетъ вино!

Максимисты. — Голлендера.*1-е дѣйствіе. Пѣснь о казино.*

Врагомъ мѣщанской жизни правилъ
 Всегда былъ, грѣшный человѣкъ.
 Ихъ смолоду ни въ грошъ не ставилъ,
 Такимъ же кончу я свой вѣкъ.
 Весь день я сплю всегда охотно,
 Когда жъ весь свѣтъ идетъ ко сну,
 Тогда встаю я беззаботно —
 Ночную жизнь свою начну.
 Я солнца врагъ, пришла же ночь —
 Вотъ тутъ то я пожить не прочь.
 Спѣшу немедля въ казино,
 Гдѣ пѣсни, женщины, вино.
 Тамъ Нина ждетъ, и Маня съ ней,
 Не знаю Нади я пѣжнѣй,
 И Варя такъ со мной мила,
 Вель съ Олей тоже я дѣла!
 Люблю я казино, люблю я женщинъ и вино!

Замужнимъ дамамъ честь и слава,
 Когда мужьямъ онѣ вѣрны,
 Но вѣрность для любви отравя
 И мнѣ такія не нужны.
 Я нахожу, что постоянства,
 Въ любви держаться лишь смѣшно.
 И какъ въ любви, такъ и для пьянства,
 Мѣняю женщинъ и вино.
 Мнѣ вѣрность не нужна у дамъ
 И клятвъ имъ не даю я самъ!
 Вотъ почему другъ казино,
 Гдѣ пѣсни, женщины, вино.
 Тамъ Минна ѣстъ а Маня пьетъ
 И Надя въ долгъ у всѣхъ беретъ,
 На Варѣ платье изъ шелковъ,
 А Оля ловитъ дураковъ.
 Люблю я казино, люблю я женщинъ и вино!

Новые цыганскіе романсы. —**Сѣверскаго.***2-е дѣйствіе. Романсъ Дмитрія.*

Разстались мы... любви конецъ!
 Нѣтъ больше ласкъ, нѣтъ больше слезъ;
 Исчезъ навѣкъ огонь сердецъ,
 Изсякъ источникъ дивныхъ грезъ...
 И если послѣ столькихъ лѣтъ
 Вернуть былое хочешь ты,
 Такъ знай, любви возврата нѣтъ,
 Оставь напрасныя мечты!..

Новые цыганскіе романсы.— Сѣверскаго.

1-е дѣйствіе. Романсъ Дмитрія.

Ночка спустилась на землю,
Мѣсяцъ глядитъ межъ вѣтвей,
Жадно я пѣснѣ той внемлю,
Что мнѣ поетъ соловей.
Льются мнѣ въ душу волшебные звуки,
Чувства забытыя будятъ въ ней вновь:
Радость свиданья, горе разлуки
И молодую святую любовь.
Жду я съ восторгомъ свиданья...
Какъ эта ночь хороша!..
Полонъ я весь ожиданья,
Жаждетъ отвѣта душа!..

Ночь любви.—Валентинова.

1-е дѣйствіе. Баллада.

Не ходите вы, дѣвицы,
Поздно въ темный лѣсъ гадать.
Есть такія небылицы,
Что и въ сказкахъ не сказать.
Тамъ въ избушкѣ старая колдунья
Много лѣтъ подрядъ живетъ;
Берегитесь, дряхлая ворчунья
Васъ къ добру не доведетъ:
Станетъ съ миною лукавой
Васъ допрашивать, пытатъ,
И рукой своей костлявой
Косы дѣвичьи чесать.
Карты вамъ таинственно разложить,
Зелья тоже дастъ испить,
Силой злой къ вамъ парня приворожить
И заставить полюбить! Любить!

Припѣвъ. Вы не вѣрьте этимъ чарамъ,
Не ходите вы туда,
Или съ вами тамъ не даромъ
Можетъ встрѣтиться бѣда!

Сердце трепетно забьется,
Закипитъ младая кровь;
Дьяволъ въ парня обернется
И возьметъ твою любовь.
Сны онъ вамъ волшебные навѣетъ,
Про колечко тожъ шепнетъ,
На груди васъ ласково пригрѣетъ,
Пѣснь любовную споетъ.
Умъ отъ счастья помутится,
Пропадетъ навѣкъ покой!
Поздно будетъ ужъ молиться
И сойти съ стези такой.
Всю изсушитъ сладкое томленье,
Страсть и дѣвичій задоръ,
И исчезнетъ дивное видѣнье
И останется позоръ! Позоръ!

Припѣвъ.

Ночь любви.—Валентинова.*1-е дѣйствіе. Баллада.*

Не ходите вы, дѣвицы,
 Поздно ночью въ лѣсъ гадать,
 Есть такія небылицы,
 Что и въ сказкахъ не сказать.
 Тамъ въ избушкѣ старая колдунья
 Много лѣтъ подъ рядъ живетъ;
 Берегитесь, дряхлая ворчунья
 Васъ къ добру не доведетъ,
 Станетъ съ миною лукавой
 Васъ допрашивать, пытатъ,
 И рукой своей костлявой
 Косы дѣвичьи чесать.
 Всю изсушитъ сладкое томленье,
 Страсть и дѣвичій задоръ,
 И исчезнетъ дивное видѣнье
 И останется позоръ! Позоръ!
 Не ходите вы дѣвицы
 Поздно ночью въ лѣсъ гадать.
 Есть такія небылицы,
 Что и въ сказкѣ не сказать.
 Вы не вѣрьте этимъ чарамъ,
 Не ходите вы туда!
 Или съ вами тамъ не даромъ
 Можетъ встрѣтиться бѣда.

№ 3-22681.

А. М. Давыдовъ

Прекрасная Елена.—Оффенбаха.*1-е дѣйствіе. Куплеты Париса.*

Три богини спорить стали
 На горѣ въ вечерній часъ:
 Кто изъ троихъ, онѣ сказали,
 Всѣхъ прекраснѣе изъ насъ?
 Эво-э, богини эти, чтобы юношу плѣнить,
 Эво-э, богини эти, какъ вѣдь могутъ
 насмѣшить,
 Да, какъ вѣдь могутъ насмѣшить!
 Что же тутъ то происходитъ
 Отъ богинь невдалекѣ?
 Милый юноша проходитъ
 Съ чуднымъ яблочкомъ въ рукѣ.
 Ахъ, ты, красавецъ, будь судьей,
 Изъ троихъ изъ насъ узнай,
 Кто прелестнѣе собою,
 Той ты яблочко отдай.
 Эво-э, богини эти, и т. д.
 Ну, а третья, эта третья
 Промолчала, но предъ ней
 Страсть не могъ преодолѣть я,
 Отдалъ яблочко я ей.
 Эво-э, богини эти и т. д.

Рай Магомета.—Планкетта.

Куплеты принца.

Имѣю честь представиться:
 Принцъ „весь для дамъ“.
 Всегда любезный, безъ стѣсненья,
 Зовуся добрымъ малымъ я.
 Люблю картишки, угощенье,
 Но юбки, юбки страсть моя.
 Близъ юбки все я забываю
 Ея шуршаньемъ опьяненъ,
 Гдѣ только женщину встрѣчаю,
 Я внѣ себя, совсѣмъ сраженъ.
 Не слаще для меня гостинца,
 Я лакомлюсь и здѣсь и тамъ,
 Въ восторгѣ всѣ кругомъ отъ принца,
 Отъ принца „весь для дамъ“.
 Толста иль не полнѣй медынца,
 Красотка будь кругомъ что домъ,
 Для принца, для принца,
 Ручаюсь въ этомъ вамъ,
 Бѣды большой въ томъ нѣтъ для принца,
 Для принца, принца „весь для дамъ“.

Любой высокій столбъ призами
 Всегда прельщаешь ты меня,
 Чтобы своими взять руками
 Наверхъ совсѣмъ полѣзу я.
 Чѣмъ выше надобно взбираться,
 Тѣмъ увлекаюсь я сильнѣй,
 Ахъ, мнѣ такъ хочется добраться
 До призовъ чудныхъ поскорѣй.
 Не слаще для меня гостинца,
 Я лакомлюсь и здѣсь и тамъ.
 Въ восторгѣ всѣ кругомъ отъ принца,
 Отъ принца, принца „весь для дамъ“.
 Толста иль не полнѣй медынца,
 Красотка будь кругомъ, что домъ,
 Для принца, для принца,
 Ручаюсь въ этомъ вамъ,
 Бѣды большой въ томъ нѣтъ для принца,
 Для принца, принца „весь для дамъ“.

Рай Магомета.—Планкетта.*Куплеты принца.*

Я колыбелькой быть желаю,
 Чтобъ мнѣ одну тебя качать;
 Быть сигареткою мечтаю,
 Чтобъ твои губки цѣловать!
 И голубкомъ бы обратиться,
 Чтобъ ворковать въ тиши съ тобой.
 Я бъ хотѣлъ вкругъ тебя обвиться,
 Хоть въ паутинку превратиться,
 Чтобы связать тебя съ собой!..
 Я быть курильницей желаю,
 Чтобъ ароматомъ опьянять;
 Быть шведской спичкою мечтаю,
 Чтобъ огонекъ твой разжигать;
 Готовъ козломъ я обратиться,
 Чтобъ показать, какъ я терплю!
 Я бъ хотѣлъ въ подвязку превратиться,
 Вкругъ ноги твоей обвиться,
 Чтобъ доказать, какъ я люблю!

Сердце и рука.—Лекока.*Арія Газмана.*

О, въ этотъ часъ, часъ упоенья,
 Поклонусь тебѣ, ангелъ мой,
 Что я женюсь по принужденью,
 Что очарованъ твоей красотой!
 Буду мужемъ лишь по названью,
 Женѣ дамъ руку, не любя,
 О, но сердце, полное очарованья,
 Берегу для тебя!
 Но сердце полное очарованья,
 Берегу я, о, другъ нѣжный, для тебя!
 Ты такъ мила, ты такъ прекрасна,
 Взглядъ неземной восторгъ сулить—
 Крестьянку герцога любить страстно;
 Ей на колѣняхъ готовъ говорить:
 О, услышь пылкое признание,
 Вѣрь, что я женюсь не любя,
 О, но сердце, полное очарованья,
 Берегу для тебя!
 Но сердце, полное очарованья,
 Берегу я, о, другъ нѣжный, для тебя!

Сердце и рука.—Лекока.*Пѣснь о каскѣ.*

Въ полку армейскомъ адъютантикъ
 Изволилъ мирно проживать;
 Но разъ надумалъ юный франтикъ
 Кавалеристомъ храбрымъ стать.
 Каской блестящей франтъ плѣнился
 И сталъ онъ ею щеголять.
 Дѣло; планъ осуществился,
 И высоко сталъ носъ онъ драть.
 Ратапланъ, ратапланъ,
 Кто съ военными сравнится,
 Кто военнымъ не дивится,
 Тутъ ловкость нужна, ратапланъ.
 Былъ въ каскѣ франтъ, какъ ни ужасно,
 И очень скоро побѣдилъ
 Сердечко дѣвушки прекрасной,
 Съ которой вскорѣ въ бракъ вступилъ.
 Но какъ тѣ перья развивались.
 Одинъ восторгъ взглянуть на нихъ!
 На свадьбѣ гости любовались
 И любовался самъ женихъ.

Ратапланъ, ратапланъ и т. д.
 Конецъ печальный этой сказкѣ,
 Но и забавный вмѣстѣ съ тѣмъ:
 Такъ долго думалъ мужъ о каскѣ,
 Что про жену забылъ совсѣмъ.
 Настало разочарованье,
 Жена не могла слезъ сдержать,
 И, черезъ день послѣ вѣнчанія,
 Сталъ мужъ холостякомъ опять!
 Ратапланъ, ратапланъ и т. д.

Судъ боговъ.—Вилинскаго.*Гимнъ любви.*

Ярко свѣтитъ луна,
 Тихо плещетъ волна,
 Спятъ Аѳины въ объятяхъ Морфея.
 И любовью горя,
 Лишь погаснетъ заря,
 Прихожу я къ тебѣ, моя фея.
 Пѣсней нѣжной своей,
 Въ честь прелестныхъ очей,
 Страсть въ тебѣ, мой кумиръ, пробужу.
 Что мнѣ дѣлать съ тобой,
 Если жажду душой
 Одного твоего поцѣлуя?
 И горы, и лѣсъ,
 И синее море,
 И звѣзды съ небесъ
 Слились въ общемъ хорѣ.
 И славить весь міръ,
 Отъ края до края,
 Тебя, мой кумиръ,
 Моя дорогая.

Судъ боговъ. — Вилинскаго.

Арія Аполлона.

Тоска, опять тоска,
Что дѣлать мнѣ съ собой?
Увы, нѣтъ больше силъ
И негдѣ почерпнуть.
Насталъ тотъ часъ,
Когда надеждою пустою
Небо меня уже не можетъ обмануть.
Безслѣдно не прошелъ
Я страсть очарованій,
Мнѣ слишкомъ дорого
Достался опытъ мой;
И оттого теперь вѣнцомъ моихъ желаній
Является одинъ лишь саванъ гробовой.
Когда бъ я только могъ,
Когда бъ я только смѣлъ,
Я отдалъ бы всю жизнь
За смертнаго удѣлъ.

Весь міръ противенъ мнѣ,
Терзаюсь я невольно
Счастливецемъ съ завистью
Зовутъ меня кругомъ.
Счастливецъ! О, Зевесъ,
Какъ слышать это больно
И какъ безсиленъ я
Въ величїи своемъ.
Безсиленъ я ужъ тѣмъ,
Что богу все доступно,
Могилой кажетъ мнѣ
Мой золотой чертогъ.
Да, какъ меня гнететъ
И гложетъ неотступно,
Зачѣмъ не смертный я,
Зачѣмъ, зачѣмъ я богъ?!
Когда бъ я только могъ,
Когда бъ я только смѣлъ,
Я отдалъ бы всю власть
За смертнаго удѣлъ.

Хаджи-Муратъ.—Деккеръ-Шенка.*Арія.*

Что дѣлать? Что дѣлать?
 Она бѣжала и скрылась куда то,
 Хотя она привѣтливо прощалась,
 Ласкалась ко мнѣ, какъ дитя.
 Какъ ночь наступила, хватился—
 Оружья нѣтъ, нѣтъ ея;
 Я сѣлъ на коня и пустился
 Догнать тутъ желанье мое.
 Тогда дитя и плутовку
 Скорѣй догоняй и потомъ
 Ей станетъ за эту уловку,
 Станетъ тюрьмою мой домъ.
 Ахъ, Боже, какъ сердце забилося!
 Что дѣлать, я просто не свой,
 Счастье мое закатилось,
 Какъ солнце вдали за горой!
 Любовь моя чистая, святая,
 Готовъ я жизнь ей отдать.
 Объ этомъ и прежде мечтаю,
 Я могъ только молча страдать. } bis.

Хаджи-Муратъ.—Деккеръ-Шенка.*Арія 1-го дѣйствія.*

Шпіонъ потихоньку прокрался
 Въ деревню, гдѣ рѣжутъ и бьютъ;
 Джигитовъ грузинскихъ боялся,
 Хотя они мирно живутъ.
 Какъ волки и хищные звѣри
 Бросаются въ схватку, и вотъ
 Теперь растворились всѣ двери,—
 Пустили шпіона впередъ.
 Сидитъ онъ, какъ гость, и спокойно
 Его угощаютъ, любя;
 Въдь это грузина достойно,
 Онъ господинъ у себя!
 Но если бы только случилось,
 Шпіона узнали,—бѣда,
 Дружина бы въ мигъ всполошилась,
 Его бь изрубили тогда!
 Грузинъ ненавидитъ лезгина,
 Бойтся его, какъ врага;
 Но вотъ вамъ какая картина:
 Шпіонъ — вашъ покорный слуга.
 Теперь онъ смѣется, мальчишка,
 Дурачитъ совѣмъ старика,
 И цѣли достигаетъ плутишка-мальчишка,
 Но эта шутка пока!
 Ты, старый шакаль, принимаешь
 Меня за шпіона, теперь!
 Но ты, между прочимъ, не знаешь, } bis.
 Что близокъ отъ васъ этотъ звѣрь.

Жюльетта изъ Нарбонны.

Куплеты графа Роже.

Съ восторгомъ вижу вновь я родину свою,
 Опять въ Провансѣ я, странѣ мнѣ столь любимой;
 Отдыхъ здѣсь нахожу и весело пою,
 И красотою люблю, красавицъ я люблю своихъ.
 О, край родимый!
 Я люблю войну, сраженье,
 И, когда иду на бой,
 Нахожу я тамъ забвенье
 И не дорожу собой.
 Пью вино я, за игрою
 Провести всю ночь готовъ,
 Но всего милѣй, не скрою,
 Мнѣ красотою любови!

Ахъ! для любви все на свѣтѣ

Забывай всегда,

Есть интрижка на примѣтѣ,—

Не зѣвай тогда!

Не зѣвайте вы тогда!

} bis.

Нѣтъ милѣ поцѣлуя
 Губокъ алыхъ, молодыхъ;
 Когда ручки нѣжно жму я,
 Все готовъ забыть для нихъ.
 Не одну уже бабенку
 Соблазнить пришлось мнѣ,
 Вѣренъ милому ребенку
 Цѣлыхъ три дня я вполнѣ!

Ахъ! для любви все на свѣтѣ

Забывай всегда,

Есть интрижка на примѣтѣ,

Не зѣвай тогда!

Не зѣвайте вы тогда!

} bis.

Ш-я часть.—РОМАНСЫ и ПѢСНИ.

№ 2-23319.

А. В. Нежданова.

№ 23477.

М. А. Михайлова.

Авѣ Маріа.—Гуно.

Дѣва Маріа, Ты всеблагая,
Ты пресвятая, Господь съ Тобой,
За насъ ты страдала,
Въ скорбяхъ утѣшала,
Мы прибѣгаемъ къ Тебѣ въ молитвы часъ.
Дѣва Маріа! Будь намъ покровомъ,
Въ царствѣ Христовомъ,
Молись за грѣшныхъ насъ, за насъ!

№ 3-22536.

А. М. Лабинскій.

Ангелъ.—Ром. Р. Вагнера.

Въ раннемъ дѣтствѣ все, бывало,
Я объ ангелахъ слыхалъ,
Что они рай покидаютъ
И на землю прилетаютъ
Къ тѣмъ, чье сердце здѣсь страдаетъ
И въ борьбѣ изнемогаетъ,
Къ тѣмъ, кто плачетъ молчаливо
И несетъ крестъ терпѣливо,
Умоляя лишь Творца,
Чтобы смерть скорѣй пришла!
Ангелъ къ нимъ съ небесъ идетъ,
Ихъ съ собою въ рай несетъ.
Свѣтлый ангелъ и ко мнѣ спустился,
Лучезарными крылами онъ развѣялъ скорбь мою
И мой духъ вознесъ къ Творцу!

№ 24261.

М. Михайлова и К. Тугаринова.

Ангелъ.—Рубинштейна.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кустами райскихъ садовъ;
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ,
И хвала его непритворна была.

Ахъ, я влюбленъ въ глаза одни. — Вилинскаго.

Ахъ, я влюбленъ въ глаза одни, —
 Я увлекаюсь ихъ игрою,
 Какъ дивно хороши они,
 Но чьи они, — я не открою.
 Въ моей душѣ растетъ гроза,
 Растетъ тоскуя и ликуя.
 Да! Я влюбленъ въ глаза одни,
 Но чьи они, — я не открою.
 Едва въ тѣни густыхъ рѣсницъ
 Блеснутъ опасными лучами,
 И я упасть готовъ ужъ ницъ
 Передъ волшебными очами.

№ 2-23142.

А. В. Нежданова.

Болеро. — Ц. Кюи.

О, мой милый, ненаглядный,
 Плыви скорѣй: любовь не ждетъ!
 Часъ свиданья, часъ отраднѣй
 Намъ ночь душистая несетъ.

Вдали напѣвъ знакомый льется,
 Вотъ бѣлѣтъ парусъ на волнахъ,
 То онъ плыветъ, то онъ несется
 Съ мандолиною въ рукахъ.

О, мой милый, ненаглядный,
 Плыви скорѣй: любовь не ждетъ!
 Часъ свиданья, часъ отраднѣй
 Намъ ночь душистая несетъ.

Струйки мчатся съ тихимъ плескомъ,
 Струйки шепчутъ въ тишинѣ,
 И алмазнымъ свѣтитъ блескомъ
 Даль рѣчная при лунѣ.

О, мой милый, ненаглядный,
 Плыви, плыви, скорѣе!
 И съ балкона наклоняясь,
 И прекрасна, и блѣдна,
 При лунѣ, къ нему ласкаясь,
 Тихой нѣжности полна,
 Обняла его она...

И льются съ неба свѣта волны,
 Звучить, какъ прежде, шопотъ струй;
 Замолкла пѣснь, уста безмолвны,
 Какъ вздохъ, пронесся поцѣлуй.

Благословляю васъ, лѣса.— Чайковского.

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса.
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную сумму,
И степь, отъ края и до края,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей нищій я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду.
О, еслибъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить!
О, еслибъ могъ въ мои объятія
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу, и всю природу,
Въ мои объятія заключить!

№ 2-23124.

В. де-Люце.

Варіаціи.—Проха.

Deh, torna mio bene,
Mio tenero amor,
Dà tregua alle pene
Del povero cor.
Per te questo sen
Più pace non ha,
Sol teco mio ben
Beato sarà.
Ah...

Переводъ.

Ахъ, вернись, моя радость,
Моя нѣжная любовь,
Прекрати страданья
Бѣднаго сердца.
Изъ-за тебя мое сердце
Не знаетъ больше покоя,
Только съ тобой, радость моя,
Оно счастливо будетъ.

№ 2-22237.

А. М. Лабинскій.

Варягъ.—Кюи.

Варягъ идетъ свершить свой подвигъ славный,
Принять ударъ, направленный судьбой,
Варягъ идетъ въ кровавый, грозный бой,
Предсмертный бой, жестокий и неравный.
За нимъ гремитъ привѣтъ родной страны,
Побѣдный звукъ торжественной молитвы.
Молись, мой край, взгляни—твои сыны
Умѣютъ смерть принять, въ разгарѣ битвы
Умѣютъ выпить чашу горькихъ мукъ
И встрѣтить грудью вражьи исполины,
Въ послѣдній часъ на днѣ морской пучины
Сокрыть свой кладъ отъ святотатныхъ рукъ!

Вальсъ.—Венцано.

Ah, che assorta in dolce incanto,
 Ah, fra la gioia dell'amor,
 Sento il cor, ah, palpitare!
 Or che sono a te d'accanto,
 Ah, di più non sò bramar;
 Ah, che assorta in dolce incanto,
 Ah, fra le gioia dell'amor!

*Bis.***Переводъ.**

Ахъ, надеждъ полно сердце снова,
 Горе прошло, какъ страшный сонъ,
 Вновь онъ мой, жизнь огдать я готова,
 Снова покой мой возвращень.
 Да, надеждъ полна я снова,
 Мой покой мнѣ возвращень,
 Горе прошло, какъ страшный сонъ!

№ 2-24018.

Добровольская и Осиповъ.

Ванька-Танька.—Даргомыжскаго.*Пѣсня на два голоса.*

Въ селѣ маломъ Ванька жилъ,
 Ванька Таньку полюбилъ,
 Тпру да ну, га, го, га, го,
 Ванька Таньку полюбилъ.

Ванька съ Танькою сидитъ,
 Танька Ванькѣ говоритъ,
 Тпру да ну, га, го, га, го,
 Танька Ванькѣ говоритъ.

Ванька, соколъ дорогой,
 Танькѣ пѣсенку пропой!
 Тпру да ну, га, го, га, го,
 Танькѣ пѣсенку пропой!

Ванька дудочку беретъ,
 Танькѣ пѣсенку поетъ,
 Тпру да ну, га, го, га, го,
 Танькѣ пѣсенку поетъ!

Bis.

№ 2-23350.

Р. Е. Радица-Фигнеръ.

Весна идетъ.—Гильдаха.

Скворцы запѣли весна пришла.
 Откуда явилась поздно ты?
 Средь тиши ночной явилась она,
 Внезапно явилась во всей красѣ.
 Ручьи шумятъ,
 Проснулось все,
 Раскрылись почки,
 Лазурно такъ небо...
 Пусть колоколъ намъ
 Здѣсь и тамъ
 Благую пѣснь несетъ—
 Весна идетъ!

№ 2-22742.
№ 2-22705.

О. И. Каміонскій.
А. М. Лабинскій.

Вернись.—Денца.

О, если бѣ ты сюда вернулась снова,
Гдѣ были мы такъ счастливы съ тобой!
Въ густыхъ вѣтвяхъ слышала бѣ ты шопотъ,
Знай, это стонъ души больной!

Тогда, молю, коснись цвѣтовъ устами,
Быть можетъ вспомнишь ты обо мнѣ.

Приди, приди, тебя я умоляю!

Вернись ко мнѣ, вернись ко мнѣ!

Еслибъ сбылись завѣтныя желанья,

Еслибъ меня вновь полюбила ты,

Ахъ, всей душою я къ тебѣ спѣшилъ бы,

Къ тебѣ летѣлъ бы на крыльяхъ любви!

Взоръ твой небесный оживитъ мнѣ сердце,

И снова счастье улыбнулось бы мнѣ;
улыбнется

О, возвратись, съ мольбой къ тебѣ взываю!

Вернись ко мнѣ, вернись ко мнѣ!

№ 3-22769.

О. И. Каміонскій.

Вернись.—Денца.

Когда твой сонъ тревожитъ звукъ печальный,

И въ непогодѣ слышенъ бури вой,

Знай, это я рыдаю безутѣшно,

Съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ тебя со мной!

О, раздѣли со мною мое горе,

Рыдай со мною и обласкай!

Однимъ хоть словомъ нѣжнаго привѣта!

Открой мнѣ рай, открой мнѣ рай!

Еслибъ сбылись завѣтныя желанья,

Еслибъ меня вновь полюбила ты,

Ахъ, всей душою я къ тебѣ спѣшилъ бы,

Къ тебѣ летѣлъ бы на крыльяхъ любви!

Взоръ твой небесный оживитъ мнѣ сердце,

И снова счастье улыбнется мнѣ;

Ахъ, возвратись, съ мольбой къ тебѣ
взываю!

Вернись ко мнѣ, вернись ко мнѣ!

№ 2-22903.

Н. А. Большаковъ.

Вернись.—Денца.

Когда сквозь сонъ свой тихій, безмятежный,

Услышишь стонъ измученной души,

Знай, милый другъ, что это я терзаюсь,

Что слезы лью въ ночной тиши.

О, дай душѣ моей покой желанный

И лаской сердце согрѣй мое,

На зовъ любви откликнись, дорогая,

Вернись ко мнѣ, вернись ко мнѣ!

О, еслибъ вновь меня ты наградила

Счастьемъ любви, блаженствомъ неземнымъ,

Я поспѣшилъ бы, счастьемъ окрыленный,

Въ твои объятія и къ радостямъ земнымъ.

Снова увижу я твой дивный образъ,

Сердце забьется радостнѣй, полнѣй;

О, возвратись, тебя я умоляю!

Вернись ко мнѣ, вернись ко мнѣ!

Внизъ по Волгѣ рѣкѣ.

Внизъ по Волгѣ рѣкѣ,
 Съ Нижня-города,
 Снаряженъ стружекъ,
 Какъ стрѣла летитъ.
 Какъ на томъ стружкѣ,
 На снаряженномъ,
 Удалыхъ гребцовъ
 Сорокъ два сидятъ.
 Ужъ вы, братцы мои,
 Вы товарищи,
 Сослужите мнѣ
 Службу братскую:
 Киньте, братцы, меня
 Въ Волгу-матушку,
 Утопите вы
 Грусть-тоску мою!

№ 22083.

Д. И. Бухтояровъ.

Воевода.—Рубинштейна.

Предъ воеводой молча онъ стоитъ,
 Голову потупилъ, сумрачно глядитъ;
 Съ плечъ могучихъ сняли бархатный кафтанъ,
 Кровь струится тихо изъ широкихъ ранъ;
 Скованъ по ногамъ онъ, скованъ по рукамъ,
 Знать ему не рыскать ночью по лѣсамъ.
 Думаетъ онъ думу, дышетъ тяжело,
 Плохо, видно, время доброе прошло.
 Что! попался парень, долго-жъ ты гулялъ,
 Долго мнѣ въ тенета волкъ не забѣгалъ.
 Что же приумолкъ ты: Слышалъ я не разъ—
 Пѣсенки ты мастеръ пѣть въ веселый часъ.
 Ты на ладъ сегодня врядъ ли попадешь,
 Завтра мы услышимъ, какъ ты запоешь.
 Говорилъ онъ мрачно: не услышать, нѣтъ,—
 Завтра пѣть не буду, завтра мнѣ не слѣдъ,
 Завтра умирать мнѣ смертью лихой,
 Самъ ты запоешь, чай, съ радости такой!
 Мы пѣвали пѣсни, какъ изъ лѣса шли,
 Какъ купцовъ съ товаромъ мы въ оврагъ вели;
 Ты-бъ насъ тутъ послушалъ—ладно пѣли мы,
 Да не долго пѣсней тѣшились купцы.
 Да еще пѣвалъ я въ домикъ твоёмъ,
 Запивалъ я пѣсни все твоимъ виномъ,
 Заѣдалъ я чарку хозяйской ѣдой,
 Цѣловался сладко, да съ твоей женой!

Волки.—Рубинштейна.

Когда въ селахъ пустѣеть, смолкнуть пѣсни селянъ
 И сѣдой забѣлѣть надъ болотомъ туманъ,
 Изъ лѣсовъ, тихомолкомъ,
 По полямъ волкъ за волкомъ
 Отправляются всѣ на добычу;
 Семь волковъ идутъ смѣло,
 Впереди ихъ идетъ волкъ восьмой, шерсти бѣлой,
 А таинственный ходъ заключаетъ девятый,
 Съ окровавленной пятой за ними идетъ и хромаетъ.
 Ихъ ничто не пугаетъ.
 На село ли имъ путь—
 Песъ на нихъ и не лаеъ,
 А мужикъ идохнуть, видя ихъ, не посмѣетъ:
 Онъ отъ страха блѣднѣетъ
 И тихонько читаетъ молитву.
 Волки церковь обходятъ осторожно кругомъ;
 Ихъ глаза словно свѣчи,
 Зубы шила острѣй.
 Ты тринадцать картечей козьею шерстью забей,
 И стрѣлай по нимъ смѣло:
 Прежде рухнетъ волкъ бѣлый, } bis.
 А за нимъ упадутъ и другіе.
 На селѣ-жъ, когда спящихъ всѣхъ разбудить пѣтухъ,
 Ты увидишь лежащихъ девять мертвыхъ старухъ:
 Впереди ихъ сѣдая,
 Позади ихъ хромая,
 Всѣ въ крови!
 Съ нами сила Господня!

Воспоминаніе.—Тости.

Помню тотъ день блаженный, когда привѣтомъ
 Твой чудный взоръ меня очаровалъ;
 Помню, какъ въ сердцѣ бѣдномъ небеснымъ свѣтомъ
 Любви сознанье взглядъ твой озарялъ.
 Но ты другою стала,
 Грезилъ я той порой, } bis.
 Нѣга въ очахъ пропала,
 Взглядъ равнодушенъ твой.
 Ахъ! Ахъ!
 Помню часъ незабвенный, когда впервые
 Поймалъ улыбку на твоихъ устахъ;
 Помню мечты о счастьѣ неземномъ,
 Что предъ тобой меня повергли въ прахъ.
 Но ты другою стала,
 Грезилъ я той порой, } bis.
 Взоръ мой ужъ не плѣняла
 Улыбкой неземной.
 Ахъ! Ахъ!

Во снѣ я горько плакалъ.— Шумана.

Во снѣ я горько плакалъ:
 Мнѣ снилось, что ты умерла!
 Проснулся я,—по ланитамъ
 Льется слеза за слезой...
 Во снѣ я горько плакалъ:
 Мнѣ снилось—забыть я тобой;
 Проснулся я,—слезы льются,
 Льются слеза за слезой...
 Во снѣ я горько плакалъ:
 Мнѣ снилось—мы вмѣстѣ опять;
 Проснулся я, а слезы льются
 И я ихъ не могу унять.

№ 3-22531.

М. И. Вавичъ.

Вотъ что надѣлали пѣсни твои.

Цыганскій романсъ.

Все-бъ тебя слушалъ, глядя въ твои очи,
 И съ наслажденьемъ забылъ бы весь міръ,
 Но тебя нѣтъ, и темнѣе день ночи—
 Все тамъ блаженство. гдѣ ты, мой кумирь!
 Чѣмъ объяснить эту горечь страданья,
 Чѣмъ объяснить эти муки мои?
 Трепетъ сердечный, восторгъ и страданья

Вотъ что надѣлали пѣсни твои!
 Я отказался навѣкъ отъ свободы,
 Съ тѣмъ, чтобы быть въ дорогѣмъ мнѣ плѣну;
 Снесъ бы съ восторгомъ муки, невзгоды,
 Чтобы вернуть и любовь, и весну...
 Чѣмъ объяснить эту горечь страданья,
 Чѣмъ объяснить эти муки мои?
 Трепетъ сердечный, восторгъ и мученья
 Вотъ что надѣлали пѣсни твои!

№ 2-22240.

А. М. Лабинскій.

Все заснуло.—Гродзскаго.

Все заснуло...
 Только я наяву
 Какъ будто брежу и пою
 О тебѣ, для тебя!
 Позднихъ сказокъ тихій рой
 Мнѣ въ окно стучить крылами,
 И печальными очами
 Смотрить мѣсяцъ золотой...
 Сердце точно ловить, чуть дыша,
 Призракъ звуковъ милой рѣчи,
 И летитъ тебѣ навстрѣчу
 Окрыленная тобой душа!

Вспомни, моя хорошая.*Народная пѣснь.*

Вспомни, вспомни, моя хорошая, мою прежнюю
любовь,

Какъ мы съ тобой, моя хорошая, погуливали.

Вчера меня ласкало счастье.*Ром. Ц. Кюи.*

Вчера меня ласкало счастье,
А ужъ сегодня нѣтъ его;
Мнѣ привязать къ себѣ не удавалось
Надолго сердцемъ никого.

Въ мои объятія любопытство
Толкало женщинъ много разъ,
Но, заглянувъ мнѣ въ сердце глубже,
Спѣшили прочь онѣ сейчасъ.

Одна въ молчаньи уходила,
Другая—весело смѣясь,
И только ты, меня бросая,
Слезами горько залилась!

Въ Венеціи.—Серенада Гота.

Помнишь, порою ночью,
Наша гондола плыла?
Мы любовались луною.
Всплескамъ внимая весла.

Помнишь, безмолвно дремала
Тихимъ Венеція сномъ?
Въ сонныя воды канала
Звѣзды глядѣли кругомъ.

Мимо палаццо мы дожей,
Мимо Пьяцетты колоннъ,
Плыли съ тобою, о, Боже!
Что за чарующій сонъ!

Искрились волны лагуны
Гдѣ-то въ дали голубой;
Плакали нѣжныя струны,
Пѣлъ гондольеръ молодой.

Пѣлъ онъ про мѣсяцъ и море,
Про голубую волну,
Пѣлъ про блаженство и горе,
Пѣлъ про любовь и весну.

Дивная пѣснь навѣвала
Грезы блаженной любви;
Въ душу она проникала,
Страсть разжигала въ крови.

Помнишь, порою ночью,
Наша гондола плыла?
Мы любовались луною
О, что за ночь то была!

Гай-да тройка.—Штейнберга.

Гай-да тройка! Снѣгъ пушистый,
 Ночь морозная кругомъ,
 Свѣтитъ мѣсяцъ серебристый...
 Мчится парочка вдвоемъ.

Милый шепчетъ увѣренья,
 Ласково въ глаза глядитъ,
 А она полна смущенья:
 Что-то ей любовь сулитъ?
 Такъ съ тревожными мечтами
 Вдаль все мчалася она
 И не помнитъ, какъ устами
 Вдругъ слилися ихъ уста.

Гай-да тройка! Снѣгъ пушистый,
 Ночь морозная кругомъ,
 Свѣтитъ мѣсяцъ серебристый...
 Мчится парочка вдвоемъ.

Ужъ смѣнилась ночь зарею,
 Утра часъ насталъ златой,
 Тройка мелкою рысцою
 Возвращается домой.
 Ахъ! на долго-ль это счастье?
 Не мелькнули бы какъ сонъ
 Эти ласки сладострастья
 И вина бокаловъ звонъ!

Гай-да тройка! Снѣгъ пушистый,
 Ночь морозная кругомъ,
 Свѣтитъ мѣсяцъ серебристый...
 Вновь поѣдутъ ли вдвоемъ?

Гаснетъ лучъ заката.

Романсъ А. Петрова.

Гаснетъ лучъ заката,
 Небо скрыла мгла;
 Вся земля объята
 Ожиданьемъ сна.
 Тихо темный пологъ
 Опускаетъ ночь,
 Путь мой тяжкій дологъ,
 Мнѣ идти не въ мочь!

Гаснетъ лучъ заката,
 Сердце скрыла мгла;
 Я любилъ когда-то,
 Ты мнѣ солгала...
 Въ сердцѣ точно пологъ,
 Пала грусти тѣнь;
 Почему жъ такъ дологъ } bis.
 Мой унылый день?

Генералъ.—Кюи.

Я проэктъ мой излагалъ ясно, непреложно;
 Сухо молвилъ генералъ: „Это невозможно!“
 Я протекцію сыскалъ, все обставилъ чудно;
 Грустно молвилъ генералъ: „Это очень трудно!“
 Въ третій разъ понять я далъ: будетъ гривна
 со-ста;
 И воскликнулъ генералъ: „Это очень просто!“

№ 2-23362.

М. А. Михайлова.

Гимнъ.—Фора.

Хоръ серафимовъ громогласный
 Видѣла недавно я во снѣ,
 И голоса, казалось мнѣ,
 Сливались въ пѣсню согласно.
 И пѣли они гимнъ святой
 Въ честь пресвятой пречистой Дѣвы.
 Лились священные напѣвы
 Къ небесной выси голубой.
 Съ земли же грѣшной къ святому трону
 Неслися скорби, мольбы и стоны,
 Казалось мнѣ.
 Неситесь же, пѣсни святыхъ,
 Вѣдь пѣсни той и я внемлю,
 О, дѣва Марія,
 Всѣ помыслы свои
 Къ тебѣ на небо шлю!

№ 24386.

М. Михайлова и К. Тугаринова.

№ 24090.

М. Михайлова и П. Орловъ.

№ 24346.

К. Брунъ и О. Каміонскій.

Горныя вершины.—Рубинштейна.

Горныя вершины	} bis.
Спятъ во тьмѣ ночной,	
Тихія долины	
Полны снѣжной мглой.	
Не пылить дорога,	
Не дрожать листы...	
Подожди немного,	
Отдохнешь и ты!	

*) Продолженіе этой пластинки см. романсъ
 „Мельникъ“.

Гопакъ.—Мусоргскаго.

Гой, гопъ, гопъ, гопака,
Полюбила казака,
Только старый, да не дюжій,
Только рыжій, неуклюжій,
Вотъ и доля вся пока! Гой!
Доля слѣдомъ за тоскою,
А ты старый за водою,
А сама-то я въ шинокъ,
Да хвачу себѣ крючекъ,
А потомъ все чокъ да чокъ.
Чарка первая коломъ,
А вторая соколомъ,
Баба въ плясъ пошла въ конецъ,
А за нею молодецъ.
Старый, рыжій бабу кличетъ,
Только баба кукишъ тычетъ.
Коль женился, сатана,
Добывай же мнѣ пшена!
Вотъ что!
Надо дѣтокъ пожалѣть,
Накормить и пріодѣть.
Вотъ какъ!
Добывай, смотри — быть худу,
А не то — сама добуду!
Слышь ты?
Добывай же, старый, рыжій,
Добывай скорѣй, безстыжій!
Что взялъ!
Только, старый, не грѣши,
Колыбельки колыши!
Вотъ такъ!
Колыбельки, старый, колыши!
Вотъ такъ!
Какъ была я молодою
Да угодницею,
Я повѣсила передникъ
Надъ оконницею,
И въ окошечко киваю,
Въ пальцахъ шелкомъ вышиваю.
Гой, Семены, вы, Иваны,
Надѣвайте-ка кафтаны,
Да со мной гулять пойдете,
Да, присядемъ, запоемте!
Гой, гой, гопъ, гопака,
Полюбила казака,
Только старый, да не дюжій,
Только рыжій, неуклюжій!
Вотъ и правда вся пока!
Гой!..

Громче, трубы боевыя, раздавайтесь.

Сербская пѣсня.—Архангельскаго.

Громче, трубы боевыя, раздавайтесь,
Идемъ на бой! Славу сербовъ возвѣщайте
И побѣду на враговъ! Сербы въ бой впередъ!
Душанъ у Призрена!
Предвѣстникъ славы—Призренъ-градъ.
На вратахъ Призрена знамя
Намъ въ Царьградъ проложить путь.
Душанъ насъ зоветъ на бой,
Чтобъ злыхъ враговъ прогнать!
Сербы всѣ впередъ на бой,
Мы съ Душаномъ въ Царьградъ!..
Сербовъ родина святая,
Доблестью вѣнчана,
За тебя мы всѣ готовы умереть.
Сербы всѣ впередъ на бой,
Призренъ-градъ-предвѣстникъ славы!

№ 2-22206.

Д. И. Бухтояровъ.

Два гренадера.

Шумана.

Во Францію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели,
И оба душой приуныли,
Дойдя до нѣмецкой земли.
Придется имъ видѣть, услышать
Въ позорѣ родную страну,
Ихъ храброе войско разбито
И самъ императоръ въ плѣну.
И орденъ на ленточкѣ красной
Положишь на сердце мое,
И саблей меня опояшешь
И въ руки мнѣ вложишь ружье.
И смирно, и чутко я буду
Лежать, какъ на стражѣ, въ гробу:
Заслышу я конское ржанье
И пушечный громъ и трубу,
То онъ надъ могилою ѣдетъ,
Знамена побѣдно шумятъ!
Тутъ выйдетъ къ тебѣ, императоръ,
Изъ гроба твой вѣрный солдатъ!..

Двѣ свадебныя русскія пѣсни,
перелож. А. Лядовымъ.

I.

Какъ у ключика у текучаво,
У колодезя у студенаво,
Тамъ и парень-свѣтъ коней поилъ,
А я млада воду черпала...

Каждая строчка поется два раза.

II.

А кто у насъ модень,
Кто у насъ фамилень?
Розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленой!
А Ванюшка модень,
Хорошой фамилень.
Розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленой!
Онъ шепетко ходитъ,
Баско поступаетъ.
Розанъ мой, розанъ,
Виноградъ зеленой!

Bis.

Дивныя очи.—Денца.

Дивныя очи, очи, какъ море,
Также глубоки и тайны полны!
Вы предо мною вѣчно, повсюду,
Вѣчно, какъ блескъ бирюзовой волны!
Взглядомъ безбрежнымъ дайте забвенье!
Сердца страданья, сердца томленья,
Дивныя очи, очи, какъ море,
Вы облегчите долю мою!..
Ахъ, какъ я страдаю, что васъ люблю!..
Ахъ, какъ я страдаю, что васъ люблю!..
Дивныя очи, очи, какъ небо,
Цвѣта лазури небесъ голубыхъ!
То вы смѣетесь, то вы грустите,
Знать не желая страданій моихъ!
Въ васъ вся надежда, въ васъ упованье,
Жизнь и могила, рай и страданья.
Дивныя очи, очи какъ небо,
Какъ призракъ счастья, взоръ вашъ ловлю!
Ахъ! какъ страдаю, что васъ люблю..
Ахъ! какъ я страдаю, что васъ люблю.

ДИТЯТКО.

Музыка Пасхалова.

Дитятко, милость Господня съ тобою,
 Что ты не спишь до полночи глухой?
 Дай я тебя хоть шубенкой прикрою,
 Что ты дрожишь, а горячій такой?
 Мама, взгляни-ка, отецъ-то, ей Богу.
 Съ розгой стоитъ и стучить подъ окномъ!—
 Полно, отецъ твой уѣхалъ въ дорогу,
 Полно, отецъ твой насъ бросилъ давно.
 Мама, а видишь—вотъ черная кошка
 Злыми глазами косится на насъ!
 Полно же, спи, моя милая крошка,
 Кошка пропала вотъ мѣсяцъ какъ разъ.
 Мама, а видишь, что бабушка злая
 Пальцемъ грозитъ на тебя изъ угла!
 Полно же, съ нами будь сила Святая,
 Бабушка съ годъ ужъ у насъ умерла.
 Мама, гляди-ка, все свѣчи, да свѣчи,
 Такъ вотъ въ глазахъ и блеситъ и блеситъ...
 Полно, родимый, какія тутъ свѣчи—
 Сальный огарокъ послѣдній горитъ.
 Мама! Темнѣть!... Мнѣ душно, мнѣ душно...
 Мама! Спи! огарокъ погасъ...
 До свѣту долго.
 И страшно и душно...
 Крестная сила, помилуй ты насъ!

№ 2-24047.

Чупрынниковъ, Сафоновъ,
Касторскій и Кедровъ.

ДОНЪ.—Направника.

Квартетъ.

Блеща средь полей широкихъ,
 Вонъ онъ льется!.. Здравствуй, Донъ!
 Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
 Мы веземъ тебѣ поклонъ.
 Какъ прославленнаго брата,
 Рѣки знаютъ тихій Донъ!
 Отъ Аракса и Евфрата
 Мы веземъ тебѣ поклонъ.
 Отдохнувъ отъ злой погони,
 Чуя родину свою,
 Пьютъ уже донскіе кони
 Арпачайскую струю!
 Приготовъ же, Донъ завѣтный,
 Для наѣздниковъ лихихъ
 Сокъ кипучій, искрометный
 Виноградниковъ твоихъ.
 Здравствуй, Донъ! Здравствуй, Донъ!

} bis.

Душечка - дѣвица.—Даргомыжскаго.

Душечка-дѣвица, бояре идутъ!
 Тѣхъ я бояръ я сама да не боюсь.
 Тѣхъ я бояръ я сама да не боюсь,
 Пойду во горенку, въ платье да наряжусь.
 Ой люшиньки, лю-ли,
 Пойду во горенку,
 Ой люшиньки, лю-ли,
 Въ платье да наряжусь!
 Пойду въ горенку,
 Въ платье да наряжусь,
 Выйду на улицу,
 Всѣмъ поклонюсь!
 Выйду на улицу,
 Всѣмъ поклонюсь.—
 Одному барину ниже всѣхъ!
 Ой, люшиньки, лю-ли
 Одному барину,
 Ой, люшиньки, лю-ли,
 Ниже, да ниже всѣхъ!
 Одному барину ниже, да ниже всѣхъ,
 Ему-то ниже всѣхъ, что онъ лучше всѣхъ!
 Ему-то ниже всѣхъ, что онъ лучше всѣхъ—
 Бѣлый, румяный, молодой, холостой!
 Ой, люшиньки, лю-ли,
 Бѣлый, румяный,
 Ой, люшиньки, лю-ли,
 Да и холостой!

Дывлюсь я на небо.

Малороссійская пѣсня.

Дывлюсь я на небо, тай думкой гадаю,
 Чому я не сокиль, чому не летаю,
 Я-бъ землю покинувъ и въ небо злитавъ!
 Чому жъ мини, Боже, ты крыловъ не давъ?
 Чому я не сокиль чому не летаю,
 Я-бъ землю покинувъ и въ небо злитавъ!
 Чому жъ мини, Боже, ты крыловъ не давъ?
 Далеко, далеко подалій отъ свиту
 Шукать соби доли и счастья привиту,
 Я счастье у сонця и диво прохать.
 Чому мини, Боже, ты крыловъ не давъ?
 Шукать соби доли и счастья привиту,
 Я счастье у сонця и диво прохать.
 Чому мини, Боже, ты крыловъ не давъ?

Дѣвицы-красавицы. Даргомыжскаго.

Дѣвицы красавицы,
 Душеньки, подруженьки,
 Разыграйтесь дѣвицы,
 Разгуляйтесь милыя!
 Затяните пѣсенку,—
 Пѣсенку завѣтную,
 Заманите молодца
 Къ хороводу нашему!
 Затяните пѣсенку,
 Заманите молодца
 Къ хороводу нашему.
 Какъ заманимъ молодца,
 Какъ завидимъ издали,
 Разбѣжимтесь, дѣвицы,
 Разбѣжимтесь милыя.
 Забросаемъ вишеньемъ, } bis.
 Вишеньемъ, малиною,
 Красною смородиной!
 Забросаемъ вишеньемъ,
 Вишеньемъ, малиною,
 Красною смородиной!
 Не ходи подслушивать
 Пѣсенки завѣтныя,
 Не ходи подсматривать
 Игры наши дѣвичьи!
 Разбѣжимтесь дѣвицы,
 Забросаемъ вишеньемъ,
 Не ходи подслушивать,
 Не ходи подсматривать,
 Не ходи подслушивать
 Пѣсенки завѣтныя,
 Не ходи подсматривать } bis.
 Игры наши дѣвичьи.

Дубинушка.—Народная пѣснь.

Много пѣсень слыхалъ я въ родной сторонѣ,
 Въ нихъ про радость и горе мнѣ пѣли,
 Но одна изъ тѣхъ пѣсень въ память врѣзалась мнѣ
 Это— пѣсня рабочей артели:

Эй, дубинушка, ухнемъ,
 Эй, зеленая, сама пойдетъ, подернемъ,
 Да ухнемъ!

Англичанинъ-мудрецъ, чтобъ работѣ помочь,
 Изобрѣлъ за машиной машину,
 А нашъ русскій мужикъ, коль работать не въ мочь
 Онъ затянетъ родную дубину.

Эй, дубинушка, ухнемъ...

и т. д.

Но то время придетъ, встрепенется народъ,
 И стряхнувъ вѣковую кручину,
 Онъ въ дремучемъ лѣсу на враговъ изберетъ
 Здоровѣе и крѣпче дубину.

Эй, дубинушка, ухнемъ...

и т. д.

Такъ иди же впередъ, мой великій народъ,
 Позабудь свое горе, кручину,
 И къ свободѣ святой гимномъ радостнымъ пой
 Дорогую родную дубину.

Эй, дубинушка, ухнемъ...

и т. д.

Еврейская мелодія.—Рубинштейна.

Душа моя мрачна.

Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй! Вотъ арфа золотая:

Пускай персты твои, промчавшия по ней,

Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.

И если не навѣкъ надежды рокъ унесъ,

Онѣ въ груди твоей проснѣтся,

И если есть въ очахъ застывшихъ капли слезъ,

Онѣ растаютъ и прельются.

Пусть будетъ пѣснь твоя дика!

Какъ мой вѣнецъ, мнѣ тягостны веселья звуки!

Я говорю тебѣ: я слезъ хочу,

Пѣвецъ, я слезъ хочу,

Иль разорвется грудь отъ муки.

Я слезъ хочу, пѣвецъ, я слезъ хочу!

Иль разорвется грудь моя.

Страданьями была пропитана она,

Томилась долго и безмолвно; и грозный часъ насталь—

Теперь она полна, какъ кубокъ смерти, яда полный!

Если жизнь тебя обманетъ.

Если жизнь тебя обманетъ,
 Не печалься, не сердись!
 День унынія, смирись,
 День веселья—вѣрь настанетъ!
 Сердце будущимъ живетъ,
 Настоящее уныло;
 Тамъ мгновенно все пройдетъ,
 Что пройдетъ, — то будетъ мило.

№ 2-23127.

В. де-Люце.

Zyczenie.—F. Chopina.

Gdybym ja była słońcem na niebie,
 Nie świeciła bym jak tylko dla ciebie.
 A ni na wody, a ni na lasy:
 Ale przez wszystkie czasy,
 Pod twem okienkiem
 I tylko dla ciebie:
 Gdybym w słończko
 Mogła zmienić siebie.
 Gdybym ja była
 Ptaszkiem z tego gaju
 Nigdzie bym, w żadnym
 Nie śpiewała kraju.
 A ni na wody,
 A ni na lasy:
 Ale przez wszystkie czasy,
 Pod twem okienkiem,
 I tylko dla ciebie
 Czemu ż nie mogę,
 W ptaszka zmienić siebie.

Переводъ.**Желаніе.—Шопена.**

Если-бъ я солнышкомъ
 На небѣ сіяла,
 Я-бъ для тебя, мой другъ,
 Только и блистала,
 А не для лѣса, а не для рѣчки—
 Для тебя я-бъ сіяла
 Подъ твоимъ оконцемъ
 На твоємъ крылечкѣ.
 Если-бъ я птичкой
 На небѣ летѣла,
 Всѣ свои пѣсни
 Для тебя я пѣла.
 А не для лѣса,
 А не для рѣчки—
 Для тебя я пѣла
 Подъ твоимъ оконцемъ
 На твоємъ крылечкѣ.

*) Продолженіе этой пластинки см. романсъ „Ты и вы“.

Жукъ и роза.

Вотъ старый жукъ летаетъ: зумъ, зумъ.
 На немъ мундиръ сафирный,
 А самъ любовью таетъ
 И къ розѣ онъ летитъ: зумъ, зумъ.
 Усѣлся къ ней и молвитъ: зумъ, зумъ.
 „Красавица, взгляни-ка,
 „Какой я жукъ нарядный,
 „Всю жизнь зеленый цвѣтъ! зумъ, зумъ.
 А роза отвѣчаетъ:
 „Знакома съ мотылькомъ я,
 „Съ молоденькимъ красивымъ!
 А ты вотъ, гадкій жукъ,
 Такой позоръ: и старъ и глупъ“.
 И тутъ какъ тутъ увидѣлъ, зумъ, зумъ,
 Что бѣлый мотылечекъ
 Цѣлуетъ розу страстно: зумъ, зумъ,
 Какой позоръ! несется жукъ,
 Въ траву упалъ и тамъ заснулъ.

№ 2-22346.

А. Д. Давыдовъ.

Забыты нѣжныя лобзанья.—
Лишина.

Забыты нѣжныя лобзанья,
 Уснула страсть, прошла любовь,
 И радость новаго свиданья
 Ужъ не волнуетъ больше кровь.
 На сердца гнетъ нѣмыхъ страданій;
 Счастливыхъ дней не воротить,
 Нѣтъ сладкихъ грезъ, былыхъ мечтаній,
 Напрасно вѣрить и любить.

Такъ вѣтеръ всю красу наряда
 Съ деревьевъ осенью сорветъ
 И по тропамъ унылымъ сада
 Сухіе листья разнесетъ.
 Ихъ далеко разгонитъ вьюга,
 Кружа надъ мерзлою землей,
 Навѣкъ раздѣлитъ другъ отъ друга,
 Покрывши снѣжной пеленой.

№ 2-22234.

А. М. Лабинскій.

За губки алыя.—Блейхмана.

За губки алыя, какъ розы,
 За то, что съ нихъ восторги пью,
 Тебѣ, красавица, на память
 Рубинъ блестящій я даю!

За очи синія, какъ небо,
 За то, что въ нихъ мнѣ благодать,
 Сафиръ роскошный, искрометный,
 Благоволи, дитя, принять!

Но ни за что не дамъ алмаза...
 О, вспомни: не бывало дня,
 Чтобъ ты меня не изводила,
 Чтобъ ты не мучила меня!

} bis.

Зачѣмъ?—Давыдова.

Скажи, зачѣмъ тебя я встрѣтилъ?
 Зачѣмъ тебя я полюбилъ?
 Зачѣмъ твой взоръ улыбкой мнѣ отвѣтилъ
 И счастье въ жизни мнѣ открылъ?

Тебя отнимутъ у меня,
 Ты не моя, ты не моя!
 Тебя отнимутъ у меня,
 Ты не моя, ты не моя!

Не видѣть мнѣ твоихъ лобзаній,
 Не слышать мнѣ твоихъ рѣчей,
 Не раздѣлять съ тобой твоихъ рыданій
 И тихой радости твоей.

Тебя отнимутъ у меня... и т. д.
 Намъ крестъ тяжелаго страданья,
 Взамѣну счастья должно несть,
 Не плачь, не плачь, твои, мой другъ, рыданья
 Душа не въ силахъ перенести.

Тебя не вырвутъ у меня,
 На вѣкъ я твой и ты моя.
 Тебя не вырвутъ у меня,
 На вѣкъ я твой, а ты моя!

И буду тебя я ласкать.

Штейнберга.

Твой взглядъ я ловлю,
 Услышать „люблю“
 Такъ жаждетъ душа,
 Вся и страстью, и чувствомъ полна.
 Скажи же ты мнѣ,
 Здѣсь наединѣ,
 Что ты любишь меня,
 Счастье, радость моя,
 И буду тебя я ласкать,
 Обнимать, цѣловать... } bis.

Лишь мѣсяцъ златой
 Насъ видитъ съ тобой,
 Да между вѣтвей
 О любви намъ поетъ соловей...
 Здѣсь такъ хорошо,
 На сердцѣ легко,
 Хочется все забыть,
 Чтобъ тебя лишь любить...
 И буду тебя я ласкать,
 Обнимать, цѣловать... } bis.

И ночь, и любовь, и луна.—

К. Давыдова.

И ночь, и любовь, и луна,
 И темный, развѣсистый садъ...
 И льется отсюда на насъ
 Ночной отъ цвѣтовъ ароматъ;
 И дивно поетъ соловей,
 И томно глядитъ такъ луна,
 И тихо такъ плещетъ въ рѣкѣ
 Подъ берегомъ соннымъ волна.
 Не правда ли, другъ мой, въ душѣ
 Все свѣтлые чудные сны?..
 И вырваться хочетъ душа,
 И нѣгой всѣ чувства полны.
 И вдругъ: то заблещетъ слеза,
 То вспыхнетъ огонь по щекамъ,
 И рвутся невольно уста
 Навстрѣчу горячимъ устамъ. } bis.

Индусская пѣсня.—Бромберга.

О, Дамжарго святой!
 Я повѣдаю горе,
 Услыши страданья раба;
 Увы, ея не стало;
 Покинула меня.
 Ужъ радости той жизни
 Прости навсегда!
 Она изъ царства смерти,
 Ко мнѣ ужъ не вернется;
 На вѣкъ утратилъ я ее.
 Угасъ тотъ нѣжный взоръ,
 Угасъ тотъ голосъ милый,
 И поцѣлуй ужъ не для меня,
 И блескъ той страстной ласки
 Вѣчно будетъ со мною!
 Ахъ, со мной лишь скорбь одна.
 О, Дамжарго святой!
 Я повѣдаю горе,
 Услыши страданья мои;
 Увы, ея не стало,
 Покинула меня.
 Ужъ радости той жизни
 Прости навсегда!
 О, прости, о ты!..

Испанская серенада.—Гота.

Замеръ рокоть гитары,
 Не слышенъ звукъ кастаньетъ;
 Все въ объятыхъ сна,
 Взошла луна,
 Роняетъ сказочный свѣтъ...
 Въ мирныхъ грезахъ спитъ Гренада,
 Тишина въ аллеяхъ сада.
 Чу! подъ окнами алькада
 Страстный попотъ у крыльца:
 То Рамиро безпокойный,
 Пикадоръ Рамиро стройный,
 Нѣжнымъ доннамъ страстью знойной
 Опаляющій сердца!
 Для Рамиро и Эльвира покидаетъ домъ отца.
 Для нихъ зажглись въ небѣ звѣзды,
 Имъ розы льютъ ароматъ,
 Рай блаженства грезы сердцамъ дарятъ.
 Горитъ въ крови
 Огонь любви...

№ 3-22865.**)

А. М. Лабинский.

И тихо, и ясно.—Грече-Соболевской.

И тихо, и ясно, и пахнетъ сиренью,
 И гдѣ-то запѣлъ соловей,
 И вѣетъ мечтательно сладкою лѣнью
 Отъ этихъ широкихъ аллей.
 Рѣка чуть трепещетъ холодною сталью,
 Не въ силахъ мечты превозмочь.
 И дышетъ любовью, и дышетъ печалью
 Весенняя страстная ночь.

№ 24459.

Чупрынниковъ, Сафоновъ,
Посевъ и Касторскій.**Какъ по ельничку.***Народная пѣсня.*

Какъ по ельничку, березничку,
 Эхъ, да по горьку, часту да по осинничку,
 По горьку, часту осинничку,
 Эхъ, да тутъ ходилъ, гулялъ вороной конь.
 Тутъ ходилъ, гулялъ вороной конь,
 Онъ да трое сутокъ не поёной былъ.

*) Начало этой пластинки см. ром. „Приди ко мнѣ“.

**) Продолженіе этой пластинки см. ром. „Ты простила меня“.

Какое счастье.—Давыдова.

Какое счастье, какое счастье!
 И ночь, и мы одни,—
 Рѣка какъ зеркало,
 И вся блеститъ звѣздами.
 А тамъ-то, тамъ-то,
 Голову закинь-ка, да взгляни:
 Какая глубина
 И чистота надъ нами!
 О! называй меня безумной,
 Назови чѣмъ хочешь!
 Въ этотъ мигъ я разумомъ слабѣю
 И въ сердцѣ чувствую такой приливъ любви,
 Что не хочу молчать!
 Не стану, не умѣю, не умѣю.
 Я больна, я влюблена!
 Но мучась и любя,
 О, слушай, о пойми!
 Я страсти не скрываю
 И я хочу сказать,
 Что я люблю тебя,
 Тебя одну,
 Тебя люблю я и желаю,
 Тебя люблю я и желаю!

№ 2-22741.

О. И. Каміонскій.

№ 3-22704.*)

Н. Н. Фигнеръ.

Когда бъ вы знали все.—Денца.

Одно „прости“ лишь шепнули вы,
 Сжимая руку мнѣ.
 Съ сердцемъ полнымъ мукъ слѣдилъ за вами,
 Слѣдилъ вашъ каждый шагъ.
 Вы не могли понять меня,
 Понять моей любви,
 И я утратилъ васъ навѣкъ.
 О, какъ я васъ любилъ!..
 Зачѣмъ, зачѣмъ вы не прочли тайну сердца моего?
 Увы! Когда-бъ вы знали все,
 Могли-бъ мы быть такъ счастливы всю жизнь!

Одно „прости“ лишь шепнули вы,
 Сжимая руку мнѣ.
 И вотъ это-все, что осталось,
 Какъ дивный, прошлый сонъ.
 Съ тѣхъ поръ живу прошедшимъ я
 Тѣмъ часомъ дорогимъ.
 Его забыть не въ силахъ я,
 О, какъ я васъ любилъ!..
 Зачѣмъ, зачѣмъ вы не прочли тайны сердца моего?
 Увы! Когда-бъ вы знали все,
 Могли-бъ мы быть такъ счастливы всю жизнь!

*) Исполняетъ только первую половину.

Колокола.—Таскина.

Несется благовѣсть,
 Какъ грустно и уныло
 На сторонѣ чужой
 Звучать колокола
 Опять припомнился
 Мнѣ край отчизны милой,
 И прежняя тоска
 На сердце налегла.

Я вижу сѣверъ мой родной
 Съ его равниной снѣжной,
 И словно слышится
 Мнѣ нашего села
 Знакомый благовѣсть;
 И ласково, и нѣжно
 Съ далекой родины
 Звучать колокола.

№ 23169.

М. А. Михайлова.

Колыбельная пѣсня.—Чайковского.

Спи, дитя мое, спи-усни, спи-усни,
 Сладкій сонъ къ себѣ мани.
 Въ няньки я тебѣ взяла
 Вѣтеръ, солнце и орла!
 Улетѣлъ орелъ домой;
 Солнце скрылось подъ водой;
 Вѣтеръ послѣ трехъ ночей
 Мчится къ матери своей!
 Спрашивала вѣтра мать:—
 „Гдѣ изволилъ пропадать?
 Али звѣзды воевалъ?
 Али волны все гонялъ?“
 „Не гонялъ я волнъ морскихъ,
 Звѣздъ не трогалъ золотыхъ;
 Я дитя оберегалъ,
 Колыбелечку качалъ!“
 Спи, дитя мое, спи-усни, спи-усни!
 Сладкій сонъ къ себѣ мани.
 Въ няньки я тебѣ взяла
 Вѣтеръ, солнце и орла!

№ 2-23073.

А. В. Нежданова.

№ 2-22358.

А. М. Давыдовъ

Колыбельная пѣсня.—Гречанинова.

Спи, малютка мой прекрасный,
 Баюшки баю! Баюшки баю!
 Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
 Въ колыбель твою.
 Стану сказывать я сказки,
 Пѣсенку пропою
 спою,
 Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
 Баюшки баю! Баюшки баю!

Колыбельная пѣсня.—Гуно.

Когда я, какъ ребенка,
 Качаю тебя
 И поешь ты тихонько,
 Тебѣ внимаю я.
 Вспоминается съ пѣсней
 Дней счастливыхъ пора.
 Ахъ! О пой, мой другъ прелестный,
 О пой мнѣ такъ всегда.
 О пой, мой другъ прелестный,
 Пой такъ всегда!

Когда ты засыпаешь,
 При свѣтѣ луны,
 И во снѣ повторяешь
 Слова святой любви,
 На твой ликъ небесный
 Гляжу съ восторгомъ я.
 Ахъ! О спи, мой другъ прелестный,
 Спи сладко такъ всегда.
 О спи, другъ прелестный,
 О спи, спи такъ всегда!

Колыбельная пѣснь.—Захарова.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
 Баюшки баю,
 Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
 Въ колыбель твою.

Стану сказывать я сказки,
 Пѣсенку спою,
 Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
 Баюшки баю.

По камнямъ струится Терекъ,
 Плещетъ мутный валъ,
 Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
 Точить свой кинжалъ.

Но отецъ твой—старый воинъ,
 Закаленъ въ бою,
 Спи младенецъ, будь покоенъ,
 Баюшки баю.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
 Баюшки баю,
 Спи спокойно ты!

Гимнъ „Коль славенъ“.
Бортнянскаго.

Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ,
 Не можетъ изъяснить языкъ;
 Великъ Онъ въ небесахъ на тронѣ,
 Въ былинкахъ на земли великъ.
 Вездѣ, Господь, вездѣ Ты славенъ,
 Въ нощи, во дни сіяньемъ равенъ.

Bis.

№ 24381.
№ 24059.

М. А. Михайлова и К. Тугаринова.
М. И. и Н. Н. Фигнеръ.

Крики чайки бѣлоснѣжной. Гродзскаго.

Крики чайки бѣлоснѣжной,
Запахъ моря и сосны,
Неумолчный, безмятежный
Плескъ задумчивой волны.
Въ дымкѣ розово—хрустальной
Умирающій закатъ,
Первой звѣздочки печальной
Золотой далекій взглядъ.
Ярко блещущій огнями
Берегъ въ призрачной дали,
Какъ въ туманѣ, передъ нами
Великаны-корабли.
Чудный мѣсяцъ, полный ласки,
Въ блескѣ царственномъ своемъ;
Въ эту ночь мы будто въ сказкѣ } bis.
Упоительной живемъ.
Будто въ сказкѣ мы живемъ!

№ 3-24660.
№ 24627.

Хоръ О-ва Граммофонъ.
Хоръ Архангельскаго.

Легенда.—Чайковскаго.

Былъ у Христа-Младенца садъ,
И много розъ взростилъ Онъ въ немъ;
Онъ трижды въ день ихъ поливалъ,
Чтобъ сплестъ вѣнокъ Себѣ потомъ.
Когда же розы разцвѣли,
Дѣтей еврейскихъ созвалъ Онъ.
Они сорвали по цвѣтку
И садъ былъ весь опустошенъ.
„Какъ Ты сплетишь теперь вѣнокъ?
Въ Твоемъ саду нѣтъ больше розъ“.
— „Вы позабыли, что шипы
Остались мнѣ“,—сказалъ Христосъ.
И изъ шиповъ они сплели
Вѣнокъ колючій для Него;
И капли крови вмѣсто розъ
Чело украсили Его.

№ 2-23221.

М. А. Михайлова.

Лучинушка.

Лучина,
Лучинушка березовая,
Что же ты, лучинушка,
Не ясно горишь?
Подружки, голубушки,
Ложитесь спать,
Вамъ некого ждать!
Лучина,
Лучинушка березовая,
Что же ты, лучинушка,
Не ясно горишь?

Луговая.

Русская пѣсня, перел. А. Лядовымъ.

Сидитъ дрема,	}	bis.
Сама дремлетъ.		
Взгляни дрема	}	bis.
На народъ.		
Бери дрема,	}	bis.
Кого хошь...		

№ 3-22717 **).

Н. Н. Фигнеръ.

№ 3-22729.

О. И. Каміонскій.

Любовь.—Врангеля.

Любовь—мечта, любовь—мгновенье,
 Звѣзда, блеснувшая вдали...
 Любовь—волшебное видѣнье
 Тоской измученной земли!
 Любовь—восторгъ предъ яркимъ свѣтомъ,
 Лучъ рая въ сумракъ могиль;
 Лишь тотъ былъ счастливъ въ мірѣ этомъ,
 Кто былъ любимъ и кто любилъ!

№ 2-22236.

А. М. Лабинскій.

Любовь.—Блейхмана.

Придешь ли ты, угасшая такъ рано,
 Души моей владычица, любовь?
 Иль сладкій ядъ минутнаго обмана
 Мой бѣдный умъ не отуманить вновь?
 Придешь ли ты, владычица души?
 Придешь ли ты, любовь?
 Она пришла, какъ свѣтлый вѣстникъ рая,—
 Опять восторгъ, и слезы, и мечты!
 Я счастлива, надѣясь и страдая,
 И жизнь полна безсмертной красоты!
 Она пришла владычица души,—
 Опять восторгъ, и слезы, и мечты!

*) Начало этой пластинки см. „Свадебную пѣснь“.

**) Начало этой пластинки см. романсъ „Я люблю“.

Лѣсной царь.—Шуберта.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
 Ёздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой;
 Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ,
 Обнявъ его, держитъ и грѣетъ старикъ.
 Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?
 Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ,
 Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой!
 О, нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой!
 Дитя, оглянися, младенецъ, ко мнѣ,
 Веселаго много въ моей сторонѣ:
 Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
 Изъ золота слиты чертоги мои.
 Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ,
 Онъ золото, перлы и радость сулитъ!
 О, нѣтъ, ослышался ты:
 То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы!
 Ко мнѣ, мой младенецъ, въ дубравѣ моей
 Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей;
 При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
 Играя, летая, тебя усыплять,
 Играя, летая, тебя усыплять!
 Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей;
 Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей!
 О, нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
 То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ!
 Дитя, я плѣнился твоей красотой,
 Неволей иль волей, а будешь ты мой!
 Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать,
 Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжело дышать
 Ёздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ,
 Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ,
 Ёздокъ погоняетъ, ёздокъ доскакалъ,
 Въ рукахъ его младенецъ... былъ мертвъ!

Майскій день.—Ранушевича.

Сіяетъ солнце, воды блещутъ,
 На всемъ улыбка, жизнь во всемъ:
 Деревья радостно трепещутъ,
 Купаясь въ морѣ голубомъ.

Поютъ деревья, блещутъ воды,
 Любовью воздухъ наслажденъ;
 И міръ цвѣтущій, міръ природы }
 Съ избыткомъ жизни упоенъ. } bis.

Maggio.—P. E. Fonzo.

Un bel mattino Maggio discese
Dentro al giardino, e vi sorprese,
Rin cantucciati, due fidanzati
Rose e garofani ella intrecciava.
L'altro, cingendola, la carezzava.
E lei rideva ed ei diceva:

Maggio, Maggio, tu sei bello;
Ma più cara è la mia bella
Se tu porti gigli e rose
Ella i baci dona a me!

Rammaricato Maggio rispose,
Tutto turbato: S'io porto rose
Vi desto il cuore, vi do l'amore!
Per me ripalpita, mattina e sera.
Forte, negli animi, la primavera.
Ma quegl'intese e poi riprese;

Maggio, Maggio... etc.

Переводъ.**Май.—П. Е. Фонцо.**

Май въ садъ спустился; когда проснулся,
На двухъ влюбленныхъ онъ тамъ наткнулся:
Они ласкались и миловались...
Среди цвѣтовъ они вдвоемъ мечтали,
Другъ другу въ вѣрности клятвы давали.
И онъ смѣялся и похвалялся:

О, Май, ты всѣхъ веселѣе,
Но подружка мнѣ милѣе;
Ты хоть розами вѣнчаешь,
Поцѣлуй даритъ она!

Май имъ отвѣтилъ чуть не сквозь слезы:
Я вамъ дарю не только розы,
Но и забвенье, любви волненье.
Люди всѣ радостно меня встрѣчаютъ
И для меня цвѣты благоухаютъ!
Отвѣтъ безпечный звучитъ конечно...

О, Май... и т. д.

Мельникъ.—Даргомыжскаго.

Возвратился ночью мельникъ:
Женка! что за сапоги?
Ахъ ты пьяница, бездѣльникъ!
Гдѣ ты видишь сапоги?
Иль мутить тебя лукавый?
Это ведро!
Ведро? Право!
Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ живу,
Ни во снѣ, ни на яву
Не видалъ до этихъ поръ
Я на ведрахъ мѣдныхъ шпоръ!

*) Начало этой пластинки см. ром. „Генераль“.

Меня манилъ твой образъ.

Врангеля.

Меня манилъ твой образъ страстный,
 Звучала дивно пѣснь твоя;
 И пролетѣлъ тотъ день прекрасный,
 Я замѣчалъ одну тебя.
 Свершилось: ты дала согласье,
 И что же? страсть моя прошла.
 И я живу воспоминаньемъ
 О тѣхъ прошедшихъ чудныхъ дняхъ,
 Когда я могъ еще желать,
 Когда я могъ еще страдать!

№ 2-22901.

Л. М. Сибиряковъ.

Молись.—Вилламова.

Молись, молю тебя, мой другъ,
 За душу грѣшную скитальца,
 Пока лучъ жизни не потухъ
 Въ груди истерзанной страдальца.

Молись!

Нѣтъ силъ перенести страданья.
 Я жизнь и душу погубилъ;
 Мнѣ нѣтъ прощенія, оправданья,
 Ее одну, одну любилъ.

Молись!

Ужъ вижу мракъ подземной ночи
 И слышу мой я приговоръ;
 Смотри, и адъ глядитъ ужъ въ очи,
 Суля загробный мнѣ позоръ.

Молись!

Скажи, что, умирая,
 Я о прощеніи не молилъ;
 И, на страданья не взирая,
 Я имя дивное твердилъ.

Молись!

№ 24096.

А. Лабинскій и П. Орловъ.

Моряки.—Вильбоа.

Нелюдимо наше море,
 День и ночь шумитъ оно,
 Въ рокомъ его просторѣ } bis.
 Много бѣдъ погребено.
 Смѣло братья! Вѣтромъ полный,
 Парусъ мой направилъ я,
 Полетитъ на скользки волны } bis.
 Быстрокрылая ладья.
 Тамъ, за далью непогоды,
 Есть блаженная страна;
 Не темнѣютъ неба своды, } bis.
 Не проходитъ тишина!
 Смѣло братья! Бурей полный,
 Прямо и крѣпокъ парусъ мой,
 Насъ туда выносятъ волны, } bis.
 Будемъ тверды мы душой.

На нивы желтыя.—Чайковского.

На нивы желтыя нисходитъ тишина.
 Въ остывшемъ воздухѣ отъ меркнувшихъ селеній,
 Дрожа, несется благовѣсть. Душа моя полна
 Разлукою съ тобой и горькихъ сожалѣній.
 И каждый мой упрекъ я вспоминаю вновь,
 И каждое твержу привѣтливое слово,
 Что могъ бы я сказать тебѣ, моя любовь!?
 То, что на днѣ души я схоронилъ сурово.
 Душа моя полна разлукою съ тобою
 И горькихъ сожалѣній...

Напѣвъ.—Миклашевскаго.

Вотъ отчего полна томленья
 И странныхъ грезъ душа моя,
 Когда въ тиши уединенья
 Напѣвъ знакомый слышу я.
 Не будятъ въ сердцѣ эти звуки
 Печали, умершей давно;
 Ни мукъ любви, ни грезъ разлуки
 Имъ воскресить не суждено.
 Но я люблю твой гласъ призывный—
 Напѣвъ далекой стороны,
 И трепеть моря голубого
 Въ часы вечерней тишины.

На старомъ курганѣ.
Калинникова.

На старомъ курганѣ, въ широкой степи,
 Прикованный соколъ сидитъ на цѣпи.
 Сидитъ онъ ужъ тысячу лѣтъ,
 И нѣтъ ему воли, все нѣтъ,
 Все нѣтъ ему воли, все нѣтъ!
 И грудь онъ съ досады когтями терзаетъ,
 И каплями кровь изъ груди вытекаетъ.
 Летятъ въ синевѣ облака,
 А степь широка, широка.

На сѣверѣ дикомъ.
Даргомыжскаго.

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко } bis.
 На голой вершинѣ сосна;
 И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
 Одѣта, какъ ризой она.
 И снится ей все, что въ пустынѣ далекой
 Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
 Одна и грустна, въ странѣ далекой,
 На утесѣ горячемъ прекрасная пальма растетъ.

Не бѣлы снѣги.

Не бѣлы то снѣги во чистомъ полѣ
 Снѣги забѣлѣлись,
 Забѣлѣлись моего дружка
 Каменны палаты.
 Противъ нихъ стоитъ красна дѣвица,
 Сама горько, горько плачетъ.
 Ты не плачь, красна дѣвица,
 Не плачь, не печалься,
 Что не быть твоему дружку во солдатахъ.

№ 3-22522.

А. М. Давыдовъ.

Не забуду я ночи той темной.

Артемьева.

Не забуду я ночи той темной,—
 Я, обнявшись съ тобою, сидѣлъ,
 И во взглядъ твой кокетливо-скромный
 Я любовно и страстно глядѣлъ;
 Мы слилися въ одномъ поцѣлуѣ,
 Кто меня могъ счастливѣе быть?..
 Ночи той позабыть не могу я,—
 И тебѣ ея вѣкъ не забыть!
 „Это шутка была“, ты сказала,
 Но не вѣрю я шуткѣ такой;
 Ты сама вся отъ страсти дрожала,
 Точно листикъ осенней порой.
 И, себя поцѣлуемъ волнуя,
 Не могла ты въ то время шутить.
 Ночи той позабыть не могу я
 И тебѣ ея вѣкъ не забыть!
 Тяжело мнѣ увѣриться было
 Въ шуткѣ той, недостойной тебя;
 Предо мною открылась могила,
 И сойду я въ могилу любя.
 О потерянномъ счастьѣ тоскуя,
 Умирая, я буду твердить:
 Ночи той позабыть не могу я,
 И тебѣ ея вѣкъ не забыть!..

№ 2-24025.

Д. Х. и Н. С. Южины.

№ 24387.

А. Давыдовъ и О. Каміонскій.

№ 24058.

М. И. и Н. Н. Фигнеръ.

Не искушай.—Глинки.

Не искушай меня безъ нужды
 Возвратомъ нѣжности твоей,
 Разочарованному чужды
 Всѣ обольщенья прежнихъ дней.
 Ужъ я не вѣрю увѣреньямъ,
 Ужъ я не вѣрую въ любовь
 И не могу предаться вновь
 Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ. } bis.
 Нѣмой тоски моей не множь!
 Не заводи о прежнемъ слова.
 И, другъ заботливый, больного
 Въ его дремотѣ не тревожь!
 Я сплю, мнѣ сладко усыпленье,
 Забудь бывалыя мечты!
 Въ душѣ моей одно волненье, } bis.
 А не любовь, пробудишь ты!

Нельзя повѣрить.—Лишина.

Нельзя повѣрить,
 Чтобъ лицемѣрить
 Она могла;
 Вѣдь такъ наивна, такъ мила.
 Голубки глазки
 Такъ полны ласки,
 Что сердце бѣдное навѣки въ плѣнъ взяла.
 Я не скрываю,
 Что обожаю,
 Что радъ за чувство то отдать я все!
 Лишь въ ней блаженство,
 Всѣ совершенства
 Даны судьбой моею голубкѣ дорогой.
 Ахъ! Нельзя повѣрить,
 Чтобъ лицемѣрить она могла;
 Вѣдь такъ наивна, такъ мила.
 Голубки глазки
 Такъ полны ласки,
 Что сердце бѣдное навѣки въ плѣнъ взяла.
 Довольно взгляда,—
 Въ душѣ отрада,
 Забылъ печаль;
 За слово страсти,
 Пусть ждутъ ненасти,
 Себя не жаль.
 И будь она
 Самъ сатана,
 То и тогда я,
 Все забывая,
 Ей вновь скажу,
 Что страсть на вѣкъ въ душѣ зажгла.
 Нельзя повѣрить,
 Чтобъ лицемѣрить
 Она могла;
 Вѣдь такъ наивна, такъ мила!

№ 24383.

М. Михайлова и К. Тугаринова.

Не шуми ты, рожь.—Гурилева.

Не шуми ты, рожь, спѣлымъ колосомъ!
 Ты не пой, косарь, про широку степь!
 Мнѣ не для чего собирать добро,
 Мнѣ не для чего богатѣть теперь!
 Прочилъ молодецъ не своей душѣ,
 Не своей душѣ, душѣ дѣвицѣ.

Сладко было мнѣ глядѣть въ очи ей,
 Въ очи, полныя любовныхъ думъ!
 И тѣ ясныя очи стухнули,
 Спитъ могильнымъ сномъ красна дѣвица!
 Тяжелѣй горы, темнѣй полночи
 Легла на сердце дума черная!

Не шуми ты, рожь, спѣлымъ колосомъ!
 Ты не пой, косарь, про широку степь!
 Мнѣ не для чего собирать добро,
 Мнѣ не для чего богатѣть теперь!

Не одна во полѣ дороженька.*Русская пѣсня.*

Ахъ, не одна то, не одна то
 Въ полѣ дороженька,
 Въ полѣ пролегала, пролегала,
 Частымъ ельничкомъ, ельничкомъ,
 Березничкомъ частымъ заростала.

№ 3-22944 *).

О. И. Каміонскій.

№ 3-22850 **).

М. И. Вавичъ.

**Не разсѣять мнѣ грусти
тяжелой.***Цыганскій романсъ.*

Не разсѣять мнѣ грусти тяжелой,
 Что въ душѣ затаилась больной,
 Ни бесѣдой, ни пѣсней веселой,
 Ни разгуломъ пирушки хмѣльной.
 Не вернуться мнѣ снова къ надеждѣ,
 Ею я былъ обманутъ давно,
 Что когда-нибудь въ жизни, какъ прежде,
 Счастье мнѣ испытать суждено.
 Не круши сердце сомнѣньемъ,
 Покой души не смущай, другъ, волненьемъ,
 Погоди, счастье вернется,
 Жизнь улыбнется, какъ въ прежніе дни.

Не забыть мнѣ измѣны жестокой,
 Какъ кинжаломъ вонзившейся въ грудь,
 Жизни грустной, пустой, одинокой,
 Безотраденъ, безцѣленъ мой путь.
 Грезъ былыхъ и былыхъ наслажденій
 Не вернуть: все прошло, все мертво,
 Кромѣ горя, страданья, мученій,
 Я не жду впереди ничего!

Не круши сердце... и т. д.
 Не любить мнѣ любовью безумной
 Такъ, какъ прежде когда-то любилъ,
 Страстью пылкою, жгучей, безумной,
 Я навѣкъ свое сердце разбилъ.
 Дни минувшіе очарованій
 Снова мнѣ не вернуть никогда!
 И я жажду подъ гнетомъ страданья
 Сномъ могильнымъ заснуть навсегда.

Не круши сердце... и т. д.

№ 24620.

Хоръ Архангельскаго.

Не шуми, дубравушка.*Русская пѣсня.*

Не шуми, мать зеленая дубравушка...
 Дубравушка!
 Не мѣшай мнѣ добру молодцу думу думати..
 Думу думати...
 Какъ на утро, мнѣ молодчику, у допроса быть...
 У допроса быть...

*) Исполняетъ всѣ три куплета безъ припѣва.

**) Исполняетъ первые два куплета съ припѣвомъ „Не круши сердце“...

Не плачьте надъ трупами.

Черепнина.

Не плачьте надъ трупами павшихъ борцовъ,
 Погибшихъ съ оружіемъ въ рукахъ,
 Не пойте надъ ними надгробныхъ стиховъ,
 Слезой не скверните ихъ прахъ.
 Не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ мертвецамъ,
 Отдайте имъ лучшій почетъ:
 Шагайте безъ страха по мертвымъ тѣламъ,
 Несите ихъ знамя впередъ!
 Съ врагомъ ихъ, подъ знаменемъ тѣхъ же идей
 Ведите ихъ бой до конца!
 Нѣтъ почести лучшей, нѣтъ тризны святѣй
 Для тѣни достойной борца!
 Не плачьте надъ трупами павшихъ борцовъ,
 Погибшихъ съ оружіемъ въ рукахъ,
 Не пойте надъ ними надгробныхъ стиховъ,
 Слезой не скверните ихъ прахъ.

Ни слова, о другъ мой.

Чайковского.

Ни слова, о другъ мой, ни вздоха,
 Мы будемъ съ тобой молчаливы;
 Вѣдь молча надъ камнемъ могильнымъ
 Склоняются грустныя ивы!
 И только склонившись, читаютъ,
 Какъ я, въ твоёмъ сердцѣ усталомъ,
 Что были дни яснаго счастья,
 Что этого счастья не стало!
 Ни слова, о другъ мой, ни вздоха,
 Мы будемъ съ тобой молчаливы;
 Вѣдь молча надъ камнемъ могильнымъ
 Склоняются грустныя ивы!

Нищая. — Алябьева.

Зима! Мятель!.. И въ крупныхъ хлопьяхъ,
 При сильномъ вѣтрѣ, снѣгъ валить.
 У входа въ храмъ одна, въ отрепьяхъ,
 Старушка нищая стоитъ.

И милостыни ожидая,
 Она все тутъ съ клюкой своей
 И лѣтомъ и зимой слѣпая.
 Подайте Христа ради ей!

Сказать ли вамъ, старушка эта
 Какъ двадцать лѣтъ тому жила,
 Она была мечтой поэта,
 И слава ей вѣнокъ плела.
 Когда она на сценѣ пѣла,
 Парижъ въ восторгѣ былъ отъ ней,
 Она соперницъ не имѣла!
 Подайте Христа ради ей!

Святая воля Провидѣнья—
 Артистка сдѣлалась больна,
 Лишилась голоса и зрѣнья
 И бродить по міру она..
 Бывало, бѣдный не боится
 Прийти за милостыней къ ней,
 Она-жъ у васъ просить стыдится.
 Подайте Христа ради ей!

Нилъ.—Леру.

Тихонько Нилъ катить блѣдныя волны
 При яркомъ свѣтѣ звѣздъ златыхъ;
 Ахъ, на берегу сфинксы, тайнъ вѣчныхъ полны,
 Ахъ, утлый челнъ нашъ бѣжить отъ нихъ!
 А милый мой, опершись на корму,
 Взоромъ любви слѣдитъ все за мной.
 Я, распустивъ золотую косу свою,
 Его закрываю, какъ пеленой.
 На берегу сфинксы глядятъ на насъ,
 Въ тихомъ безмолвіи стоять.
 Звуковъ ночныхъ все полно въ этотъ часъ,
 Любовью сердца въ насъ горять.

№ 23480.

М. А. Михайлова.

Ноктюрнъ.—Шопена.

При звѣдномъ мерцаньи,
 При нѣжномъ шептаньи
 Ночныхъ вѣтерковъ,
 Въ душѣ воскресаетъ любовь.
 И къ тебѣ, другъ далекій,
 Я шлю съ тоской глубокой
 Сердца привѣтъ,
 Онъ прошлымъ согрѣтъ.
 Минутъ дни томленья,
 Настанетъ мгновенье
 Души обновленья—
 Счастья намъ блеснетъ заря.
 Наши сердца,
 Ахъ, вѣрь мнѣ, счастье
 Ждетъ, восторгъ безъ конца,
 Восторгъ безъ конца.
 Да, я вѣрю,
 Ахъ, взойдетъ любви заря!

№ 3-22870.

А. М. Лабинскій.

Но то былъ сонъ.—Лассена.

Была и у меня страна родная,
 Тамъ дубъ высоко къ небу росъ,
 Цвѣты кивали мнѣ,
 Но... то былъ сонъ!

Въ чужой странѣ предстала дѣва мнѣ,
 Красотой блистая неземной,
 Въ очахъ небесный свѣтъ,
 Но... то былъ сонъ!

И съ поцѣлуемъ вдругъ услышалъ я
 Родную рѣчь изъ устъ ея:
 „Ты мой, люблю тебя!“
 Но... то былъ сонъ!

Ночевала тучка.—Даргомыжскаго.

Ночевала тучка золотая } bis.
На груди утеса великана. }
Утромъ въ путь умчалась рано,
По лазури весело играя.
Но остался влажный слѣдъ
Въ морщинѣ стараго утеса.
Одиноко онъ стоитъ,
Задумался, задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынь.

№ 2-22777.

Н. Г. Сѣверскій.

Ноченька.

Ахъ ты, ноченька,
Ночка темная,
Ночь осенняя...
Съ кѣмъ я ноченьку,
Ночку темную,
Съ кѣмъ осеннюю
Коротать буду?
Когда милая
Моя пташечка
Изъ клѣточки
Твоей вырвешься?
Ахъ, лети скорѣй,
Моя милая!

№ 3-22555.

А. М. Лабинскій съ хор.

Ноченька.

Ахъ ты, ноченька, ночка темная,
Ночка темная, ночь осенняя,
Ночка темная, ночь осенняя...
Ни одной нѣту
Въ небѣ звѣздочки.
Съ кѣмъ мнѣ ноченьку
Ночевать будетъ?
Съ кѣмъ осеннюю
Коротать будетъ?

№ 3-22947.

О. И. Каміонскій.

Ноченька.

Ахъ ты, ноченька, ночь ты темная,
Ночь ты темная, ночь осенняя.
Что жъ ты, ноченька, такъ нахмурилась?
Ни одной нѣту въ небѣ звѣздочки.
Съ кѣмъ мнѣ ноченьку ночевать будетъ?
Съ кѣмъ осеннюю коротать будетъ?
Нѣтъ ни батюшки, нѣтъ ни матушки,
Лишь одинъ-то есть милъ сердечный другъ,
Да и тотъ со мной не въ любви живетъ.

Ночная бабочка (Palomma'e notte).—Бонджіованни.

Tiene mente sta palomma
 Comme ggira, comm'avota,
 Comme torna n'ata vota.
 Sta cerrogena attentà!
 Palummè, chist'è nu lume
 Non è rosa o è giesummino
 E tu a fforzaccà vvicino
 Te vuo mettere a vulà!
 Vattenne'a lloco!
 Vattenne pazzarella!
 Va. palummella e torna
 E torna a st'aria accussi fresca e bella!..
 O bbi cai pure mm'abbaglio chiano,
 E ca mm'abbruscio'a mano pete
 Ne vulè caccià?..

Исполняетъ два раза.

Переводъ.

Близится къ заката солнце,
 Серпъ луны ужъ серебрится..
 Отвори твое оконце,
 Дай тобою мнѣ упиться,
 Дай увидѣть глазокъ дивныхъ
 Глубину, мой ангелъ нѣжный.
 Отвори твое оконце
 Я давно здѣсь жду тебя.
 Выйди, о, выйди,
 Я съ гитарой поджидаю,
 И тогда споемъ мы дивный гимнъ
 Любви въ саду съ тобою вдвоемъ.
 Не мучь меня ты,
 Отвѣть мнѣ, умоляю:
 Счастливъ съ тобою буду иль напрасно жду
 я подъ окномъ.

Ночи безумныя.—Пригожаго.

Ночи безумныя, ночи безсонныя!..
 Душныя комнаты, пѣнье цыганское,
 Страстныя рѣчи, глаза утомленные,
 Смятыя розы, въ бокалахъ шампанское!
 Ночи безумныя, ночи безсонныя!..

Чуть позабудешься ночью морозною,
 Взглянешь на небо, луной озаренное:
 Вспомнится тройка и грозное гиканье.
 Ахъ, ночи безумныя, ночи безсонныя!
 Ночи безумныя, ночи безсонныя!

Ночной смотръ.—Глинки.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
 Изъ гроба встаетъ барабанщикъ,
 И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
 И бьетъ онъ проворно тревогу.
 И въ темныхъ гробахъ барабанъ
 Могучую будитъ пѣхоту:
 Встаютъ молодцы егеря,
 Встаютъ старики гренадеры,
 Встаютъ изъ подъ русскихъ снѣговъ,
 Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
 Встаютъ съ африканскихъ степей,
 Съ горючихъ песковъ Палестины,
 Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
 Выходитъ трубачъ изъ могилы,
 И скачетъ онъ взадъ и впередъ
 И громко трубитъ онъ тревогу.
 И въ темныхъ могилахъ труба
 Могучую конницу будитъ:
 Сѣдые гусары встаютъ,
 Встаютъ усачи кирасиры,
 И съ сѣвера, съ юга летятъ,
 Съ востока и запада мчатся,
 На легкихъ воздушныхъ коняхъ,
 Одинъ за другимъ эскадроны,
 Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ.

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
 Изъ гроба встаетъ полководецъ;
 На немъ сверхъ мундира сюртукъ,
 Онъ съ маленькой шляпой и шпагой.
 На старомъ конѣ боевомъ
 Онъ медленно ѣдетъ по фронту;
 И маршалы ѣдутъ за нимъ,
 И ѣдутъ за ними адъютанты,
 И армія честь отдаетъ.
 Становится онъ передъ нею,
 И съ музыкой мимо него
 Проходятъ полки за полками,
 Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ.

Ночныя тѣни.*Элегія Зубова.*

Тихо рѣетъ ночь,
 Все кругомъ молчитъ;
 Серебрясь луной,
 Сонный паркъ стоитъ.
 Я къ тебѣ лечу мечто
 О любви шепчу,
 Звѣздамъ только я открою,
 Какъ тебя люблю!
 Скажутъ пусть тебѣ,
 Мой далекій другъ,
 Тайну всю моихъ
 Сокровенныхъ мукъ:
 Какъ жду, люблю...

bis,

Ночь.—Рубинштейна.

Мой голосъ для тебя и ласковый, и томный } bis.
 Тревожить позднее молчанье ночи темной.
 Близъ ложа моего печальная свѣча горить,
 Мои стихи, сливаясь и журча, текутъ,
 Ручьи любви текутъ полны тобою.
 Во тѣмѣ твои глаза блистають предо мною,
 Мнѣ улыбаются,
 И звуки слышу я,
 О, мой другъ, мой вѣрный другъ,
 Люблю, твоя, люблю, твоя!
 Мой другъ, мой нѣжный другъ,
 Мой другъ, мой милый другъ,
 Твоя! Люблю тебя!
 Твоя! Твоя!

№ 3-22918.

О. И. Каміонскій.

№ 2-23353.

Р. Е. Радиана-Фигнеръ.

Ночь.—Чайковского.

Отчего я люблю тебя, свѣтлая ночь?
 Такъ люблю, что, страдая, люблюсь тобой!..
 И за что я люблю тебя, тихая ночь?
 Ты не мнѣ, ты другимъ посылаешь покой!
 Что мнѣ звѣзды, луна, небосклонъ, облака,
 облака, небосклонъ,
 Этотъ свѣтъ, что, скользя на холодный гранитъ,
 Превращаетъ въ алмазы росинки цвѣтка,
 И какъ путь золотой черезъ море бѣжитъ!
 Ночь, за что мнѣ любить твой серебряный свѣтъ?
 Усладить ли онъ горечь скрываемыхъ слезъ?
 Дастъ ли жадному сердцу желанный отвѣтъ?
 Разрѣшить ли сомнѣній тяжелый вопросъ?
 Я самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь.
 Такъ люблю, что, страдая, люблюсь тобой!
 Я самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь..
 Оттого, можетъ быть, что далекъ мой покой...

№ 3-22919.

О. И. Каміонскій.

Ночь тепла.—Кочетовой.

Ночь тепла и волшебная сзѣтитъ луна,
 Выйдемъ въ садъ, такъ не хочется спать!
 Эта чудная ночь для того создана,
 Чтобъ мечтать и любить!
 Всѣ угасли огни!
 Что томилося днемъ,
 Убаюкано ночью и спить.
 И не спить лишь любовь,
 Но горячимъ огнемъ
 Все ярче, ярче горить.
 Отгони всѣ дневныя сомнѣнія прочь,
 И не бойся меня цѣловать!
 Намъ дана эта чудная, дивная ночь,
 Чтобъ любить и мечтать! } bis.

Ночь пролетала.—Гродзскаго.

Ночь пролетала надъ міромъ,
 Сны на людей навѣвая;
 Съ темно-лазуревой ризы
 Сыпались звѣзды, сверкая.
 Старые мощные дубы,
 Вѣчно зеленые ели,
 Грустные ивы листвою
 Ночи навстрѣчу шумѣли.
 И улыбается коротко ночь,
 Надъ землею пролетая;
 Съ темно-лазуревой ризы
 Сыпались звѣзды, сверкая.

Но я васъ все-таки люблю.

Клинова.

Вы мной играете, я вижу,
 Смѣшна для васъ любовь моя;
 Порою васъ я ненавижу,
 На васъ молюсь порою я;
 Васъ позабыть не знаю средства,
 Я сердцемъ искренно скорблю,
 Хотя въ васъ царить одно кокетство,
 Но я васъ все-таки люблю!

Не мало душъ вы погубили,
 Но это вамъ не все-ль равно?
 Ахъ, никогда вы не любили,
 И вамъ любить не суждено!
 Надежда мнѣ лишь утѣшенье,
 Да, я надѣюсь и терплю;
 Бездушны вы, въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
 Но я васъ все-таки люблю!

Наступить время, можетъ статья,
 Вамъ въ сердце вкрадется любовь,
 Вы перестанете смѣяться,
 И страсть взволнуетъ вашу кровь.
 Терзанья ваши сознавая,
 Свои мученья искуплю.
 Я вамъ такихъ же мукъ желаю;
 Но я васъ все-таки люблю!

Нѣтъ, нѣтъ, не говори.

Вилинскаго.

Нѣтъ, нѣтъ, не говори,
 Не говори, что разлюбила!
 Не разбивай того, что мило,
 И холодно такъ не смотри!
 Я знаю, что въ твоей груди
 Кипитъ огонь обиды жгучей..
 Забуди ее! себя не мучай!..
 Прости меня, не осуди!
 Взгляни, мой другъ, молю,
 Опять довѣрчиво и нѣжно,
 И прошепчи мнѣ безмятежно
 Свое обычное „люблю“;
 Меня ты лучше и добрѣе,
 Меня простишь ты безъ сомнѣнья,
 Тогда я вымолю прощенье!..
 А если нѣтъ... тогда убей!

НѢТЬ, ТОЛЬКО ТОТЪ.—Чайковского.

НѢть! только тотъ, кто зналъ свиданья жажду,
 Пойметъ, какъ я страдала, какъ я стражду!
 Гляжу я вдаль, нѢть силъ, тускнѣетъ око!
 Ахъ! кто меня любилъ и зналъ—далеко!
 Ахъ! только тотъ, кто зналъ свиданья жажду,
 Пойметъ, какъ я страдала, какъ я стражду,
 Пойметъ, какъ я страдала и какъ я стражду.
 Вся грудь горитъ!
 Кто зналъ свиданья жажду,
 Пойметъ, какъ я страдала, какъ я жажду.

О ДИТЯ.—Чайковского.

О, дитя! подъ окошкомъ твоимъ
 Я тебѣ пропою серенаду.
 Убаюкана пѣньемъ моимъ,
 Ты найдешь въ сновидѣньяхъ отраду;
 Пусть твой сонъ и покой
 Въ часъ безмолвный, ночной
 Нѣжныхъ звуковъ лелѣять лобзанья!
 Много горестей, много невзгодъ
 Тебя въ жизни, дитя, ожидаетъ.
 Спи же сладко, пока нѢтъ заботъ,
 Пока сердце тревоги не знаетъ.
 Спи во мракъ ночномъ
 Безмятежнымъ ты сномъ,
 Спи, не зная земного страданья!
 Пусть твой ангелъ хранитель святой,
 Милый другъ, надъ тобою летаетъ
 И, лелѣя сонъ дѣвственный твой,
 Тебѣ райскую пѣснь напѣваетъ.
 Пусть той пѣсни святой
 Отголосокъ живой
 Тебѣ въ душу вселить упованья!
 Спи же, милая, спи, почивай
 Подъ аккорды моей серенады!
 Пусть приснится тебѣ свѣтлый рай,
 Преисполненный вѣчной отрады:
 Пусть твой сонъ и покой
 Въ часъ безмолвный, ночной
 Нѣжныхъ звуковъ лелѣять лобзанья!

**Однозвучно звенить коло-
кольчикъ.***Цыганскій романсъ.*

Однозвучно гремитъ колокольчикъ
И дорога пылится слегка;
И уныло по ровному полю
Заливается пѣснь ямщика.

Сколько чувства въ той пѣснѣ унылой,
Сколько чувства въ напѣвѣ родномъ:
То въ груди моей страстною силой
Разгорѣлося сердце огнемъ.

И припомнилъ я ночи другія,
И другія поля, и лѣса,
И на очи, давно ужъ сухія,
Набѣжала, какъ искра, слеза.

Однозвучно гремитъ колокольчикъ
И вдали отливая слегка,
И замолкъ мой ямщикъ... а дорога
Предо мной далека, далека...
И дорога горька, далека.

№ 3-22847.

А. М. Лабинскій.

Она была твоя.—Гречанинова.

„Она была твоя!“

Шепталъ мнѣ вечеръ мая,
Дразнила долго пѣсня соловья.
Теперь онъ замолчалъ,
И эта ночь нѣмая
Мнѣ шепчетъ вновь:
„Она была твоя!“
Какъ листья тополей
Въ сіяньи серебристомъ,
Мерцаетъ прошлое, погибшее давно;
О немъ мнѣ говорятъ,
И звѣзды въ небѣ чистомъ,
И запахъ резеды, ворвавшійся въ окно.
И некуда бѣжать, и мучить ночь нѣмая,
Рисуя милыя, знакомыя черты.
О, незабвенная, о, вѣчно дорогая,
Откликнись, отзовись, скажи мнѣ,
Гдѣ же ты? О, гдѣ же ты?

№ 3-22727.

О. И. Каміонскій.

Она хохотала.—Лишина.

Ее въ грязи онъ подобралъ;
Чтобъ все достать ей, красть онъ сталъ;
Она въ довольствѣ утопала
И надъ безумцемъ хохотала.
И шли пиры, но дни текли.
Вотъ утромъ разъ за нимъ пришли...
Ведутъ въ тюрьму,
Она стояла передъ окномъ и хохотала.
Онъ изъ тюрьмы ее молилъ:
Я безъ тебя душой изнылъ!
Въ тебѣ блаженство, упоенье,
Съ тобой забуду всѣ мученья,
Приди ко мнѣ, приди ко мнѣ!..
Она стояла передъ окномъ и хохотала.
Онъ въ шесть по утру былъ казненъ
И въ семь во рву похороненъ,
А ночь пришла, она плясала,
Пила вино и хохотала, и хохотала!

Они полюбили.—Врангеля.

Они полюбили другъ друга,
 Но каждый упорно молчалъ
 И тайную муку недуга
 Одинъ отъ другого скрывалъ.
 Они разошлись, но до гроба
 Въ изгнаньѣ страдали своемъ.
 Они сердцемъ умерли оба
 И сами не знали о томъ.

№ 2-22766.

Н. Г. Сѣверскій.

О ночь волшебная.—Зубова.*Цыганскій романсъ.*

О ночь волшебная, полная нѣги,
 Будишь ты грезы о счастье минувшемъ!
 Гдѣ ты желанная, гдѣ, отзовися,
 Приди на страсти призывъ. Ахъ!
 Жажду свиданья, жажду лобзанья,
 Приди, мой ангелъ,
 Я въ ожиданьи,
 Дай поцѣлуемъ твоимъ упиться,
 Въ страстныхъ объятяхъ умереть!

Но нѣтъ отвѣта мнѣ,
 Снова одинъ я,
 Кругомъ безмолвная,
 Темная ночь...
 Бѣдное сердце навѣки разбито,
 Горя нѣтъ силъ превозмочь. Ахъ!
 Жажду свиданья, жажду лобзанья... и т. д.

№ 2-22735.

Н. Г. Сѣверскій.

О нѣтъ, мечты.—Зубова.

Если-бъ меня ты немножко любила,
 Жалостью сердце прониклось въ тебѣ,
 Жизнь бы мою такъ легко не разбила,
 Счастье дала бы ты мнѣ.
 Ахъ! О, нѣтъ, мечты о невозвратномъ,
 Молю, меня бѣгите прочь;
 Пусть для меня настанетъ
 Забвенья ночь, забвенья ночь.

Хочется вѣрить—весна возвратится,
 Розъ до меня долетитъ ароматъ,
 Прежнимъ любви огонькомъ озарится
 Мнѣ твой привѣтливый взглядъ.
 Ахъ! О, нѣтъ, мечты о невозвратномъ,
 Молю, меня бѣгите прочь;
 Пусть для меня настанетъ
 Забвенья ночь, забвенья ночь.

*) Начало этой пластинки см. романсъ „Ты мое утро“.

Опять вечерняя заря.

Н. Званцева.

Опять вечерняя заря смѣнила
 Веселый блескъ и ликование дня,
 И ночи тишина повсюду наступила,
 Въ поляхъ, въ лѣсахъ и въ сердцѣ у меня...
 И въ тотъ часъ таинственный и нѣжный,
 Часъ, полный сказочныхъ и непонятныхъ грезъ,
 Подъ блѣдный свѣтъ зари, неровный и безбрежный
 Я чувствую въ душѣ приливъ сладкихъ слезъ.
 И тихо плачу я... О чемъ? Сама не знаю...
 Но такъ отраднѣ мнѣ, на сердцѣ такъ легко,
 Что все хорошее я только вспоминаю,
 А зла какъ будто нѣтъ... Оно такъ далеко...

№ 3-22703.*)

Н. Н. Фигнеръ.

Оставь меня.—Давыдова.

Оставь меня, меня печаль тревожитъ!
 Душа мучительныхъ раскаяній полна,
 И вотъ она ужъ вынести не можетъ
 Всего того, что вынесла она!

Оставь меня, безумствуя, тоскуя,
 Какъ бредомъ пламеннымъ тобой исполненъ я,
 И все что чувствую, чего желать могу я,
 Все въ этомъ возгласъ: Оставь меня!..

№ 2-22747.**)

А. М. Давыдовъ

№ 3-22504.

Л. М. Сибиряковъ.

Отойди.—Давыдова.

Цыганскій романсъ.

Отойди, не гляди,
 Скройся съ глазъ моихъ!
 Сердце ноетъ въ груди, } bis.
 Нѣту силъ никакихъ.

Отойди! отойди!

Мнѣ блаженства съ тобой
 Не дадутъ, не дадутъ,
 А тебя съ красотой } bis.
 Продадутъ, продадутъ.

Отойди! отойди!

Для меня ли твоя

Красота, $\frac{\text{посуди,}}{\text{твоя}}$

$\frac{\text{Денегъ}}{\text{Счастья}}$ нѣтъ у меня, } bis.
 Одинъ крестъ на груди.

Отойди! отойди!

Нѣтъ, съ ума я сойду,

Обожая тебя,

Не ручаюсь — убью } bis.
 И тебя и себя.

Отойди! отойди.

*) Прод. этой пластинки см. романсъ „Я помню вечеръ“.

**) Поетъ только 3 куплета.

Очи черныя.

Цыганскій романсъ.

Очи черныя, очи страстныя,
 Очи жгучія и прекрасныя!
 Лишь увидѣлъ я васъ, }
 Потерялъ покой } bis.
 И весь міръ забылъ }
 Я для васъ одной. }

Очи черныя, очи страстныя,
 Очи жгучія и прекрасныя!..
 Не встрѣчалъ бы васъ, }
 Не страдалъ теперь, } bis.
 Я бы прожилъ жизнь }
 Припѣваючи. }

Очи черныя, очи страстныя,
 Очи жгучія и прекрасныя!..
 Вы сгубили меня, }
 Очи черныя! } bis.
 Унесли навѣкъ }
 Мое счастье. }

№ 2-22748.

А. М. Давыдовъ.

№ 3-22851.

М. И. Вавичъ.

№ 2-22961.

А. Д. Давыдовъ.

Пара гнѣдыхъ.—Пригожаго.

Пара гнѣдыхъ, запряженныхъ съ зарею,—
 Тошихъ, голодныхъ и грустныхъ на видъ,
 Тихо плететесь вы мелкой рысцою
 И возбуждаете смѣхъ у иныхъ!
 Были когда-то и вы рысаками,
 И кучеровъ вы имѣли лихихъ;
 Ваша хозяйка состарились съ вами..
 Пара гнѣдыхъ, пара гнѣдыхъ!

Грекъ изъ Одессы, еврей изъ Варшавы,
 Юный корнетъ и сѣдой генералъ,—
 Каждый искалъ въ ней любви и забавы
 И на груди у нея засыпалъ.

Гдѣ же ^{теперь,}
 они въ какой новой богинѣ

Ищутъ ^{они}
 теперь идеаловъ своихъ?

Вы, только вы лишь вѣрны ей понынѣ:
 Пара гнѣдыхъ, пара гнѣдыхъ.

Тихо... туманное утро въ столицѣ..
 По улицѣ медленно дроги ползутъ,
 Въ гробѣ сосновомъ останки блудницы
 Пара гнѣдыхъ еле еле везутъ.
 Кто провожаетъ ее на кладбище?
 Нѣтъ у нея ни друзей, ни родныхъ;
 Нѣсколько только оборванныхъ нищихъ,
 Да пара гнѣдыхъ, пара гнѣдыхъ!

Плѣнившись розой, соловей.

Римскаго-Корсакова.

Плѣнившись розой, соловей
 И день и ночь поетъ надъ ней,
 Но роза молча пѣснямъ внимлетъ...
 На лирѣ такъ поетъ пѣвецъ,
 Поетъ для дѣвы молодой;
 А дѣва милая не знаетъ,
 Кому поетъ и отчего
 Печальны пѣсни такъ его?

Покинуть міръ.—Тости.

Покинуть міръ желалъ бы въ то мгновенье,
 Когда весна всей природѣ несетъ обновленье,
 И коверъ изъ цвѣтовъ лугъ покрываетъ,
 Пташка вновь средь лѣсовъ пѣть начинаетъ.
 Вотъ, въ мигъ такой, весной златой,
 Желалъ бы я покинуть міръ страданья.
 Въ иную жизнь, исполненъ упованья,
 Навѣкъ простясь съ тревогою земною,
 Угаснуть вмѣстѣ я-бъ желалъ съ зарею;
 Чтобъ я угасъ въ вечерній часъ,
 Душа бъ неслась туда, гдѣ есть страданья,
 Творцу она-бъ предстала безъ роптанья и полной
 упованья.

Когда-жъ кругомъ все тучи застилаютъ
 И бури стонъ зловѣщій раздается,
 Когда съ деревьевъ всѣ листья опадаютъ,—
 Тогда душа невольно содрогнется,
 И міръ тѣней вновь страшень ей.
 Въ иную жизнь, исполненъ упованья,
 Желалъ бы я покинуть міръ страданья,
 Навѣкъ простясь съ тревогою земною,
 Угаснуть вмѣстѣ я бъ желалъ съ зарею,
 Чтобъ я угасъ въ заката часъ.
 Была бы жизни легче мнѣ утрата,
 Когда бъ угасъ весною, въ часъ заката,
 Весною, въ часъ заката
 Я бъ такъ желалъ покинуть міръ.

Полюбила я на печаль свою.*(Пѣсня солдатки).*

С. Рахманинова.

Полюбила я, на печаль свою,
 Сиротинушку безталаннаго.
 Ужъ такая доля мнѣ выпала!
 Разлучили насъ люди сильные—
 Увели его, сдали въ рекруты...
 И солдаткой я, одинокой я,
 Знать, въ чужой избѣ и состарѣюсь.
 Ужъ такая доля мнѣ выпала!
 Ахъ!

Поминальный день.—Лассена.

Розъ мнѣ нарви, смѣшай ихъ съ резедою,
И астръ осеннихъ больше принеси,
Сядь, о любви поговоримъ съ тобою,
Какъ въ майскій день,—въ тотъ день весны.

Дай руку мнѣ, ее пожму я страстно,
Мнѣ все равно, что скажутъ всѣ они...
Дай взгляды одинъ очей твоихъ прекрасныхъ,
Какъ въ майскій день,—въ тотъ день весны.

Сегодня день усопшихъ нашихъ братьевъ,
И на могилы тамъ несутъ цвѣты;
Приди ко мнѣ, мой другъ, въ мои объятья,
Какъ въ майскій день,—въ тотъ день весны

Послѣдній нонѣшній денечекъ.

Послѣдній нонѣшній денечекъ
Гуляю съ вами я, друзья,
А завтра рано на разсвѣтѣ
Уѣхать долженъ буду я.
Коляска къ дому подкатила,
Колеса объ землю стучать,
А староста въ окно стучится:
Давайте вы сына своего!
Крестьянскій сынъ. давно готовый,
Въ объятьяхъ матери своей.
Прощай ты, мать моя родная,
Прощай ты, вся моя семья,
Прощай ты, Новая деревня,
Прощайте всѣ, милые друзья!
На Фенджурійскомъ перевалѣ
Убить, навѣрно, буду я.

Послѣдній нонѣшній денечекъ.

Послѣдній нонѣшній денечекъ
Гуляю съ вами я, друзья,
А завтра рано, чуть свѣтаетъ,
Заплачетъ вся моя семья.
Заплачетъ мать, заплачутъ сестры,
Заплачетъ родный мой отецъ.
Карета къ дому подъѣзжаетъ,
Колеса объ землю стучать,
Ужъ староста въ окно стучится: } bis.
Давайте сына вы своего!
Прощай ты, Новая деревня,
Прощайте, милые друзья!
На Фенджурійскомъ перевалѣ } bis.
Убить, навѣрно, буду я.

Поэзія. — Аренскаго.

За много лѣтъ назадъ, изъ тихой сѣни рая,
 Въ вѣнкѣ душистыхъ розъ, съ улыбкой молодой,
 Она сошла въ нашъ міръ, прелестная, нагая,
 И гордая своей невинной красотой.
 Она несла съ собой невѣдомыя чувства,
 Гармонію небесъ и преданность мечтѣ,
 И былъ законъ ея — искусство для искусства,
 И былъ завѣтъ ея — служенье красотѣ.
 Но съ первыхъ же шаговъ съ чела ея сорвали
 И растоптали въ прахъ роскошные цвѣты,
 И темнымъ облакомъ сомнѣнья и печали
 Покрылись дѣвственно-прекрасныя черты.
 И прежнихъ гимновъ нѣтъ! Ликующіе звуки
 Дыханіемъ грозы безслѣдно унесло,
 И дышетъ пѣснь ея огнемъ душевной муки,
 И тернія язвятъ небесное чело.

№ 2-22658.

Л. Собиновъ.

Постой, здѣсь хорошо.

Постой, здѣсь хорошо! Зубчатой и широкой
 Каймою тѣнь легла отъ сосенъ въ лунный свѣтъ...
 Какая тишина! Изъ-за горы высокой
 Сюда и доступа мятежнымъ звукамъ нѣтъ.
 Я не пойду туда, гдѣ камень вѣроломный,
 Скользя изъ подъ пяты съ отвѣсныхъ береговъ,
 Летитъ на кражѣ морской, гдѣ въ морѣ валъ
 огромный
 Придетъ и убѣжить въ объятія валовъ.
 Одна передо мной, подъ мирными звѣздами,
 Ты здѣсь царица чувствъ, властительница думъ...
 А тамъ придетъ волна и грянетъ между нами...
 Я не пойду туда... Тамъ вѣчный плескъ и шумъ...

№ 2-24049.

Иупрынниковъ, Сафоновъ,
Касторскій, Кедровъ.

Привѣтъ. — Гертеля.

Привѣтъ тебѣ, красавица!
 Но гдѣ же ты?
 Я полонъ ожиданья!
 Къ тебѣ летятъ мои мечты
 И пылкія желанья!
 Мой милый другъ, пойми меня,
 Какъ сильно я люблю тебя!

Привѣтъ тебѣ, красавица!
 Уснула ты и про меня забыла,
 Но я одинъ здѣсь, подъ окномъ,
 Кругомъ брожу уныло...
 Мой милый другъ, пойми меня,
 Какъ сильно я люблю тебя!

Приди ко мнѣ. — Грече-Соболевской.

Приди ко мнѣ подъ нѣжный сумракъ ночи,
Я жду тебя въ нѣмой тиши аллеи;
Тамъ звѣздъ горятъ задумчивыя очи,
Намъ о любви рокочатъ соловьи.
Приди ко мнѣ подъ нѣжный сумракъ ночи,
Я жду тебя, какъ жду спасенья часть.
Благодарятъ небесъ далекихъ очи
И рай земной въ объятяхъ — и весна!

№ 3-22513.

Н. А. Большаковъ.

Примиреніе. — Бауера.

Когда твой взоръ блеститъ
Довѣріемъ ко мнѣ,
Страданье прочь летитъ,
И замолчитъ укоръ во мнѣ;
И трепетнѣй я жду,
Я жду волшебныя слова:
Люблю тебя, люблю тебя, } bis.
Ты съ клятвой это повтори мнѣ!

Такъ искренно любить,
Какъ я тебя люблю,
Не можетъ ужъ никто!
Нѣтъ, уже, никто, уже никто!
Когда потухнетъ взоръ,
Свидѣтель тяжкихъ, тяжкихъ мукъ,
Тогда скажи, скажи вездѣ: } bis.
Онъ умеръ изъ любви ко мнѣ!

№ 3-22506.

Л. М. Сибиряковъ.

Пріютъ. — Шуберта.

Горный потокъ, чаща лѣсовъ, } bis.
Голыя скалы — мой пріютъ, }
Тамъ, какъ кипучія волны идутъ,
Тайно и горько такъ слезы бѣгутъ;
Тамъ, какъ деревья шумятъ въ вышинѣ, } bis.
Такъ сердце бьется, трепещетъ во мнѣ. }
Горный потокъ, чаща лѣсовъ,
Голыя скалы — мой пріютъ,
Бурный потокъ, чаща лѣсовъ,
Голыя скалы, бурный потокъ,
Чаща лѣсовъ — вотъ мой пріютъ!

*) Продолженіе этой пластинки см. „Испанская серенада“ Гота.

Птичка.—Гречанинова.

Пахнетъ полемъ воздухъ чистый...
 Въ безмятежной тишинѣ
 Пѣсни птички голосистой
 Раздаются въ вышинѣ.
 Есть у ней своя подруга,
 Есть у ней пріютъ ночной
 Средь некошеннаго луга,
 Подъ росистою травой.
 Въ небесахъ, но не для неба,
 Вся полна живыхъ заботъ,
 Для земли, не ради хлѣба,
 Птичка весело поетъ.
 Внемля ей, невольно стыдно,
 Невольно стыдно, и порой
 Сердцу гордому завидна
 Доля птички полевой.

№ 022096.

Ө. И. Шаляпинъ.

№ 3-22566.

В. И. Касторскій.

Пѣснь о блохѣ.—Мусоргскаго.

Жилъ былъ король когда то,
 При немъ блоха жила,
 Блоха, блоха!
 Милѣй родного сына
 брата

Она ему была,
 Блоха!.. ха-ха-ха,
 Блоха...

Зоветь король портного:
 „Послушай ты, чурбанъ,
 Для друга дорогаго
 Сшей бархатный кафтанъ“.

Блохъ кафтанъ?..
 Ха-ха, блохъ,
 Ха-ха, кафтанъ,
 Ха ха, ха ха,
 Блохъ кафтанъ!..

Вотъ въ золото и бархатъ
 Блоха наряжена,
 И полная свобода
 Ей при дворѣ дана.

Ха-ха, ха-ха-ха,
 Блохъ!.. ха-ха-ха
 Блохъ!..

Король ей санъ министра
 И съ нимъ звѣзду даетъ,
 За нею и другія
 Пошли всѣ блохи въ ходъ.
 И самой королевѣ,
 И фрейлинамъ ея
 Отъ блохъ не стало мочи,
 Не стало и житья, ха-ха.
 И тронуть то боятся,
 Не то чтобы ихъ бить,
 А мы, кто сталъ кусаться,
 Сейчасъ давай душисть.
 Ха-ха, ха-ха.

Пѣла, пѣла пташечка. Рубинштейна.

Пѣла, пѣла пташечка
И затихла,
Знало сердце радости
И забыло.
Что пѣвунья пташечка
Замолчала?
Какъ то сердце свѣдалось
Съ черномъ горемъ?
Ахъ, злыя вьюги
Осушили молодца.
Улетѣть бы пташечкѣ,
Полетѣть бы пташечкѣ,
Убѣжать бы молодцу,
Улетѣть бы пташечкѣ
Къ синему морю,
Убѣжать бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій.
На морѣ валы шумятъ,
А не вьюги;
Въ лѣсу звѣри люты, да не люди.
Ахъ! На морѣ не вьюги.
Ахъ! Въ лѣсу не люди. Ахъ!

№ 022092.

Ө. И. Шаляпинъ.

Пѣснь убогаго странника. Слова Некрасова, музыка Невструева- Маныкина.

Я лугами иду: вѣтеръ свищетъ въ лугахъ:
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькій, холодно!
Я лѣсами иду, звѣри воютъ въ лѣсахъ:
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькій, голодно!
Я хлѣбами иду: что вы тощи хлѣба?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду,
Съ холоду, родименькій, съ холоду!
Я стадами иду: что скотинка слаба?
Съ голоду, странничекъ, съ голоду,
Съ голоду, родименькій, съ голоду!
Я въ деревню:—мужикъ, ты тепло ли живешь?
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькій, холодно!
Я въ другую:—мужикъ, хорошо ли ѣшь-пьешь?
Голодно, странничекъ, голодно,
Голодно, родименькій, голодно!
Ужъ я въ третью:—мужикъ, что ты бабу то бьешь?
Съ голоду, странничекъ, съ голоду,
Съ голоду, родименькій, съ голоду!

№ 3-22735.

Н. Д. Вѣковъ.

№ 2-23369.

Е. И. Збруева.

Разбитая ваза. — Аренскаго.

Ту вазу, гдѣ цвѣтокъ ты сберегала нѣжный,
Ударомъ вѣра толкнула ты небрежно
И трещина едва замѣтная на ней осталась.
Съ тѣхъ поръ прошло немного дней,
Небрежность дѣтская твоя давно забыта,
А вазѣ ужъ грозить неожиданная бѣда.
Увяль ея цвѣтокъ, ушла ея вода...
Не тронь ея, она разбита.

Такъ сердца моего коснулась ты рукой,
Рукою нѣжной и любимой,
И съ той поры, какъ отъ обиды злой,
Остался слѣдъ на немъ неизгладимый.
Попрежнему и бьется, и живетъ,
Отъ всѣхъ его страданье скрыто,
Но рана глубока и $\frac{\text{каждый день}}{\text{съ каждымъ днемъ}}$ растеть.
Не тронь его, оно разбито.

№ 2-24030.

Скуба, Рогинскій, Букинъ.

Разсѣвается, разступается. Хоршевича-Терницкаго.

Разсѣвается, разступается
Грусть подъ думами могучими,
Въ душу темную пробивается,
Словно солнышко между тучами.
Ой ли, молодецъ? — не разступится,
Не разсѣется ночь осенняя;
Скоро свѣдаешь, чѣмъ искупится
Не показанный мигъ веселія.
Прикачнулася, привалилася
Къ сердцу съизнова грусть обычная,
И головушка вновь склонилася,
Безталанная, горемычная.

№ 3-22516.

А. М. Давыдовъ.

Распошелъ.

Цыганскій романсъ.

Лунная ночка, сѣрый конь лихой,
Вѣрно къ цыганамъ тамъ пиръ идетъ горой.
Эхъ, распошелъ, ту мросивый грай пошелъ
Эхъ, распошелъ, ту хорошая моя.
Зоветь меня начальникъ, даетъ мнѣ приказъ:
Гони, братъ, скорѣе ты вѣрнаго коня!
Эхъ, распошелъ... и т. д.
Налейте бокалы, налейте вина,
Невзгоды забудемъ, коль выпьемъ до дна!
Эхъ, распошелъ... и т. д.
Черныя очи, да бѣлая грудь
До самой зари покой мнѣ не дають!
Эхъ, распошелъ... и т. д.

Робко подъ окномъ шумять березы.—Вердеревскаго.

Робко подъ окномъ шумять березы,
 Нѣжный аромать струять сирени...
 Навѣваетъ все мечты и грезы,
 Меркнетъ лунный свѣтъ, густѣютъ тѣни.
 Нѣтъ тебя, но ты всегда со мною!
 Соловей запѣлъ—молчать нѣтъ силы...
 Соловей влюбленъ, какъ я, весною
 И рыдаетъ онъ, какъ я, въ ночной тиши.

№ 2-24020. *)

Чупрынниковъ, Сафоновъ,
Касторскій и Кедровъ.

Свадебная пѣснь „На горѣ“.

Перелож. А. Лядова.

На горѣ, горѣ,	} bis.
Да на всей красотѣ,	
Стоялъ городокъ,	} bis.
Городъ каменной.	
Въ этомъ городу	} bis.
Сила войска стоятъ.	

3-22840.

А. М. Давыдовъ.

Серце мое болитъ.—Тости

Сердце мое болитъ, исходитъ кровью...
 Смерти недолго мнѣ придется ждать!
 Недугъ ужасный мой зовутъ любовью,
 Но тайны своей никому не хочу сказать.
 Какъ лучъ свѣта, мнѣ жизнь онъ озаряетъ—
 Безгранична любовь святая моя.
 Вотъ она проходитъ, а сердце замираетъ
 И радостно забьется, хоть плачу я, да, плачу я!
 Не обольщалъ я себя надеждой,
 Тайну въ сердцѣ хранилъ я такъ глубоко,
 Что даже, если смерть сомкнетъ мнѣ вѣжды,—
 Не будетъ знать никто, какъ любилъ я ее!
 Какъ бы мнѣ къ ней протянуть хотѣлось руки
 И прошептать, что страстно ее я люблю!
 Но на устахъ замираютъ эти звуки,
 Разумъ хладѣетъ... я все жъ молчу.
 Болитъ такъ сердце, исходитъ кровью...
 Недолго смерти здѣсь я буду ждать!

*) Продолж. этой пластинки см. рус. пѣснь „Луговую“.

№ 2-23346.

М. А. Михайлова.

№ 2-23132.

А. В. Нежданова.

Серенада.—Гуно.

Когда я, какъ ребенка, качаю тебя,

И поешь ты тихонько, тебѣ внимаю я,

Вспоминается съ пѣсней дней $\frac{\text{свѣтлыхъ}}{\text{прошедшихъ}}$ пора.

Ахъ!

О, пой, мой другъ прелестный,

О, пой, мнѣ такъ всегда!

О, пой, мой другъ прелестный,

Пой такъ всегда!

О, пой, пой всегда!

Когда ты засыпаешь при свѣтѣ луны

И во снѣ повторяешь слова святой любви,

На твой ликъ небесный гляжу съ восторгомъ я.

Ахъ!

О, спи, мой другъ прелестный, } bis.

Спи сладко такъ всегда.

О, спи, мой другъ,

Спи такъ всегда!

№ 3-22556.

А. М. Лабинскій.

Серенада.—Абта.

Ночь сошла на землю,

Тихо... все кругомъ

Скоро опустѣло —

Все объято сномъ.

Лишь одинъ я подъ окномъ стою

И тебѣ, мой другъ, въ тиши пою:

Баю-бай, баю-бай,

Пусть тебѣ приснится рай.

} bis.

А въ твоей свѣтелкѣ

Миръ и тишина,

И луна играетъ

На стеклѣ окна.

Лишь одинъ я подъ окномъ стою

И тебѣ, мой другъ, въ тиши пою:

Баю-бай, баю-бай,

Пусть тебѣ приснится рай.

№ 23475.

М. А. Михайлова.

Серенада.—Шуберта.

Пѣснь моя летитъ съ мольбою

Тихо въ часъ ночной,

Въ рощу легкою стопою

Ты приди, другъ мой!

При лунѣ шумятъ уныло

Листья въ позднѣй часъ,

И никто, о, другъ мой милый,

Не услышитъ насъ!

Слышишь, въ рощѣ зазвучали

Пѣсни соловья,

Звуки ихъ, полны печали,

Молятъ за меня!

Въ нихъ понятно все томленье,

Вся тоска любви,

И наводятъ умиленье

На душу они!

Дай же доступъ ихъ призванью

Ты въ душѣ своей,

И на тайное свиданье

Ты приди скорѣй!

Серенада четырехъ кавалеровъ одной дамѣ.—Бородина.

Дрень, дрени, дрени, дрень и т. д.
 Покуда объята вся улица сномъ,
 Мы здѣсь собралися у васъ подъ окномъ;
 Знакомы намъ двери, знакомъ намъ вашъ домъ,
 Скорѣй отворите, скорѣй, мы васъ ждемъ.
 Пустите, пустите, пустите вы насъ:
 Всѣ четверо, четверо любимъ мы васъ!
 Ахъ, какъ люблю я васъ!
 Ахъ, какъ мы любимъ васъ!

Дрень, дрени, дрени, дрень и т. д.
 Любовью сгораемъ мы всѣ вчетверомъ
 И долго, ахъ, долго стоимъ подъ окномъ!
 Стоимъ мы, стоимъ мы, стоимъ и поемъ:
 Скорѣй отворите,—не то мы уйдемъ!
 Пустите, пустите, пустите вы насъ:
 Всѣ четверо, четверо любимъ мы васъ!
 Ахъ, какъ люблю я васъ!
 Ахъ, какъ мы любимъ васъ!

№ 3-22774.

О. И. Каміонскій.

№ 3-22736.

Н. Д. Вѣковъ.

Серенада Донъ - Жуана.
Направника.

Гаснутъ дальней Альпухары
 Золотистые края,
 На призывный звонъ гитары
 Выйди, милая моя.
 Всѣхъ, кто скажетъ, что другая
 Здѣсь равняется съ тобой,
 Всѣхъ, любовію сгорая,
 Всѣхъ зову на смертный бой.
 Отъ луннаго свѣта
 Зардѣль небосклонъ...
 О, выйди, о, выйди, Нисета,
 Скорѣй на балконъ!

Отъ Севильи до Гренады,
 Въ тихомъ сумракѣ ночей,
 Раздаются серенады,
 Раздается стукъ мечей.
 Много крови, много пѣсенъ
 Для прелестныхъ льется дамъ,
 Я же той, кто всѣхъ милѣе,
 Пѣснь и кровь $\frac{\text{мою}}{\text{свою}}$ отдамъ.

Отъ луннаго свѣта
 Зардѣль
 Горитъ небосклонъ...
 О, выйди, Нисета,
 Скорѣй на балконъ!

Скиталецъ.—Шуберта.

Иду я съ горъ, горитъ заря,
 Туманъ встаетъ, шумятъ моря!
 Гдѣ-жъ ты, желанная страна,
 Твержу со вздохомъ! Гдѣ жъ она?
 Здѣсь даже солнце не тепло,
 И здѣсь весною не свѣтло,
 Здѣсь всѣ такъ холодны со мной,
 Я всѣмъ чужой, вездѣ чужой!
 О, гдѣ-жъ ты, о, гдѣ-жъ ты,
 Край родимый мой!?
 Когда жъ я приду домой?
 Тамъ все свѣтло, тамъ все поетъ,
 Тамъ роза чудная цвѣтетъ,
 И все, что мило мнѣ, живетъ,
 И все, что умерло, встаетъ.
 Звучитъ родная рѣчь кругомъ...
 Мой край, о, гдѣ-жъ ты?
 Гдѣ-жъ ты, желанная страна,
 Твержу со вздохомъ,
 Гдѣ же она, гдѣ жъ она?
 И тайный голосъ далъ отвѣтъ—
 Тамъ хорошо намъ, гдѣ насъ нѣтъ!

Сколько нѣги, любви.
Штейнберга.

Сколько нѣги, любви
 И блаженства сулятъ
 Мнѣ улыбка, и твой взглядъ,
 И твоя красота!
 Вѣчно бъ у ногъ твоихъ
 Я-бъ мечталъ все о тебѣ,
 Чтобы, внявъ моей мольбѣ,
 Ты дала мнѣ счастья мигъ.
 Пойми, пойми, тебя я обожаю,
 Ты мой кумиръ,
 Блаженство, мой восторгъ!

Ты грустна и молчишь,
 Взоръ подернуть слезой...
 Неужель я твой покой
 Разбудилъ и разбилъ?
 Ты грустна и молчишь,
 Но твоя грусть, нѣтъ, не та,
 Такъ зачѣмъ же, жизнь моя,
 Ты свою любовь таишь?
 „На мигъ твоя!“ Тебя я умоляю,
 Ты мой кумиръ,
 Блаженство, мой восторгъ!

Сладкимъ запахомъ сирени.
Плотникова.

Сладкимъ запахомъ сирени
Напоенъ душистый садъ,
И прозрачной ночи тѣни
Дымкой свѣглою лежатъ.
Соловьи, не умолкая,
Звонко свищутъ надъ рѣкой,
Отчего же, дорогая
Въ эту ночь ты не со мной?
Ночь свѣтла, бѣлѣютъ тѣни,
Льется въ окна ароматъ...
Сладкимъ запахомъ сирени
Напоенъ душистый садъ.
Отчего же, дорогая,
Въ эту ночь ты не со мной?

№ 2-52643.

А. М. Давыдовъ.

Comme' o zuccaro.—Р. Е. Fonzo.

Chi dice ea l'ammore è nu veleno amaro,
Oè nato senza core, o n'ha saputo amà.
Dicello tu, Mari, l'ammore che cos'è,
Che mette m'pietto a te, m'pietto a me,
Diccelo tu, Mari, Mari...
L'ammore è comme'o succhero,
L'amore è comme'o mêle,
S'ha dda sape ausà, si te vuò conzola!
Na vocca eu'ata vocca c'a passiona attacca
Te fanno assaie cchiù ricco è tutte quante'erre...
Die celo tu, Mari, sta vocca toia che fa,
Quanno abbracciafa a me tuffa a me
M'a viene a ddà, Mari... Mari...
L'ammore e commé.... etc.

Переводъ.

Сладость любви.—П. Фонцо.

Кто злобно увѣряетъ, что нѣтъ въ любви отрады,
Тотъ мало понимаетъ, иль не умѣлъ любить.
Мой другъ, я объясню значеніе любви,
Тебѣ я расскажу, что меня къ тебѣ влечетъ.
Маріетта! Любовь даетъ утѣшеніе,
Радость и наслажденіе.
О, какъ сладка любовь,
Волнуя нашу кровь!
Къ любви мы всѣ стремимся
И жаждемъ пылкой страсти,
Любви мы покоримся, подвластны ей одной.
Но, вмѣсто словъ, тебя я крѣпко обойму
И ты поймешь сама
Силу страсти и любви.
Маріетта! и т. д.

Солнце всходитъ и заходитъ.*Изъ драмы. „На днѣ“.*

Солнце всходитъ и заходитъ,
 А въ тюрьмѣ моей темно,
 Дни и ночи часовые... да, эхъ,
 Стерегутъ мое окно!

Какъ хотите, стерегите,
 Я и такъ не убѣгу,
 Мнѣ и хочется на волю... да, эхъ—
 Цѣпь сорвать я не могу!

Ахъ вы цѣпи мои цѣпи,
 Вы желѣзны сторожа,
 Не сорвать мнѣ, не порвать васъ... да, эхъ—
 Истомилась вся душа!

Солнца лучъ уже не заглянетъ,
 Птицъ не слышны голоса,
 Какъ цвѣтокъ и сердце вянетъ... да, эхъ —
 Не глядѣли бы глаза!

Солнышко. — Варламова.

Не кажи ты, солнышко,
 Золотыхъ лучей,
 Не напomini, ясное,
 Дорогихъ очей!
 Безъ тебя мнѣ, свѣтлое,
 Вѣкъ ихъ не забыть,
 Безъ тебя мнѣ, ясное,
 Другихъ не любить!

Что за мутность свѣтлая,
 Что за томность въ нихъ,
 Что за нѣга милая
 Въ тихо-голубыхъ!
 Какъ ихъ вспомнишь, юныя,
 Тяжко грудь вздохнетъ;
 Какъ увидишь, свѣтлыя, —
 Сердце обомретъ.

Не кажи ты, солнышко,
 Золотыхъ лучей,
 Не напomini, красное,
 Дорогихъ очей!
 Безъ тебя мнѣ, свѣтлое,
 Вѣкъ ихъ не забыть,
 Безъ тебя мнѣ, ясное,
 Другихъ не любить!

Соловей. — Алябьева.

Соловей мой, соловей, голосистый соловей!	} bis.
Ты куда, куда летишь,	
Гдѣ всю ночь пропоешь?	
Соловей мой, соловей, голосистый соловей!	
Соловей мой, соловей, голосистый соловей!	

Солнышко мое.*Неапол. пѣснь.*

Какъ ярко свѣтитъ послѣ бури солнце!
 Его волшебный лучъ все оживляетъ!
 И къ новой жизни травку пробуждаетъ.
 Какъ ярко свѣтитъ послѣ бури солнце!
 Я знаю солнце свѣтлѣй еще:
 Ты—дорогая, солнышко мое!
 Одна, о дорогая, солнышко ты мое!

Какъ дивно свѣтитъ солнце въ часъ заката,
 Лучами алыми міръ заливая,
 Привѣтъ прощальный шлетъ, насъ покидая!
 Какъ дивно свѣтитъ солнце въ часъ заката!
 Я знаю солнце свѣтлѣй еще:
 Ты—дорогая, солнышко мое!
 Одна, о дорогая, солнышко ты мое!

№ 24380.

М. Михайлова и К. Тугаринова.

Сомнѣніе.—Глинки.

Уймись волненія страсти,
 Засни безнадежное сердце!
 Я плачу, я стражду,
 Душа утомилась въ разлукѣ;
 Я стражду, я плачу,
 Не выплакать горя въ слезахъ.
 Напрасно надежда мнѣ счастье гадаеть,
 Не вѣрю, не вѣрю обѣтамъ коварнымъ,
 Разлука уноситъ любовь.
 Минуетъ печальное время,
 Мы снова обнимемъ другъ друга,
 И страстно, и жарко
 Забьется воскресшее сердце.
 И страстно, и жарко
 Съ устами сольются уста.

№ 2-22235.

А. М. Лабинскій.

Сонъ.—Гродзскаго.

Одни въ саду мы съ нею были,
 „Люблю“ уста шептали мнѣ,
 „Люблю“ глаза мнѣ говорили...
 Ахъ, было то въ волшебномъ снѣ!

Съ далекой церкви погребальный,
 Таинственный раздался звонъ,
 Какъ стонъ зловѣщій, стонъ печальный,
 Онъ вдругъ прервалъ мой чудный сонъ.

Голубку мирты покрывали,
 Въ вѣнкахъ былъ гробъ весь погруженъ,
 Глаза, уста ея молчали...
 Ахъ, еслибъ это былъ лишь сонъ!

№ 23460.

М. А. Михайлова.

№ 2-23332.

Г. И. Никитина.

Спой мнѣ, родимая, пѣсню.

Длускаго.

Спой мнѣ, родимая, пѣсню,
Пѣсню про счастье любви.
Пусть эти звуки развѣютъ
Грустныя думы мои.
Пусть эти звуки волною
Хлынутъ въ усталую грудь,
Пламенемъ выбкимъ надежды
Вновь озарится мой путь.
Пусть убаюкаетъ пѣсня
Сердце больное мое,
Пусть оно счастье узнаетъ,
Хоть въ забытїи, хоть во снѣ.

№ 3-22770.

О. И. Каміонскій.

Средь шумнаго бала.

Чайковскаго.

Средь шумнаго бала, случайно,
Въ тревогѣ мірской суеты,
Тебя я увидѣлъ, но тайна
Твои покрывала черты.
Лишь очи печально глядѣли,
А голосъ такъ дивно звучалъ,
Какъ звонъ отдаленной свирѣли,
Какъ моря играющій валъ.
Мнѣ станъ твой понравился тонкій,
И весь твой задумчивый видъ,
А смѣхъ твой, и звонкій, и грустный,
Съ тѣхъ поръ въ моемъ сердцѣ звучить.
Въ часы одинокіе ночи
Люблю я усталый прилечь,
Я вижу печальныя очи,
Я слышу веселую рѣчь.
И грустно я, грустно такъ засыпаю,
И въ грезахъ невѣдомыхъ сплю..
Люблю ли тебя,—я не знаю,
Но кажется мнѣ, что люблю!

№ 2-23330.

Г. И. Никитина.

Степью иду я унылою.

Гречанинова.

Степью иду я унылою,
Нѣтъ ни цвѣточка на ней;
Деревца нѣту зеленаго,
Гдѣ бы могъ спѣть соловей.
Мрачно такъ вечеръ насупился,
Звѣздъ ни слѣда въ вышинѣ..
Самъ я не знаю, что вспомнилась
Вдругъ въ эту пору ты мнѣ!..
Вспомнилъ тебя, моя милая,
Съ кроткимъ и яснымъ челомъ,
Вижу тебя, и мнѣ кажется,
Мгла ужъ рѣдѣетъ кругомъ;
И будто пѣснь соловьиная
Въ чащѣ зеленой звучить;
Волны цвѣтовъ колыхаются,
Въ звѣздахъ все небо горитъ..

Страшная минута.—Чайковского.

Ты внимаешь, внизъ склонивъ головку,
 Очи опустивъ и тихо вздыхая.
 Ты не знаешь, какъ мгновенья эти
 Страшны для меня и полны наслажденья,
 Какъ меня смущаетъ это молчаніе.
 Я приговоръ твой жду, я жду рѣшенья:
 Или ножъ ты мнѣ въ сердце вонзишь,
 Иль рай мнѣ откроешь.
 Ахъ, не терзай меня,
 Скажи лишь слово
 Отчего же робкое признанье
 Въ сердце такъ тебѣ запало глубоко?
 Ты вздыхаешь, ты дрожишь и плачешь...
 Иль слова любви въ устахъ твоихъ нѣмѣютъ,
 Иль ты меня жалѣешь, не любишь?
 Я приговоръ твой жду, я жду рѣшенья:
 Или ножъ ты мнѣ въ сердце вонзишь,
 Иль рай мнѣ откроешь.
 Ахъ, внемли же мольбѣ моей,
 Отвѣчай, отвѣчай скорѣй!
 Я приговоръ твой жду, я жду рѣшенья!

№ 3-22509.

Н. А. Большаковъ.

№ 3-22716.

Н. Н. Фигнеръ.

Сѣверная звѣзда.—Глинки.

Дивный теремъ стоитъ,
 И хоромъ много въ немъ,
 Но свѣтлѣе изъ всѣхъ
 Есть хорома одна.
 Въ ней невѣста живетъ,
 Всѣхъ красавицъ милѣй,
 Всѣхъ блестящѣй изъ звѣздъ,
 Звѣзда сѣверная!
 Приздумалась, пригорюнилась—
 На кольцо свое обручальное
 Уронила она слезу крупную,
 О далекомъ о немъ воспоминаючи.
 Онъ уѣхалъ, женихъ,
 Онъ въ чужой сторонѣ
 И вернется сюда
 Онъ не скоро еще.
 Онъ вернется сюда,
 Когда будетъ весна,
 Съ солнцемъ Божьимъ взойдетъ.
 Солнце радости.

Сумракъ ночи палъ на землю.

Архангельскаго.

Сумракъ ночи палъ на землю,
Пора намъ всѣмъ на отдыхъ. } bis.

Звѣздной ночью на просторѣ

Намъ привольно отдыхать,

Будемъ пѣсни мы лихія,

Братья, дружно распѣвать.

Будемъ пѣсни мы лихія

Дружно, братья, распѣвать;

Пусть напѣвы боевые

Наше сердце веселятъ.

Ла-ла-ла...

Сумракъ ночи палъ на землю,
Пора намъ всѣмъ на отдыхъ. } bis.

Ратапланъ, ратапланъ...

Тишина.—Кашеварова.

На деревьяхъ не дрогнетъ листва,

На лужайкѣ не шепчется съ вѣтромъ трава,

Цвѣтники и аллеи въ объятіяхъ сна.

Садъ умолкъ... Тишина..

Не колышетъ уснувшій зефиръ тростника,

Въ берегахъ молчаливыхъ безмолвна рѣка,

Не играетъ на глади зеркальной волна.

Спитъ рѣка... Тишина...

Надъ задумчивымъ садомъ, надъ сонной рѣкой

Въ небесахъ безредѣльныхъ великій покой.

Изъ-за липъ кружевныхъ выплываетъ луна,

Ночь молчитъ... Тишина...

”

Тройка волжская.

Вотъ мчится тройка почтовая

По Волгѣ-матушкѣ зимой;

Ямщикъ, уныло напѣвая, } bis.

Качаетъ буйной головой.

О чемъ задумался, дѣтина?

Сѣдокъ привѣтливо спросилъ:—

Какая на сердцѣ кручина, } bis.

Или тебя кто огорчилъ?

Ахъ, милый баринъ добрый баринъ,

Ужъ годъ, какъ я ее люблю!

Да нехристь — староста, татаринъ, } bis.

Меня журить, а я терплю!

Ямщикъ умолкъ и кнутъ ременный

Съ голицей за поясъ заткнулъ;

Родныя, стой, неугомонный! } bis.

Сказалъ, самъ горестно вздохнулъ.

*) Безъ указанныхъ повтореній.

Ты взойди, солнце красное.

Ты взойди, солнце красное,
Солнце красное, солнце красное,
Освѣти ты Волгу-матушку,
Волгу-матушку, Волгу-матушку,
Обогрѣй насъ, добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ, добрыхъ молодцевъ.
Мы не сами такъ идѣмъ,
Насъ, видно, нужда ведетъ,
Нужда горькая!

№ 24622.

Хоръ Архангельскаго.

Ты взойди, солнце красное.

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою, да надъ высокою,
Надъ долиною, надъ широкою,
Надъ дубравою, надъ зеленою.
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ—сиротъ бѣдныхъ,
Сиротъ бѣдныхъ, людей бѣглыхъ.

№ 2-22359.*)

А. М. Давыдовъ.

Ты и вы.—Кюи.

Пустое „вы“ сердечнымъ „ты“
Она, обмолвись, замѣнила,
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила.
Предъ ней задумчиво стою,
Свести очей съ нея нѣтъ силы,
И говорю ей: „какъ вы милы“!
И мыслю: „какъ тебя люблю“!

№ 3-22772.

О. И. Каміонскій.

**Ты каждый день меня
пытаешь.—Мейеръ-Гельмунда.**

Ты каждый день меня пытаешь
И всякій разъ узнать желаешь:
Люблю ли я тебя, дитя?
Ужели ты не вѣришь?
Мою любовь и мѣсяцъ знаетъ,—
Онъ счастья мнѣ съ тобой желаетъ;
Поди, спроси ты у него,
Какъ искренно люблю я;
А если мѣсяцъ не отвѣтитъ,
Такъ могутъ звѣзды рассказать:
Онѣ подмѣтили навѣрно,
Какъ о тебѣ я все мечтаю.
Мой другъ, не спрашивай, люблю ли я?
Я повторю одно и то же:
Люблю тебя, ты жизнь моя,
Ты мнѣ всего дороже!
Но нѣтъ, зачѣмъ искать на небѣ намъ
Того, что сердце затаило:
Ты все прочтешь въ моихъ глазахъ,
Чего не могутъ знать свѣтила.

*) Начало этой пластинки см. романсъ „Если
жизнь тебя обманетъ“.

Ты мое утро.—Врангеля.

Ты мое утро съ цвѣтами душистыми,
Прелесть весны благодатная;
Ты мое небо съ звѣздами лучистыми,
Лѣтняя ночь ароматная!

Ты мое солнце и небо лазурное,
Синія волны безбрежныя;
Ты мои тучи суровыя, бурныя,
Молнии и вихри мятежныя.

Ты моя вѣра, мечта, упованье,
Дума, любовь неизмѣнная;
Ты мое счастье, восторгъ и страданье,
Ты мой царь, мой богъ, моя вселенная.

№ 3-22726.

О. И. Каміонскій.

Ты помнишь ли.—Кочетовой.

Ты помнишь-ли—надъ моремъ мы сидѣли,
Горѣлъ закатъ багровой полосой;
И пѣснь любви намъ тихо волны пѣли
И пѣнились подъ нашею скалой.
Шептала ты о счастіи возможномъ,
И соловей такъ нѣжно, сладко пѣлъ,
И вѣтерокъ дыханьемъ осторожнымъ
Таинственно такъ вѣтками шумѣлъ.
И голосъ твой сливался съ шумомъ моря,
Во мнѣ любовь онъ снова пробудилъ.
Я жизнь забылъ, забылъ я жизни горе, } bis.
О, какъ тебя я въ этотъ мигъ любилъ!

№ 3-22865 **).

А. М. Лабинскій.

Ты простила меня.—А. Петрова.

Знаю я, ты простила меня,
Но себѣ-то простить не могу я
Рокового, безумнаго дня,
Рокового для насъ поцѣлуя.
Чѣмъ свой грѣхъ предъ тобой искуплю?
Чѣмъ тревогу твою успокою?
Хоть тебя я безумно люблю,
Но страданій твоихъ я не стою!

*) Продолженіе этой пластинки см. ром. „Они полюбили“.

**) Начало этой пластинки см. ром. „И тихо, и ясно“.

Узникъ.—Гречанинова.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
 Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
 Мой грустный товарищъ, махаетъ крыломъ,
 Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.
 Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
 Какъ будто со мною задумалъ одно.
 Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
 И вымолвить хочетъ: „Давай улетимъ!
 „Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
 „Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
 „Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
 „Туда, гдѣ гуляетъ лишь вѣтеръ да я!

№ 24057.

М. И. и Н. Н. Фигнеръ.

У креста.—Фора.

Vous qui pleurez, venez à ce Dieu,
 Car il pleure.
 Vous qui souffrez, venez à lui
 Car il guérit.
 Vous qui pleurez, venez à ce Dieu,
 Car il pleure.
 Vous qui souffrez, venez à lui
 Car il guérit.
 Vous qui tremblez, venez à lui
 Venez à lui, car il sourit.
 Vous qui passez, venez à lui
 Car il demeure, car il demeure.
 Vous qui passez, venez à lui
 Car il demeure,
 Vous qui passez, venez à lui
 Car il demeure, car il demeure, venez
 Car il demeure.

Переводъ.

Блуждающій приди!
 Христосъ для всѣхъ обитель,
 И страждущій приди
 Къ Нему, Онъ исцѣлитъ.
 Блуждающій приди,
 Христосъ для всѣхъ обитель,
 И страждущій приди
 Къ Нему, Онъ исцѣлитъ.
 И алчущій приди къ нему,
 Приди къ Нему, Онъ укрѣпитъ.
 Блуждающій приди,
 Христосъ для всѣхъ обитель,
 Для всѣхъ обитель.
 И плачущій приди,
 Утѣшитъ всѣхъ Спаситель.
 Блуждающій приди!
 Христосъ для всѣхъ обитель,
 Для всѣхъ обитель Христосъ,
 Да, обитель.

Уста мои молчатъ.—Блейхмана.

Уста мои молчатъ въ тоскѣ нѣмой и жгучей.
 Я не могу, мнѣ тяжело говорить.
 Расскажетъ пусть тебѣ аккордъ моихъ созвучій,
 Какъ хочется мнѣ вѣрить и любить.
 Мнѣ вѣрить хочется, что этихъ глазъ сіянье
 Не омрачитъ гроза житейскихъ бурь,
 Что вѣчно будетъ ихъ могуче обаянье,
 Прелестное, какъ вешняя лазурь!
 Мнѣ хочется любви неясной, какъ мечтанья
 Нетронутыхъ и дѣвственныхъ сердець,
 Мнѣ хочется любить въ тебѣ вѣнецъ созданья,
 Земной красы чистѣйшій образецъ!

№ 2-23349.

Р. Е. Радина-Фигнеръ.

Утромъ шлю тебѣ фіалки.

Мейеръ-Гельмунда.

Утромъ шлю тебѣ фіалки,
 Что въ лѣсу съ зарей брала я,
 Вечеркомъ несу я розы,
 Тѣ, что въ сумерки рвала я. } bis.

Что сказать хотятъ цвѣточки,
 Отгадать тебѣ сумѣю,
 Будь мнѣ вѣренъ до могилы
 И на вѣки будешь ты моимъ!

Утромъ шлю тебѣ фіалки,
 Что въ лѣсу съ зарей брала я,
 Вечеркомъ несу я розы,
 Тѣ, что въ сумерки рвала я.

Вѣренъ будь мнѣ до могилы,
 И навѣки будешь ты моимъ...

№ 3-22711.

Н. Г. Сѣверскій.

№ 3-22843.

М. И. Вавичъ.

Утро туманное.—Абаза.

Утро туманное, утро сѣдое,
 Нивы печальныя, снѣгомъ покрытыя;
 Нехотя вспомнишь и время бывшее,
 Вспомнишь и лица давно позабытыя.

Вспомнишь обильныя страстныя рѣчи,
 Взгляды,
 Звуки такъ жадно и нѣжно ловимые,
 Первая встрѣча, послѣдняя встрѣча,
 Тихаго голоса звуки любимые.

Утренняя пѣснь.—Леонкавалло.

Въ одеждѣ своей серебристой
 Аврора взошла въ небесахъ,
 Лаская съ улыбкой лучистой
 Цвѣты на зеленыхъ лугахъ.
 Рой птичекъ несется согласно,
 Природа проснулась вокругъ,
 Лишь ты сномъ объята, и напрасно—
 Поетъ здѣсь печальный твой другъ.
 Выйди ко мнѣ, другъ ненаглядный,
 Ясные очи дай видѣть вновь!
 Гдѣ нѣтъ тебя—тамъ мракъ непроглядный,
 Тамъ же, гдѣ ты,—сіяетъ любовь.

} bis.

№ 3-22710.

Н. Г. Сѣверскій.

Хризантемы.—Радосшевской.

Ты хочешь знать, зачѣмъ теперь
 Я умираю? О, повѣрь.
 Что страсть къ тебѣ мнѣ сердце гложетъ,
 Но кто любви моей не зналъ,
 Тотъ безучастно повторялъ:
 Еще поправится, быть можетъ...
 Лишь твой обманъ замѣтилъ я,
 Какъ пожелалъ убить тебя,
 Чтобъ кровь твоя изъ ранъ сочилась...
 Тебя на вѣкъ бы потерялъ,
 Хотя любилъ и обожалъ!
 Но злоба страсти покорилась...
 Я угасаю съ каждымъ днемъ,
 Но не виню тебя ни въ чемъ.
 Ужъ смерти предо мной эмблемы...
 Прости меня... Не забывай...
 И на могилу общай
 Ты принести мнѣ хризантемы...

№ 3-22866.

А. М. Лабинскій.

**„Христосъ Воскресъ“.—
Рахманинова.**

„Христосъ Воскресъ“ поютъ во храмѣ,
 Но грустно мнѣ... душа молчитъ.
 Міръ полонъ кровью и слезами,
 И этотъ гимнъ предъ алтарями
 Такъ оскорбительно звучитъ.
 Когда бъ Онъ былъ межъ насъ и видѣлъ,
 Чего достигъ нашъ славный вѣкъ,
 Какъ брата братъ возненавидѣлъ,
 Какъ опозоренъ человѣкъ.
 И еслибъ здѣсь въ блестящемъ храмѣ
 „Христосъ Воскресъ“ Онъ услыхалъ,
 Какими бъ горькими слезами
 Передъ толпой Онъ зарыдалъ!..

Чаруй меня.—Даргомыжскаго.

Съ какою тайною отрадой
 Тебѣ всегда внимаю я:
 Блаженства лучшаго не надо—
 Какъ только слушать бы тебя.
 И сколько чувствъ святыхъ, прекрасныхъ
 Твой голосъ въ сердцѣ разбудилъ,
 И сколько думъ высокихъ, ясныхъ
 Твой чудный взоръ во мнѣ родилъ.
 Какъ дружбы чистый поцѣлуй,
 Какъ сладкій отголосокъ рая,
 Звучить мнѣ рѣчь твоя, рѣчь святая!
 О! говори, о, говори еще; чаруй меня, чаруй!

№ 2-22715.

Н. Г. Сѣверскій.

Чарующая пѣснь.—Зориной.

Съ каждымъ словомъ чарующей пѣсни твоей,
 Съ каждымъ звукомъ ея все полнѣй и свѣтлѣй
 Въ чудныхъ грезахъ одинъ незабвен-
 Милый образъ одинъ возстаетъ }
 ный, родной, } bis.
 предо мной.

Хочешь знать, что напонила пѣсня твоя?

Подъ вечерней зарей золотыя поля,

Темный садъ надъ рѣкой, запахъ

тмина и розъ,

Тихій шелестъ листвы, тѣнь души-

стыхъ березъ,

Первый ласковый взглядъ, первый дрогнувшій звукъ

И тревожные, полные сладости мукъ.

Дальше, шопотъ прерывистыхъ, страстныхъ рѣчей,

Трепетъ юной груди, блескъ лучистыхъ очей!

Дальше—ласки, мольба, бредъ безумный,

слѣпой...

Ахъ, довольно, молю тебя, больше не пой!

№ 2-22902.

Л. М. Сибиряковъ.

Черныя тучи.—Ромберга.

Тучи черныя собираются,

И закрылося солнце красное;

Думы мрачныя крушатъ дѣвицу

И волнуютъ въ ней сердце страстное.

Скучно дѣвицѣ одиночество,

Она съ радостью распростилася,

Ей безъ милаго опостылѣлъ свѣтъ,

И тоска въ душѣ вкоренилася.

Тучи черныя разхмуруются,

Возсіяетъ вновь солнце красное;

Не осущатся слезы дѣвицы,

Не воскреснетъ въ ней сердце страстное.

Что мнѣ жить и тужить.

Варламова.

Что мнѣ жить и тужить одинокой,
 Гдѣ ты, мой другъ милый, черноокой? } bis.
 Не хочу я жить съ тоской, другъ, жестокой!
 Полечу за тобой въ край далекій...
 Что мнѣ жить и тужить одинокой?
 Гдѣ ты, мой другъ милый, черноокой?

Что ты поникла, зеленая ивушка?—Гречанинова.

Что ты поникла, зеленая ивушка?
 Что такъ уныло шумишь?
 Или о горѣ моемъ ты провѣдала,
 Вмѣстѣ со мною грустишь?
 Шепчутся листья твои серебристые,
 Шепчутся съ чистой волной...
 Не обо мнѣ ли тотъ шопотъ таинственный
 Вы завели межъ собой?
 Знать, не укрылася дума гнетущая,
 Черная дума отъ васъ!
 Вы разгадали, о чемъ эти жгучія
 Слезы лилися изъ глазъ.
 Въ шопотъ вашемъ я слышу участіе,
 Мнѣ вамъ отрадно внимать.
 Только природѣ страданья незримыя
 Духа дано врачевать.

Что ты рано, травушка, пожелтѣла?*Русская пѣсня.*

Что ты рано, травушка, пожелтѣла?
 Что вы рано, цвѣтики, облетѣли?
 Что же ты, красавица, похудѣла?
 Впали алы ичеченьки, поблѣднѣли?

Шведская пѣснь.—Грига.

Зима пусть минуетъ,
 Весна пробѣжитъ,
 Пусть лѣто завянетъ
 И годъ пролетитъ.
 Ко мнѣ ты вернешься,
 Ты будешь со мной,
 Тебѣ поклонялась
 И вѣрна я душой.
 Ахъ! Богъ въ помощь тебѣ,
 Если живъ еще ты,
 Его благодать надъ тобой
 Въ часъ мольбы!
 Я останусь вѣрной
 Тебѣ на землѣ,
 И вѣрной на небо
 Явлюсь я къ тебѣ!

*) Безъ указаннаго повторенія.

Элегія.—Массенэ.

О, для меня нѣтъ весны!
 Свѣтлые дни, исчезли вы навсегда!
 И тучи заволокли весь небосводъ.
 Птицъ не услышу ужъ я!
 Счастье пропало мое,
 О, мы съ тобою разлучены!
 И ужъ напрасно приходитъ весна!
 Да, безъ тебя солнца лучъ навѣкъ угасъ
 И бѣлый свѣтъ мнѣ постылъ!
 Холодно сердцу и мрачна душа!
 Поблѣкло все! Навсегда!

Эхо.—Келлера.

Cara voce, che mi segui
 Fin nei piu deserti lidi
 E con me par che dividi
 La mia gioia e il mio dolor
 Dimmi, ah, dimmi, chi tu sei
 Che si dolce m'accompagni
 Che ripeti canti miei
 Come usciti dal mio cor, si! Ah...
 Quel ch'io voglio tu pur lo vuoi,
 Quel ch'io dico tu pur lo dici...
 Se alla gioia mi abbandoni
 Prendi parte al mio piacer
 E da lungi odo l'accento
 Che il mio labro proferi. Ah!

Переводъ.

Милый голось, что слѣдовалъ за мной
 Въ самыя пустынные мѣста
 И что дѣлилъ съ мной
 И мое горе и мою радость...
 Скажи, о скажи, кто ты,
 Что такъ нѣжно мнѣ вторилъ,
 Что повторялъ мои пѣсни,
 Идущія изъ глубины моей души?
 Что я желаю, желаешь и ты,
 Что говорю я, повторяешь и ты...
 Если радости я предаюсь,
 Ты участникъ моей радости,
 Издали говоришь ты слова,
 Что произнесъ голось мой! Ахъ!

Я вамъ не говорю.*Цыганскій романсъ.*

Я вамъ не говорю про тайныя страданья,
 Про муки страшныя, про жгучую тоску,
 Но вы все видите, прелестное созданье,
 И ласково вы жмете руку бѣдняку.

Въ васъ нѣтъ любви ко мнѣ, но вы душою нѣжной,
 Душою женственной умѣете шадить
 Разбитыя сердца и дружбой безмятежной
 Мятужную любовь хотите усыпить.

Но, еслибъ знали вы, какъ сильно сердце бьется,
 Какая боль въ груди, какой огонь въ крови!
 Когда мой робкій взглядъ во взглядъ вашемъ тонетъ,
 И дружбу видитъ онъ и тщетно ждетъ любви.

**Я ли въ полѣ да не травушка
была. — Чайковского.**

Я ли въ полѣ да не травушка была?
 Я ли въ полѣ не зеленая росла?
 Взяли меня, травушку, скосили,
 На солнышкѣ въ полѣ изсушили.
 Охъ ты, горе, мое горюшко!
 Знать, такая моя долюшка!

Я ли у батюшки не доченька была?
 У родимой не цвѣточекъ я росла?
 Неволей меня бѣдную взяли,
 Да съ немилымъ сѣдымъ повѣнчали.
 Охъ ты, горе, мое горюшко,
 Знать, такая моя долюшка!

Я люблю. — Таскина.

Я люблю тебя, какъ море любитъ солнечный восходъ,
 Какъ нарцисъ, къ водѣ склоненный, блескъ и
 холодъ сонныхъ водъ.

Я люблю тебя, какъ звѣзды любятъ мѣсяцъ золотой,
 Какъ поэтъ—свое созданье, вознесенное мечтой.

Я люблю тебя, какъ пламя—однодневки-мотыльки,
 Отъ любви изнемогая, изнывая отъ тоски..

Я люблю тебя, какъ любить звонкій вѣтеръ
 камыши,

Я люблю тебя всей волей, всѣми струнами души.

Я люблю тебя, какъ любятъ неразгаданные сны...

Больше счастья, больше жезни, больше солнца и
 весны!

*) Продолженіе этой пластинки см. ром. „Любовь“ Врангеля.

Я не скажу тебѣ.—О. де-Бове.

Я не скажу тебѣ, какъ жадно
 Съ тобою встрѣчи я ловлю,
 Какъ близъ тебя мнѣ быть отраднo,
 Какъ смѣхъ твой милый я люблю.
 Я не скажу, какъ кровь играетъ,
 Когда коснусь руки твоей,
 Какъ сладко сердце замираетъ,
 Лишь слышу звукъ твоихъ рѣчей.

Я не скажу тебѣ, какъ больно
 Сжимаетъ сердце, ноетъ грудь,
 Когда, идя со мной, невольно,
 Ты бросишь взглядъ кому-нибудь.
 Я не скажу, какъ я страдаю,
 Когда съ другимъ ты рѣчь ведешь
 Я не скажу, какъ я рыдаю..
 Нѣтъ, не скажу, ты не поймешь.

№ 2-23221 *).

М. А. Михайлова.

Я пойду ли дѣвченокча.*Русская пѣсня.*

Еще надо усмотрѣть	} bis.
Сердечнова друга.	
Цвѣты алы, розы красны	
Надобно сорвати.	

Я пойду ли дѣвченокча	} bis.
Въ зеленые луги...	
Цвѣты алы, розы красны	
Надобно сорвати.	

№ 3-22703**).

Н. Н. Фигнеръ.

Я помню вечеръ.—Кюи.

Я помню вечеръ, мы вдвоемъ на берегу сидѣли,
 И звѣзды съ нѣжною тоской на насъ съ небесъ
 глядѣли.

Я помню, какъ рука твоя руки моей коснулась,
 И счастью нашему луна отраднo улыбнулась.

Я помню, какъ глаза твои мнѣ въ душу проникали,
 И волны съ ропотомъ любви у нашихъ ногъ пле-
 скали.

Я помню, какъ уста твои къ устамъ моимъ прильнули,
 И волны, звѣзды, и весь міръ въ блаженствѣ
 потонули.

*) Начало этой пластинки см. „Лучинушку“.

**) Начало этой пластинки см. романсъ „Оставь меня“.

IV-я часть:
ПѢСНИ КАТОРЖАНЪ.

№ 3-22905.

Теноръ со свирѣлю.

Бродяга.

Что, попался ты, бродага? Ты откуда? Отвѣчай!

Я сюда предъ вамъ явился,
Прямо изъ лѣсу взялся,
И ужасно удивился
Съ вашей милостью встрѣтиться.

А какъ звать тебя, бродяга, твое имя? Отвѣчай!

Назовите, какъ хотите,
Имя я свое забылъ,
Все равно, како дадите,
Ваня, Петя иль Кирилль.

Отецъ и мать кто были? Вѣль же были? Отвѣчай!

Какъ не быть, когда другая
Мнѣ вмѣсто матери была,
А отца лишь, шелолая,
Не знавалъ я никогда.

Гдѣ живешь, чѣмъ промышляешь? Есть бумага?

Отвѣчай!

Круглый годъ въ лѣсу живу я,
Тамъ питаюсь и кормлюсь,
За бумагу вотъ несу я
нѣ бубновый тузъ.

А твой путь куда ты держишь? Знать хочу я,

отвѣчай!

Разсказать мнѣ вамъ трудненько
То, чего не знаю самъ,
Пробираюсь помаленько,
Все скитаюсь по тюрьмамъ.

А не хочешь ли отвѣдать свѣжихъ розогъ? Отвѣчай!

Моя шкура, такъ и знайте,
Въ выдѣлкѣ уже была,
Но ужъ какъ ни угрожайте,
Вышитъ дайте мнѣ сперва.

№ 3-22899.

Теноръ съ хоромъ тобольскихъ
каторжниковъ.

Въ пустынныхъ степяхъ
Забайкалья.

Въ пустынныхъ степяхъ Забайкалья,
Гдѣ золото роютъ въ горахъ,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащится съ сумою въ рукахъ.

На немъ рубашенка худая,
Со множествомъ разныхъ заплатъ,
Шапчѣнка на немъ арестанска
И сѣрый тюремный бушлакъ.

Бродяга къ Байкалу подходитъ,
Рыбацкую лодку беретъ
И грустную пѣсню заводитъ—
Про родину-мать онъ поетъ

Вотъ и костеръ потухаетъ.

Вотъ и костеръ потухаетъ,
Ночь ужъ подходитъ къ концу,
Звѣзды, блѣднѣя, мерцаютъ,
Птички запѣли въ лѣсу.

Старый товарищъ, вставай-ка!
Въ путь намъ пора ужъ давно,
Хлѣбушка корку давай-ка,
Да и бутылъ заодно.
Надо съ тобой намъ пытаться
Лѣсомъ подальше убраться.
Живо вставай!

Ужъ на исходѣ махорка,
Да и бутылка пуста,
Хлѣбушка нѣтъ даже корки,—
Будь же ты, жизнь, проклята!

Кто-то тамъ бродить навстрѣчу,
Можетъ, чалдонъ иль купецъ?
Эхъ-ма! Безъ дальняя рѣчи
Встрѣчу ножемъ... и конецъ!
Эй, подымайся, бродяга!
Эй, подымайся, миляга!
Живо вставай!

Вотъ и костеръ потухаетъ,
Ночь ужъ подходитъ къ концу,
Звѣзды, блѣднѣя, мерцаютъ,
Птички пропѣли въ лѣсу.

№ 2-23374. Сопрано съ хоромъ и балалайкой.

Вечеркомъ красна дѣвица.

Вечеркомъ красна дѣвица
На прудокъ со стадомъ шла,
Черноброва, круглолица,
Такъ домой гусей гнала,
Тега, тега, тега, тега
Вы, гуськи мои, домой.
Мнѣ одной любви довольно,
Чтобы вѣкъ счастливой быть,
Но сердечку очень больно
Во неволѣ въ свѣтѣ жить.
Тега, тега, тега, тега,
Вы, гуськи мои, домой.
Вмѣсто стараго, сѣдого,
Буду милаго любить.
Вѣдь сердечку очень больно
Черезъ злато слезы лить.
Тега, тега, тега, тега,
Вы, гуськи мои, домой.

Въ шахтѣ батюшку убило.

Въ шахтѣ батюшку убило,
 Друга порохъ разорвалъ,
 И осталась я безъ мила,
 Какъ быдинка безъ воды.
 Штегеръ три рубли дарилъ мнѣ,
 Я съ презрѣньемъ не взяла,
 Мово Ваничку я помню,
 Ему осталась я вѣрна.
 Какъ я долго ни грустила,
 Все же Ваню позабыла.
 Пришелъ Гриша молодой,
 Полюбился мнѣ душой.
 Съ нимъ частенько я цѣлуюсь,
 Сладки рѣчи говорю...

Говорила сыну мать.

Помню, помню, помню я,
 Какъ меня мать любила,
 „Ты не ворогъ, ты не воръ“
 Она мнѣ говорила.
 „Ахъ мой, миленькій сынокъ,
 „Не водись съ ворами.
 „Въ каторгу съ ними пойдешь,
 „Скуютъ кандалами“.
 Помню, помню, помню я...
 и т. д.
 Котелокъ съ собой возьмемъ,
 Въ разбой пойдѣмъ за вами,
 Въ подкандалной вась зальютъ
 Горькими слезами.
 Помню, помню, помню я...
 и т. д.
 Вспомнишь ты старушку-мать
 И родного старца,
 Не утерпѣть ретивое
 И убьешь солдата.
 Помню, помню, помню я...
 и т. д.
 Прослывешь бродягой ты,
 Будешь всѣхъ бояться,
 Ночью по полю бродить,
 Возлѣ куръ питаться.
 Помню, помню, помню я...
 и т. д.

Грозно и пѣнясь.

Грозно и пѣнясь катаются волны,
 Сердится, гнѣвомъ объятый, широкій Байкаль.
 Зги не видать! Отъ сверкающихъ молній
 Бѣдный бродяга запрятался въ страхѣ межъ скаль.
 Чайки въ смятении и съ крикомъ несутся,
 А ели, какъ въ страхѣ, дрожать.
 Грозно и пѣнясь катаются волны,
 Сердится, гнѣвомъ объятый, широкій Байкаль.
 Чудится въ бурѣ мнѣ голосъ знакомый,
 Будто мнѣ что-то давнишнее хочетъ сказать...
 Тѣнь надвигается, бурей несомая,
 Сколько ужъ лѣтъ онъ пощады не хочетъ мнѣ
 дать.

Буря, несися! Бушуй, непогода!
 Не вась я такъ крѣпко страшусь:
 Тѣнь надвигается, бурей несомая,
 Гонится всюду за мной... Тебя я боюсь!

Ермакъ.

Царь Кучумъ въ степяхъ горюетъ
 По своему богатомъ царствѣ.
 Много силы у Кучума,
 Много всякаго богатства:
 Изъ монистовъ ожерелья,
 Черный соболь и лисицы,
 Золото и серебро.
 А въ большихъ его палатахъ
 Казаки сидятъ за чарой,
 Поминаютъ Русь святую.
 Впереди сидитъ начальникъ
 И большой ихъ воевода,
 Первый въ бояхъ и совѣтахъ —
 Тотъ Ермакъ ли Тимофеевичъ.
 Справа грозный воевода,
 Ермака сподвижникъ смѣлый,
 Атаманъ Кольцо отважный
 Буйну голову повѣсилъ.
 Слѣва весель и разгулень
 Съ полной чарою глубокой
 Атаманъ-гроза сидитъ.
 Рѣчь возговорилъ Ермакъ Тимофеевичъ:
 Ой вы, гой еси, братцы,
 Атаманы молодцы!
 Эй вы дѣлайте лодочки-коломенки,
 Забивайте вы кочеты еловые,
 Накладайте бабайчики сосновые.
 Мы поѣдемте, братцы, съ Божьей помощью,
 Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Иртышу-рѣкѣ,
 Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
 Доберемся до Царства бусурманскаго,
 Завоюемъ мы царство Сибирское.

Зачѣмъ я мальчикъ уродился.

Зачѣмъ я, мальчикъ, уродился,
Зачѣмъ тебя я полюбилъ?
Вѣдь мнѣ назначено судьбою
Идти въ Сибирскіе края.

Въ Сибирь жестокою далеко
Судомъ я въ ссылку осужденъ,
Гдѣ монументъ за покоренье
Въ честь Ермака сооруженъ.

Придетъ цирюльникъ съ острой бритвой,
Обрѣетъ правый мой високъ,
И буду видъ имѣть ужасный
Отъ головы до самыхъ ногъ.

Но тамъ, въ Сибири, въ часъ полночный,
Свяжусь я вновь съ чужимъ добромъ—
И одинокій, и несчастный,
Пойду урманами, тайкомъ.

Дойду до русской я границы,
Урядникъ спроситъ: „чей такой?“
Я назову себя бродягой,
Не помню родины своей.

Звѣзда, прости, пора мнѣ спать.

Звѣзда, прости, пора мнѣ спать,
Но жаль разстаться мнѣ съ тобой,
Съ тобою я привыкъ мечтать...
Вѣдь я живу одной мечтой.

А ты, прелестная звѣзда,
Порою ярко такъ сіяешь
И сердцу бѣдному тогда
О лучшихъ дняхъ напоминаешь.

Туда, гдѣ ярко свѣтишь ты,
Стремятся всѣ мои желанья,
Тамъ сбудутся мои мечты,
Звѣзда, прости и до свиданья!..

Кибель мой.

Кибель мой, кибель мой
 Поднимается, опускается,
 Тянемъ-ка, тянемъ-ка,
 Разъ, два, хватай!
 Въ шахтѣ тамъ, въ шахтѣ тамъ
 Копошатыся и умаются,
 Тянемъ-ка, тянемъ-ка
 Разъ, два, хватай!
 Руда тамъ, руда тамъ
 Разбивается, разлетается,
 Тянемъ-ка, тянемъ-ка.
 Разъ, два, хватай!
 Кибель мой, кибель мой
 Поднимается, опускается,
 Тянемъ-ка, тянемъ-ка,
 Разъ, два, хватай!

№ 2-24060.

Дуэты: баритонъ и теноръ
 (съ хоромъ).

Милосердные наши батюшки.

Милосердные наши батюшки,
 Милосердныя наши матушки!
 Помогите намъ, несчастненькимъ,
 Много горя повидѣвшимъ.
 Выносите, родные, во имя Христа,
 Кто что можетъ сюда,
 Бѣднымъ странникамъ, побродяжникамъ.
 Помогите, родные!
 Золотой вѣнецъ вы получите
 На томъ свѣтѣ,
 А въ нынѣшнемъ поминать въ тюрьмахъ
 Будемъ мы васъ, наши родные.

№ 3-22932.

Баритонъ съ хоромъ.

На пути села родного.

На пути села родного
 Колокольчикъ прозвенѣлъ,
 Тамъ и шелъ, прошелъ бродяга,
 Бродяга бездомный человѣкъ.
 А навстрѣчу другъ-пріятель
 Слово ласково сказалъ:
 Ты куда-куда бродяга,
 Куда такъ скоро спѣшишь?
 Твоя маменька родная
 Въ сырой землѣ уже лежитъ,
 А жена твоя молодая
 Подъ вѣнцомъ съ другимъ стоитъ.
 Я двѣнадцать душъ зарѣзалъ,
 На тринадцатой попалъ,
 Ни о чемъ я не жалѣю,
 Кромѣ своей жены молодой.

Ой, ты тундра безконечная.

Ой, ты тундра безконечная,

Ой, ой, ой...

Ой, тайга ты вѣковѣчная,

Ой, ой, ой...

Съ топоромъ, на проломъ я иду,

Ханды!

Вѣтеръ воесть, вѣтеръ стонетъ,

Ой, ой, ой...

Тучи черныя онъ гонить,

Ой, ой, ой...

Ну реви, да гони мнѣ на смѣхъ!

Ханды!

Вотъ идетъ чалдонъ проклятый,

Ой, ой, ой...

съ нимъ я тароватый,

Ой, ой, ой...

Угожу, уложу наповаль,

Ханды!

Люди всѣ меня страшатся,

Ой, ой, ой...

устъ не пробуютъ соваться,

Ой, ой, ой...

Сторонись, хоронись, берегись да держись,

Ханды!

До Рассеи доберуся,

Ой, ой, ой...

Старымъ счетомъ погѣшуся,

Ой, ой, ой...

Тамъ съ лихвой я, какъ свой,

Да съ лихвой заплачу,

Ханды!

Посреди палатъ каменныхъ.

Посреди палатъ каменныхъ ты подай, подай
вѣсточку

Въ Москву каменну, бѣлокаменну.

Воспой, воспой, жавороночекъ,

Про горькую да неволюшку.

Кабы вѣсть мнѣ подать,

Да отцу рассказать

Про то, что со мною случилось

На чужой, на той сторонущкѣ!

Я вѣдь не былъ воръ, не былъ воръ,

Да убивецъ не былъ никогда,

Но послали меня добра-молодца

Попровѣдать каторги, распроклятой долюшки.

Позабыли меня, словно сгинулъ я,

Но вѣдь будетъ пора и вернуся я,

За бѣды и зло я вамъ отплачу,

Будетъ время, я вернуся!

Палачъ.

Спи, сыночекъ, спи, родной,
Сиротинки мы съ тобой.
Грустну пѣсенку спою,
Баю-баюшки-баю.

Ты, родимый мой, не плачь,
Ходить по двору палачъ,
На дворѣ бурьянъ растеть,
А палачъ веревку вьеть.

Я на солнышко бурьянъ,
А палачъ отъ крови пьянъ,
На рубахѣ алъ кумачъ,
Кумача краснѣй палачъ.

Птичка пѣсенку поеть,
А палачъ петлю плететь.
Въ небѣ ясномъ синева,
А петля, какъ смерть, мертва.

Скоро солнышко зайдетъ
И домой палачъ пойдетъ.
Утромъ рано крикнетъ грачъ,
И подыметъ палачъ.

Онъ съ петлей зайдетъ въ тюрьму,
Ремешокъ дадутъ ему,
Не вернется къ намъ отецъ,
Вотъ и пѣсенкѣ конецъ.

№ 3-22910.

Теноръ со свирѣлью.

Похороны.

Сегодня на разсвѣтъ
Товарища я похоронилъ.
Вблизи, гдѣ перекрестокъ,
Въ сырой землѣ его я зарылъ.

Не слышно было звона погребальнаго,
Не слышно было пѣнія печальнаго,
Но навѣки мать сыра земля
Его приняла безъ попа, безъ свѣчей погребальныхъ.

Я на его могилу
Березыньку младую сажалъ,
Товарищу-бродягѣ
Счастливо оставаться желалъ.

Поминки бы справлялъ, да только не на что,
Да за поминъ попу отдать вѣдь нечего,
Но зарокъ далъ: первый шкаликъ
Выпью я за новопреставленнаго раба Божія.

Кругомъ все было тихо...
Не плакали родные,
Не плакали родные о немъ!..

№ 3-24673.

Хоръ бродягъ, тобольскихъ катор-
жниковъ съ гребенками и кандалами.

Подкандальный маршъ.

Ла-ла-ла-ла-ла!

Въ ноги шпаната и кобылка!

Духи за нами по пятамъ.

Ночью этапъ, а тамъ бутылку,

Можетъ, Иванъ добудетъ намъ.

Ла-ла-ла-ла-ла!

№ 3-22907.

Самоѣдская.

По снѣгу олень бѣжить.

По снѣгу олень бѣжить

Да копытами стучить.

Ай-да, ай-да, ай-да!

Вьюга зимняя мятетъ,

И морозецъ славно жжетъ.

Ай-да, ай-да, ай-да!

А якутъ на ободнѣ

Править словно какъ во снѣ.

Ай-да, ай-да, ай-да!

Далекъ мой, опасенъ путь,

А погоня тутъ какъ тутъ.

Гони, гони, гони!

Пули мѣткія свистятъ,

Гдѣ-то тамъ вдали кричатъ.

Гони, гони, гони!

Содрогнулся вдругъ олень,

Становился словно пень.

Ай-да, ай-да, ай-да!

На снѣгу олень лежитъ,

Пулей вражеской убить.

Горе, горе, горе!

Слышу близко голоса,

Кинутся всѣ на меня.

Горе, горе, горе!

И меня назадъ везутъ,

Кандалами закуютъ.

Гони, гони, гони! Эхъ ма!

№ 3-22906.

Тенорь.

Пѣснь Айноса.

Калайдось, калайдось!

Уритамна, уритамна урихъ!

Мейцикасъ, мейцикасъ,

Маритамна, маритамна кахы!

Махти терека тесъ Махтына!

Махтитерека кягти лосире,

Кягти лоси, лоси, лоси, лоси,

Уритамна, уритамна, вая!

Калайдось, калайдось!

Уритамна, уритамна, вая!

Славное море, священный Байкаль.

Славное море, священный Байкаль!
Славный корабль, омулевая бочка!
Эй, баргузинъ, пошевеливай валъ:
Молодцу плыть недалечко.

Долго я звонкія цѣпи носилъ,
Долго бродилъ я въ горахъ Акатуя;
Старый товарищъ бѣжать пособилъ...
Ожилъ я, волю почуя.

Шилка и Нерчинскъ не страшны теперь.
Горная стража меня не поймала,
Въ дебряхъ не тронулъ прожорливый звѣрь,
Пуля стрѣлка миновала...

Славное море, священный Байкаль!
Славный мой парусъ, кафтанъ дыроватый!
Эй, баргузинъ, пошевеливай валъ,
Слышатся бури раскаты.

№ 3-22901.

Баритонъ съ балалайкой (Хоръ
Тобольскихъ каторжниковъ).

Съ Иркутска ворочуся.

Съ Иркутска ворочуся
Счастливымъ, можетъ быть.
Быть можетъ, наживуся,
Счастливо будемъ жить.

Тюремныя ворота
Для насъ открыты,
Всѣ тяжкія работы
На насъ возложены.

Еще одинъ годочекъ
Въ тюрьмѣ побуду я,
А тамъ, мой миль дружокъ,
Вернуся я, любя.

Съ густыми волосами,
Съ ногами безъ браслетъ
Явлюся я межъ вами
Съ иголки одѣтъ.

Съ Иркутска ворочуся
Счастливымъ, можетъ быть.
Быть можетъ, наживуся,
Счастливо будемъ жить.

Тамъ, гдѣ бьется Каспійское море.

Тамъ, гдѣ бьется Каспійское море,
Плодородіе каменныхъ горъ,
Эту пѣсню про узника горе
Написалъ Циклаури ее.

Пятый годъ за рѣшеткой томлюся,
Пятый годъ я въ тюрьмѣ ужъ сижу,
Скоро я изъ тюрьмы удалюся
И людямъ о тюрьмѣ расскажу.

Какъ твари спимъ... на голыя нары...
Я здѣсь много про себя размышлялъ,
О дѣлахъ, недалекомъ Петровскомъ,
Гдѣ твой трупъ я тогда отпѣвалъ.

Въ эту ночь будто сонъ мнѣ приснился:
Изъ тюрьмы я на волю пошелъ,
И на радостяхъ пьяный напился
И товарища гдѣ-то нашелъ.

Тамъ, гдѣ бьется Каспійское море,
Плодородіе каменныхъ горъ,
Эту пѣсню про узника горе
Написалъ Циклаури ее.

Армянинъ на судѣ.

Леванъ Урміели, вы обвиняетесь господиномъ Мармидзе въ томъ, что вы вчера вечеромъ, въ духанѣ Саркисова Варженатова, разбили ему голову рюмкой. — „Гаспадинъ судья, ей-Богу, я не миновать, зачѣмъ ему такой не крѣпкій галава, вай-вай; мне крѣпкій башка, ему нѣтъ, зачѣмъ я миновать? мне деньги карманъ есть, тебе нѣтъ, зачѣмъ я миновать? Онъ мне ругался, башкамъ мне билъ — ничего, зачѣмъ я миновать, когда ему одинъ разъ башкамъ рюмкамъ бросилъ, зачѣмъ ему въ судъ идетъ, зачѣмъ, скажи пожалста?“ — Да вѣдь вы ему голову разбили? Какъ же ему не жаловаться? — „Ха, гаспадинъ судья, зачѣмъ я не ходилъ судъ моему, я не миновать, онъ самъ миновать. Послушій, я тибѣ расскажу, гаспадинъ судья, какъ дѣло былъ, можно рассказать?“ — Ну, говорите. — „Ми, гаспадинъ судья, вмѣстѣ гулялъ своей кампаніи; Сасо много вина пилъ, пьяный былъ, потомъ мы оба два на веселый мѣста ходилъ. Сасо кричалъ много, много кричалъ, кричалъ, кричалъ, русскимъ словомъ ругалъ, большой скандалъ дѣлалъ; я ему гаварю: — Сасу, оставь мне, пожалста, ни надо, Сасу, смотри, пожалста, не надо. — онъ мне ругался. Харапо. Я ему сказалъ: не надо тутъ скандалъ дѣлать, лучше, душа мой, духанъ на Саркису, я тебе будемъ пивамъ лучше угащать. Харапо, господинъ судья, я подождалъ немножко, онъ замолчалъ. Ходили мы на духанъ, Саркисъ пива намъ давалъ; мне деньги былъ, Сасо денега не былъ. Харапо, мировой судья. Посмотри дальше, господинъ мировой судья. Сасо меня опять крѣпкимъ словомъ русскимъ ругалъ. Ай-ай-ай, сказалъ я, зачѣмъ ты меня ругаешь? Зачѣмъ ругаешь? Пей, душа мой, пей. А, ты знаешь, мой Сасо такой самашедчій: я тибѣ, говоритъ, башка хочу разбивать. Харапо. Кружкамъ мне по головамъ билъ, кружка стекломъ еинался, а мой голова цѣлымъ оставался, потому мы крѣпкій голова имѣимъ. Мне смѣмся, а Сасо кричитъ, серчаитъ. Харапо. Потомъ бутылкамъ мне голова ударилъ, бутылкамъ стекломъ разсыпался, а мой голова цѣлый оставался. Я сказалъ: оставь, Сасу, довольно, довольно: мой голова не разобьешь, потому мне крѣпкій голова, а самашедчій Сасо табуретку схватилъ, мой башка ударилъ, ну ничего — табуретка ломался, мой голова цѣлый оставался. Я опять говорю: оставь, Сасо, зачѣмъ скандалъ дѣлаешь? Онъ опять нехорошо ругался; тогда я серчалъ, смотри, говорю, Сасо, я твой башка буду бросить. Сасо другой табуретка бралъ, я не выдержалъ, рюмкамъ ему по лобу колотилъ; рюмкамъ, рюмкамъ, что ты думаешь, рюмкамъ цѣлый оставался, а ему голова лопнулъ; что я миновать, что ему такой легкій голова?“

Вечеринка въ Гавани.

У гаваньскаго чиновника на именинахъ послѣ ужина танцуютъ кадрили съ фигурами. Передъ мазуркой прыщеватый молодой человѣкъ, самый отчаянный танцоръ, служащій въ почтовой конторѣ, объявляетъ обществу: „Мазурку будемъ танцовать съ призами!“ — То-есть, какъ это? Что это значить? — „Это очень просто! Вотъ, напримѣръ, я брошу платокъ, а дамы должны его ловить. Потомъ поймавшая дама должна будетъ сказать какое-нибудь замысловатое слово, а кавалеры должны найти рифму. Вотъ, первый, нашедшій рифму, танцуетъ съ дамой. Какъ во всѣхъ салонахъ въ Петербургѣ танцуютъ. Медамъ, прошу встать въ кругъ! Вотъ, вотъ, такъ вотъ великолѣпно! Теперь ловите платокъ!“ — Прыщеватый молодой человѣкъ подбросилъ платокъ: одна изъ барышень поймала: „Что мнѣ теперь дѣлать?“ — „А вы теперь скажите какое-нибудь замысловатое слово, а на него кавалеры будутъ рифму подбирать.“ — Барышня задумалась. „Вѣдь вотъ, какъ это непріятно: въ прежнее время сколько разныхъ словъ знала, а вотъ теперь, какъ на зло, ни одного не помню! Всѣ теперь забыла, какой срамъ! Ну хоть-бы одно слово припомнить! А что, звѣриныя слова можно?“ — „Какъ, какъ вы говорите?“ — „Звѣриныя!“ — „Такъ, звѣриныя, да все равно!“ — „Ну, такъ вотъ тогда антилопа!“ — Подбѣгаетъ молодой человѣкъ: „Мм... мм... антилопа, мм... антилопа, антилопа, да...“ — Что не нашли? — „Нѣтъ, одна рифма есть только...“ — „Ну, говорите!“ — „Да нѣтъ, я не то скажу, ну все равно: гардероба!“ — „Нѣтъ, не годится, нѣтъ, нѣтъ вы, господа, пожалуйста, по очереди.“ — Подходитъ офицеръ, откашливается и начинаетъ: „Кхе, антилопа, антилопа, попа, попа, попа, лопа, лопа, попа, ха, ха, ха!“ — Убѣгаетъ. Барышня конфузится; прыщеватый молодой человѣкъ выводитъ ее изъ неловкаго положенія: „Я сейчасъ скажу; я ужасно люблю запахъ всѣхъ цвѣтовъ, только не люблю запахъ геліотропа!“ — Ха-ха, великолѣпно! Браво, браво, браво, вали! „Великолѣпно!“ — „Медамъ, вы теперь должны выбирать себѣ симпатичныхъ кавалеровъ!“ — „Какъ это?“ — „А такъ, вы чѣмъ-нибудь назовитесь, вотъ, напримѣръ, цвѣточками и тогда подойдете къ кому-нибудь и будете предлагать кто какой цвѣтокъ хочетъ.“ — „Великолѣпно!“ — „Вы будете незабудкой, а вы розой, хорошо?“ — „Хорошо!“ — „Ну, теперь укажите кого-нибудь, кого вы хотите выбрать!“ Въ это время изъ комнаты послѣ ужина выходитъ купчикъ, который заужинался дольше всѣхъ. Стоитъ и держится за двери; къ нему подходятъ: „Скажите, пожалуйста, Иванъ Ивановичъ, что вы хотите: розу или незабудку?“ — „Что?“ — „Что вы хотите: розу или незабудку, чего вы хотите?“ — „Э, коньяку!“

Воздухоплаватель.

Около воздушнаго шара собирается толпа народа. „Что, скоро полетитъ?“—„Да не можемъ знать, сударь, съ самыхъ вечерень раздувають, никакъ, говорятъ, раздуть невозможно.“—„А чѣмъ это, братцы, его надувають?“—„Чортъ его знаетъ, должно кислотой какой, безъ кислоты тутъ, братъ, ничего не подѣлаешь.“—„А какъ онъ полетитъ, съ человѣкомъ?“—„Съ человѣкомъ: нѣмецъ полетитъ, а съ нимъ портной.“—„Портной? Да, что-жъ онъ пьяный, что-ли?“—„Да нѣтъ, тверезый, какъ слѣдуетъ быть.“—„Хе, хе, хе, да чего же онъ летитъ, коль онъ портной?“—„Ну, чего летитъ, ну закрутился человѣкъ, ну и летитъ, извѣстное дѣло, нѣшто отъ хорошей жизни полетишь? Да такъ вотъ, завертѣлся; тамъ матушка его у воротъ сидитъ, плачетъ—на кого, говоритъ, Саша, ты меня покидаешь! Ничего, говоритъ, матушка, вотъ я слетаю, а опосля тебѣ жить лучше будетъ. Значитъ, судьба моя такая, чтобы летѣть. Да и дай ты мнѣ теперича, при бѣдности моей, тысячу цѣлковыхъ, да скажи: Петровъ, лети!“—„Полетишь?“—„Я-то?“—„Ну да, ты!“—„Хе-хе, зачѣмъ я полечу? Перво дѣло, мнѣ и здѣсь хорошо, а второе дѣло, ежели этотъ самый портной летитъ, такъ оно выходитъ пустой человѣкъ. Я вотъ теперича осмущечку выпилъ, можетъ по грѣхамъ моимъ вторую, а можетъ и третью выпью, а летѣть мы не согласны. Такъ-ли я говорю?“—„Хе-хе-хе, согласенъ! А гдѣ-же этотъ самый портной?“—„А вотъ ему тамъ купцы водку подносятъ.“—„Да, братъ, купецъ его облагодѣлаетъ, особливо ежели выпивши.“—„Да тамъ, братъ, всѣ пьяны, ужъ они его и угощать и цѣловать пробовали, все дѣлали. А одинъ говоритъ: ежели благополучно прилетишь, я тебя никогда не оставлю.“—„Ну васъ, что тутъ, портной идетъ!“—„Это онъ самый и есть?“—„Онъ самый!“—„Ну что, братъ, летишь?“—„Летимъ, прощай!“—„Насъ прости, Христа ради, милый человѣкъ! Кланяйся тамъ! Несчастный человѣкъ, какъ я погляжу, матушка твоя плачетъ, а ты вотъ летишь. Ну, да ты хоть бы подпоясался-то...“—„Ну, ладно, это наше дѣло!“—„Хе, хе, хе! А что ежели этотъ самый пузырь-то вашъ лопнетъ! Хе, хе, хе, и какъ вы всѣ отседа вверхъ пятками! А! ха-ха!“—Подошелъ городской: „Ты что за человѣкъ?“—„Я по-по-портной.“—„Какой портной?“—„Съ Покровской, отъ Гусева, его купцы летѣть наняли, въ шару, значитъ.“—„Летѣть! Я тебѣ полечу! Гриненко, возьми его въ часть.“—„Поволокли, полетѣлъ, братъ, голубчикъ. Ха-ха, ха!“—„Скажите пожалуйста, что это такое, мошенника повели?“—„Да нѣтъ, сударь, портного!“—„Что же онъ, что-нибудь укралъ?“—„Да нѣтъ, онъ, видите, въ шару, значитъ, на воздусяхъ. Ну, а квартальному сбидно показалось. Ну, понятно, потому безпорядокъ, нѣшто это возможно! Это совершенно справедливо, какъ же это возможно безъ начальства летѣть?“

Выдача паспорта.

Въ думу за паспортомъ приходитъ мѣщанка, за столомъ сидитъ писарь,— „Что вамъ угодно?“— „Я насчетъ паспорту.“— „Э-э, кому?“— „Лично для меня.“— „Что же вы ѣхать хотите?“— „Нѣтъ, такъ, больше пѣшкомъ иду.“— „Э-э, куда же вы идете?“— „На Нижегородскую ярмарку.“— „Зачѣмъ же это вы идете?“— „Потому, что не на что подводу нанять.“— „Э-э, нѣтъ, не то, за какимъ дѣломъ?“— „Ой, по грязному дѣлу.“— „Что такое, если не секретъ, скажите, въ чемъ дѣло? если не секретъ, скажите.“— „Да мы для стирки, грязное бѣлье стираемъ, стиркой занимаемся.“— „Ха-ха-ха, а я думалъ что-нибудь другое. Гмъ, э... а что же здѣсь развѣ плохо?“— „Да вѣдь оно и здѣсь ничего, а только все-таки тамъ лучше, тамъ народъ почище.“— „А на какой вамъ срокъ паспортъ?“— „На два мѣсяца.“— „Какъ васъ звать?“— „Палагеей.“— „По отцу?“— „Микифоровна.“— „Микифоровна... а фамилія?“— „Скворцова.“— „Скворцова... какое у васъ лицо?“— „Да вѣдь ужъ лицо какое, — настоящее.“— „Нѣтъ... не настоящее... съ веснушками.“— „Это только лѣтомъ, зимой онѣ сходятъ, зимой очень пріятное лицо.“— „Ну, все равно; ростъ, подбородокъ обыкновенные.“— „Такъ точно, все въ порядкѣ.“— „Волосы?“— „Волосъ много есть.“— „Да знаю, что есть, а какъ ихъ назвать, кажется, рыжіе?“— „Это только сверху. а снизу бѣлокурые.“— „Ну, напишемъ золотистые.“— „Вотъ этакъ пріятнѣе будетъ.“— „Ну, особыя примѣты есть?“— „Да вѣдь есть... да вѣдь ужъ обыкновенно какія наша сестра особыя примѣты имѣетъ до мужскаго пола.“— „Получите вашъ паспортъ.“— „Очень вамъ благодарна, до свиданья, господинъ столоначальникъ.“

Въ больницу.

Сѣдокъ нанимаетъ извозчика въ Обуховскую больницу: „извощикъ! въ Обуховскую больницу 40 копѣекъ.“— „Ваша честь, вотъ пожалуйста на порядочной шесть гривенъ... Ваша честь, ваша честь, полтинникъ положьте.“— „Ваша честь, вотъ американская шведка“...— „Ваша честь, пожалте за полтинникъ.“— „Сорокъ!“— „Ваша честь, вотъ пожалте за шесть гривенъ.“— „Ваша честь, положьте сорокъ пять, ваша честь... пожалте“. Поѣхали. Черезъ нѣсколько времени извощикъ начинаетъ разговаривать. „А что, ваша честь, позвольте спросить у васъ, въ больницѣ тутъ сродственниковъ какой или знакомый?“— „Знакомый.“— „Такъ. Помретъ.“— „Отчего?“— „Да такъ ужъ большей частью: какъ знакомый, такъ помираетъ.“— „Да вѣдь есть же, которые и выздоравливаютъ?“— „Да, есть, которыхъ пользуют, а то большой частью помираютъ. Вотъ намереніи на-

шего земляка сюда одного привезли, тоже знакомый былъ, два часа полежалъ, померъ".—Что же онъ долго болѣлъ, что ли?—"Да нѣтъ, онъ, значить, человекъ мастеровой былъ, имъ долго болѣть некогда, а такъ вотъ полежалъ, полежалъ и померъ".—Что же съ нимъ такое случилось?—"Они, видите ли, по шикатурной части; такъ, можетъ знаете, около Литейнаго проспекта Спасъ-Преображенія соборъ есть, такъ они это на колокольнѣ, подъ самыми подъ колоколами, щукатурили, сейчасъ это доска перевернулась и онъ съ колокольни прямо это на мостовую,—куды руки, куды ноги, ну все-жъ-таки подобрали, привезли, два часа полежалъ, померъ. Нѣтъ, вотъ у насъ, ваша честь, въ деревнѣ было, такъ вотъ одинъ ужасно здорово лѣчилъ. У насъ три года тому назадъ холера была, такъ вотъ какъ—къ нему холернаго привезутъ, передъ нимъ поставятъ,—никакихъ, говоритъ, мнѣ лѣкарствъ, ничего не надо, а первымъ дѣломъ, говоритъ, возжи дайте. Сейчасъ это онъ его возжой обвертитъ; какъ его, значить, холера влѣво, а онъ его возжой вправо тянетъ, холера его вправо, а онъ его возжой влѣво тянетъ, холера впередъ, а онъ его возжой назадъ. Да-а, вотъ оно, этого тово, къ примѣру, да что же, дня три-четыре не больше лѣчилъ. Но-о, впередъ, пошелъ, но, мило-ой"...—Ну, что же онъ? "Чаво это?"—"Я говорю, что же онъ то?"—"Кто?"—"Да больной то, больной!"—"Ахъ, енъ то, померъ, померъ".

№ 21085.*)

Н. П. Мальскій.

Въ казармахъ.

Полковникъ осматриваетъ новобранцевъ; у одного изъ солдатъ страшно грязные штаны. „Послушай, развѣ у тебя нѣтъ получше?“—„Есть новые, ваше высокоблагородіе!“—„Гдѣ же, покажи-ка!“—„А-а въ сундукѣ, ваше высокоблагородіе!“—„А сундукъ гдѣ?“—„А-а сундукъ подъ кроватью, ваше высокоблагородіе!“—„Ну, такъ отвори сундукъ и покажи твои новые штаны.“—„Н-н-нѣтъ, не могу, не могу, ва-ва-ваше высокоблагородіе!“—„Это отчего? Какъ такъ не можешь? Я тебѣ приказываю, значить, надо отворить.“—„Ключа, ключа нѣ-нѣ-нѣтъ, ключа нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ва-ва-ва-ваше высокоблагородіе!“—„Такъ гдѣ же твой ключъ?“—„А въ новыхъ, новыхъ, новыхъ штанахъ, ваше высокоблагородіе!“

№ 21157.

Н. П. Мальскій.

Въ циркѣ.

Воскресенье, день свободный, пошли мы малость свою персону прогулять по Фонтанкѣ, смотрю, навстрѣчу мнѣ Семенъ Федоровъ идетъ. Семенъ Федоровъ, подручный, значить, мнѣ будетъ. парень, землякъ нашъ, и промежду прочимъ въ дворникахъ служить. — Семенъ Федорычъ, наше

*) Продолженіе этой пластинки см. рассказъ „Деньщикъ“.

вамъ! — „А-а, мое почтеніе!“ — Какъ поживаете. съ праздничкомъ васъ. — „Благодарсте, мерси“. — Какъ поживаете? — „Какъ поживаемъ, ничего“. — Какъ здоровье? — „Здоровье-то, ха-ха, давай поборемся“. — Да нѣтъ, это я такъ только, ничего. Ну, что-жъ, Семень Федорычъ, пойдѣмъ дальше, промочимъ глотку-то? — „Пойдемъ, промочимъ“. Пошли. Семень Федоровъ сѣлъ, я тоже сѣлъ, бутылочку, другую опрокинули, пошли дальше по Фонтанкѣ, проходимъ мимо цирка. Стой, говорю, Семень Федорычъ, эва, кака цирка-то стоитъ. — „Да, г-ритъ, цирка очинно даже прекрасная“. — А что прекрасная, а ты знаешь, что тако цирка? — „Да цирка, такъ цирка она и есть.“ — Ну то-то вотъ, то-то вотъ оно и есть, а пойдѣмъ-ка въ нутро. — „Да въ нутро чего, чай не боязно?“ — „Чего боязно, по 30 копеекъ заплатимъ. — Пошли. Сейчасъ это насъ въ одну дверь съ господами пропустили; ну, спервоначалу оттуда пахнуло не такъ, чтобы очинно, въ родѣ, какъ изъ хлѣву, потомъ ничего, обнюхались. Ну и цирка же! чертъ ее знаетъ, съ самаго съ верху до низу люди сидятъ, выгонъ этакій сдѣланъ, пескомъ засыпанъ, музыка играетъ, на шкапу сидитъ, передъ каждымъ лампадочка горитъ. Ну, спервоначалу кобыленка сивенькая такая выбѣжала, хвостъ подъ самую рѣпицу подрѣзанъ, въ голову перья наторканы, давай сейчасъ камаринскую плясать; поплясала, поплясала, поклонилась, прочъ побѣжала; потомъ, на второе на рыженькой кобыленкѣ мамзель выскочила, ну, эта мамзель не такъ, чтобы очинно прекрасная, то есть, она съ морды-то ничего, только вотъ платье-то у ней на груди лопнувши, а сзади до половины не хватаетъ, прыгала, прыгала, кувыркалась, кувыркалась, ну, стало быть, безъ платья, должно быть, прозябла — тоже побѣжала прочъ. А опосля того два нѣмца вышли, вотъ это нѣмцы, такъ нѣмцы, — настоящіе и есть, это чистые нехристи, эти, почитай, вовсе голые вышли, такъ только красными полотенцами подпоясаны; ну, боролись, боролись, другъ друга по мордѣ клали, клали, потомъ выходитъ куций господинъ такой, во фракѣ, такъ и такъ, говоритъ, ребята, господа публика, которая ежели, говоритъ, желаетъ, пожалуйста съ ними бороться. Такъ, говоритъ, господа публика, кто, говоритъ, нѣмцу можетъ. Ну, возились, возились, говорю, Микита, пойдѣмъ вмѣстѣ, тотъ говоритъ „нѣтъ, говоритъ, Семень Федоровъ, не пойдѣмъ“; пойдѣмъ, валяй, ты ему накладешь — „Что-жъ, говоритъ, очинно слободно“. — Сапоги, жилетку скинулъ, пошелъ, клалъ, клалъ его, мялъ, мялъ, нѣмецъ сверху, а Микита подъ него, нѣмецъ сверху, а Микита подъ него. Ну, я говорю, валяй, валяй, щикочи его, нѣмецкую морду, подъ мышкой, валяй, валяй, наддай, вали, вали... э-э, братъ, не-е, не вышла. Нѣмецъ сверху придавилъ его, сзади какъ дернетъ, да лбомъ да объ полъ, да объ полъ. Не-е, братъ, Микита, не можешь, братъ, нѣмца; оно извѣстное дѣло, нѣшто это возможно: нѣмцы на-родъ склизкій.

Горе отъ ума.—Грибоѣдова.

4-е дѣйствіе. Монологъ Фамусова.

Фамусовъ. Сюда, за мной!

Свѣчей, огней побольше, фонарей!

Гдѣ домовые? Ба! Знакомыя все лица!

Дочь!.. Софья Павловна!.. Срамница!

Безстыдница! гдѣ? съ кѣмъ? Ни дать, ни взять она,

Какъ мать покойница жена.

Бывало я съ дрожайшей половиной

Чуть врознь—ужъ гдѣ-нибудь съ женщиной

Побойся Бога! Какъ? И чѣмъ тебя прельстилъ?

Сама его безумнымъ называла!

Нѣтъ! Глупость на меня и простота напала!

Все это заговоръ и въ заговоръ былъ

Онъ самъ и гости всѣ. За что я такъ наказанъ?..

Чацкій. Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще
обязанъ?..**Фамусовъ.** Братъ, не финти! Не дамся я въ обманъ,

Хоть подеритесь—не повѣрю.

Ты—Филька! ты—прямой чурбанъ!

Въ лакеи произвелъ лѣнивую тетерю!

Не знаетъ ни про что, не чувствуетъ ничего!..

Гдѣ былъ? куда ты вышелъ?

Сѣней не заперъ для чего?

И какъ не досмотрѣлъ? и какъ ты не дослышалъ?

Въ работу васъ! на поселенье васъ!

За грошъ меня продать готовы!

Ты, быстроглазая! все отъ твоихъ проказы!

Вотъ онъ Кузнецкій Мостъ, наряды и обновы:

Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить!

Постой же, я тебя исправлю:

Изволь-ка въ избу, маршъ, за птицами ходить!

Да и тебя, мой другъ, я, дочка, не оставлю:

Еще два дня терпѣнія возьми,—

Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми;

Подалѣе отъ этихъ хватовъ,

Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!

Тамъ будешь горе горевать,

За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать.

А васъ, сударь, прошу я толкомъ,

Туда не жаловать ни прямо, ни проселкомъ;

И ваша такова послѣдняя черта,

Что, чай, ко всякому дверь будетъ заперта!

Я постараюсь, въ набатъ я приударю,

По городу всему надѣлаю хлопотъ,

Я оглашу во весь народъ!

Въ сенатъ подамъ, министрамъ, государю...

Денщикъ.

Офицеръ садится за обѣдъ; подають супъ, супъ скушалъ, подають, наконецъ, второе. „Послушай, Тидаренко, Тидаренко!“ — „Чего изволите, ваше благородіе?“ — „Чего же ты мнѣ далъ на второе, ты мнѣ тетерьку подаешь?“ — „Такъ точно, ваше благородіе!“ „Ну да, тетерьку, я тебѣ приказалъ не тетерьку; я тебѣ приказалъ у меня на дворѣ поймать мою собственную курицу, зарѣзать ее, зажарить и подать! Что же ты мнѣ тетерьку подаешь, отчего не курицу?“ — „Такъ что, ваше благородіе! курицу зарѣзать не смѣлъ.“ — „Отчего? Какъ не смѣлъ, когда я тебѣ приказалъ, отчего ты не смѣлъ?“ — „Такъ что, ваше благородіе, за нашей курицей теперича генеральскій пѣтухъ ухаживать изволятъ!“

№ 21117.

Н. П. Мальскій.

Допросъ свидѣтелей.

Въ камерѣ мирового судьи разбирается дѣло объ оскорбленіи словами и дѣйствіями господина Короткорылова г-номъ Купоросовымъ; обвинитель, обвиняемый и толпа свидѣтелей. Мировой судья обращается къ обвинителю: — „Э, Короткорыловъ!“ — „Чего изволите?“ — „За что васъ колотилъ Купоросовъ?“ — „Да больше за волосы.“ — „Нѣтъ, позвольте, я васъ спрашиваю, почему онъ васъ колотилъ?“ — „Да по спинѣ, по затылку, вотъ по тому, по этому самому мѣсту, вотъ тутъ, вотъ!“ — „Да вы не то совсѣмъ! Вы мнѣ объясните, какой поводъ у него былъ?“ — „Да повода не было, поводомъ онъ меня не билъ, вотъ ужъ, вотъ ужъ, грѣха не стану на душу брать и врать не стану, стаканомъ пустил въ лобъ, это правильно, а что повода, повода не было!“ — „Да, Господи, да съ вами не сговоришься. Э, позвать свидѣтелей! А ваша фамилія?“ — „Кугельманъ!“ — „Чѣмъ вы занимаетесь?“ — „Артистъ по головному убору.“ — „Выражайтесь, пожалуйста, опредѣленнѣе; что, парикмахеръ или щеточныхъ дѣлъ мастеръ?“ — „Гмъ, парикмахеръ.“ — „Что вы можете сказать по этому дѣлу?“ — „По этому дѣлу я ничего не знаю!“ — „Вотъ, какой же вы тогда свидѣтель?“ — „Совершенно вѣрно.“ — „Можете уходить, вы не нужны!“ — „До свиданья, будьте здоровы.“ — „Пожалуйста, безъ фамиліярностей. Свидѣтель Кочерыжкинъ“. Изъ свидѣтельской комнаты выходитъ военный писарь. — „Э, ваша фамилія?“ — „Леонъ Кочерыжкинъ“. — „Какъ Леонъ, такого русскаго имени нѣтъ.“ — „Да это я по французскому, по-русски меня зовутъ Леонтій Шлеганъ.“ — „Что вы знаете

*) Начало этой пластинки см. рассказъ „Въ казармахъ“.

по дѣлу Купоросова и Короткорылова?“—„Все!“—
„Разсказывайте по порядку.“—„Съ удовольствіемъ.
Короткорыловъ и Купоросовъ сидѣли и пили водку
г-на Штритера.“—„Можно безъ подробностей.“—
„Съ удовольствіемъ. Пили они водку завода г-на
Штритера, хорошо! пили, пили и налимонились;
такъ они стали спорить, споръ у нихъ самый глупый
вышелъ, видите ли о томъ, видите ли господинъ
судья, кто выдумалъ дамскіе турнюры.“—„Да вы,
пожалуйста, не распространяйтесь.“—„Съ удоволь-
ствіемъ. Видите ли, Короткорыловъ говоритъ, что
Бисмаркъ, а Купоросовъ говоритъ, что помѣщикъ
Тукке,—Бисмаркъ, говоритъ, нѣтъ Тукке, говоритъ,
нѣтъ, говоритъ, Бисмаркъ, нѣтъ, говоритъ, Тукке.
Купоросовъ тутъ обозлился, бацъ ему въ ухо! Это
онъ совершенно справедливо поступилъ, потому, за-
чѣмъ Бисмарку турнюры, онъ больше насчетъ поли-
тики, а вотъ Тукке, такъ это вѣрно, ей-Богу, ему
необходимъ.“—„Пожалуйста, безъ объясненій!“—
„Съ удовольствіемъ. Короткорыловъ значитъ, кри-
чить: Ахъ ты такой-сякой, ну-ну, Купоросовъ въ
ухо ему, значитъ, а Короткорыловъ въ азартъ во-
шелъ, значитъ, трахъ! сдачи Купоросову, а потомъ
они какъ слѣдуетъ подрались; я кончилъ.“—„Больше
ничего не знаете?“—„По этому дѣлу?“—„Ну, да,
конечно.“—„Ничего.“—„А слушайте, а когда они
дрались, вы гдѣ тогда были въ это время?“—„Я былъ
у моей кумы, у Авдотьи Ивановны, въ гостяхъ, на
пятой улицѣ Песковъ!“—„Да, позвольте, позвольте,
вѣдь они дрались-то на Сѣнной?“—„Да, на Сѣн-
ной!“—„Такъ какъ же вы могли видѣть съ Песковъ,
что дѣлается на Сѣнной?“—„Я не видалъ!“—„Какъ
же вы тутъ цѣлый часъ разговариваете?“—„Я По-
повкѣ другъ, господинъ судья, я тоже, я тоже
свидѣтель, позвольте мнѣ доложить.“—„Какъ, какъ
доложить? Я вотъ штрафую васъ тремя рублями.“—
„Что братъ, доложилъ, я и самъ, братъ, доволенъ.“
Ха-ха-ха.

№ 21150.

Н. П. Мальскій.

Доужинались.

Зимой, въ шестомъ часу утра, изъ загороднаго
ресторана отправляются домой двое; одинъ изъ
нихъ ничего не можетъ, другой еще немножко ды-
шетъ.—„Саша, а Саша, хочешь кататься?“—„Ка-
таться? А-а, мнѣ все равно!“—„Саша, поѣдемъ ка-
таться?“—„Все равно!“ Берутъ тройку, ѣдутъ сна-
чала по Гороховой, потомъ по Невскому и такъ далѣе.
„Саша, а Саша!“—„Гм?“—„Саша, Саша, Саша!“—
„А?“—„Саша, хочешь купить?“—„Купить?“—„Да!“—
„А что купить-то? Все равно.“—„Саша, хочешь гробъ
купить?“—„Гробъ, все равно.“ Подъѣзжаютъ къ
бюро похоронныхъ процессій; раздается страшный
звонокъ, выбѣгаетъ дежурный: „Что вамъ угодно?“—
„Гробы!“—„Гробъ? Какой гробъ вы прикажете:
большой или маленькій, деревянный, металличе-

скій?“—„Саша, какой гробъ, меделанный или деревидеревическій?“—„Все равно!“—„Все равно.“—„Убирайтесь вонъ, пьяные, только тутъ будите ночью понапрасну!“ Ёдутъ дальше: „Саша, Саша, Саша, Саша, Саша, хочешь сниматься?“—„Сниматься? Все равно!“—„Саша, поѣдемъ сниматься?“ Подѣзжаютъ къ фотографіи; опять звонокъ. Выбѣгаетъ разбуженный сторожъ. „Вамъ что угодно?“—„Сниматься Саша хочетъ!“—„Да, помилуйте, какъ же теперь сниматься, темно, ничего не видно?“—„А ты, добрый человѣкъ, посвѣти, на чай получишь!“—„Нельзя сниматься, говорятъ вамъ—темно, какъ же вы будете сниматься?“—„Во весь ростъ!“—„Да нельзя, говорятъ, убирайтесь вонъ!“ Выгоняютъ. Ёдутъ дальше. Останавливаются у аптеки. „Саша, Саша, Саша, Саша, Саша! Хочешь пить?“—„Пить? Все равно!“—„Пожалуйста, Саша пить хочетъ.“—„Пить? Что же вамъ угодно?“—„Шоколаду. Саша, хочешь шоколаду?“—„Шоколаду? Все равно!“—„Да нѣтъ у насъ шоколаду, говорятъ, что же я вамъ дамъ, скипидару?“—„Саша, хочешь, скипидару?“—„Скипидару? Все равно, все равно, только... съ булочкой!“

№ 21165.

Н. П. Мальскій.

Еврей на пароходѣ.

Въ контору пароходнаго агенства входитъ еврей, кассиръ страшно озабоченъ отправкой парохода, еврей толкается и мѣшаетъ всѣмъ, наконецъ, онъ проталкался къ кассиру. — Что вамъ угодно? — „Скажите, пожалуйста, вы дѣйствительно господинъ агентъ?“—Да-да-да. — „Позвольте узнать, куда, пожалуйста, идетъ эти большой пароходъ?“—На Кавказъ.—„На Кавказъ? Я на Кавказъ не желаю.“—А что же вамъ угодно? — „Я хочу ѣхать уфѣ Таганрогъ“. — Ну, такъ подождите другого парохода. „Я желаю ѣхать на эти пароходъ“. — Извините, пожалуйста, мнѣ некогда съ вами разговаривать, пожалуйста, встаньте въ сторонку, отойдите, отойдите, пожалуйста; послушайте, что это у васъ такое въ кулькѣ?—„Что? это соленая рыба“. — Отчего такъ воняетъ?—„Это отъ меня воняетъ, рыба свѣжій“. — Ну, пожалуйста, не мѣшайте мнѣ заниматься... ну, берите билетъ, что ли!—„Пожалуйста, давайте билетъ“. Еврей даетъ изъ кармана разорванную на четыре части десятирублевую бумажку. — Это что такое?—„Это что, это деньги“. — Не годится, потрудитесь перемѣнить. — „Не годится? что вы, въ дорогѣ всякая бумажка пригодится; ну такъ извольте другую“. — Хорошо, вамъ какого же класса билетъ?—„Что?“ — Какого класса билетъ?—„Класса? феръ вусъ класса, я хочу ѣхать, я даю деньги, какой минѣ классъ?“—Фу ты, какой вы безтолковый, какого вамъ класса билетъ — перваго, втораго, третьяго?—„Ой, пожалуйста, давайте минѣ деньги назадъ; давайте мнѣ деньги назадъ, черезъ почему

вы такъ много разговариваете, ну, хотите, я вамъ другія деньги дамъ, только вы меня не спрашивайте, какой мнѣ надо классъ, мнѣ надо билетъ, а мнѣ никакой класса не надо.—Нѣту сдачи, слышите, я говорю, сдачи нѣту, я вамъ не обязанъ мѣнять.— „Что же вы со всѣхъ берете только мелкій деньги?“—Да-да-да.— „А куда вы дѣваете, когда у васъ столько будетъ мелкихъ деньги?“—Если вы еще будете здѣсь мнѣ мѣшать заниматься дѣломъ, я васъ сейчасъ въ полицію отправлю.— „Что вы, что вы, за чего меня въ полицію, меня лучше на пароходъ отправьте“.—Говорите, пожалуйста, какого вамъ класса билетъ нуженъ.— „А сколько стоитъ первый классъ?“—Семнадцать съ полтиной.— „А второй?“—Двѣнадцать.— „А третій?“—Шесть рублей.— „Съ продовольствіемъ?“—Ну, это слишкомъ много захотѣли.— „Хорошо, погодите... третій классъ стоитъ 6 рублей, четвертый—три, пятый—полтора, шестой—семьдесятъ пять... такъ пожалуйста, господинъ кассиръ, дайте мнѣ... послушайте, господинъ кассиръ, дайте мнѣ, пожалуйста, билетъ седьмого класса!“—Ха-ха-ха, седьмого класса, ха-ха-ха. Да нѣтъ такихъ билетовъ, седьмого класса нѣтъ на пароходѣ!— „Нѣту, а въ гимназіи есть и приготовительный, и седьмой классъ, и восьмой даже, а у васъ нѣту, почему?“

№ 21160.

Н. П. Мальскій.

Еврей у телефона.

Въ контору, въ Одессѣ, заходитъ еврей и, не спрашивая разрѣшенія, направляется къ телефону.— Кто на телефонъ? а? это центральная? это центральная, а? Ну, что тамъ?.. барышня!.. барышня... барышня, пожалуйста зачѣпите минѣ № 1563, тысяча патьсотъ, патьсотъ шестьдесятъ три, знаете, на концѣ Ришельевской улицы, налѣво за уголъ... что?.. ты-ся-ча патьсотъ, патьсотъ шестьдесятъ три! Готово?.. ай! (Звонокъ). Кто на телефонъ?.. кто?.. Кто на телефонъ?.. Кто на телефонъ?.. Макаронная фабрика Лейбовича?.. Черезъ почему?.. Ой, давайте съ отбоемъ назадъ, давайте отбой!.. Барышни!.. барышни, черезъ почему, скажите пожалуйста, вы мнѣ дадите макаронная фабрика Лейбовича? мнѣ зовсѣмъ не надо... Кто на телефонъ?.. что?.. ой, давайте, пожалуйста отбой... Кто на телефонъ?.. что?.. Анатомическій покой?.. Ой, жволичъ, ой, ради Бога, почему анатомическій покой? Давайте назадъ отбой... Ну?.. Откуда говорятъ?.. Что?.. Барышня, черезъ почему вы мнѣ дадите то макаронная фабрика Лейбовича, то анатомическій покой?.. Барышня, я вамъ просилъ № 1563, тысяча патьсотъ, патьсотъ... 1563!.. что?.. Ой, кто тамъ хрипять, жволичъ... Кто на телефонъ?.. Кто на телефонъ?.. Кто на телефонъ?.. Иванъ Ивановичъ?.. А-а-а, здравствуйте, Иванъ Ивановичъ!.. Что?.. что?.. Ахъ, это вы, Циперовичъ, м-м-м... А вы вчера на

биржѣ были?.. Я говорю, вы вчера на биржѣ были?.. А-а-а!.. И не выше?.. Ахъ, и не ниже?.. Ахъ, не поднимается! а!.. Что?.. Какъ моя Хаичке? Ничего себѣ, слава Богу, благодарю вамъ, только, вы знаете, ей немножко животъ болить... Что?.. Ну, я не знаю, отчего,—можетъ быть, отъ прислуги... Что?.. Ахъ, вы знаете, какъ она постоянно ее разстраиваетъ, вы знаете наши Акулины, Акулины это такой паршивый дрань, это такой дрань, вы знаете, она мнѣ вчера лопнула двѣ стаканы... Что?.. Не можетъ быть... Что вы говорите, Иванъ Ивановичъ, у Васъ?.. Дѣвочка? не можетъ быть... Мальчикъ?.. Ну, поздравляю, поздравляю вамъ, ха-ха. Ой, Иванъ Ивановичъ, ради Бога, мнѣ тоже что то такое не хорошо, ой, у меня въ середкѣ переворотки, ой, ей-Богу, простите, Иванъ Ивановичъ, до свиданья!

№ 21387.

Б. С. Борисовъ.

Жалобная книга.—Разсказъ Чехова.

Лежитъ она, эта книга, въ специально построенной для нея конторкѣ на станціи желѣзной дороги. Ключъ отъ конторки „хранится у станціоннаго жандарма“, на дѣлѣ же никакого ключа не нужно, такъ какъ конторка всегда отперта. Раскрывайте книгу и читайте:

„Милостивый государи! Проба пера!“

Подъ этимъ нарисована рожица съ длиннымъ носомъ и рожками. Подъ рожицей написано:

„Ты картина, я портретъ, ты скотина, а я нѣтъ. Я — морда твоя“.

„Подѣзжая къ сіей станціи и глядя на прирѣду въ окно, у меня слетѣла шляпа. Н. Ярмолкинъ“.

„Кто писалъ не знаю, а я дуракъ читаю“.

„Оставилъ память начальникъ стола претензій Коловроевъ“.

„Приношу начальству мою жалобу на кондуктора Кучкина за его грубости въ отношеніи моей женѣ. Жена моя вовсе не шумѣла, а напротивъ, старалась, чтобъ все было тихо. А также и насчетъ жандарма Клятвина, который меня грубо за плечо взялъ. Жительство имѣю въ имѣніи Андрея Ивановича Ишеева, который знаетъ мое поведеніе. Конторщикъ Самолучшевъ“.

„Никандровъ социалистъ!“

„Находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ возмутительнаго поступка... (зачеркнуто). Проѣзжая черезъ эту станцію, я былъ возмущенъ до глубины души слѣдующимъ... (зачеркнуто). На моихъ глазахъ произошло слѣдующее возмутительное происшествіе, рисуемое яркими красками наши желѣзнодорожные порядки. . (далѣе все зачеркнуто, кромѣ подписи). Ученикъ 7-го класса Курской гимназіи Алексѣй Зудьевъ“.

„Въ ожиданіи отхода поѣзда обозрѣвалъ фізіономію начальника станціи и остался ею весьма не-

доволенъ. Объявляю о семъ по линіи. Неунывающий дачникъ“.

„Я знаю кто это писалъ. Это писалъ. М. Д.“.

„Господа! Тельцовскій шулеръ!“

„Жандармиха ѣздила вчера съ буфетчикомъ Костькой за рѣку. Желаемъ всего лучшаго. Не унывай жандармъ!“

„Проѣзжая черезъ станцію и будучи голоденъ, въ разсужденіи чего бы покушать, я не могъ найти постной пищи. Дьяконъ Духовъ“.

„Лопай, что даютъ!..“

„Кто найдетъ кожаный портсигаръ, тотъ пушай отдастъ въ кассу Андрею Егорычу“.

„Такъ какъ меня прогоняютъ со службы, будто я пьянствую, то объявляю, что всѣ вы мошенники и воры. Телеграфистъ Козьмодемьянскій“.

„Добродѣтельно украшайтесь“.

„Катенька, я васъ люблю безумно!“

„Прошу въ жалобной книгѣ не писать постороннихъ вещей. За начальника станціи Ивановъ 7-й“.

„Хоть ты и седьмой, а дуракъ“.

№ 21390.

Б. С. Борисовъ.

Записки сумасшедшаго.—Гоголя.

Сегодняшній день есть день величайшаго торжества! Въ Испаніи есть король. Онъ отыскался. Этотъ король—я! Именно только сегодня объ этомъ узналъ я. Признаюсь, меня, вдругъ, какъ молніей освѣтило. Я не понимаю, какъ я могъ думать и вообразить себѣ, что я титулярный совѣтникъ. Сегодня приходилъ нашъ экзекуторъ съ тѣмъ, чтобы я шелъ въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія думалъ, что я ему поклонюсь и стану извиняться, но я сѣлъ на свое мѣсто, какъ будто никого не замѣчая. Я глядѣлъ на всю канцелярскую сволочь и думалъ: „что если бы всѣ знали, кто между вами сидитъ?“... Господи Боже, какую бы вы ералашь подняли! Мнѣ больше всего было забавно, когда подсунули мнѣ бумагу, чтобы я подписалъ. Они думали, что я напишу на самомъ кончикѣ листа: столоначальникъ такой-то, — какъ бы не такъ! А я на самомъ видномъ мѣстѣ, гдѣ подписывается директоръ департамента, черкнулъ: „Фердинандъ VIII“. Нужно было видѣть, какое благоговѣйное молчаніе воцарилось, но я махнулъ только рукою, сказавъ: „Не нужно никакихъ знаковъ подданничества!“ и вышелъ. Нѣтъ, я больше не имѣю силъ терпѣть. Боже! что они дѣлаютъ со мною! Они лютъ мнѣ на голову холодную воду! Они не внемлютъ, не видятъ, не слушаютъ меня. Что я сдѣлалъ имъ? За что они мучатъ меня? Чего хотятъ они отъ меня бѣднаго? Что могу дать я имъ? Я ничего не имѣю. Спасите меня! возьмите меня! Дайте мнѣ тройку быстрыхъ какъ вихорь коней! Садись, мой ямщикъ, звени, мой колокольчикъ, взвивайтесь, кони, и не сите меня съ этого свѣта! Далѣе, далѣе, чтобы не

видно было ничего, ничего. Вотъ небо клубится передо мною; звѣздочка сверкаетъ вдали; лѣсъ не-сется съ темными деревьями; сизый туманъ сте-лется подъ ногами; струна звенить въ туманѣ; съ одной стороны море, съ другой Италія; вотъ и рус-скія избы виднѣются. Домъ ли то мой синѣтъ вдали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Ма-тушка, спаси твоего бѣднаго сына! Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, какъ они му-чатъ его! Прижми къ груди своей бѣднаго сиротку! Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! Его гонять!..—Матушка, пожалѣй о своемъ больномъ дитяткѣ!... Ха... ха... А знаете ли вы, что у алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка? Ха, ха...

№ 21167.

Н. П. Мальскій.

Затменіе солнца.

— Что это за народъ собравшись? — „Да, Богъ ихъ знаетъ, съ утра стоятъ.“ — Это не насчетъ-ли солонины? — „Какой солонины?“ — Да вѣдь какъ же, этотъ самый хозяинъ теперича фабрику солониной кормить, а только ему теперича эту самую солонину запечатали, потому ѣсть ее нѣтъ никакой возмож-ности. — „Это насчетъ солонины?“ — Нѣтъ, ужъ онъ имъ три ведра водки поставилъ, распечатали, опять жрутъ. — „Охъ ужъ эта солонина!“ — Что это, ре-бята, народъ-то собрался? — „Да разное говорятъ, кто говоритъ: на небѣ не ладно, кто говоритъ: купецъ повѣсился“. — А мы это изъ Нижняго ѣхали одинъ разъ пьяные, ѣдемъ это мы пьяные, сейчасъ это комета прямо къ намъ въ тарантасъ, инда хмѣль выскочилъ; я говорю: Петръ Семенычъ, смотри, я говорю; я, говоритъ, ужъ давно вижу, а самъ такъ и трясется. — Затрясешься, братъ, коли ежели Богу что. — Да, всѣ мы люди, всѣ человѣки, охъ, грѣхи наши тяжкіе. Слабъ человѣкъ, вотъ хоть бы теперь, этакое наказаніе Божеское, — затменіе, а сколько народу пьянаго. — „Безъ этого нельзя, братецъ мой: иной опасается, а другой опосля вчерашняго по-правляется.“ — Нѣтъ, вы докажете, докажете намъ затменіе. — „Докажу: одно ваше невѣжество“ — Нѣтъ, нѣтъ, позвольте, это очень можетъ быть, что невѣжество, а вы намъ докажете, только народъ смущаете, изъ-за вашихъ пустыхъ словъ теперича вотъ этакое собраніе; городской, городской! вотъ онъ тебѣ покажетъ затменіе. — „Да, братъ, нашъ городской никого не помилуетъ.“ — Вы докажете, докажете, живемъ мы тихо, смирно, благородно, а вы тутъ пришли, всѣхъ взбудоражили. — „Хозяйка наша въ баню ѣхала сейчасъ, спрашиваетъ, зачѣмъ это народъ собирается, а кучеръ дуракъ взялъ, да и ляпнулъ: затменія, говоритъ, небеснаго дожидаются, это сырой-то женщинѣ, та такъ и покати-лась.“ — Онъ съ утра здѣсь путается, этотъ госпо-динъ; спервоначалу въ трактирѣ сталъ эти самыя слова говорить; теперича говорить: земля вертится,

а Иванъ Ильичъ какъ свистнетъ ему въ ухо,—что жъ, говоритъ, мы на вертушкѣ живемъ что ли?— „Дикая ваша страна!“—Мы довольны, слава Тебѣ Господи!—Господинъ, вы лучше проходите, а то мы вамъ лопатки назадъ скрутимъ. Да гдѣ городской то, городской?— „Пошелъ чай пить въ трактиръ.“— Вотъ его бы въ участокъ отправить.— „За этакія дѣла не похвалятъ, конечно отправятъ.“— „А вотъ городской идетъ, этотъ сейчасъ выручить.“— Господинъ городской, вотъ теперича вотъ этотъ самый человѣкъ...“— Осади назадъ!— „Теперича вотъ этотъ человѣкъ, неизвѣстный намъ человѣкъ, вышелъ, примѣрно, изъ трактира и говоритъ, что вотъ, говоритъ, сейчасъ...“— Не наваливай, не наваливай, которые, осади назадъ!— „Иванъ Павловичъ, Иванъ Павловичъ, ради Бога!..— „Вы, господа, поймете, когда солнце въ дискѣ будетъ.— „Почтенный, за эти слова вы отвѣтите.“— За что?— „А вотъ за это ваше слово нехорошее.“— Господа, сейчасъ затмится.— „Можетъ, и затмится, а вы, господинъ, пожалуйста въ участокъ.“— Эхъ, вотъ на Кавказѣ бы за это, да и-и— чертъ его знаетъ...— „Столько-то глупаго народа на свѣтѣ, такъ просто страсть, что такое“.

№ 21152.

Н. П. Мальскій.

Игра словъ.

Въ одномъ изъ полковъ былъ генералъ, большой любитель анекдотовъ; подходитъ къ нему поручикъ. — „Ваше превосходительство, замѣчательно интересный новый анекдотъ“. — Пожалуйста, будьте любезны очень люблю анекдоты, дорогой мой, будьте любезны.— „У насъ въ полку, ваше превосходительство, есть поручикъ Робъ; этого поручика Роба мы прозвали Бобъ; такъ вотъ, этотъ самый поручикъ Бобъ Робъ былъ откомандированъ въ городъ Бобровъ для обученія ополченцевъ; когда онъ обучалъ ополченцевъ, совершенно случайно попалъ въ ровъ и повредилъ себѣ ногу. Просить денегъ на лѣченіе, ему выдаютъ порядочную сумму, образуется отъ нея большой остатокъ, и, вотъ, на этотъ остатокъ покупаетъ себѣ воротникъ изъ бобровъ.“— „Ха, ха, ха, да, да, да, изъ бобровъ, да!“— „И вотъ, ваше превосходительство, мы по этому поводу сложили четверостишіе:

Поручикъ Бобъ Ровъ,
Поѣхалъ въ городъ Бобровъ;
Попалъ тамъ Бобъ въ ровъ,
Купилъ себѣ воротникъ изъ бобровъ.

„Ха, ха, ха, ха! Это я вамъ скажу, это замѣчательно, это великолѣпно! Ха, ха, ха! Это просто прелесть!“ — „Нѣтъ, ваше превосходительство, вы обратите вниманіе, игра словъ какая!“— Ха, ха, ха, игра словъ, игра словъ поразительная! Да! Бобъ Ровъ, Бобровъ, Бобъ въ ровъ, ха, ха, ха, и еще разъ Бобровъ! Это великолѣпно! Очень благодаренъ,

очень, очень благодаренъ! Мерси!“ На другой день генераль встрѣчаетъ своего товарища по кадетскому корпусу, тоже генерала; генераль несется на своемъ рысакѣ; этотъ генераль останавливаетъ его: „Ваше превосходительство, ваше превосходительство! поди сюда! я, братъ, тебѣ такой анекдотъ расскажу, то есть, такой анекдотъ, это, замѣчательно! Что такое, въ чемъ дѣло? У насъ въ полку есть поручикъ гм, гм... какъ его звать ха, ха, ха, поручикъ Бобровъ! Ха, ха.“—Ну, что же тутъ особенно интереснаго, а вотъ у насъ есть въ полку поручикъ Ефремовъ!“— „Да, голубчикъ, погоди ты, пожалуйста, совсѣмъ не въ этомъ дѣло! Этотъ самый поручикъ Бобровъ былъ командированъ м-м... м-м... въ городъ м-м... м-м... въ городъ Землянскъ Воронежской губерніи, для обученія ополченцевъ и, вотъ, можешь себѣ представить, вдругъ онъ совершенно случайно попадаетъ въ канаву; ну, повредилъ себѣ ногу, просить денегъ на лѣченіе, ему выдаютъ большую сумму, что-то такое рублей 75, 80, ну 85, вовсе не больше; само собой разумѣется, для такой болѣзни какъ растяженіе сухожилія много денегъ не надо; онъ себѣ сдѣлалъ массажъ, купилъ тамъ вазелину, іоду, ну... ну... у него осталась большая сумма и можешь себѣ представить: вдругъ онъ на этотъ остатокъ покупаетъ себѣ, ха, ха, ха, ха, воротникъ, ха, ха, ха! Да, да, да погоди, погоди-ка, какой-же воротникъ-то? Да, да, да енотовый воротникъ. Ха, ха, ха, ха! Это что за анекдоты!“— „Да, но что же тутъ остроумнаго?“— „Позволь, какъ что остроумнаго, дорогой мой! А игра словъ какая, какъ это ты не понимаешь!“

№ 21156.

Н. П. Мальскій.

Какъ мы чумѣли.

Во время ветлянской чумы поѣздомъ изъ Царицына въ Грязи ѣдетъ мужичекъ; происходитъ пересадка на Москву, передъ отходомъ поѣзда мужичекъ набрался хорошаго расположенія духа въ буфетѣ и отправляется въ вагонъ. Мѣста очень мало; наконецъ, кондукторъ усадилъ его, съ грѣхомъ пополамъ. Мужичекъ въ прекрасномъ расположеніи духа — страсть ему хочется поговорить съ кѣмъ-нибудь, смотреть — визави сидитъ господинъ съ дамой, компанія не подходящая. Наконецъ раздается свистокъ отходящаго паровоза.—У-ухъ, ха ха-ха, за-свистѣлъ. — „Ну, что же тутъ смѣшнаго?“—Да какъ же, господинъ, сейчасъ на одномъ мѣстѣ стоялъ, а сейчасъ у-ухъ, сейчасъ впередъ пошелъ, ха-ха, а какъ второй разъ онъ свиснетъ, значитъ, сейчасъ станція и кабакъ, грѣйся народъ православный; а допрежь того, бывало, господинъ, 18 сутокъ по самые по гужи въ грязи ѣдешь, а теперь чего...“ — „А вы откуда ѣдете?“ — А мы съ городу Царицыну. — „Послушайте, у васъ тамъ въ Царицынѣ чума?“—Чума, у насъ така чума, что страсть; страсть

какъ чумѣть начали. — „А вы бы куда-нибудь въ другой вагонъ пересѣли“. — Да нѣтъ, господинъ, это въ Царицынѣ чума, а въ вагонѣ это ничего, это бесполезно, это, господинъ, ничего. — „А что, у васъ, сильно чумѣютъ?“ — О-о, фершаловъ наѣхало, начальства, страсть, потому чумѣть очень стали; и сколько отъ этой самой чумы непріятностей происходитъ, такъ и рассказать невозможно. Такъ, будемъ говорить, у мово батюшки четыре сына; на-примѣръ, я, значить, моему батюшкѣ тоже сынъ буду, и у меня есть старшій братъ, духовный портной Яковъ, только одинъ единственный старшій братъ и есть духовный портной Яковъ. Ну, каждый знаетъ, что мой духовный братъ старшій портной Яковъ по праздничному времени зашибаетъ — вышиваетъ, значить, такъ его никто и не трогаетъ, потому каждый знаетъ — мѣщанинъ онъ у насъ есть, по праздничному времени зашибаетъ. Идетъ это онъ, какъ фершала-то пріѣхали... лежитъ въ праздничный день около дороги, малость выпивши, его, значить, фершалъ ногой толкнулъ, и онъ всталъ, видитъ — передъ собой канава, сейчасъ онъ въ канаву ложится и спокоеится. А фершала говорятъ: смотри, ребята, чумной; давай его тереть щетками. Трутъ моего единственнаго брата щетками по голому мѣсту; день его трутъ, другой трутъ, ну мой братъ единственный, портной Яковъ, очумѣлъ, какъ схватить, значить, фершала, какъ дать ему по мордѣ, да отъ него, фершалъ за нимъ, а остановку-то ему сдѣлать невозможно, потому — не приказано. — „А что, много у васъ умираетъ?“ — Нѣтъ, какое много, еще не хватаетъ. — „Какъ не хватаетъ, въ газетахъ пишутъ, — человѣкъ полтора ста въ одинъ день“. — Это мало. — „Какъ мало?“ — Мало, по грѣхамъ по нашимъ мало. — Раздается свистокъ. — У-ухъ, эва, сударь, значить, станція? — „Да, станція“. — И кабакъ? — „И кабакъ“. — Вотъ здорово-то, господинъ, вотъ дай Богъ здоровья инженерамъ: настроили теперича!

№ 21163.

Н. П. Мальскій.

Какъ нѣмецъ объясняетъ русскія пѣсни.

Гутентагъ, здравствуйте, ха-ха-ха, здравствуйте, господа публикумъ; ну, вотъ я опять и здѣсь; ви мнѣ очень давно не видальса, ха-ха-ха; ви, навѣрно, скучали безъ мене, мой добрый публикумъ, да? Ну, какъ ви поживаете? Харашо? Ну, очень, очень харашо, очень пріятно. Ну, я вамъ буду рассказывать. Я вамъ расскажетъ, что ви никогда еще ни отъ меня, ни отъ кого другой не слыхалъ. Удивительно! Это удивительно! Я вамъ говорилъ про русскій языкъ. Это русскій языкъ — замѣчательный языкъ. Это такой языкъ, какой нѣтъ другой языкъ. Я его занимался очень много, но теперь я занималъса на изученіи русскій романсъ ундъ пѣсни. Боже мой, что я тамъ находилъ, это что-нибудь особенного;

ни одинъ слова нѣтъ правда и нѣтъ никакой логика, но я, Карлъ Ивановичъ Шустерлингъ, я поправлю, я покажу, какъ это глупо написано, да, ха-ха. Но, битѣ шенъ, пожалуйста, немножко послушайте. Напримѣръ. Напримѣры, такой пѣсни: „Шиль, пиль у бабушки сѣренкій козликъ“. Это, это козликъ ученый, что онъ шиль, и пиль, то ему надо на циркѣ показывать; но, можетъ быть, это ошибка, можетъ быть, это портной, то портной умѣетъ и шить, и лить, онъ шиль, и пиль, но за чего это написано пѣть,—эти зовсѣмъ глупо. „По улицѣ мостовой шелъ дѣвица за водой“. Гдѣ же ему ходить было за водой, какъ не по улица; ну, развѣ можно по крыша ходить? Ха-ха-ха... И потомъ какой это дѣвица, который идетъ за водой въ такомъ городѣ, гдѣ есть улицѣ мостовой, тамъ я думаю, водовозъ везетъ въ бочкѣ вода, а дѣвицѣ носить—это стыдно. Удивительный пѣсни. Или еще пѣсни: „Вдоль по улицѣ метелица мететъ, за метелицей мой миленькій идетъ“. Но это, должно быть, хорошій миленькій; хорошій миленькій, если онъ за метелицей, которая улица мететъ, ходитъ. Метелица—это такой грубый женщина, за чего пѣсни для нее написать — эти совершенно не понимательно. Или, напримѣръ: „Борода-ль моя, бородушка, борода-ль моя бобровая“. Я въ первый разъ слышу, чтобы у человѣкъ отъ бобра выросла борода; воротникъ бобровый — ну, это такъ, но... борода, ха-ха-ха, это можно смѣяться. Или еще есть пѣсни: „Куманекъ, побывай у меня, душа радость, побывай у меня“. Ну, навѣрно, кума трактиръ содержитъ, что просить побывать у нея,—ну, это еще ничего. До свиданья, до свиданья, ха-ха-ха.

№ 21090.

Н. П. Мальскій.

Кухаркинъ балъ.

Кухарка справляетъ свои именины. Дворникъ пиликаетъ на гармоникѣ. Въ числѣ приглашенныхъ гостей—генеральскій лакей, сосѣдская горничная, пожарный—кумъ именинницы, подручный изъ молочной лавки, двѣ кухарки со двора, приказчикъ изъ мясной лавки и типографскій наборщикъ. Дворникъ кричитъ:—„Танцуйте, дѣвки, такъ и быть, сыграю вамъ кандрель!“—Генеральскій лакей встрепенулся, подбѣгаетъ къ горничной.—„Вотъ, значить спасибо - мирси, пермете муа променажъ де кандрель, значить, соблаговолите съ вами попотѣть немножко“.—„Ахъ, какъ вы завсегда съ глупостями и съ низкими словами!“—„Помил-те, какія же это глупости, коли ежели эту кандрель мы на манеръ морсу танцовать будемъ, значить, со всякими фигурами и со всякими прочими разными танцами!“ „Ахъ, какой вы безсовѣстный комплиментщикъ, критиканщикъ, неужели вы всегда такъ до женскаго пола?“—„Нѣтъ, помил-те, это только въ вашемъ присутствіи“... „Ухъ, какой ехидный

комплиментщикъ! вы и такъ завсегда можете даму съ коварностью провести, такъ... опасность произвести!“ — „Ха-ха-ха, помил-те, ха-ха-ха, мы, вѣдь, тоже ученые; мы, вѣдь, не въ прикуску сморкаемся, ха-ха-ха! Пожалуйте вашу ручку! Вавилъ Антипычъ, господинъ пожарный!“ — „Чего!“ — „Отмозолимъ-ка французскую кадрель на французскомъ маслѣ!“ — „Ладно, валяй!“ — „Только, Вавилъ Антипычъ, смотри, руками-то полегче размахивай, а то опять въ зубы угодишь Катеринѣ Микитишнѣ, какъ въ прошлый разъ!“ — „А вы отъ меня становитесь поодаль, потому — я не могу: у меня завсегда все въ движеніи. Коли, значитъ, ежели ноги, такъ безпремѣнно и руки должны, это у меня съ измалѣтства.“ — „Тише, тише, тише, позвольте.. вы меня такъ за талію жмете, что просто у меня косточка лопнула въ корсетѣ, теперь въ ребро упирается!“ — „Ха-ха-ха, да что вы!.. Остерегусь, только ужъ если въ остервененіе приду, такъ-такъ тогда я азартно, страстно начну доказывать, тогда придется вашей корсетной кофточкѣ пробуравить ваше тѣло, „хэ-хэ-хэ!“ — „Русскую!“ — „Валяй!“ — „Чуть-чуть... ты, ты!.. ахъ, ты Господи, да вѣдь это кадрель!“ — „А, мнѣ наплевать!.. Не тронь, не тронь! не подходи, расшибу... валяй, братъ... валяй... во всю, эво, какъ... эво!.. вотъ... ну... это, братъ, по-пожарному!“

№ 21118.

Н. П. Мальскій.

На вербахъ.

Разсказъ купца.

„Да! верба энто и вербное гулянье будутъ мнѣ долго памятны, коль ежели еще Богъ приведетъ полсотни лѣтъ прожить и то не забуду вербнаго гулянья энтаго, чтобъ ему пусто было! Вдругъ те-перича такой сюжетъ анаѳемскій вышелъ, что изъ этого самага гулянья я при всей моей солидарности, при моемъ капиталѣ вдругъ на казачій, это легко выговорить эдакое словечко, на казачій! А ежели когѣ Богъ за непочитаніе родителей приведетъ тамъ посидѣть, въ другой разъ не пожелаешь братъ, ни, ни, ни, ни! Вотъ, какъ вспомню-то энту самую вербу, какъ только ее увижу, такъ у меня во всей комплекціи смятеніе пойдетъ, ровно я, прости Господи, каши съ касторовымъ масломъ по-ѣлъ! И какое дѣло вышло, такъ это просто кани-тель одна. Супругу вы мою знаете? Бутонъ! Сливки съ малиновымъ вареньемъ, а не дама; это ужъ грѣхъ небольшой, мужъ и то можетъ сказать. Та-кая дама, что все это тонконогое нахальство, эти франтики, этихъ всѣхъ націй просто ее видѣть не могутъ! какъ который увидѣлъ, такъ его ровно клин-комъ противъ шерсти шарахнеть. Ну, вотъ, пошли мы съ ней въ прошломъ году на вербу гулять! идемъ, гуляемъ! Вдругъ, это я вижу, за нами по

пятамъ ничтожество одно шагаетъ, изъ приказчицей націи; жена ему это глазикомъ, эдакъ сдѣлала, она губки бантикомъ свернула, потому знакомы они раньше какъ-то были; онъ даже за нее, скобленный чортъ, сватался одно время, когда батьку въ долговое посадили. Зло меня это разобрало такое, что ажно подъ сердцемъ заклокотало; рука вотъ такъ сама въ кулакъ сжимается, такъ вотъ его бы перешибъ тонконогаго! Вы, говорю, Соничка, не оглядывайтесь, потому, я говорю, вы съ мужемъ идете, а ежели, молъ, оглядываться будете, я могу вамъ дома непріятность сдѣлать и даже очень серьезно за косу могу взять! Идемъ дальше; Никифоръ, говоритъ, Ермолаевичъ, жена-то, говоритъ, надо, говоритъ, вербу намъ купить, вотъ, говоритъ, у мужичка очень прекрасная верба! Вотъ, говорю, хошь цѣлый возъ куплю, изволь, пожалуйста, ежели только тебѣ желательно. Подхожу къ разносчику, супруга это у меня на буксирѣ, подъ локотокъ ее держу. Покажи вербу, разносчикъ! приказываю, пошелъ; и вѣдь разносчикъ извѣстно какой народъ, съ ними не сторгуешься, это съ меня-то, купца, можно сказать, извѣстнаго, за пучекъ вербы двугривенный просить, я ему три копѣйки, онъ пятиалтынный, я пятачекъ; а это, знаете, смотрю, жена моя въ это время ой, ой, ой, ой государи мои, скажу вамъ съ этимъ тра-та-та-та, глазками играетъ это, губками шевелить, а онъ, чтобъ ему податной инспекторъ приснился, рыло въ улыбку скроилъ и надъ самымъ это ухомъ фильетоны ей разводить, Какъ я его вербой вдоль рожи хрясну разъ, два, три, шляпа это его на земь, руками онъ это закрылся, я его по башкѣ, по ушамъ, ну, вотъ тутъ протоколъ составили! Отсидѣлъ я! Ну ужъ и женѣ же досталось, и франту! Ну, вотъ съ тѣхъ поръ этой вербы просто видѣть не могу!

№ 21084.

Н. П. Мальскій.

На вокзалѣ у кассы.

У желѣзнодорожной кассы. Подходитъ баба съ котомкой и узломъ. „Тебѣ бабушка куда?“—„Да мнѣ-бы, родненькій, до Новгороду“...—„Два рубля пятьдесятъ копѣекъ“.—„Ой-ой-ой! ой-ой, да что ты, да что ты! Да возьми подешевле“.—„У насъ не торгуются“.—„Да чего не торгуются, батюшка, да чего же ты жилишься? Вѣдь нынче не старина, батюшка ты мой, дорогъ-то желѣзныхъ сколько хочешь—ты не повезешь, такъ я по другой, по Аршавской поѣду, мнѣ все равно, батюшка ты мой!“ Бабу замѣняетъ запыхавшійся господинъ. Летитъ, на немъ лица нѣтъ, шляпа снята, волосы въ сторону развѣваются. „Гм-м-м-ты... Черви! тфу ты, пасъ! Тфу ты... Господ... до Любани, до Любани 3-го класса!.. Понимаете, вчерашній винтъ изъ головы не выходитъ. Вы представьте себѣ, а-а Вы играете?“—„Да, Господи, кто же не играетъ нынче?“—„Ну, представьте

себѣ—у меня король, да девятка, десятка, тузъ пикъ, дама, король бубновый, пять маленькихъ трефъ, а у партнера, знаете, король, дама пикъ, король да валетъ въ трефахъ, пять маленькихъ бубновыхъ и двѣ червонки; назначаемъ маленькій шлемъ червонкой, а вдругъ остаемся безъ двухъ, можете себѣ представить? Ну? Нѣтъ, нѣтъ, какъ это вамъ покажется?“—„Господи, такую игру, конечно, сапожникъ разыграетъ“. Его замѣняетъ пьяный мужиченка, толкаетъ локтемъ господина: „Поштенный, ослобони кассира“. — „Виноватъ“. „А... до Осташкова бы мнѣ“...—„Проходи!“—„Чаво, я говорю до Осташкова“. — „Нельзя тебѣ продать, проходи... ну, проходи, не задерживай, ну!“—„Ка-ка-какъ, какъ это нельзя, почему за свои-же собственные деньги нельзя? Нѣтъ братъ, это ты братъ, не моги, я братъ завсегда“... — „Сперва отрезвись, а пьяному не даютъ билетовъ!“— „Ишь ты какой шустрый! пьяному... да какой-же это дуракъ по твоей чугункѣ трезвый-то поѣдетъ, а?“

№ 21212.

Н. П. Мальскій.

На дачномъ поѣздѣ.

Въ вагонѣ Финляндской желѣзной дороги, въ воскресный день, отправляется изъ Бѣлоострова послѣдній поѣздъ, такъ называемый пьяный поѣздъ, который прибываетъ въ Петербургъ въ два часа ночи. Финляндцы очень экономный народъ, поэтому если около часа ночи свѣчи въ вагонахъ догораютъ, такъ они новыхъ не ставятъ: „потому, серезъ школко-то совсѣмъ шкоро утро бутеть“. Въ этотъ разъ такъ и случилось. Поѣздъ подходит къ Озеркамъ, въ Озеркахъ страшная давка; кондукторъ выходитъ: „Осерки, твѣ минутты, пошалуста, коспода поскорѣй ваконнымъ“. Входитъ въ вагонъ молодой чловѣкъ очень пшютоватаго вида, воротникъ у макинтоша поднять, въ рукахъ бутоньерка живыхъ цвѣтовъ,—онъ возвращается съ именинъ. Сзади его купецъ: „эй, ты, цилиндра, цилиндра, проталкивайся, проталкивайся“.—Пардонъ, пардонъ, что вамъ надо, пожалуйста, позвольте мнѣ тоже пройти., Ну, ладно, ладно, отчаливай, отчаливай“. Молодой чловѣкъ ищетъ себѣ мѣсто, онъ страшно близорукъ, наконецъ наталкивается на чудное шелковое платье, видитъ великолѣпные кудри и ему кажется, что это та блондинка, съ которой онъ давно хотѣлъ познакомиться, но не находилъ подходящаго случая.—Пардонъ, сударыня, простите, что я беспокою вашу безмятежный сонъ, но, если-бы вы знали, сударыня, что я выстрадалъ за послѣднія три недѣли, если-бы вы знали, сударыня, свидѣтелями какихъ страшныхъ страданій были вотъ эти бѣдные цвѣты, если-бы вы знали, сударыня, какими чувствами горитъ моя душа, я убѣжденъ, сударыня, вы бы ни на одну минуту не были такъ жестоки, сударыня! Я васъ прошу, откликнитесь хотя-бы однимъ словомъ, я васъ прошу, пощадите вашего вѣрнаго, вашего стараго раба; сударыня, сударыня, я еще разъ колѣнопреклоненный готовъ просить васъ...—„Послушайте, не приставайте вы пожалуйста къ отцу-діакону, что вы ей-богу, какъ вамъ не совѣстно“.

На приѣмѣ у доктора.

Дѣйствіе происходитъ на амбулаторномъ приѣмѣ у доктора. — „Послушайте, ну что, помогло вамъ мое лѣкарство? — Что-то плохо, господинъ докторъ. — „Э-э, ну, а все-таки, какой глазъ видитъ лучше?“ — „Оба ничего не видятъ. — „Что значитъ такое?.. всѣ лѣкарства на васъ перепробовалъ и-и-и все не то... ну, вотъ вы эту картинку видите? Ну, глядите же, куда вамъ говорятъ!“ — Нѣтъ, не вижу. — „Ну, а меня, меня вы видите?“ — Васъ я немножко вижу, вообще я грубые предметы еще немножко различаю, господинъ докторъ. — „А, гмъ, да, да... уходите вонъ!“ Подходитъ деревенская баба, въ рукахъ у нея какой-то свертокъ, она его крѣпко прижимаетъ къ груди, и низко кланяется. — Ты будешь дохтуръ, ваше происхождение? — „Да, да, да, я докторъ.“ — А ты можешь? — „Что?“ — Я говорю, ты можешь? — „Что можешь?“ — Да лѣчить-то! — „Ну, ладно, ладно, что болитъ-то?“ — Животъ болитъ, пищи не принимаетъ, вся прямо умаялась. — „Ладно, садись“. Докторъ пишетъ рецептъ и подаетъ его бабѣ: „Четыре раза въ день по столовой ложкѣ, иди“. Баба беретъ рецептъ, еще ниже кланяется, кладетъ свертокъ, который она держала, на столъ и направляется къ двери. — „Постой, постой, постой, постой, что это ты дѣлаешь? что это ты дѣлаешь? Что ты ребенка подкидываешь, а? Ахъ, ты каналья ты этакая, а?“ Баба останавливается и пялитъ на доктора глаза. — Зачѣмъ ребенка подкинула? — Что ты, баринъ. — „А, постой, я видѣлъ, ты ребенка подкинула, тебя въ тюрьму за это! постой... возьми сейчасъ же назадъ!“ — Что ты, батюшка баринъ, вѣдь это не ребенокъ, это тебѣ, батюшка за совѣтъ, деньгами-то заплатить не могу, такъ я тебѣ кусокъ холста принесла. — „Ахъ, ты, постой... постой, постой... у кого же, у кого же животъ-то болитъ?“ — Да у меня, родимый, у меня. — „Ха-ха-ха-ха-ха... Ахъ, ты дура, ты, дура, давай рецептъ-то назадъ: я рецептъ-то ребенку прописалъ, ха-ха-ха... Ахъ, ты дура, ты дура, ха-ха-ха“.

Остроумный нѣмецъ.

Гуднабендъ! Здравствуйте, пожалуйста! О, господа публикумъ, какъ давно я васъ не видался! Ви не думайте, что я это время спалъ? Нѣ, Карль Ивановичъ Шустерлингъ, онъ не спалъ; думалъ и о очень много думалъ; онъ думалъ объ свой самый любимый предметъ: объ русскій языкъ, я долженъ сказать, это замѣчательный, аусгецейхнеть! Русскій языкъ, это такая языка, что очень много можно смѣяться эта языка; если къ одному слову, который одно значить, прибавить одинъ или двѣ буква, совсѣмъ

другое дѣло выходить. Это ошень удивительно, ундъ нохъ ейнъ маль, есъ истъ аусгецейхнеть! Ошень удивительно; напримѣръ: есъ такое слово „кошка“, это женскій порода отъ „котъ“, который дѣлаеть „мяу, мяу“, ундъ нохъ маль мяу, а „окошко“ это совсѣмъ другой вещь, это можно смотрѣть и разговаривайть. Есъ такое слово „ракъ“, ракъ это значить такой вареный красній рыба, „дуракъ“, это глупій человѣкъ, а „буракъ“ это такое растеніе, изъ который можно борщъ сдѣлать; или „лакъ“, лакъ это такой вещи, который на мебель кладеть, а „кулакъ“, кулакъ можно куда угодно положить. „Пуста“—пуста значить, когда никого нѣту, а „капуста“ это ошень пріятной для вся русскій человѣкъ растеніе есъ; „рѣки“—рѣки, это такой вода, на который съ лодкамъ ѣздить можно, а „греки“—греки, это такой народъ, который съ губками на гостиный дворъ торгуеть, эти греки сдѣлали такой штука, что нашъ гимназистъ ошень много единицы получаль. Ха-ха-ха, да... „Чанъ“—чанъ это простой ведро, куда можно наливать вода, а „кочанъ“—кочанъ, это только у капусты бываетъ и ничего наливать нельзя. „Тина“, тина—это маленькое слово отъ Валентина, а „щетина“, это совсѣмъ другое, это волоса отъ свинья; или, напримѣръ: есъ такое слово „Настя“,—Настя это такой хорошенькій имя отъ Настасья, а „ненастье“, это, это ошень мокрое слово. Хе-хе-хе. „Имя“, имя это всякій шеловѣкъ и всякій звѣрь имѣеть, а „вымя“, вымя—только одинъ корова имѣеть. Гмъ, да; „Пива“, пива—это мой любимый напитокъ, а „крапива“, это такой растеніе, который обжигаетъ какое угодно мѣста у всякій человѣкъ. „Мушка“, это, это такой маленькій муха, а „кумушка“, это всякій пожарный имѣеть кумушка. „Ноги“—каждый человѣкъ имѣеть, а „миноги“ такой „рыба“, который ни одинъ нога не имѣеть. Господа публикумъ, какъ ви сейчасъ видалъ, я не спалъ, столько время не видался, я русскій языкъ изучался. Хе-хе... Ауфвидерзейнъ. До свиданья, пожалуйста! Хе-хе-хе... До свиданья!

№ 21099.

Н. П. Мальскій.

Передъ отходомъ поѣзда.

Въ буфетѣ I класса, на вокзалѣ, около буфетной стойки, стоитъ одинъ господинъ изъ молодыхъ, возвращающійся съ именинъ, страшно утомленъ послѣ ужина — еле на ногахъ стоитъ. Подходитъ франтъ. — „Пожалуйста, будьте такъ любезны... будьте такъ добры мнѣ сдѣлать рябчика“. — И мнѣ тоже рябчика. — „Пожалуйста, будьте такъ любезны, когда вы будете его жарить, такъ побольше масла положите, масла, понимаете, чтобы онъ былъ пожирнѣе“. — И мнѣ тоже побольше масла. — „Пожалуйста, когда будете рябчика жарить, будьте добры его герметически закупорить“. — И меня тоже герметически з-закупорить. — „Э-э, будьте любезны,

когда рябчика будете подавать, облейте его сверху сметаной".—Мнѣ, мнѣ тоже облейте сверху сметаной. — „Пожалуйста, будьте добры, я васъ прошу, когда будете подавать, такъ пожалуйста немножко положите ему въ носъ укропу, укропу".—Мнѣ тоже положите въ носъ укропу.—„Э-э-э, послушайте, пардонъ, пардонъ, послушайте, какія у васъ кильки, отъ нихъ пахнетъ. Послушайте, за такое безобразіе можно въ участокъ отправить".—Меня тоже за такое безобразіе въ участокъ отправить.—На вокзалѣ, на платформѣ въ это время страшная давка. Встрѣчаются два генерала, очень давно не видались, товарищи по кадетскому корпусу, одинъ бѣжитъ за другимъ въ догонку и кричитъ: „Петя, Петя, Петя". Тотъ не слышитъ. — „Петя, Петя, Петюша, Петя!" Въ это время мимо второго генерала проходитъ еврей, толкаетъ генерала въ бокъ и говоритъ: „Петя, Петя, вамъ зовутъ!"

№ 21217.

Н. М. Мальскій.

Перепутанныя объявленія.

Одинъ мой пріятель былъ ярый чтецъ газетъ и въ особенности онъ любилъ объявленія, но онъ читалъ ихъ залпомъ и поэтому выходили слѣдующія недоразумѣнія, вотъ, не угодно-ли вамъ прослушать

Молодая особа, безъ пороковъ ищетъ мѣсто на пустопорожней землѣ для удобренія почвы, согласна въ отъѣздъ. Зубной врачъ продается и отдается, можетъ ходить въ пару и одиночку, а также принимаетъ заказы на поставку молока въ интеллигентныхъ семействахъ. Молодой человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ желаетъ получить катарръ желудка съ ручательствомъ на годъ. Англичанка съ хорошимъ приплодомъ заводитъ часы въ домахъ, а также принимаетъ заказы на поставку яицъ отъ премированныхъ куръ, маклаковъ просятъ не являться. Старшій дворникъ предлагаетъ услуги бухгалтеріи въ обществѣ велосипедистовъ и дойныхъ коровъ. Осель съ отличными рекомендаціями предлагаетъ уроки фехтованія, внѣ конкуренціи, на плюшевой подкладкѣ, въ количествѣ сорока тысячъ десятинъ, для истребленія разнаго рода техническихъ знаній и прислуги. Докторъ по внутреннимъ и на-кожнымъ болѣзнямъ рекомендуетъ лучшія безопасныя керосинки и продаетъ въ разсрочку нянекъ, боннъ и другую прислугу. Тамъ же требуются быки на резиновыхъ шинахъ, мягкіе, эластичные, по 35 копѣекъ за аршинъ. Важно для дачниковъ. Громадный выборъ. Дойная корова, дающая до 40 ведеръ молока, даетъ уроки музыки на соболѣмъ мѣху, въ сухой, гористой мѣстности. Опытный репетиторъ, бывшій артистъ балетной труппы, готовитъ въ юнкерское училище породистыхъ быковъ и прочихъ наскѣкомыхъ по 2 рубля за пудъ. Вотъ такъ недоразумѣніе. Ха, ха-ха-ха.

Пополамъ.

Два купца рѣшили покутить на половицныхъ началахъ. Позавтракали въ небольшомъ ресторанѣ, вошли въ куражъ: „Семенъ Ивановичъ!“ — „А?“ — „Теперича поѣдемъ дальше продолжать, только братъ, Семенъ Ивановичъ, съ условіемъ!“ — „Съ условіемъ, какимъ?“ — „А такъ, Семенъ Ивановичъ, значить, чтобы всѣ расходы пополамъ!“ — „Пополамъ?“ — „Да!“ — „Хорошо, идетъ!“ Приѣхали въ слѣдующій ресторанъ, на Крестовскомъ. „Человѣкъ!“ — „Чего изволите?“ — „Человѣкъ“, $1\frac{1}{2}$ дюжины заграничнаго ливрейнаго... крымскаго розлива! Выпили, вошли еще больше въ куражъ. „Семенъ Ивановичъ! давай братъ, звѣзданемъ, братъ, въ зеркало?“ — „Звѣзданемъ!“ — „Пополамъ?“ — „Пополамъ!“ Звѣзданули. „Человѣкъ, сколько тебѣ за зеркало полагается?“ — „Двѣсти рублей!“ — „Семенъ Ивановичъ, пополамъ, такъ съ тебя, братъ, сто цѣлковыхъ! Семенъ Ивановичъ! знаешь, братъ, что: шандарахнемъ, давай, братъ, въ акваріумъ; давай, братъ, окуней учить пѣшкомъ ходить, пускай вся уха по паркету полетится, а?“ — „Пополамъ?“ — „Пополамъ!“ — „Шандарахнемъ!“ Шандарахнули. Опять является лакей и хозяинъ. „Тебѣ сколько полагается за акваріумъ? Мы вотъ окуней учили пѣшкомъ ходить. Сколько тебѣ братъ, полагается?“ — „Четыреста рублей.“ — „Четыреста? Ладно. Пополамъ?“ — „Пополамъ!“ — „Семенъ Ивановичъ, дадимъ, братъ, хозяину въ морду?“ — „Пополамъ?“ — „Пополамъ!“ — „Дадимъ!“ Дали. Начинается невѣроятная свалка при благосклонномъ участіи лакеевъ. Одинъ изъ кушцовъ лежитъ подъ деревомъ и вопить: „Семенъ Ивановичъ, у меня, братъ, ребро пополамъ.“ — „Ну, что жъ, братъ, дѣлать, все пополамъ!“

Почему нѣмецъ не женился.

Нѣмецъ рассказываетъ, почему онъ не женился. „Однажды я былъ еще зовсѣмъ молодаво человекъ, блондини, кудри на плечи, смотрѣлъ очень не дурно съ лицо. Буль зима. Я шелъ со спокойнаго духа на Гороховой улицѣ; но переди мнѣ шелъ какой-та очень красивый дамъ; эти дамъ посклизнулась ундъ шлепнулась на лѣмъ, я подскакнулъ и поднималъ дамъ отъ лѣмъ. Они благодарили и просилъ какъ-нибудь визитироваться на своя мѣстожителства. Карашо. Одна воскресенье я пошелъ на визитъ къ эти дамъ. На двери я читалъ записка: Оекла Ивановна Козолаповъ. Зо; я звонула и горничная мнѣ отпернула. Я взошла—небольшой комнатъ очень недурна обставленной мебель, драпировка, цвѣта. Оекла Ивановна выходили и мы оба рекомендо-

лись: она сказала, что она дѣвица Оекла Ивановна Козолапова, ундѣ ихъ хабе гезахтѣ, дасѣ ихъ бинѣ ейнѣ чулочный фабрикантѣ Карлѣ Ивановичѣ Гунейбики, и мы очень порядочно провожали времени; потомъ я еще разѣ приходилѣ на визитѣ къ эти дамѣ, ундѣ еще разѣ, ундѣ нохѣ дрей малѣ, ундѣ много разѣ приходилѣ на визитѣ къ эти дамѣ. Однажды мы сидѣли на канапѣ, лампа митѣ оба-журѣ горѣлѣ ундѣ Оекла Ивановна мине сказала: „Любезный Карликѣ, я привыкла къ тебѣ, Оеклишка любить свой Карлѣ ундѣ Карлѣ любить своя Оеклишка, будемѣ бракироваться.“—„Карапо, сказалѣ я, ундѣ мы були жениха и невѣста“. Оеклишка мнѣ сказалѣ: „Любезный Карлѣ, я всегда жилаю быть дома когда вы приходилѣ, предупреди мнѣ раньше“. Карапо, сказалѣ я, я всегда предупредилѣ. Я всегда приносилѣ одна пара цвѣтная чулки и одни польфунта бонбонѣ для журфиксу. Одинѣ разѣ я не предупредилѣ и потихонько черезѣ куханѣ прошла на журфиксѣ. Мейнѣ Готѣ! какого жестокаго ландшафтѣ я видалѣ: Оеклишка сидѣлѣ на канапѣ и съ одной стороны сѣлѣ маленькой мальчишка, а съ другой маленькой дѣвчонки; эти удивительны, удивительны мальчишка ундѣ дѣвчонка. Я кричалѣ, я столбонулѣ. „Васѣизѣ дасѣ? доннерветтерѣ параплю! Васѣ золь дасѣ хейсенѣ! „Оеклишка запирались! Я столбонулѣ. Оеклишка плачетѣ! „Любезный Карликѣ, звиняй своей Оеклишки, это было невиннаго грѣхопадительства: онѣ былѣ молодая, я былѣ тоже молодой, онѣ часто пришла ко мнѣ, мы занимались лектурѣ ночномѣ. Онѣ мнѣ читалѣ Шиллера, я ему читалѣ Пушкинѣ; и вотѣ отѣ Пушкина производилѣ Татьяна, ундѣ отѣ Шиллерѣ—Фердинандѣ. Но это больше не будетѣ, клянусѣ Бога, это больше не будетѣ!“—„Нѣтъ вскричалѣ я! это будетѣ, это навѣрно будетѣ. Вы читали только Шиллерѣ и Пушкинѣ, произошла Татьяна. Вы еще не читали Хейне и Гете, Тургеневѣ, Достоевскій, у васѣ будетѣ цѣлый Петербурхѣ дѣтей.“ „Нѣтъ, вскричалѣ я, „я честный нѣмца“. Я съ гордостью переворачивалѣ, и на всю жизнь оставалѣ небракированнымѣ.

№ 21388.

Б. С. Борисовѣ.

Разговорѣ человека съ собакой.

Рассказѣ Чехова.

Была лунная, морозная ночь. Алексѣй Ивановичѣ Романсовѣ сбилѣ съ рукава зеленаго чертика, отворилѣ осторожно калитку и вышелѣ во дворѣ.

— Человѣкъ есть прахѣ, миражѣ, пепелѣ. Павелѣ Николаевичѣ—губернаторѣ, да и онѣ—пепелѣ. Видимое величїе его—мечта, дымѣ; дунутѣ разѣ—и нѣтъ его...

Рррр... донеслось до ушей философа.

Романсовѣ взглянулѣ въ сторону и увидѣлѣ большую черную собаку. Онѣ грустно улыбнулся.

Рррр... повторила собака.

Не понимаю... И ты можешь рычать на человека—а?..

Я, я человекъ! Какъ по твоему: человекъ я или не человекъ?

Объясняй!

Рррр... ау, ау!

Лапу, лапу! Не даете? Э-э не желаете? Не нужно. Такъ и запишемъ...

А пока позвольте васъ по мордѣ. Я любя...

Ау, ау, ау, ау!

А! ты кусаться...

Очень хорошо, ладно! Такъ и будемъ помнить. Значить, тебѣ плевать на то, что человекъ есть вѣнецъ мірозданія, царь животныхъ...

Значить изъ этого слѣдуетъ, что и Павла Николаевича ты укусить можешь, да? Вѣдь передъ Павломъ Николаевичемъ всѣ ницъ падаютъ, а тебѣ, что онъ, что другой предметъ—все равно? Такъ ли я тебя понимаю? А? Такъ стало быть ты... социалистъ. Постой: ты социалистъ?

Ррр... ррр...-гавъ, гавъ!

Постой, не... Постой, не кусайся... О чемъ бишь я? Ахъ, да! Насчетъ пепла. Ты вотъ собака и ничего не понимаешь, а если бы ты могла залѣзть въ душу, если бы ты могла проникнуть... На, кусай, ѣшь! Никто отродясь мнѣ путнаго слова не сказалъ. Всѣ только въ душѣ подлецомъ считали, а въ глаза кромѣ хваленій да улыбокъ—ни, ни! Хоть бы разъ кто по мордѣ съѣздилъ, да выругалъ!.. Ёшь, песь, кусай, рви анаѰему, лопай предателя!.. Такъ!.. Именно такъ!.. Рви мордализацію, не жалко и не больно, а не жалко, такъ сго... не щади!

Ррр. ррр... гавъ, гавъ.

Проснувшись на другой день въ полдень, Романовъ увидалъ нѣчто необычайное. Голова, руки и ноги его были въ повязкахъ. Около кровати стояли заплаканная жена и озабоченный докторъ.

№ 21385.

Б. С. Борисовъ.

Ревизоръ.—Гоголя.

4-е дѣйствіе. Монологъ Городничаго.

Городничій. Ннѣтъ, какъ я, старый дуракъ? Выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на свѣтѣ; ни одинъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, продохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣлывалъ на уду. Трехъ губернаторовъ обманулъ! А! что губернаторовъ! Что и говорить про губернаторовъ...

Анна Андреевна. Но это не можетъ быть, Антоша: онъ обручился съ Машенькой...

Городничій. Обручился! кукишъ съ масломъ—вотъ тебѣ обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обрученіемъ!.. Вотъ смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій!

Дурака ему, дурака старому подлецу! Эхъ; ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка! вонъ онъ теперъ по всей дорогѣ звенить-заливаетъ колокольчикомъ! Разнесетъ по всему свѣту исторію. Мало тебѣ того,—найдется щелкоперъ, бумагомаракъ, въ комедію тебя вставить. Вотъ что обидно! Чина, званія не пощадитъ, и всѣ будутъ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣтесъ? надъ собою смѣтесъ!.. Эхъ вы!.. Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У щелкоперы, либералы проклятые! чортова сѣмя! Узломъ-бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку-бы васъ всѣхъ стеръ, да чорту въ шапку въ подкладку! туды ему!..

№ 21115.

№ 21149.

Н. П. Мальскій.

” ”

Самоваръ.

Разсказъ изъ народнаго быта.

Въ небольшомъ селѣ, около уѣзднаго города проживаетъ мужичекъ; когда онъ приходитъ въ городъ на рынокъ, всегда проходитъ мимо дома купца, въ открытое окошко онъ видитъ такую картину: столъ стоитъ, на столѣ самоваръ; купецъ сидитъ, чай пьетъ, купчиха на гитарѣ играетъ, соловей въ клѣткѣ поетъ. Страшно ему эта картина понравилась, думаетъ: хоть маленькій самоваръ, хоть небольшой, хоть подержанный, а куплю. Накопилъ три цѣлковыхъ, отправляется на рынокъ; проходитъ опять мимо дома купца, опять видитъ ту-же картину, умиляется и заходитъ за здоровье купца стаканчикъ выпить въ кабакъ. Выпиваетъ стаканчикъ, другой, третій, отъ самовара остается только одно воспоминанье, но ему хочется точно разсказать кабатчику, зачѣмъ, собственно говоря, онъ въ городъ шелъ: „Я сейчасъ, Миколай Михайловичъ, мимо купцова дома шелъ; тамъ окошко отворено, такъ мнѣ, братъ, въ окошко все видать; смотрю это я: столъ на четырехъ ножкахъ стоитъ, самоваръ на ѣмъ стоитъ это, кранъ расписной, здоровенный, конфорка съ пуговкой, самоваръ это шипитъ, а купецъ на гитарѣ играетъ, а купчиха чай пьетъ; а соловей, птичка Божія, въ клѣткѣ сидитъ и таково это жалобно заливается, это понимаешь: тю-тю-тю, тю-тю-тю! Дай-ка еще, Миколай Михайловичъ, стакашку.—Выпилъ.—Я смотрю это, Миколай Михайловичъ, вѣдь окошко-то отворено, такъ мнѣ вѣдь въ окошко все видать; смотрю это—самоваръ на четырехъ ножкахъ стоитъ это, конфорка съ пуговкой, кранъ расписной, здоровенный, столъ это на ѣмъ шипитъ, а купецъ, птичка Божія, сидитъ чай пьетъ, купчиха на гитарѣ играетъ и таково это жалобно заливается: тю-тю-тю, тю-тю-тю, а соловей въ клѣткѣ сидитъ, свиститъ, на столѣ играетъ. Дай-ка мнѣ, Миколай Михайловичъ, еще,

братъ. — Выпилъ. — Мнѣ, Миколай Михайловичъ, въ окошко-то все видать; потому окошко-то отворено. Смотрю это я, понимаешь, гитара на четырехъ ножкахъ стоитъ, кранъ расписной, купчиха на столѣ сидитъ, шипитъ это, купецъ на комфоркѣ играетъ, а соловей, птичка Божія, сидитъ въ клѣткѣ чай пьетъ и таково это жалобно заливается это: тю-тю-тю, тю-тю-тю! Я, братъ, Миколай Михайловичъ, все видалъ въ окошко; я, братъ, не вру, я братъ, окошко, немного того, пріотворю, мнѣ въ окошко, братъ, все видать. Смотрю это, понимаешь ты, купецъ, птичка Божія, на четырехъ ножкахъ стоитъ, на соловѣѣ играетъ, а у соловья кранъ расписной, здоровенный, гитара сидитъ на купчихѣ, шипитъ, а комфорка на пуговкѣ въ клѣткѣ играетъ и таково жалостно заливается: тю-тю-тю, тю-тю-тю. Мнѣ, братъ, въ окошко все видать...

№ 21374.

Б. С. Борисовъ.

Слива.

Если вы хотите знать,
Какъ влюбляются отъ сливы,
Я могу вамъ рассказать,
Если вы хотите знать.

О, любовь ползетъ какъ тать,
Какъ бы дверь не стерегли вы...
Но послушайте, чтобъ знать,
Какъ влюбляются отъ сливы!

* * *

Былъ у дяди старый садъ,
У меня была кузина.
Ахъ, я былъ ужасно радъ!..
Былъ у дяди старый садъ.

Пѣли въ немъ на всякій ладъ
Птички. Чудная картина!..
Былъ у дяди старый садъ,
У меня была кузина.

Раннимъ утромъ, до жары,
Мы въ саду гуляли съ Машей;
Свѣжи, молоды, добры,
Раннимъ утромъ до жары.

Птички, пчелки, комары
Пѣли гимны грусти нашей.
Раннимъ утромъ, до жары,
Мы въ саду гуляли съ Машей.

* * *

Маша, рѣзвое дитя,
Вся сіяя, шла аллеей,
Майской розою цвѣтя.
Маша, рѣзвое дитя,

Бойко прыгая, шутя,
Мнѣ казалась легкой феей.
Маша, хе-хе! рѣзвое дитя,
Вся сіяя шла аллеей.

* * *

Въ темной зелени, въ глуши,

Маша сливу увидала.

Засмѣялась отъ души:

Ахъ, какъ сливы хороши!

Въ темной зелени, въ глуши,

И одну изъ нихъ сорвала.

Въ темной зелени, въ глуши,

Маша сливу увидала.

Мнѣ она сказала „на“,

Откусивъ сама кусочекъ.

О, святые времена!

Мнѣ она сказала „на“.

Сливу зубками она

Обвела узоромъ точекъ.

Мнѣ она сказала „на“,

Откусивъ сама кусочекъ.

* * *

Вотъ и все, но тутъ романъ:

Слива многое открыла;

Ахъ, какой же я профанъ!..

Вотъ и все, но тутъ романъ.

И я съѣлъ тотъ талисманъ,

Что кузина откусила...

Вотъ и все, но тутъ романъ:

Слива многое открыла.

* * *

Вы, mesdames, хотѣли знать,

Какъ влюбляются отъ сливы,

Вотъ, прошу не забывать,

Вы, mesdames, хотѣли знать...

Можетъ быть, въ любви встрѣчать

Вамъ пришлось не тѣ мотивы,

Ну, а я лишь могъ узнать,

Какъ влюбляются отъ сливы.

№ 21221.

Н. П. Мальскій.

Смекалка.

Мужичекъ попался въ кражѣ; чтобы пособить горю, онъ проситъ совѣта у адвоката, является къ нему: „Слыхали мы, господинъ, что ежели который человѣкъ какое дѣло нехорошее надѣлалъ и суду подлежить, всякаго человѣка поправить можете“.— Что такое?— „Я говорю, слыхали мы, я говорю, господинъ, что ежели который человѣкъ какое дѣло нехорошее надѣлалъ и суду подлежить, всякаго человѣка поправить можете.“—Что такое ты говоришь? ничего тебя не разобрать!— „Я говорю, слыхали! мы, господинъ, что ежели который человѣкъ какое дѣло нехорошее надѣлалъ и суду подлежить, такъ всякаго человѣка поправить можете.“ — Ну ладно!—Адвокатъ приказываетъ ему, чтобы онъ на все, на все, что-бы его ни спрашивалъ судья, отвѣчалъ только двѣ фразы: „ну, что-жъ такое“ и „ну вотъ еще“. Мужичекъ благодарить и на другой

день отправляется въ судъ...—Подсудимый Мухинъ, вы обвиняетесь въ кражѣ.—„Ну, такъ что-жъ?“—Вы сознаетесь?—„Ну, вотъ еще.“—Да вѣдь улики на лицо!—„Ну, такъ что-жъ?“—А то, что васъ могутъ наказать!—Ха-ха, ну, вотъ еще“.—Въ концѣ концовъ за неимѣніемъ уликъ мужичекъ былъ оправданъ. Черезъ недѣлю онъ наталкивается на адвоката. Адвокатъ очень доволенъ, что видитъ своего кліента на свободѣ.—А, здравствуй, любезный. — „Здравія желаю, ваше благородіе, здравія желаю, родимый“.—Ну, что, освободился теперь, очень радъ за тебя, освободился?—„А ну такъ что-жъ?“—Да долго ждать, ты долженъ заплатить мнѣ за совѣтъ.—„Ха-ха, вотъ еще.“—Да брось ты пожалуйста теперь эти слова, вѣдь ты же теперь не передъ судьей.—„Ну, такъ что-жъ?“—Говори со мной, какъ говорилъ прежде.—„Ну, вотъ еще“.—Такъ толку и не добились.—Ты будешь со мной разговаривать?—„Ну, вотъ еще, ха-ха, меня, братъ, не объѣдешь, самъ виноватъ: зачѣмъ научилъ?“

№ 21153.

Н. П. Мальскій.

Состязаніе льва съ тигромъ.

Встрѣчаются два бѣдныхъ еврея, одинъ изъ нихъ почти совершенно нищій.—„Здравствуй, Шлемоцке!“—Здравствуй, какъ ты поживаешь?—„Ну что, какъ я поживаю, ви знаете, ей-Богу, я до того опустился,—совершенный босякъ сталъ“.—Босякъ? Какой ты модный человѣкъ, ха-ха!—„Вамъ хорошо, вамъ бы все смѣховаться только, вы попробовали-бы на моемъ мѣстѣ побыть“.—А что?—Да что, ви знаете, я вже три дня и четыре дня, три мѣсяца уже не знаю, чего такое чай изъ сахаромъ“.—М-м, а вы хотите немножко деньги зарабатывать?—„За чего не хотимъ, ижвѣстно, хотимъ, а сколько можно зарабатывать?“—Ну, копѣекъ 40 уфъ день можно.—„Копѣекъ 40? А чего надо сдѣлать?“—Чего надо сдѣлать? Въ нашемъ городѣ есть цирку, въ эту цирку было состязаніе льва съ тигромъ, теперичке тигра подохла, такъ надо тигру замѣнять.—„За 40 копѣекъ тигра замѣнять? Что?.. Ви, ей-Богу, совершенно сумасшедшій человѣкъ, какія комбинаціи предлагаете, ви понимаете, что ви говорите, а? что, ви не понимаете?“ Черезъ пять минутъ на сорока пяти копѣйкахъ помирились. Потомъ еврей рассказываетъ, какъ онъ ходилъ на это состязаніе.—„Знаете, ей-Богу, правда, этихъ 45 копѣекъ 45 годовъ жизни стоитъ. Ну, я приходилъ на эти клѣтки, который стоитъ сзади эту цирку, посмотрѣлъ—Боже мой! Ну, потомъ приходилъ къ будочкѣ, гдѣ лежитъ эта подохлая тигра, вынималъ изъ шеренке внутренности, понимаете, надѣвалъ на себѣ этихъ шкуры,—отъ меня потомъ полторы недѣли воняло. Ну, хорошо, прихожу на состязаніе, смотрю—въ клѣткѣ сидитъ левъ—Боже мой, какой левъ! Ой-ой, ой, ой, ой! Глазы съ чернымъ красные, воро-

часть, на мене смотритъ, хрюкаетъ. Боже мой, что, я думаю, буду дѣлать, но вже поздно,—уже написана афиша. По обѣ стороны клѣтки висятъ афиши, написано: первый, сенсационное, артистическое состязаніе льва изъ тигромъ. Ну, прихожу въ клѣтку, левъ по-прежнему кричитъ на мене, хрюкаетъ... Ну, думаю, ты, паскудный, поскорѣй-бы меня слопалъ за эти 45 копѣекъ. Подхожу совсѣмъ близко къ нему, говорю: Боже мой, Боже мой, сохрани мене пожалуйста за этихъ 45 копѣекъ несчастныхъ, Боже мой, что было дальше! Какъ ви думаете, что было дальше! Ви думаете, онъ мене слопалъ? Ммм... не шкажете, ви сдѣлайте себѣ замѣтку, что онъ со мной сдѣлалъ! Онъ подошелъ зовсѣмъ близко, рядомъ ко мнѣ — двѣ-три шага, не больше, сѣлъ на заднія лапки, понимаете, хвостъ положилъ на полъ, правымъ ручкомъ сдѣлалъ мнѣ реверансъ и, понимаете, вдругъ мине говоритъ: м-м-м, м-м-м... ви тоже разговариваете? а сколько ви получаете за выходъ?”

№ 21154.

Н. П. Мальскій.

Споръ.

Пожилой крестьянинъ рассказываетъ о томъ, какъ онъ спорилъ съ болѣе молодымъ относительно того, когда будетъ Рождество — въ четвергъ или въ пятницу. — Вотъ мы, значитъ, съ Микитой на завалинкѣ сидимъ, Антонъ проходитъ, ну, Микита домой, мой сынъ, пошелъ, а Антонъ спорить зачалъ. Антонъ говоритъ, вотъ, говоритъ, скоро, говоритъ, до Рождества доживемъ. Я говорю, да, вотъ, посмотримъ, въ четвергъ Рождество будетъ. Нѣтъ, говоритъ, не въ четвергъ, а въ пятницу. Нѣтъ, говорю я, въ четвергъ. Да, нѣтъ, говоритъ, въ пятницу. Да что ты, говорю, споришь-то, я человѣкъ старый, мнѣ лучше знать, въ четвергъ Рождество; нѣтъ, въ пятницу; я — въ четвергъ, а Антонъ — въ пятницу, я — въ четвергъ, а Антонъ — въ пятницу. Спорили, спорили, спорили, значитъ, я говорю, въ четвергъ, онъ говоритъ, въ пятницу, онъ бацъ, это мнѣ, по мордѣ. Я говорю, постой, постой, постой, какую праву ты имѣешь драться-то? Да вотъ такую, говоритъ, очинно даже слободно. Ахъ, слободно, ну погоди-ка, я сына своо Микиту позову, Микита съ тобой расправится. А Микита у меня парень здоровый, косая сажень въ плечахъ, кулачищи во какіе! Такъ и такъ говорю, Микита, Антонъ дерется; какъ это дерется? Да вотъ такъ, дерется; да изъ-за чего разговоръ-то вышелъ? Да вотъ изъ-за Рождества. Да какъ такъ изъ-за Рождества? Да вотъ, я говорю — въ четвергъ Рождество, а Антонъ говоритъ — въ пятницу. Вотъ посмотри, какое Рождество подъ глазомъ-то поставилъ. А-а, говоритъ, стой, батюшка, ладно, я сейчасъ съ нимъ поговорю. Пришелъ это Микита, такъ и такъ, говоритъ, ты что-жъ это, говоритъ, Антонъ? А что? Да ты каку

праву имѣешь мово батюшку бить? Да таку, говорить, что не спорь. Ахъ, не спорь? Да, не спорь. Нѣтъ, ты каку праву драться-то имѣешь? А вотъ таку, что очинно даже слободно. Ахъ, слободно? Ну, ладно, попробуй-ка, ударь-ка его при мнѣ. Антонъ, значить, какъ развернется, да какъ дастъ мнѣ опять по тому же самому мѣсту. Стой, батюшка, погоди, я сейчасъ заступаться начну. Ахъ, такъ ты, говоритъ, вотъ какой, ты, говоритъ, при мнѣ мово батюшку по мордѣ бьешь? Да, говоритъ, а что жъ, — очинно даже слободно. А-а, говоритъ, слободно. Да вотъ, слободно. А, ну-ка попробуй-ка, дай-ка ему еще разъ. Антонъ какъ развернется, да какъ дастъ мнѣ опять по тому же самому мѣсту. Что жъ, говоритъ, ты, говоритъ, при мнѣ, говоритъ, мово батюшку, говоритъ, два, говоритъ, раза, говоритъ, по мордѣ билъ, говоритъ, а? Да, говоритъ, билъ. А какую ты праву имѣешь? А таку, что очинно слободно. Ахъ, слободно, стой, батюшка, погоди, стой, батюшка, погоди, я сейчасъ заступлюсь. Ты, говоритъ, два раза, говоритъ, по мордѣ, говоритъ, мово батюшку билъ, говоритъ. Да, говоритъ, билъ, говоритъ. А каку праву имѣешь? А таку. Ахъ, таку? А ну-ка, дай-ка ему еще разъ. Антонъ какъ развернется, значить, какъ дастъ мнѣ по мордѣ. Ну, тутъ Микита-то не выдержалъ, подскочилъ къ ему: а дай-ка ему еще разъ, говоритъ. Какъ Антонъ развернется, Микита подскочилъ къ ему, — схватилъ его за руку, пойдемъ, говоритъ, батюшка, домой, а то онъ те всю морду искровянить.

№ 21161.

Н. П. Мальскій.

Странница у доктора.

Странница. Ваше благородіе, явите Божескую милость, заставьте за себя вѣчно Бога молить.

Докторъ. Что такое?

Странница. Помогите мнѣ, ваше благородіе!

Докторъ. Въ чемъ тебѣ помочь?

Странница. Въ немошахъ, ваше благородіе!

Докторъ. Въ какихъ-же немошахъ?

Странница. Въ тѣлесныхъ, ваше благородіе, — потому для духовныхъ есть одинъ только Врачъ, и Тотъ на небеси живетъ!

Докторъ. Что-же съ тобой?

Странница. Мечты одолѣли, ваше благородіе!

Докторъ. Какъ мечты?

Странница. По дѣйству дьявола, ваше благородіе!

Докторъ. Какъ-же такъ?

Странница. Силу онъ надъ нами, убогими людьми, большую имѣетъ, всячески старается намъ соблазнъ предоставить.

Докторъ. Какой соблазнъ?

Странница. Въ образѣ красиваго мужчины, ваше благородіе!

Докторъ. Чѣмъ-же ты больна?

Странница. Именно вотъ этимъ-то я и больна, ваше благородіе.

Докторъ. Чѣмъ именно этимъ?

Странница. Дьявольскимъ соблазномъ!

Докторъ. Тебѣ который годъ-то?

Странница. Пятьдесятъ седьмой, ваше благородіе!

Докторъ. Что-же ты чувствуешь?

Странница. А чувствую я, ваше благородіе (показывая на грудь), что будто вотъ въ этомъ мѣстѣ порхаетъ у меня голубь чистый, да и все тутъ, и такъ это онъ начнетъ порхать, такъ порхать, что меня индо въ потъ и ужась ударитъ. А тутъ ужъ и видѣнье начинается. А намедни такъ просто въявь, почитай, видѣнье-то вышло: присталъ къ намъ на дорогѣ солдатъ; иду, говоритъ, и я тоже къ святымъ угодникамъ, ну и шли мы съ нимъ, а только долго-ли, коротко-ли, только ужъ я послѣ спохватилась, что это самъ дьяволъ былъ.

Докторъ. А почему-же ты догадалась, что это дьяволъ?

Странница. А соблазнъ-то, ваше благородіе, отъ кого-же, ваше благородіе, ужъ это дѣло я понимать могу!

Докторъ. Ты водку пьешь?

Странница. Чтобы постоянно этимъ заниматься, ваше благородіе, этого нѣтъ, а когда праздники и дни разрѣшенные, такъ позволяю.

Докторъ. Ну, такъ этого нельзя.

Странница. Слушаю, ваше благородіе!

Докторъ. По утрамъ купайся.

Странница. Слушаю, ваше благородіе!

Докторъ. На солдатъ не заглядывайся.

Странница. Да вѣдь это дьяволъ былъ, ваше благородіе!

Докторъ. Все равно.

Странница. Слушаю, ваше благородіе!

Докторъ. Пряностей не ѣсть.

Странница. И грибовъ не ѣсть?

Докторъ. Грибовъ можно.

Странница. Слушаю, ваше благородіе!

Докторъ. И вообще води правильный и строгій образъ жизни, и все пройдетъ.

Странница. Теперь все-съ?

Докторъ. Все.

Странница. Только, ваше благородіе, еще спросить хотѣла, втиранія мнѣ никакого не пропишете?

Докторъ. Какого втиранія?

Странница. Масломъ деревяннымъ мнѣ не слѣдъ мазаться?

Докторъ. Это зачѣмъ?

Странница. Да облегчаетъ очинно.

Докторъ. Безъ масла можно обойтись.

Странница. Теперь все-съ?

Докторъ. Все.

Странница. Только я, ваше благородіе, еще спросить хотѣла: какъ васъ зовутъ?

Докторъ. Это зачѣмъ?

Странница. Да я, ваше благородіе, хотѣла за

здравіе. Такъ я такъ буду поминать прямо. Дескать, помяни Господи, о здравіи господина, раба Божія, доктора, а ужъ тамъ ангелы будутъ знать — кого... Прощенья просимъ, ваше благородіе!

№ 21151.

Н. П. Мальскій.

Телушка.

У мирового судьи допрашивается крестьянинъ, свидѣтель по дѣлу о поджогѣ въ селѣ Малиновкѣ. — Свидѣтель, ваше имя? — „Ляксѣй“. — Алексѣй? — „Такъ точно, Ляксѣй“. — Ваша фамилія? — „Чаво это?“ — Ваша фамилія какъ? — „Чаво это?“ — Фамилія, фамилія, ну, ваше прозваніе какъ? — „Комаръ“. — Комаръ? — „Такъ точно, Комаръ“. Значить, Алексѣй Комаръ? — „Такъ точно, Аляксѣй, стало быть, Комаръ, стало быть“. — Слушайте, Алексѣй Комаръ, у васъ въ прошломъ году въ селѣ Малиновкѣ былъ пожаръ; что намъ вы можете разсказать про этотъ пожаръ? — „То есть горимъ, ваше благородіе, кажинный годъ горимъ“. — Ну, а что про этотъ пожаръ скажете? — „Да опять-же горимъ, ваше благородіе“. — Да гдѣ вы были во время пожара, что вы видѣли, разскажите по порядку. — „Я, ваше благородіе, съ поля это пришелъ, лошадку свою отпрягъ, прихожу къ себѣ на дворъ, смотрю, телушки моей нѣтъ, я въ коноплянникъ — смотрю, въ коноплянникъ стоитъ; только я за ней это побѣжалъ, она отъ меня, я за ней, она отъ меня, я за ней, она отъ меня.“ — Да постоитъ, я васъ не про телушку спрашиваю, а про пожаръ. — „То-то вотъ я про пожаръ-то и говорю, ваше благородіе, я за ней, она отъ меня, я за ней, она отъ меня, я за ней...“ — Да постоитъ, я васъ не про телушку, а про пожаръ. — „Да вотъ то-то вотъ, то-то вотъ я и говорю, ваше благородіе, про поджогъ“. — Ну, что вы можете дальше разсказать, дальше, дальше что? — „Дальше, ваше благородіе, она впередъ, а я за ей, она отъ меня я за ей, она сейчасъ это въ проулокъ, овсами, мимо батюшки-священника, а у батюшки-священника собаки злющія, гамъ, гамъ, накинудись это; ну, извѣстное дѣло — женскаго сословія — испужалась“. — Кто это женскаго сословія? — „Да, говорю, телушка-то женскаго сословія; кабы бычекъ, — бычекъ-бы на рога сейчасъ подхватилъ, а эта спужалась, хвостъ задрала, бѣжитъ, я за ней, она отъ меня, я за ней, она отъ меня“. — Да постоитъ вы, я васъ не про телушку, а про пожаръ спрашиваю, я вамъ который разъ говорю. Скажите, вѣтеръ былъ въ этотъ день? — „Чаво это?“ — Вѣтеръ, вѣтеръ дулъ въ этотъ день? — „Вѣтеръ происходилъ, словъ нѣтъ.“ — Какъ-же дулъ вѣтеръ. — „Вѣтеръ? прямо такъ, скрось. Я за ней, она отъ меня, я за ней.“ — Да ну васъ, я не про телушку васъ спрашиваю, а про пожаръ. Который вамъ разъ говорю. — „Да, ваше благородіе, я, значить, за ней, она отъ меня, добѣжалъ до старостинаго дома, смотрю — около самага дома привязана стоитъ. Ваше

благородіе, староста, вѣдь, стащилъ, ваше благородіе, нельзя-ли на счетъ телушки-то похлопотать, намъ бы на счетъ телушки, потому староста такой человекъ, окромѣ судьи никто вѣдь его взять не можетъ“.—Да слушайте, я васъ про пожаръ спрашиваю.—„Да что мнѣ пожаръ, ваше благородіе, хоть они тамъ пущай всѣ горятъ, мнѣ телушка-то дороже домовъ ихъ“.—Да вѣдь вы же сами могли сгорѣть?—„Что вы, ваше благородіе, какъ мы сгорѣть можемъ?“—Да вѣдь вы же изъ Малиновки?—„Изъ Малиновки-то, изъ Малиновки, а только что мы четыре версты въ сторону живемъ, на выселкахъ“.—А вы говорите изъ Малиновки. Какъ ваше имя?—„Ляксѣй, Ляксѣй“.—Да вы, должно быть, не тотъ свидѣтель, ваша фамилія какъ?—„Чаво это?“—Фамилія, фамилія... Ну, вотъ Алексѣй, а дальше какъ?—„Пономаревъ“.—А вы говорите, Комаръ!—„Что вы, ваше благородіе, какой Комаръ, это насъ такъ-то мужики дразнятъ, а по паспорту мы всегда Пономаревы, ха-ха-ха-ха“.

№ 21155.

Н. П. Мальскій.

Тостъ купца.

Во время голодовки въ Россіи американцы прислали хлѣба. По этому поводу въ Москвѣ собирается парадный обѣдъ, съ цѣлью чествовать иностранцевъ; на обѣдѣ присутствуетъ масса приглашенныхъ, присутствуетъ генералитетъ, архіерей, именитое купечество и такъ далѣе. Встаетъ одинъ изъ американцевъ и держитъ блестящую рѣчь на англійскомъ языкѣ, никто половины не понялъ, кричатъ: ура, да здравствуетъ Америка. На обѣдѣ, между прочимъ, только что появился купецъ, который только что вернулся съ имениннаго завтрака: на именинахъ онъ достаточно нагрузился, находился въ прекрасномъ настроеніи духа, очень тронулся рѣчью американца и, желая непременно поблагодарить, обратился къ своему сосѣду, генералу:—„Ваше превосходительство, я хочу рѣчь махнуть: надо американцевъ поблагодарить“.—Сдѣлайте одолженіе, голубчикъ, пожалуйста, какъ вамъ угодно, это ваше дѣло.—„Ваше превосходительство, я хочу рѣчь махнуть“.—Пожалуйста, пожалуйста, сдѣлайте одолженіе.—„Тостъ! Хотя американцы и нехристи, а умная, собачья, нація; то есть такіе они, скоты, работники, что русскихъ за поясъ заткнутъ съ нашимъ удовольствіемъ. Къ примѣру сказать, каждый изъ нихъ, подлець, всякому мастерству обученъ и всякую гадость одинъ способенъ сдѣлать, и отъ такой націи намъ почетъ! благодарю! то-есть во какъ благодарю. Инженеры, пушки, все стъ нихъ, въ 24 часа желѣзную дорогу черезъ всю Европу, мерзавцы, строятъ, черезъ Атлантическій океанъ мостъ, то-есть во какъ разодолжили, и отъ такой націи намъ почетъ! благодарю! за всю Россію благодарю! Инженеры, говорю, пушки, граммофоны, сапожный

товаръ, доктора, пролетки, адвокаты, гвозди, ка-
лоши, всякое свинство, все отъ нихъ, и поэтому
перво-на-перво, за процвѣтаніе русскаго купечества,
а во-вторыхъ, за всѣхъ православныхъ христіанъ и
въ третьихъ, потому, какъ мы этому обстоятельству
рады, отъ полноты сердца, прямо во какъ, однимъ
словомъ, черезъ чуръ, также, напимѣрь, больше
никакихъ словъ не хватаетъ, потому американцы,
они, они все могутъ... За здоровье преосвященнаго,
урра!

№ 21389.

Б. С. Борисовъ.

Хирургія.—Разсказъ Чехова.

Земская больница. За отсутствіемъ доктора, боль-
ныхъ принимаетъ фельдшеръ Курятинъ.

Въ приемную входитъ дьячекъ Вонмигласовъ.

— Ааа... мое вамъ!—Съ чѣмъ пожаловали?

— Съ воскреснымъ днемъ васъ, Сергѣй Кузь-
мичъ... Къ вашей милости... Истинно и правдиво въ
псалтыри сказано, извините... „питіе мое съ пла-
чемъ растворяхъ“. Съль намереніи со старухой чай
пить и—ни Боже мой, ни капельки, ни синь-порохъ,—
хоть ложись, да помирай.. Хлебнешь чуточку—и
силы моей нѣту! А кромѣ того, что въ самомъ зубѣ,
но и всю эту сторону... такъ и ломить, такъ и ло-
мить! Въ ухо отдастъ, извините, словно въ немъ
гвоздикъ или другой какой предметъ. Согреѣшихомъ
и беззаконовахомъ...

— М-да... Садитесь... Раскройте ротъ!..

— Гликерія Анисимовна, дай Богъ имъ здоровья,
дали на руку ниточку носить съ Аѳонской горы, да
велѣли теплымъ молокомъ зубъ полоскать, а я, при-
знаться, ниточку то надѣлъ, а въ отношеніи молока
не соблюлъ; Бога боюсь, постъ...

— Предразсудокъ... Вырвать его нужно, Ефимъ
Михеичъ!

— Вамъ лучше знать, Сергѣй Кузьмичъ. На то
вы и поставлены, дай Богъ вамъ здоровья, чтобы
мы за васъ денно и нощно, отцы родные... по гробъ
жизни...

— Пустяки... хирургія пустяки... Тутъ во всемъ
привычка, твердость руки... Разъ плюнуть... Намедни
тоже, вотъ какъ и вы, пріѣзжаетъ въ больницу по-
мѣщикъ Александръ Ивановичъ Египетскій... Тоже
съ зубомъ... Христомъ Богомъ молитъ: вырвите вы
мнѣ его, Сергѣй Кузьмичъ! Отчего же не вырвать?
Вырвать можно. — Ну-съ, раскройте ротъ пошире...

— Благодѣтели вы наши... Намъ, дуракамъ, и
невдомекъ, а васъ Господь просвѣтилъ...

— Не разсуждайте, ежели у васъ ротъ раскрытъ...

— Отцы наши... Мать Пресвятая... Ввв... Не тово
не тово... какъ его?

— Не хватайте руками! Пустите руки!

— Отцы... радѣтели... Ангелы! Ого-го... Да дер-
гай же, дергай! Чего пять лѣтъ тянешь?

— Дѣло-то вѣдь... хирургія... Сразу нельзя... Вотъ, вотъ...

Проходятъ мучительнѣйшія полминуты—ищипцы срываются съ зуба.

— Тянулъ!—Чтобъ тебя такъ на томъ свѣтѣ потянуло! Благодаримъ покорно! Коли не умѣешь рвать, такъ не берись! Свѣта Божьяго не вижу...

— А ты зачѣмъ руками хватаешь?—Дура!

— Самъ ты дура!

— Ты думаешь, мужикъ, легко зубъ-то рвать? Господину Египетскому, Александру Иванычу рвалъ, да и тотъ ничего. Садись! Садись, тебѣ говорю! Раскрой ротъ... Хирургія, братъ, не шутка... Это не на кліросѣ читать... Такъ и знай!

Вонмигласовъ сидитъ минуту неподвижно, словно безъ чувствъ.

— Паршивый чортъ...—выговариваетъ онъ.—Насажали васъ здѣсь, иродовъ, на нашу погибель!

— Поругайся мнѣ еще тутъ... Невѣжа... Господинъ Египетскій, Александръ Ивановичъ, въ Петербургѣ лѣтъ семь жилъ... одинъ костюмъ рублей сто стоитъ... да и тотъ не ругался... А ты что за пава такая? Ништо тебѣ, не околѣешь!

Дьячокъ беретъ со стола свою просфору и, придерживая щеку рукой, уходитъ во-свояси.